

Самарский государственный социально-педагогический университет
Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
Самарское археологическое общество
Научно-производственный центр «Бифас»

АРХЕОЛОГИЯ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ

Выпуск 3

САМАРА
2023

УДК 902/904
ББК 63.4 (4 Сам)
А87

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Самарского государственного социально-педагогического университета

Редакционная коллегия:

к.и.н. В.Н. Мышкин (отв. редактор), д.и.н. А.А. Хохлов, А.В. Денисов,
Ю.И. Колев, к.и.н. Р.Р. Саттаров, к.и.н. М.А. Турецкий

Рецензенты:

д.и.н. А.Д. Таиров
к.и.н. Л.А. Краева

А87 **Археология ранних кочевников Евразии. Выпуск 3. – Самара: СГСПУ, 2023. – 154 с., илл.**

ISBN 978-5-8428-1236-3

Сборник научных статей посвящен публикации и анализу археологических и остеологических материалов из курганов ранних кочевников Евразии, проблемам хронологии и культурной атрибуции древностей этого периода, реконструкции социальной структуры кочевого скотоводческого населения евразийских степей в раннем железном веке

Книга адресована археологам, антропологам, этнографам, краеведам, преподавателям вузов и школ, студентам, всем интересующимся археологией и древней историей.

На обложке: фото могильника Уркач I (Казахстан, Актюбинская область, Мугалжарский район, фотография Б.М. Мелисова); фотография золотой бляшки из погребения 2 кургана 2 Андреевского курганного могильника (хранится в фондах Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина).

ISBN 978-5-8428-1236-3

Сборник подготовлен к печати и издан при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-18-00194 «Эпохальная трансформация культурного и физического облика населения юга Среднего Поволжья и Приуралья в период неолит-ранний железный век по источникам археологии, антропологии, генетики» (руководитель А.А. Хохлов).

Издание сборника осуществлено при финансовой поддержке ООО НПЦ «Бифас»

К 90-ЛЕТИЮ ГАЛИНЫ ИВАНОВНЫ МАТВЕЕВОЙ

© 2023 А.В. Богачев, В.Н. Мышкин

Аннотация. Статья написана в честь с 90-летия известного археолога, кандидата исторических наук, профессора Самарского государственного университета Г.И. Матвеевой. Г.И. Матвеева внесла значительный вклад в исследование эпохи средневековья Среднего Поволжья. Г.И. Матвеева обращалась также к проблематике сарматской археологии и роли сарматских племен в исторических процессах, происходивших на территории Южного Средневожья. В статье рассматривается мнение Г.И. Матвеевой об участии ираноязычных сарматов в сложении населения, оставившего памятники лбищенского типа на Средней Волге. Приводятся сведения об исследованных Г.И. Матвеевой курганных могильниках, содержащих погребальные комплексы ранних кочевников савроматского и сарматского времени.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, археология, раскопки, ранний железный век, раннее средневековье, археологические памятники, сарматы.

TO THE 90TH ANNIVERSARY OF GALINA IVANOVNA MATVEEVA

© 2023 A.V. Bogachev, V.N. Myshkin

Abstract. The article was written in connection with the 90th anniversary of the famous archaeologist, candidate of historical sciences, professor of Samara State University G.I. Matveeva. G.I. Matveeva made a significant contribution to the study of the Middle Ages in the Middle Volga region. G.I. Matveeva addressed the problems of Sarmatian archaeology and the role of Sarmatian tribes in the historical processes that took place in the territory of the Southern Middle Volga region. The article discusses the opinion of G.I. Matveeva about the participation of Iranian-speaking Sarmatians in the formation of the population that left monuments of the Lbishchen type in the Middle Volga. Information about the studied G.I. Matveeva burial mounds containing burial complexes of early nomads of the Sauromatian and Sarmatian times.

Keywords: Middle Volga region, archaeology, excavations, Early Iron Age, Early Middle Ages, archaeological sites, Sarmatians.

Г.И. Матвеева на раскопках Переволоцкого городища. 1988 г.

В этом году, 27 июля исполнилось девяносто лет со дня рождения Галины Ивановны Матвеевой – известного археолога, преподавателя Самарского государственного университета. Переехав в 1969 году в г. Куйбышев, Г.И. Матвеева стала одним из первых сотрудников только что открывшегося университета и основателем современной самарской археологической школы. С этого времени и до конца жизни научная деятельность Галины Ивановны была связана с археологическим изучением Среднего Поволжья. Ею была организована Средневожская археологическая экспедиция, исследования которой продолжаются до настоящего времени.

Основная тематика научных работ Г.И. Матвеевой была связана с эпохой раннего средневековья, однако ее интересовали и другие периоды в истории нашего региона. В частности, Галина Ивановна обращалась к проблематике сарматской археологии и роли сарматских племен в исторических процессах, происходивших на территории Южного Средневожья.

Безусловно, самым резонансным открытием Г.И. Матвеевой стало установление культурной и генетической преемственности между населением имен-

ковской культуры Среднего Поволжья и протославянскими культурами Поднепровья.

Следует отметить, что в первоначально сформулированный тезис о зарубинецких корнях «именьковцев» (Матвеева, 1981) со временем ею были внесены значительные коррективы. Это было обусловлено появлением новых археологических материалов, которые привели к изменению взглядов исследователей на вопросы формирования этнокультурной среды на Среднем Днепре в первые века нашей эры.

В частности, произошла переоценка масштабов сарматского присутствия в регионе и степени их влияния на протославянское население.

Письменные источники первых веков н.э. свидетельствуют о существовании метисированных этнических групп. На Певтингеровой карте имя венеды-сарматы (*venadisarmatae*) помещено на самом побережье Северного океана над Дунаем, северо-западнее горного массива с названием *Alpes Bastarnice*, т.е. Бастарнские Альпы. При нанесении этого этнонима на современную карту он оказывается севернее или северо-восточнее Карпатских гор – в верховьях Вислы и Днестра (Седов, 1994. С. 6).

«Условия обитания западных сарматов – не цельным этническим массивом, а вперемешку с поселениями других племен – благоприятствовали тому, что западносарматская культура оказывала глубокое влияние на культуру соседей» (Рикман, 1975. С. 65).

Римский историк Корнелий Тацит (56–117 гг.) в своем труде «О происхождении германцев и местоположении Германии» отмечает: «Из-за смешанных браков их облик становится все безобразнее, и они приобретают черты сарматов. Венеды переняли многое из их нравов» (Тацит Корнелий, 1993. С. 372).

Открытие и исследование на Средней Волге биритуальных могильников (Коминтерн II, Ташкирмень) и ряда городищ (Лбище, Переволоки, Старая Майна) позволили говорить об этнической неоднородности населения именьковской культуры.

Е.П. Казаков, автор раскопок Коминтерновского II могильника, пишет, «... что он оставлен представителями турбаслинско-именьковской общности. Судя по детально представленному костюму в именьковско-турбаслинских памятниках, данное население, скорее всего, связано с поздними сарматами» (Казаков, 2004. С. 283–284).

Г.И. Матвеева, исследовавшая городище Лбище, отмечала, что «судя по характеру вещей и типам жилищ, население, оставившее памятники лбищенского типа, было пришлым, причем, возможно, оно состояло из разных по происхождению групп населения: ираноязычных сарматов, пришедших из Верхнего и Среднего Подонья, и праславян из Поднепровья» (Матвеева, 2007. С. 213).

Имеющиеся сегодня факты – наличие биритуальных (наряду с моноритуальными) могильников, различные (полуземлянки и большие дома) домостроительные традиции, неоднородные керамические комплексы – позволяют говорить о том, что потомки венедо-сарматов – «именьковцы»-анты были народом, включившим в себя разные этнические группы (Богачев и др., 2021. С. 138–170).

Говоря о материалах новинковского типа VII–VIII вв., Г.И. Матвеева отмечала их сходство с салтовомаяцкой культурой Приазовья, Подонья, Крыма и Подунавья, оставленной аланами и болгарами (Васильев, Матвеева, 1986. С. 160; Матвеева, Богачев, 2000. С. 171).

Таким образом, современное понимание сложных этнокультурных процессов, акторами которых были пришедшие во II–VIII вв. н.э. на Среднюю Волгу венедо-сарматы и болгаро-аланы, во многом сформировано работами Галины Ивановны Матвеевой.

Огромное значение для изучения древнего и средневекового периодов в истории Среднего Поволжья имеют полевые работы, проводившиеся Г.И. Матвеевой. Она осуществляла раскопки таких интереснейших памятников, как энеолитический могильник у с. Съезжее, поселение эпохи бронзы у с. Михайло-Овсянка, раннесредневековые городища у сел Лбище и Кармалы, курганы ранних болгар у с. Новинки, средневековый болгарский город «Муромский городок», Сухореченское селище золотоордынского времени. К числу этих памятников следует отнести также Гвардейский I и Андреевский курганные могильники, при исследовании которых были открыты погребальные комплексы ранних кочевников савроматского и сарматского времени. Это стало существенным вкладом в формирование источниковой базы исследования кочевых ираноязычных племен раннего железного века в Среднем Поволжье (Матвеева, Скарбовенко, 1976. С. 147–173; Матвеева, 2006. С. 377–379; Мышкин, Скарбовенко, 2010. С. 87–100).

ЛИТЕРАТУРА

Богачев А.В., Кузнецов А.В., Хохлов А.А. Сармато-аланская составляющая в этногенезе средневожских славян (итоги и перспективы дискуссии о происхождении именьковской культуры) // Археология ранних кочевников Евразии. Вып. 2. Самара:

СГСПУ, 2021. С. 138–170.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев: Куйбышевское книжное изд-во, 1986. 232 с.

Казаков Е.П. Новые материалы к проблеме интер-

претации именьковских древностей // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2. Самара: Самарский университет, 2004. С. 281–284.

Матвеева Г.И. О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев: КГУ, 1981. С. 52–73.

Матвеева Г.И. Погребение савроматского времени у с. Андреевка в Самарском Заволжье // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара: Научно-технический центр, 2006. С. 377–379.

Матвеева Г.И. Памятники лбищенского типа // Древние культуры и этносы Самарского Поволжья. Самара: Самарский дом печати, 2007. 416 с.

Матвеева Г.И., Богачев А.В. Памятники раннеболгарского времени // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный

век и средневековье. М.: Наука, 2000. С. 155–188.

Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А. Курганный могильник у с. Гвардейцы // Очерки истории и культуры Поволжья. Вып. 2. Куйбышев: КГУ, 1976. С. 147–173.

Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А. Ранние кочевники Самарского Поволжья: история и итоги изучения // Краеведческие записки СОИКМ им. П.В. Алабина. 40 лет Средневолжской археологической экспедиции. Вып. 15. Самара: Офорт, 2010. С. 87–100.

Рикман Э.А. Этническая история населения Поднепровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М.: Наука, 1975. 336 с.

Седов В.В. Славяне в древности. М.: Фонд археологии, 1994. 344 с.

Тацит Корнелий. Сочинения в двух томах. Т. I. М.: Ладомир, 1993. 445 с.

ПОЛОВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА СЕРЕДИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н.Э.

© 2023 А.Х. Чиркова

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20253.

<https://rscf.ru/project/22-28-20253.3>

Аннотация. Статья посвящена исследованию погребального обряда представителей разных половозрастных групп кочевников Южного Урала середины I тысячелетия до н.э. В тексте проводится анализ 70 погребений из памятников второй половины VI – V в. до н.э. и конца V – IV в. до н.э. Исследовались захоронения индивидов, пол и возраст которых были определены палеоантропологами. Половозрастные группы рассматривались по категориям биологического возраста: *Infantilis I*, *Infantilis II*, *Juvenilis*, *Adultus*, *Maturus* и *Senilis*. По результатам исследования были выявлены различия между погребениями представителей разных половозрастных групп. Детские погребения ранних кочевников Южного Урала совершались по упрощенному погребальному обряду. Наиболее высокий социальный статус в обществе ранних кочевников во второй половине VI – V в. до н.э., вероятно, занимали представители возрастной категории *Juvenilis*, а в конце V – IV в. до н.э. – индивиды категории *Adultus*. Инвентарь, обнаруженный вместе с погребенными возрастной категории *Maturus* и *Senilis*, соответствовал половой принадлежности погребенных и был представлен значительным количеством украшений и предметов культа в женских захоронениях и оружием – в мужских. Возможно, это связано с тем, что члены общества старшей возрастной группы не теряли своей социальной значимости в глазах общественности и продолжали выполнять свои гендерные роли и социальные функции, несмотря на свой возраст. Все заключения имеют предварительный характер. В дальнейшем необходимо пополнить базу данных погребениями с известными половозрастными определениями для проведения реконструкции половозрастной структуры кочевого населения Южного Урала.

Ключевые слова: ранний железный век, Южный Урал, социальная археология, возрастные категории, половозрастные группы.

SEX AND AGE GROUPS OF THE EARLY NOMADS OF THE SOUTHERN URALS IN THE MIDDLE OF THE 1ST MILLENNIUM BC

© 2023 A.Kh. Chirkova

Abstract. The article is devoted to the study of the funeral rite of representatives of different gender and age groups of the nomads of the Southern Urals in the middle of the 1st millennium BC. The text analyzes 70 burials from the sites of the second half of the 6th–5th centuries BC and the end of the 5th–4th centuries BC. The burials of individuals whose sex and age were determined by paleoanthropologists were studied. Sex and age groups were considered according to the categories of biological age: *Infantilis I*, *Infantilis II*, *Juvenilis*, *Adultus*, *Maturus* and *Senilis*. According to the results of the study, differences were revealed between the burials of representatives of different sex and age groups. Children’s burials of the early nomads of the Southern Urals were performed according to a simplified funeral rite. The highest social status in the society of early nomads in the second half of the 6th–5th centuries BC, were represented by the *Juvenilis* age category, and at the end of the 5th–4th centuries BC – by individuals of the category *Adultus*. The inventory found together with the buried of the *Maturus* and *Senilis* age category corresponded to the gender of the buried, and was represented by a significant amount of jewelry and religious objects in the female burials, and weapons in the male ones. This is probably due to the fact that members of society of the older age group did not lose their social significance in the eyes of the public and continued to fulfill their gender roles and social functions despite their age. All conclusions are preliminary. In the future, it is necessary to replenish the database with burials with known sex and age in order to reconstruct the sex and age structure of the nomadic population of the Southern Urals.

Keywords: Early Iron Age, Southern Urals, social archaeology, age categories sex and age groups.

Наиболее распространенной практикой изучения социальной структуры, как правило, является выделение половозрастных и имущественно-дифференцированных групп (Ольховский, 1995. С. 89). Иными сло-

вами, социальное пространство можно рассматривать как по «горизонтали», так и по «вертикали» (Васютин и др., 2005. С. 238; Берсенева, 2011; Балабанова, 2009). Известно, что в традиционных культурах соотноше-

ние населения по социальным группам определяется естественным разделением труда, которое появляется вследствие половозрастных различий (Кислый, 1985. С. 169; Бунятян, 1985. С. 58). В свою очередь, половозрастные группы могли в той или иной степени характеризоваться различиями во внешнем виде, одежде, нормах поведения, престиже, привилегиях и т.д., что, в свою очередь, делает их доступными для исследования в социальном ключе, оставаясь в рамках своих биологических характеристик (Берсенева, 2011).

Тема возрастных и гендерных групп в обществах Евразии раннего железного века достаточно изучена. Половозрастную структуру населения Горного Алтая в скифскую эпоху исследовали П.К. Дашковский и А.А. Тишкин (Дашковский, Тишкин, 2005). Социальному анализу, в том числе половозрастными аспектами населения саргатской культуры, посвящены работы Л.Н. Коряковой, Н.П. Матвеевой, Н.А. Берсеневой (Корякова, 1988; Матвеева, 1999; Берсенева, 2011). Вопросы половозрастной дифференциации в скифском обществе в своих исследованиях затрагивали А.М. Хазанов и Е.П. Бунятян (Хазанов, 1975; Бунятян, 1985). Отражение возрастной стратификации савромато-сарматских племен эпохи раннего железа в погребальной обрядности исследовал Н.Е. Берлизов (Берлизов, 2011). Аспектами социальной структуры ранних кочевников Подонья занимались В.Д. Березуцкий и Е.В. Вдовченков (Березуцкий, 1995, 2019; Вдовченков, 2013). М.А. Балабановой вместе с соавторами была опубликована коллективная монография, посвященная изучению половозрастной структуры сарматского населения Нижнего Поволжья (Балабанова и др., 2015).

В рамках палеосоциального изучения ранних кочевников Евразии проводились отдельные исследования женских, мужских и детских погребений.

Женские погребения рассматривались в работах по ранним кочевникам Северного Причерноморья (Фиалко, 2011), Подонья (Гуляев, Савченко, 1998), Алтая (Полосьмак, 2001). Проводились исследования женских погребений из памятников раннего железного века Южного Урала (Стрижак, 2006; 2008; Davis–Kimball, Yablonsky, 1995–1996; Davis–Kimball, 1997; 1997–1998; Гильмитдинова, 2016; Берсенева, 2020).

Исследовательский интерес представляли также мужские (Стрижак, 2006; Багаутдинов, Мышкин, 2013а; 2013б) и детские погребения ранних кочевников Южного Урала (Берсенева, Гильмитдинова, 2013; Проценко, 2017; Савельев, 2019).

Вопросы исследуемой темы ранее рассматривались автором в диссертационном исследовании (Гильмитдинова, 2021).

В кратком историографическом обзоре данной статьи приведены лишь основные работы. В действительности список научных трудов, посвященных из-

учению затрагиваемых аспектов, например, вопроса изучения женских захоронений ранних кочевников, намного обширнее. Следует отметить, что специальных исследований, посвященных изучению погребальной обрядности индивидов, биологические пол и возраст которых определены физическими антропологами, представлены в отечественной литературе единичными работами. Такие исследования представляются особенно важными, так как, если не рассматривать погребальный обряд в связи с половозрастными характеристиками захороненных индивидов, вероятен риск потери ценной информации, необходимой для реконструкции социальной роли и статуса отдельных индивидов, в частности, и устройства половозрастной («горизонтальной») структуры древнего населения в целом.

Ранее автором уже были предприняты попытки исследования возрастных групп в обществе ранних кочевников Южного Урала VI–IV вв. до н.э., где были рассмотрены захоронения только взрослой и детской возрастных групп (Чиркова, 2023).

Следующий и логичный шаг в этом направлении должен заключаться в изучении мужских и женских захоронений, где исследовались бы погребения только с антропологическими определениями биологического пола. Пол умершего является важным аспектом при изучении погребальной практики, так как выявление признаков погребального обряда, связанных с полом погребенного, может помочь в определении социальных ролей мужчин и женщин. Но, учитывая значительное количество уже существующих работ, посвященных этой теме, в данном исследовании этот аспект временно не рассматривается.

Данный этап работы заключается в изучении захоронений индивидов, пол и возраст которых известны по палеоантропологическим определениям. По нашему мнению, такой анализ позволит выявить наличие или отсутствие динамики изменчивости погребального обряда, согласно которому были похоронены представители разного пола и возраста, и тем самым позволит избежать значительных ошибок при дальнейшем исследовании половозрастных групп в древнем обществе.

Целью настоящей работы является изучение половозрастных групп ранних кочевников Южного Урала второй половины VI – IV в. до н.э.

Материалы и методы

Всего в работе было проанализировано 70 одиночных захоронений ранних кочевников из погребальных памятников Южного Урала второй половины VI – IV в. до н.э. (Табл. 1).

В анализ были включены захоронения из следующих памятников Южного Приуралья и Зауралья: Филипповка 1 (кург. 1, 4, 29, 30) (Яблонский, 2008, 2009, 2014а, 2014б), Филипповка 2 (кург. 1, 2, 4, 5) (Яблон-

ский, 2011, 2012; Рукавишникова, 2010), одиночные курганы Яковлевка II (Сиротин, 2010), Яковлевка VI, Яковлевка VIII (Сиротин, 2013а), Авласовские курганы (кург. 2, 3) (Сиротин, 2012), Кырык-Оба II (кург. 2) (Гуцалов, 2011), Переволочан I (кург. 11) (Сиротин, 2008), Переволочан II (кург. 4) (Сиротин, 2011), Три Мара (кург. 2) (Смирнов, 1981), Ивановские I курганы (кург. 5) (Сиротин, 2014), Пятимары I (кург. 6), Тара-Бутак (кург. 2), Близнецы (кург. 3), Увак (кург. 2, 4, 5, 6, 7), Мечетсай (кург. 6, 9) (Смирнов, 1975), Новый Кумак (кург. 26) (Смирнов, 1977), Лебедевка IV (кург. 16, 21, 22), Лебедевка V (кург. 7, 9), Лебедевка VI (кург. 15, 25, 34), Лебедевка VII (кург. 5, 16) (Железчиков и др., 2006), Шиханы (кург. 9) (Смирнов, Попов, 1972), III Аланд-

стновала. Поэтому в работе была использована схема возрастных когорт, принятая в методическом руководстве В.П. Алексеева и Г.Ф. Дебеца.

Так как источниковая база исследования включает в себя только захоронения с половозрастными определениями, то к анализу была представлена лишь небольшая выборка индивидов. Если допускать вероятность того, что переход из одной возрастной категории в другую мог сопровождаться изменениями в социальном статусе, то возможно, что и на небольшом количестве анализируемых погребений нам удастся зафиксировать эту динамику. Также нам хорошо известно, что для получения корректных результатов к анализу следует привлекать как можно больше материала для состав-

Таблица 1. Число индивидов с половозрастными определениями из памятников ранних кочевников второй половины VI – IV в. до н.э.

Период	<i>Infantilis I</i>		<i>Infantilis II</i>		<i>Juvenilis</i>		<i>Adultus</i>		<i>Maturus</i>		<i>Senilis</i>		Всего
	-	-	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	
Вт. пол. VI – V в. до н.э.	2	1	2	1	1	5	2	9	2	2			27
	7,4%	3,7%	7,4%	3,7%	3,7%	18,5%	7,4%	33,3%	7,4%	7,4%			100%
Кон. V – IV в. до н.э.	1	3	3	-	10	4	13	6	1	2			43
	2,3%	6,9%	6,9%	-	23,3%	9,3%	30,2%	13,9%	2,3%	4,6%			100%

ская группа (кург. 2, 5) (Мошкова, 1972), Покровка 1 (кург. 2), Покровка 2 (кург. 25) (Яблонский и др., 1994) и Покровка 8 (кург. 1) (Моргунова, Трунаева, 1993).

К исследованию привлекались только те захоронения, костные останки из которых были изучены палеоантропологами. Антропологические определения принадлежат М.С. Акимовой, Т.С. Кондукторовой, Н.А. Дубовой, Л.Т. Яблонскому, С.Г. Ефимовой, В.В. Куфтерину и А.И. Нечвалюде¹.

Для изучения палеоантропологического материала характерно подробное разбиение на возрастные группы, которое основано на стадиях возрастных изменений скелета. Одним из таких примеров является градация категорий биологического возраста, представленная в методическом руководстве по краниометрии (Алексеев, Дебец, 1964), в котором выделены следующие возрастные категории: *Infantilis I* (до появления первых постоянных моляров); *Infantilis II* (до появления вторых постоянных моляров); *Juvenis* (до закрытия основно-затылочного шва); *Adultus* (приблизительно до 30–35 лет); *Maturus* (приблизительно до 50–55 лет); *Senilis* (старше 55 лет) (Алексеев, Дебец, 1964. С. 39). На текущий момент существуют и другие, более подробные схемы разбиения на категории биологического возраста (Пежемский, 2003. С. 255), но, в силу специфики исследуемого материала, надобность в изучении более подробных возрастных групп отсут-

ствия репрезентативной выборки. Автор осознает, что результаты, полученные в данной работе, не являются окончательными, могут быть неточны в связи с малой выборкой и в любом случае требуют обсуждения.

При работе с археологическим материалом и его обработке был применен контекстуальный метод исследования, который заключается в исследовании объектов в «контексте», то есть взаимосвязи объектов и условий их нахождения (Корякова, 1988; Берсенева, 2011. С. 28).

Анализ

Анализ погребенных возрастной категории *Infantilis I*

К возрастной категории *Infantilis I* относятся индивиды с младенческого возраста и примерно до 6–7 лет (Алексеев, Дебец, 1964).

Было рассмотрено всего два непогребенных захоронения второй половины VI – V в. до н.э. этой возрастной категории: дети 1–2 лет (Филипповка 2, кург. 5, погр. 7) и 7–8 лет (Увак, кург. 5, погр. 3). Оба погребения были совершены в простых грунтовых ямах в юго-западном секторе курганов. Размеры могильных ям соответствовали размерам тел усопших: 78×40 см в первом случае, и 145×75 см – во втором. Погребение ребенка из могильника Филипповка 2 было ориентировано по линии СЗ-ЮВ, а из могильника Увак – по линии С-Ю. Костяки лежали на спине, головой ориентированы на северо-запад и юг. Детское захоронение из мо-

¹ Автор выражает благодарность антропологам В.В. Куфтерину и А.И. Нечвалюде за возможность использовать в работе неопубликованные половозрастные определения.

гильника Увак оказалось безынвентарным, ребенок из Филипповки 2 был погребен с лепным сосудом.

В памятниках конца V – IV в. до н.э. к возрастной категории *Infantilis I* относилось непотревоженное погребение ребенка 5–7 лет из могильника Лебедевка VII (кург. 5, погр. 2). Захоронение было совершено в центре кургана в простой яме размерами 155×85 см, которое было ориентировано меридионально. В погребении были обнаружены железный кинжал, глазчатая бусина, фрагмент лепного кувшина и железный нож.

Анализ погребенных возрастной категории Infantilis II

К возрастной категории *Infantilis II* относятся индивиды с 7–8 лет до появления вторых постоянных моляров (примерно 12–14 лет) (Алексеев, Дебец, 1964).

Среди погребений второй половины VI – V в. до н.э. было обнаружено одно захоронение ребенка возрастной категории *Infantilis II* (12–14 лет) (Увак, кург. 5, погр. 5.). Захоронение было совершено в южном секторе кургана. Простая грунтовая яма имела размеры 200×130 см и была ориентирована по линии ВСВ-ЗЮЗ. Погребение безынвентарное.

Детских захоронений этой возрастной категории конца V – IV в. до н.э. всего три (Авласовские курганы, кург. 2, погр. 1; кург. 3, погр. 1; Шиханы, кург. 9, погр. 3). Погребения не потревожены. Захоронения совершены в юго-восточном и восточном секторах курганов. Размеры ям варьировали от 128×77 см до 248×200 см. Ориентированы ямы меридионально или широтно. В одном случае погребение совершено в простой грунтовой яме, в остальных двух – в яме с подбоем и катакомбе.

Погребение из кургана 2 Авласовского могильника было безынвентарным. В захоронении из кургана 3 этого же могильника были найдены остатки кожаного колчана с бронзовыми наконечниками стрел, костяной ложечкой, галькой и фрагментом бронзового изделия. В погребении из могильника Шиханы были обнаружены два глиняных плоскодонных сосуда.

Анализ погребенных возрастной категории Juvenilis

К категории *Juvenilis* относятся погребенные от 14–15 до 18–20 лет (Алексеев, Дебец, 1964). В некоторых случаях по костным останкам этой возрастной категории уже возможно определение пола.

В памятниках второй половины VI – V в. до н.э. было рассмотрено три захоронения с погребенными этой возрастной категории: мужское и два женских.

Захоронение молодого мужчины было обнаружено в центральной части кургана 2 могильника Кырык-Оба II. Размеры могильной ямы отличались своей обширностью (560×390 см). Могильная яма прямоугольной формы, ориентирована меридионально, ограблена. Захоронение было совершено в яме с дере-

вянным перекрытием, на дне обнаружена деревянная рама.

Вместе с погребенным были найдены железные пластинки от доспеха, бронзовые подпружные бляхи, украшенные изображением волка, комплект конской узды, керамический сосуд, три фрагмента обкладки деревянной чаши из золотой фольги.

Женские захоронения из могильников Пятимары I (кург. 6, погр. 4) и Три Мара (кург. 2, погр. 2) были совершены в центре кургана в ямах размерами 280×230 см и 320×220 см. Оба захоронения были ориентированы по линии СВ-ЮЗ. Погребение из могильника Три Мара было совершено в яме с деревянным перекрытием.

В погребении молодой женщины (Пятимары I, кург. 6, погр. 4) были обнаружены: две золотые бляшки в виде оленя, серебряная чаша и деревянный сосуд с золотыми накладками в виде ноги копытного животного.

В захоронении из кургана Три Мара были выявлены: три золотые бусины, серебряные и стеклянные бусы, золотая и серебряная серьги из золота и серебра, плоскодонный лепной сосуд, костяная иголка и ложечка с вырезанной мордой волка на ручке, зеркало в деревянном чехле, раковины с красками.

В памятниках конца V – IV в. до н.э. были выявлены три захоронения возрастной категории *Juvenilis* (Филипповка 1, кург. 29, погр. 3, 4 и 6). Все захоронения женские, два из которых были совершены в восточном секторе, а третье – в юго-западной части курганного пространства. Два захоронения совершены в ямах с подбоями. Ямы характеризуются небольшими размерами: от 205×100 см до 250×175 см. Все погребения ориентированы меридионально.

В погребении 4 были обнаружены: железное кольцо, скопление золотых, стеклянных, каменных, пастовых бус и бисера, браслеты, фрагменты лепных сосудов, костяная ложечка, раковины *Grifea*, гальки, каменная палитра с каменным пестом, бронзовое зеркало, обломок железной иглы и железный нож.

В погребении 6 найдены: два керамических сосуда и остатки деревянного сосуда, панцирь черепахи и бронзовое зеркало.

Таким образом, женские захоронения ювенильного возраста были погребены по периферии кургана и совершены в небольших могильных ямах. Эти погребения отличаются тем, что с ними было положено достаточно много предметов, идентифицируемых как украшения, предметы культа и туалета. Престижные вещи в захоронениях молодых женщин не обнаружены.

Анализ погребенных возрастной категории Adultus

К возрастной категории *Adultus* относятся погребенные от 20 до 35 лет (Дебец, Алексеев, 1964).

В пяти погребениях второй половины VI – V в. до н.э. были похоронены мужчины и в одном – женщина

(III Аландский, кург. 2, погр. 1, 2; Увак, кург. 7, погр. 2; Покровка 8, кург. 1, погр. 7; Лебедевка VII, кург. 16, погр. 6).

Погребения мужчин совершены в восточном секторе, в центре кургана захоронение было выявлено только один раз. Размеры ям небольшие, от 170×105 см до 280×140 см. В большинстве случаев погребения имели широтную ориентировку. Все захоронения представлены простыми грунтовыми ямами.

Два погребения из могильников Увак и Покровка 8 оказались безынвентарными. Предметы вооружения найдены только в двух захоронениях, при которых в одном оно представлено только двумя наконечниками стрел (III Аландский, кург. 2, погр. 1), а во втором – железными мечом и колчанным крюком и двумя колчанами с наконечниками стрел (Лебедевка VII, кург. 16, погр. 6).

Женское захоронение было совершено в ЮВ секторе кургана (Филипповка 2, кург. 4, погр. 6) в овальной подбойной яме размерами 220×113 см. Костяк женщины лежал на спине, в вытянутом положении головой в сторону ЮЗ. Из погребального инвентаря с ней были оставлены: бронзовое зеркало, ракушки, лепной сосуд и железный нож, находившийся в костях мелкого рогатого скота.

Захоронений индивидов возрастной категории *Adultus* в памятниках конца V – IV в. до н.э. всего 14 (мужских – 4, женских – десять).

Мужские погребения (Филипповка 1, кург. 29, погр. 1; Переволочан I, кург. 11, погр. 4; одиночный курган Яковлевка II, погр. 9; Лебедевка IV, кург. 16, погр. 2) располагались в юго-западном, северо-западном, северном и восточном секторах курганов в простых грунтовых ямах, за исключением одного (одиночный курган Яковлевка II, погр. 9). Размеры могильных ям – от 220×90 см до 275×182 см. В двух случаях ямы ориентированы меридионально, и ещё в двух – по линиям СЗ-ЮВ и ВСВ-ЗЮЗ.

Захоронение из могильника Филипповка 1 было безынвентарным. Погребальный инвентарь из могильника Переволочан I представлен железным колчанным крюком, наконечниками стрел, круглодонным керамическим сосудом и каменным оселком. Погребение из Лебедевского IV могильника содержало две конических алебастровых ворворки, железные меч и нож, лепной круглодонный сосуд, каменный точильный камень. В погребении из кургана Яковлевка II были найдены: кожаный колчан с наконечниками стрел и с железным умбоном, железные колчанный крюк и меч с тремя золотыми ворворками, наконечник копья, бронзовый котел на поддоне с двумя ручками, серебряные оковки от полностью истлевшего деревянного сосуда и орнаментированный амулет в форме шара из белого мрамора.

Женские погребения (Авласовские курганы, кург. 3, погр. 2; I Ивановский, кург. 5, погр. 1; Лебедевка VI, кург. 25, погр. 1; Переволочан I, кург. 11, погр. 2; Филипповка 1, кург. 1, погр. 2; кург. 30, погр. 1; Филипповка 2, кург. 1, погр. 4; Яковлевка II, погр. 3, погр. 7; Яковлевка VI, погр. 11) были совершены в северо-западном, северо-восточном, восточном, западном, юго-западном секторах и в центральной части курганов. Большинство захоронений являлись впускными. Размеры ям варьировали от 210×75 см до 520×348 см. Погребения ориентированы в большинстве случаев по линиям СВ-ЮЗ и СЗ-ЮВ.

В пяти случаях погребения были совершены в простых грунтовых ямах, одно захоронение – в яме с дромосом, одно – в катакомбе и три – в ямах с подбоем. Ориентированы погребенные преимущественно головой в южном направлении.

Погребальный инвентарь в женских захоронениях представлен достаточно разнообразным набором инвентаря. Конская сбруя обнаружена только в трех случаях, предметы вооружения – в четырех. Украшения выявлены в девяти погребениях. Керамическая посуда обнаружена в пяти захоронениях. Металлическая посуда найдена в одном погребении, деревянные чаши с накладками из драгоценных металлов – в двух. Во всех 10 захоронениях встречались предметы культа и туалета. Предметы быта обнаружены в девяти погребениях. В шести захоронениях были обнаружены предметы из драгоценных металлов.

Анализ погребенных возрастной категории Maturus

К категории *Maturus* относятся погребенные от 35 до 55 лет (Алексеев, Дебец, 1964).

В памятниках второй половины VI – V в. до н.э. таких погребений всего 11 (мужских – девять, женских – два).

Захоронения мужчин (Лебедевка IV, кург. 21, погр. 2; Лебедевка V, кург. 7; Мечетсай, кург. 9, погр. 3; Новый Кумак, кург. 26, погр. 1; Покровка 2, кург. 25, погр. 1; III Аландский, кург. 5; Увак, кург. 2, погр. 4, кург. 6, погр. 2; Филипповка 2, кург. 4, погр. 4) в четырех случаях совершены в центральной части кургана. Размеры ям варьировали от 195×80 см до 300×150 см, ориентированы преимущественно широтно. В большинстве случаев представлены простыми грунтовыми ямами. Чаще всего погребенные были ориентированы головой на запад.

Конская сбруя выявлена в одном погребении (III Аландский, кург. 5). В этом же погребении (всего из трех) было найдено наибольшее количество оружия: колчан с наконечниками стрел, два колчанных крюка и железный кинжал. В четырех мужских погребениях найдены керамические лепные сосуды. В таком же количестве обнаружены предметы культа и туалета.

Два впускных женских погребения (Увак, кург. 7, погр. 1; Близнецы, кург. 3, погр. 1) были совершены в простых грунтовых ямах. Одно захоронение было совершено в западном секторе. Погребенные ориентированы головой на запад и юг.

Вместе с погребенной из Увакского могильника обнаружены россыпь бисера, раковины *Grifea*, половинка каменного жертвенника на ножках со следами красной краски внутри. Во втором захоронении был найден только один сосуд.

В памятниках конца V – IV в. до н.э. погребений этой возрастной группы 19 (мужских – 6, женских – 13).

Мужские захоронения (Ивановские I курганы, кург. 5, погр. 2; Лебедевка VII, кург. 16, погр. 2, 4; Переволочан I, кург. 11, погр. 1; Покровка 1, кург. 2, погр. 5; Филипповка 2, кург. 2, погр. 2) были совершены в восточном, западном и южном секторах кургана и в его центральной части. Погребения были ориентированы как широтно, так и меридионально.

В двух случаях захоронения были совершены в подбоях, один раз – в катакомбе, в остальных случаях – в простых грунтовых ямах.

Конская сбруя встречена в трех мужских погребениях, оружие – в пяти. Керамическая посуда и предметы быта присутствовали в четырех захоронениях, один раз зафиксированы остатки деревянной чаши.

Женские захоронения этой возрастной категории обнаружены в 13 случаях (Ивановские I курганы, кург. 5, погр. 3, 4; Переволочан I, кург. 11, погр. 3, 7; Переволочан II, кург. 4, погр. 3; Лебедевка VI, кург. 16, погр. 3; кург. 22, погр. 1; кург. 34; Лебедевка V, кург. 9, погр. 3; Филипповка 2, кург. 1, погр. 6; кург. 2, погр. 6; одиночный курган Яковлевка II, погр. 1; одиночный курган Яковлевка VIII, погр. 2). Эти захоронения встречались в западном, восточном, юго-восточном секторах и в центральной части кургана. Размеры могильных ям варьировали от 185×70 см до 420×360 см. Погребения были ориентированы по линиям С-Ю, СВ-ЮЗ, СЗ-ЮВ. В двух случаях обнаружены ямы с дромосом, в двух случаях – катакомбы, в пяти – в ямах с подбоями. Большинство погребенных были ориентированы головой на юг.

Конская сбруя представлена в двух комплексах, оружие – в трех. Украшения выявлены в восьми погребениях. Керамическая посуда обнаружена в семи погребениях. Деревянные чаши были найдены в двух случаях. Предметы культа, туалета и быта встречены в восьми женских захоронениях. Изделия из драгоценных металлов встречались в четырех комплексах.

Женские погребения встречаются почти во всех частях курганного пространства. Размеры могильных ям, в целом, соответствовали размерам тел погребенных. Преобладающей ориентировкой погребенных была южная. Среди погребального инвентаря в этих

женских комплексах чаще встречались украшения и предметы культа.

Анализ погребенных возрастной категории Senilis

К категории *Senilis* относятся погребенные старше 55 лет (Алексеев, Дебец, 1964).

В памятниках второй половины VI – V в. до н.э. было рассмотрено всего четыре индивидуальных погребения: два женских и два мужских.

Мужские индивидуальные погребения из могильников Увак (кург. 2, погр. 3) и Мечетсай (кург. 6, погр. 9) были совершены в простых грунтовых ямах в юго-восточном секторе кургана. Размеры ям составляли 230×90 см. Захоронения ориентированы широтно.

Погребальный инвентарь мужчины из могильника Увак состоял из одного бронзового наконечника стрелы и плоской каменной поделки. Набор вещей из могильника Мечетсай включал в себя железный акинак с двумя темлячными бусинами, лепной горшок и каменный оселок.

Женские захоронения исследованы в могильниках Тара-Бутак (кург. 2, погр. 3) и Увак (кург. 4, погр. 1). Первое захоронение было совершено в центральной части кургана, в яме размерами 345×290 см, ориентировано широтно. Женщина была погребена по диагонали ямы. Среди погребального инвентаря обнаружены: массивные двудырчатые удила с псалиями, уздечные бляшки, 36 различных бус от ожерелья (в том числе и из драгоценного металла), лепной горшок, мраморный жертвенник с куском соснового дерева, бронзовое зеркало, раковина *Grifea*, оселок и пряслице.

Погребение второй женщины из Увакского могильника было совершено в южном секторе. Яма имела небольшие размеры (190×90 см). Из инвентаря были обнаружены только обломок лепного сосуда, разбитая в древности плоская плита, натертая малиновой краской, и несколько кусков мела.

Среди памятников конца V – IV в. до н.э. рассмотрено всего три захоронения этой возрастной группы (мужских – два, женское – одно).

Мужские захоронения (Филипповка 1, кург. 4, погр. 2; Лебедевка VI, кург. 15) выявлены в восточном и западном секторах кургана. Ямы размерами 470×323 см и 210×95 см были ориентированы по меридиональной оси с небольшим уклоном по линии запад-восток. В первом случае (Филипповка 1, кург. 4, погр. 2) погребение совершено в могильной яме с заплечиками и деревянным перекрытием, во втором – в подбье. Погребенные ориентированы головой на юг.

В погребении из могильника Филипповка 1 найдены: панцирь из железных чешуек, портупейная золотая пряжка, колчаный крюк, железный меч, украшенный золотом, золотой умбон, железный наконечник копья, горит и дротик, наконечники стрел, бронзовые наклад-

ки, деревянная чаша с бронзовыми и железными накладками, точильный камень, каменный оселок, фрагмент железного ножа.

Погребальный инвентарь в захоронении из могильника Лебедевка VI состоял из остатков колчана, наконечников стрел, фрагмента деревянной чашечки и каменного оселка.

Женское захоронение рассматриваемой возрастной категории представлено погребением из могильника Мечетсай (кург. 9, погр. 1). Захоронение совершено в юго-восточном секторе и ориентировано по линии СВ-ЮЗ. Размеры могильной ямы составляли 220×90 см. Погребенная была ориентирована головой в южный сектор.

Из вещей были найдены: роговая подвеска с изображением зуба грифона, железные браслеты, круглодонный сосуд, обломок венчика металлического сосуда, раковина *Grifea*, шкатулка из бересты, бронзовое зеркало, дисковидное пряслице из стенки красноглиняного импортного сосуда, ножичек и шильце, железный нож, глиняная коническая воронка, белый порошок из гипса или алебаstra, зуб человека в деревянном футляре, глиняный сосудик-курильница и поднос-блюдо из рога лося.

Результаты и обсуждение

Итак, были рассмотрены захоронения индивидов разных возрастных групп ранних кочевников Южного Урала. Первым делом стоит обратить внимание на то, что даже в малочисленной выборке погребений, рассматриваемых в статье, представлены захоронения индивидов всех возрастных когорт. Это могло бы свидетельствовать о том, что ранние кочевники хоронили всех членов общества в курганах, несмотря на возраст умершего. Но по результатам предыдущих исследований известно об очень небольшом количестве детских погребений по сравнению с числом захоронений взрослых (Берсенева, Гильмитдинова, 2013; Гильмитдинова, 2021). Это значит, что в подавляющем большинстве в курганах хоронили только взрослых индивидов, а отсюда следует, что возраст все-таки являлся важным и одним из решающих критериев в погребальной обрядности ранних кочевников.

По результатам анализа захоронений индивидов разных половозрастных групп можно выделить некоторые их особенности. Детей возрастной категории *Infantilis I* в памятниках второй половины VI – V в. до н.э. хоронили в простых грунтовых ямах небольшого размера в южной части кургана. Погребальный инвентарь, обнаруженный с ними, обычно представлен скудными наборами предметов. Детские погребения конца V – IV в. до н.э. характеризуются более представительным набором погребального инвентаря и трудозатратами на сооружение могильных ям. Именно среди захоронений конца V – IV в. до н.э. встречается

детское погребение в обширной яме с внутримогильной конструкцией (Авласовские курганы, к. 3) (Сиротин, 2013б).

Были выявлены различия между захоронениями индивидов возрастной категории *Juvenilis*, погребенных в памятниках двух рассматриваемых периодов. Захоронения второй половины VI – V в. до н.э. совершались в центре кургана, могильные ямы отличались большими размерами, наборы погребального инвентаря включали в себя предметы престижа, в том числе и изделия из драгоценных металлов. По всем признакам захоронения индивидов этой возрастной категории могут быть отнесены к элитным.

Погребения индивидов ювенильного возраста в памятниках конца V – IV в. до н.э. обычно совершались по периферии кургана. Из инвентаря с погребенными находили разнообразные предметы, но престижные вещи среди них не обнаружены. Таким образом, для представителей возрастной категории *Juvenilis*, похороненных во второй половине VI – V в. до н.э., характерны наиболее статусные признаки, что не прослеживается среди погребений конца V – IV в. до н.э.

Захоронения представителей возрастной категории *Adultus* в памятниках второй половины VI – V в. до н.э. характеризуются небогатым набором инвентаря, небольшими размерами ям и расположением погребений по периферии кургана. Какие-либо закономерности в пространственном расположении захоронений конца V – IV в. до н.э. не выявлены. Наборы погребального инвентаря в этих захоронениях представлены почти всеми категориями предметов.

Ориентировка погребений и погребенных возрастной категории *Maturus* второй половины VI – V в. до н.э. и конца V – IV в. до н.э., по большей части, обусловлена существовавшей традицией соответствующего времени. Захоронения мужчин имели больше оружия, женские – украшений, предметов культа и туалета. Некоторые категории инвентаря не были представлены в погребениях вовсе. Среди погребального инвентаря в женских комплексах конца V – IV в. до н.э. реже встречались предметы вооружения. Они представлены менее разнообразными наборами по сравнению с оружием в женских погребениях категории *Adultus*. Встречается большое количество украшений, но по сравнению с набором украшений, сопровождавших погребенных предыдущей возрастной категории, их представлено меньше.

В плане пространственной характеристики погребений не было выявлено каких-либо закономерностей среди захоронений представителей возрастной категории *Senilis*. Индивиды этой возрастной категории были погребены с большим количеством предметов, за исключением погребенного мужчины из могильника Лебедевка VI, при котором были обнаружены только

оружие и деревянная чаша. Но даже этот набор вещей, который включал в себя вооружение, может являться подтверждением того, что с возрастом члены общества ранних кочевников не теряли своей социальной значимости в глазах соплеменников.

По археологическим данным всегда наиболее четко и легко различаются два основных возрастных класса – взрослые и дети. Но при этом всегда существовали и другие возрастные классы (Кислый, 1985. С. 173). Наличие тех или иных возрастных категорий зависит от структуры конкретного общества в рамках способа производства. Уловить же на археологическом материале условия, которые были основанием полнокровного функционирования поколения, трудно. Это связано с тем, что «у различных народов существуют различные представления о числе биологических возрастов и о градации жизненного цикла или возрастных степенях» (Попов, 1981. С. 90).

Как упоминалось ранее, детские погребения ранних кочевников Южного Урала совершались по упрощенному погребальному обряду. В редких случаях дети хоронились согласно с традицией «взрослого» погребального обряда, но эти случаи скорее являются исключениями, чем закономерностью. К числу наиболее вероятных объяснений таких случаев можно отнести высокий социальный статус семьи ребенка, либо один из пройденных обрядов жизненного цикла, что «переводило» ребенка в мир взрослых и наделяло его новыми социальными ролями и функциями.

В скифских рядовых памятниках IV–III вв. до н.э. между взрослыми и детскими погребениями по всем совокупностям признаков погребального обряда наблюдалась довольно высокая степень сходства, но главные различия между взрослыми и детскими погребениями выступали в размерах погребальных сооружений и инвентаре, и «погребения взрослых обставлялись торжественнее, тогда как обряд детского погребения был гораздо проще» (Бунятян, 1985. С. 60–63).

Детские погребения раннесарматского времени Нижнего Поволжья в погребальном обряде демонстрировали общую ритуальную традицию этого времени. Из особенностей следует отметить, что более половины детских костяков были обнаружены в коллективных погребениях вместе со взрослыми. Из вещей в детских погребениях находили преимущественно украшения (Балабанова и др., 2015. С. 32–34).

В обществах Южного Урала прохоровского периода (IV–II вв. до н.э.) дети погребались в одной манере со взрослыми, но все же в сопровождении более скудного инвентаря, по результатам анализа которого исследователями было выделено две социально-значимые возрастные группы: дети до 5 лет и 5–18 лет. Первая характеризуется абсолютным преобладанием гендерно-нейтрального сопроводительного инвента-

ря, а вторая отражает процесс гендерной и возрастной социализации, которая начиналась, вероятно, в возрасте около 5 лет (Берсенева, Гильмитдинова, 2013. С. 36–44).

Для саргатских памятников характерно отсутствие детского набора погребального инвентаря (Корякова, 1988. С. 55–56).

По мере изучения детства по материалам этнографии киргизов (Фиельструп, 2002. С. 84), башкир (Бикбулатов и др., 2002. С. 199), тувинцев (Потапов, 1969. С. 226–227), татар (Сайфутдинова, 2009. С. 82–83) и казахов (Толеубаев, 1991. С. 66; Зданович, Любчанская, 2006. С. 238–239) удалось выявить наличие у этих народов обрядов жизненного цикла ребенка, связанных с рождением, укладыванием в колыбель, имянаречением, первой стрижкой волос, обрезанием, разрезанием пуп и обрядом сажания на лошадь. С некоторой долей вероятности можно допустить существование подобных обрядов жизненного цикла, а вместе с ними и аналогичных этапов социализации детей, в обществе ранних кочевников Южного Урала. В любом случае данные этнографии наглядно иллюстрируют, что жизнь кочевника состояла из цепочки сложных ритуальных действий, которые начинаются с самого рождения. Благодаря этнографическим материалам нам известно о том, насколько труден и долг был путь детей к моменту, когда они могут считаться взрослыми и полноправными членами коллектива. Естественно, это не могло не отразиться и на погребальном обряде.

По результатам данного исследования, представители возрастной категории *Juvenilis*, погребенные в памятниках Южного Урала второй половины VI – V вв. до н.э., вероятно, могли занимать почетное место в обществе ранних кочевников. Подобный статус этой возрастной категории не прослеживается по погребениям конца V – IV вв. до н.э., где наибольшее количество инвентаря и предметов престижа было характерно для захоронений индивидов категории *Adultus*. Несмотря на это, разница между погребенными возрастной категории *Juvenilis* и *Adultus*, в древнем обществе, вряд ли была велика, так как в обобщенном смысле они являлись представителями «молодой» части населения ранних кочевников.

Для старшей возрастной группы (*Maturus* и *Senilis*) не было выявлено каких-либо характерных особенностей. Инвентарь, обнаруженный вместе с индивидами этой возрастной группы, больше соответствовал половой дифференциации погребенных и был представлен большим количеством украшений и предметов культа в женских захоронениях, и оружием – в мужских. По нашим представлениям, это может являться показателем того, что пожилые представители общества ранних кочевников с возрастом и последствиями его измене-

ния не утрачивали своих гендерных характеристик и функций, связанных с социальными ролями.

Похожая модель половозрастной дифференциации встречается не только среди ранних кочевников Южного Урала, но также фиксируется в обществах других кочевых племен евразийских степей.

Н.Е. Берлизовым были рассмотрены признаки, указывающие на отражение возрастной стратификации в погребальной обрядности савромато-сарматской культуры Евразии, существовавшей с VII в. до н.э. по IV в. н.э. Исследователь использовал многомерный анализ, с помощью которого он изучил 4493 комплекса по 105 признакам. В результате Н.Е. Берлизов пришел к выводу, что наиболее сложный обряд и престижный инвентарь был характерен для погребений возмужалых мужчин и молодых женщин, а простотой обряда и скромностью инвентаря отличались захоронения младенцев и стариков (Берлизов, 2011. С. 257).

Среди всех возрастных категорий индивидов, погребенных в памятниках Подонья, Е.В. Вдовченков отмечал возрастную группу *Juvenilis*. По мнению исследователя, ее значимость заключалась в том, что именно в этом возрасте мог происходить переход во взрослую жизнь. Также была отмечена высокая вероятная активность этой возрастной группы в жизни общества (Вдовченков, 2013. С. 289). Разность возрастных статусов отражалась в погребальном обряде и инвентаре памятников Подонья, где самыми выдающимися по богатству и статусности погребениями являлись захоронения мужчин и молодых женщин (Вдовченков, 2013. С. 292–293).

У всего взрослого населения раннесарматского времени Нижнего Поволжья выделяют три основные возрастные группы с отличительными признаками. Яркие различия имеет группа молодых людей возрастной категории *Juvenilis-Adultus* по отношению к двум другим возрастным когортам *Maturus* и *Senilis*. А вот группа людей зрелого возраста *Maturus* практически не имеет своих выраженных по отношению к другим возрастным группам признаков (Балабанова и др., 2015. С. 234).

Таким образом, сохранив биологические основы, половозрастное деление в обществе ранних кочевников Южного Урала, вероятно, сохраняло и социальные функции, что нашло свое отражение в погребальном обряде. Представленные результаты работы направлены на выявление различий между наборами погре-

бального инвентаря и некоторыми пространственными особенностями захоронений представителей разных возрастных групп. Возможно, что на столь малой выборке погребений это можно рассматривать лишь как тенденцию, которая может сформировать самое общее представление о моделях погребального обряда различных половозрастных групп.

Заключение

В рамках реконструкции горизонтальной структуры были рассмотрены особенности половозрастных групп кочевого населения Южного Урала второй половины VI – IV в. до н.э. и выявлены различия в комплексах с индивидами разных возрастов, в первую очередь, в погребальном инвентаре.

Таким образом, мы пришли к следующему заключению:

- захоронения индивидов возрастных категорий *Infantilis I* и *Infantilis II* совершались по упрощенному погребальному обряду;

- в памятниках второй половины VI – V в. до н.э. наиболее «богатыми» являлись захоронения с погребенными обоим полов категориями *Juvenilis* (ок. 18–20 лет), а для памятников конца V – IV в. до н.э. наиболее престижными являлись погребения индивидов категории *Adultus* (20–35 лет);

- наличие вооружения и знаковых вещей в захоронениях с индивидами старше 55 лет (*Senilis*) говорят в пользу либо занимаемой погребенными высокой позиции в обществе ранних кочевников, либо связано с тем, что члены общества не теряли своей социальной значимости в глазах общественности и продолжали выполнять свои социальные функции, несмотря на свой возраст.

К некоторым похожим результатам приходили и другие исследователи, которые изучали половозрастную дифференциацию в обществе кочевников раннего железного века.

По результатам исследования погребений можно утверждать, что в обществе ранних кочевников Южного Урала в середине I тыс. до н.э. существовали различия между разными половозрастными группами. На данный момент все заключения имеют предварительный характер. В дальнейшем необходимо пополнить базу данных погребениями с известными половозрастными определениями для проведения реконструкции половозрастной структуры кочевого населения Южного Урала.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
- Багаутдинов Р.С., Мышкин В.Н. Мужской и женский наборы вещей у кочевников Самаро-Уральского региона в VI–IV вв. до н.э. // Вестник СамГУ. Самара, 2013а. № 2 (103). С. 44–48.
- Багаутдинов Р.С., Мышкин В.Н. К проблеме исследования мужских возрастных групп у кочевников Самаро-Уральского региона (по материалам могильни-

- ков VI–IV вв. до н.э.) // Вестник СамГУ. Самара, 2013б. № 8/2 (109). С. 7–12.
- Балабанова М.А.* Хронологические особенности половозрастной структуры сарматских групп Нижнего Поволжья // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Волгоград, 2009. № 1 (15). С. 5–12.
- Балабанова М.А., Клепиков В.М., Коробкова Е.А., Кривошеев М.В., Перерва Е.В., Скрипкин А.С.* Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология. Волгоград: Изд-во Волгоград. филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 272 с.
- Березуцкий В.Д.* Курганы скифского времени лесостепного Дона (к реконструкции социальных отношений). Воронеж: Изд-во ВорГПУ, 1995. 73 с.
- Березуцкий В.Д.* Мужские погребения сарматов Новочигольского курганного могильника // SCYTHIA et SARMATIA. М.: МАКС Пресс, 2019. С. 271–279.
- Берлизов Н.Е.* Отражение возрастной стратификации савромато-сарматских племен эпохи раннего железа в погребальной обрядности // Теория и практика общественного развития. Исторические науки. 2011. № 2. С. 255–258.
- Берсенева Н.А.* Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 204 с.
- Берсенева Н.А.* Женские погребения могильника Кичигино I в контексте особенностей погребального обряда ранних кочевников Южного Урала // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». Челябинск, 2020. Т. 20. № 4. С. 24–30. DOI: 10.14529/ssh200404
- Берсенева Н.А., Гильмитдинова А.Х.* Детские погребения ранних кочевников Южного Урала (IV–II вв. до н.э.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2013. № 2 (21) С. 36–44.
- Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф.* Башкиры: Этническая история и традиционная культура. Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 2002. 248 с.
- Бунятян Е.П.* Методика социальных реконструкций в археологии: на материале скифских могильников IV–III вв. до н.э. Киев: Наукова Думка, 1985. 228 с.
- Васютин С.А., Крадин Н.Н., Тишкин А.А.* Общее и особенное в реконструкции структуры ранних кочевников // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск: Издательство Иркутского государственного технического университета, 2005 С. 237–250.
- Вдовченков Е.В.* «Мужское» и «женское» в погребальном обряде и обществе сарматов Подонья (по материалам курганного могильника Новый) // Преподаватель XXI век. М.: МПГУ, 2013. № 4. С. 287–294.
- Гильмитдинова А.Х.* Социальные роли женщин в обществе ранних кочевников Южного Урала // Константин Федорович Смирнов и актуальные проблемы сарматской археологии: материалы IX междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения К. Ф. Смирнова. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 66–69.
- Гильмитдинова А.Х.* Кочевое население Южного Урала второй половины VI–IV вв. до н.э. (по данным археологии). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2021. 31 с.
- Гуляев В.И., Савченко Е.И.* Новый могильник скифского времени на Среднем Дону // РА. 1998. № 4. С. 115–133.
- Гуцалов С.Ю.* Этнокультурная специфика могильника Кырык-Оба II // РА. 2011. № 1. С. 81–96.
- Дашковский П.К., Тишкин А.А.* Горный Алтай в скифскую эпоху // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск: Иркутский государственный технический университет, 2005. С. 82–110.
- Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В.* Древности Лебедевки (VII–II вв. до н.э.). М.: Восточная литература, 2006. 159 с.
- Зданович С.Я., Любчанская Т.В.* Народы Южного Урала: история и культура. Челябинск: ЧелГУ, 2006. 305 с.
- Кислый А.Е.* К вопросу о половозрастной дифференциации в среде срубных племен // Археология и методы исторических реконструкций. Киев: Наукова Думка, 1985. С. 169–177.
- Корякова Л.Н.* Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. 240 с.
- Матвеева Н.П.* Половозрастная структура населения лесостепного Приобья эпохи раннего железа (по археологическим данным) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 1999. Вып. 2. С. 51–61.
- Моргунова Н.Л., Трунаева Т.Н.* Раскопки кургана 2 могильника Покровка 2 в 1991 году // Курганы Левобережного Илека. Вып. 1. М., 1993. С. 15–17.
- Мошкова М.Г.* Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.: Наука, 1972. С. 49–78.
- Ольховский В.С.* Погребальная обрядность и социологические реконструкции // Российская археология. 1995. № 2. С. 85–98.
- Пежемский Д.В.* Определение биологического возраста в палеоантропологии и проблема возрастных интервалов // V Конгресс этнографов и антропологов России. М., 2003. С. 255.
- Полосьмак Н.В.* Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.
- Попов В.А.* Половозрастная стратификация и воз-

растные классы древнеаканского общества (к постановке проблемы) // Советская этнография. 1981. № 6. С. 89–98.

Потанов Л.С. Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 400 с.

Проценко А.С. Погребальный обряд детских погребений кара-абызской культуры (по материалам грунтовых могильников) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение: материалы VII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Челябинск: Государственный исторический музей Южного Урала, 2017. С. 123–125.

Рукавишников И.В., 2010. Отчет об исследованиях курганных могильников Филипповский I и Филипповский II в Илекском районе Оренбургской области в 2009 г. // Архив ИА РАН. № Р-137562.

Савельев Н.С. Детские погребения кочевников Южного Урала середины I тыс. до н.э. // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2019. № 1 (62). С. 55–62.

Сайфутдинова Г.Б. Межпоколенная трансмиссия этнической культуры у татар // Вестник Чувашского университета. Чебоксары, 2009. С. 82–83.

Сиротин С.В., 2008. Отчет об археологических исследованиях в Хайбуллинском районе Республики Башкортостан в 2007 г. (в 3-х тт.). Т. I–III // Архив ИА РАН. Р-1. № 43685–43687.

Сиротин С.В., 2010. Отчет об археологических исследованиях в Хайбуллинском районе Республики Башкортостан в 2009 г. (в 2-х тт.). Т. I–II. // Архив ИА РАН. Р-1. № 38018, 38019.

Сиротин С.В., 2011. Отчет об археологических исследованиях в Хайбуллинском районе Республики Башкортостан в 2010 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 39145.

Сиротин С.В., 2012. Отчет об археологических исследованиях в Абзелинском районе Республики Башкортостан в 2011 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 30644.

Сиротин С.В., 2013а. Отчет об археологических исследованиях в Хайбуллинском районе Республики Башкортостан в 2012 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 36566.

Сиротин С.В. Катакомбные погребальные комплексы IV в. до н.э. могильника «Авласовские курганы» из Южного Зауралья // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013б. № 11 (37): в 2-х ч. Ч. II. С. 163–169.

Сиротин С.В., 2014. Отчет об археологических исследованиях в Хайбуллинском районе Республики Башкортостан в 2013 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 41428.

Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 176 с.

Смирнов К.Ф. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и

общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1981. С. 68–91.

Смирнов К.Ф. Орские курганы // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977. С. 3–51.

Смирнов К.Ф., Попов С.А. Савромато-сарматские курганы у с. Липовка Оренбургской области // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. МИА № 153. М.: Наука, 1972. С. 3–26.

Стрижак М.С. К вопросу о дифференциации женских и мужских комплексов в «савроматской» культуре на территории Южного Приуралья и Нижнего Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград: ВолГУ, 2006. Вып. 8. С. 41–42.

Стрижак М.С. Соотношение исторических савроматов и «савроматской» археологической культуры: к историографии проблемы // РА. 2008. № 4. С. 15–22.

Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов. Астана, 1991. 66 с.

Фиалко Е.Е. Амазонки Причерноморских степей // Восточноевропейские древности Скифской эпохи. Воронеж, 2011. С. 23–37.

Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М.: Наука, 2002. 300 с.

Хазанов А.М. Социальная история скифов. М.: Наука, 1975. 343 с.

Чиркова А.Х. Возрастные группы кочевого населения Южного Урала (вторая половина VI–IV вв. до н.э.) // Древние и традиционные культуры во взаимодействии со средой обитания: проблемы исторической реконструкции: материалы II Междунар. междисциплинар. конф., Челябинск, Россия, 12–14 апреля 2023 г. / Отв. ред. Е. В. Куприянова. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2023. С. 164–173

Яблонский Л.Т., 2008. Отчет о раскопках кургана 4 могильника Филипповка 1 на территории Илекского района Оренбургской обл. РФ в 2006 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 44152–44153.

Яблонский Л.Т., 2009. Отчет о раскопках курганов 2 и 29 могильника Филипповка 1 на территории Илекского района Оренбургской обл. РФ в 2008 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 44151.

Яблонский Л.Т., 2011. Отчет о раскопках могильника Филипповка-II в 2010 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 39200.

Яблонский Л.Т., 2012. Отчет о раскопках кургана 1 могильника Филипповка 2 в 2012 году. Том I–II // Архив ИА РАН. Р-1. № 54821, 54822.

Яблонский Л.Т., 2014а. Отчет о доследовании кургана 1 могильника Филипповка 1 в 2013 г. Том I–II // Архив ИА РАН. Р-1. № 41778, 41779.

Яблонский Л.Т. Тридцатый курган могильника Филипповка 1 // КСИА. Вып. 236. 2014б. С.87–90.

Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В.Л. Раскопки курганных могиль-

- ников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // Курганы
левобережного Илека. Вып. 2. М., 1994. С. 4–57.
Davis–Kimball J. Warrior Women of Eurasia //
Archaeology. 1997. № 50 (0). P. 44–48.
Davis–Kimball J. Amazons, Priestesses and Other
- Women of Status: Females in Eurasian Nomadic Societies*
// Silk Road Art and Archaeology. 1997–1998. P. 1–50.
Davis–Kimball J., Yablonsky L.T. Excavations of
Kurgans in the Southern Orenburg District, Russia // Silk
Road Art and Archaeology. 1995–1996. P. 3–6.

БЛЯШКИ КОНСКОЙ СБРУИ ПРОСТОЙ ГЕОМЕТРИЧЕСКОЙ ФОРМЫ ИЗ КОЧЕВНИЧЕСКИХ КУРГАНОВ VI–IV ВВ. ДО Н.Э. НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

© 2023 В.Н. Мышкин

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-18-00194 «Эпохальная трансформация культурного и физического облика населения юга Среднего Поволжья и Приуралья в период неолит-ранний железный век по источникам археологии, антропологии, генетики».

Аннотация. Статья посвящена изложению типологии бляшек сбруи, имеющих простую геометрическую форму и использовавшихся кочевниками Южного Приуралья в VI–IV вв. до н.э. В основе настоящей публикации – анализ выборки, состоящей из 165 находок, сведения о которых опубликованы в археологической литературе. Предложено выделение 21 типа сбруйных бляшек. На основе дат, предложенных исследователями для погребальных комплексов, содержавших бляшки выделенных типов, рассмотрена позиция каждого из них на хронологической шкале в период, приходящийся на VI–IV вв. до н.э. Рассмотрена территория распространения типов, представленных значительным количеством экземпляров этих предметов.

Ключевые слова: Ранний железный век, Южное Приуралье, погребальные комплексы, ранние кочевники, снаряжение коня, бляшки сбруи, типология, хронология.

HORSE HARNESS PLAQUES OF SIMPLE GEOMETRIC SHAPE FROM NOMADIC BURIAL MOUNDS OF THE 6TH–4TH CENTURIES BC ON THE TERRITORY OF THE SOUTHERN URALS

© 2023 V.N. Myshkin

Abstract. The article is devoted to the presentation of the results of the development of a typology of a group of harness plaques that have a simple geometric shape and were used by the nomads of the Southern Urals in the VI–IV centuries BC. This publication is based on an analysis of a sample of 165 finds, information about which has been published in the archaeological literature. It is proposed to identify 21 types of harness plaques. The position of each of them on the chronological scale in the period falling on the VI–IV centuries BC, based on the dates proposed by researchers for burial complexes containing plaques of the identified types. The territory of distribution of types represented by a significant number of copies of these objects is considered.

Keywords: Early Iron Age, Southern Urals, burial complexes, early nomads, horse equipment, harness plaques, typology, chronology.

Подробный анализ конского снаряжения кочевого населения степей Южного Приуралья в первой половине – середине I тыс. до н.э. впервые был предпринят К.Ф. Смирновым в монографии «Вооружение савроматов», опубликованной в 1961 г. (Смирнов, 1961). Эта работа содержала типологию некоторых элементов амуниции коня, использовавшихся кочевниками, в частности, псалиев. Автором были также охарактеризованы форма и назначение других деталей сбруи, в том числе уздечных бляшек. Количество учтенных бляшек, найденных в памятниках Южного Приуралья, было весьма невелико (Смирнов, Петренко, 1963. С. 29–30. Табл. 17). С момента выхода в свет обобщающей монографии К.Ф. Смирнова число сбруйных бляшек, найденных в южноприуральских кочевнических погребениях конца VI–IV в. до н.э., существенно возросло и в настоящее время составляет около 200 экземпляров. Однако проблема разработки типологии этих предметов остается вне поля зрения исследователей.

В качестве исключения можно назвать монографию Н.Е. Берлизова «Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э. – V в. н.э.» (Берлизов, 2011), в которой представлена типология нащечных бляшек и наносников, использовавшихся племенами Сарматии, в том числе и кочевниками Южного Приуралья в скифское время. Исследователь выделил в этой категории принадлежности конской сбруи три типа. Тип 1 – круглые уплощенно-полусферические сплошные с петлей на обороте, имеющие сравнительно большой диаметр (от 3,5 см). По наличию или отсутствию изображения на щитке бляшки этого типа подразделяются на 2 варианта. В тип 2 объединены круглые полусферические бляшки с петлей на обороте, имеющие малый диаметр (1,2–2,7 см). К типу 3 автором отнесены зооморфные бляхи небольших размеров с петлей на обороте, которые по характеру изображений и размеру подразделяются на 29 вариантов (Берлизов, 2011. С. 105–106. Табл. 446). Если говорить о находках, происходящих с территории Юж-

ного Приуралья, то данный перечень типов нельзя признать удовлетворительным для описания всего многообразия форм уздечных бляшек, использовавшихся кочевниками этого региона в VI–IV вв. до н.э.

Таким образом, разработка типологии бляшек, использовавшихся кочевниками Южного Приуралья в скифское время для украшения конской амуниции, является актуальной задачей. Ее решение позволит перейти к исследованию развития снаряжения коня степного населения рассматриваемого региона, в частности, и проблемы культурных трансформаций в их обществе в целом.

Бляшки, использовавшиеся для украшения конского снаряжения, представляется возможным разделить на две группы. В первую из них включены бляшки, имеющих простую геометрическую форму. Вторая включает в себя экземпляры со щитками, которые имеют сложную конфигурацию, обусловленную сюжетом зооморфных и антропоморфных изображений.

В данной статье изложены результаты анализа совокупности сбруйных бляшек, щитки которых имеют простую геометрическую форму (группы 1): предложена их типология, рассмотрена территория распространения типов, представленных значительным в количественном отношении экземпляров. На основе дат, предложенных исследователями для погребальных комплексов, содержавших такие бляшки, рассмотрено время бытования каждого из выделенных типов.

При подготовке статьи в анализируемую группу этих принадлежностей конского снаряжения не были включены застежки нагрудных или подбородочных ремней, имевшие полусферические щитки на внешней стороне (они рассматриваются как бляшки-застежки).

Исследуемая выборка бляшек простой геометрической формы включает в себя 165 находок, сведения о которых опубликованы в специальной археологической литературе.

Выделение типов рассматриваемой группы бляшек осуществлялось по комплексу признаков, образующих специфические сочетания и характеризующих общую конфигурацию предмета, характер его художественного оформления и отчасти материал изготовления.

Типы бляшек выделены по сочетанию следующих признаков¹.

Материал, из которого изготовлена бляшка: 1 – металл; 2 – кость.

Размеры щитка бляшек с округлым в плане щитком: 1 – большие, диаметр $\geq 3,0$ см; 2 – небольшие, диаметр $\leq 2,9$ см.

Форма щитка в плане: 1 – круглые или овальные; 2 – квадратные; 3 – прямоугольные; 4 – прямоугольные с одним округлым краем; 5 – треугольные; 6 – ромбические; 7 – розетки; 8 – имеющие сложенную конфигурацию, обусловленную оформлением щитка в виде зооморфных и/или антропоморфных изображений.

Форма щитка в сечении: 1 – плоские; 2 – выпуклые; 3 – вогнутые; 4 – имеющие сложный рельеф, обусловленный техникой нанесения изображений и характером орнаментации.

Характеристика щитка бляшки: 1 – сплошной; 2 – несплошной, ажурный.

Наличие выступов и их характеристика: 1 – два сегментовидных выступа в одной плоскости со щитком; 2 – зубчики-выступы по всему периметру в одной плоскости со щитком; 3 – выступ, отходящий по касательной от щитка в одной плоскости со щитком; 4 – выступ, выделяющийся на поверхности щитка; 5 – четыре лепестка розетки; 6 – шесть лепестков розетки.

Наличие отверстий: 1 – есть; 2 – нет.

Расположение отверстий: 1 – в центре; 2 – у края; 3 – по всему щитку; 4 – бессистемно.

Наличие петли на внутренней стороне бляшек: 1 – есть (1 или 2 петли); 2 – нет.

Характеристика соединения петли со щитком: 1 – концы петли соединяются непосредственно со щитком; 2 – петля переходит в стержень, который соединяется со щитком.

Характер орнаментации поверхности щитка: 1 – барельеф; 2 – контррельеф; 3 – клуазоне.

Характеристика изображений на бляшке: 1 – орнамент из геометрических фигур; 2 – зооморфные изображения; 3 – антропоморфные изображения.

Характеристика орнаментальной композиции из геометрических фигур на щитках бляшек: 1 – валики, образующие концентрические окружности; 2 – каплевидные насечки по периметру; 3 – серповидные отверстия, распределенные одно за другим по периметру щитка, одно из окончаний при этом направлено в сторону центральной части бляшки, другой – к ее краю; 4 – круглые и овальные выемки, расходящиеся по спирали от центральной части щитка к его краям; 5 – кружки, образующие цепочки, расходящиеся по спирали от центральной части щитка бляшки к его краям; 6 – углубления в виде окружностей; 7 – концентрический фриз лепесткового декора по периметру щитка, дополняемый концентрическим фризом из треугольников вокруг центральной части; 8 – центрально-симметричные пламевидные завитки.

Сюжет зооморфных и антропоморфных изображений на щитках: 1 – фигура хищника; 2 – волчья голова; 3 – волчья голова, дополненная изображением головы грифона; 4 – голова/головы горного козла, барана; 5 – голова козла, рога которого оформлены

¹ Приводится список признаков, характеризующих бляшки как простой геометрической формы (группа 1), так и экземпляры со щитками, которые имеют сложную конфигурацию, обусловленную сюжетом зооморфных и антропоморфных изображений (группа 2).

в виде головы грифона; 6 – голова/головы антилопы; 7 – фигура лежащего оленя, козла, барана; 8 – фигура бараногрифона; 9 – голова/головы хищной птицы/грифона; 10 – рыба; 11 – голова грифона в сочетании с фигурой кошачьего хищника; 12 – фигура верблюда; 13 – голова верблюда; 14 – фантастическое животное, сочетающее черты верблюда и хищной птицы; 15 – всадник на коне.

Проекция зооморфных и антропоморфных изображений на щитках: 1 – прямая проекция; 2 – боковая проекция (изображение в профиль); 3 – сочетание прямой и боковой проекции.

Характеристика состояния изображаемого животного: 1 – припавшее к земле (лежащее) животное; 2 – стоящее животное; 3 – свернувшееся кольцом животное; 4 – бегущее (в прыжке) животное.

Кроме того, учитывалось взаиморасположение элементов композиции изображений, а также степень их реалистичности или схематизма.

Бляшки с бруи простых геометрических форм выделены в группу 1. Подгруппы выделены по форме щитка, типы – по сочетанию признаков, характеризующих материал, из которого изготовлены предметы, размеры щитка и его форму в сечении, орнаментацию, его цельность (наличие и отсутствие отверстий, а также их форму и расположение).

Все учтенные экземпляры, использовавшиеся кочевниками Южного Приуралья в VI–IV вв. до н.э., которые включены в рассматриваемую выборку, отнесены к группе бляшек, имеющих простую геометрическую форму. Далее приводится описание выделенных типов этого времени с указанием принадлежности их к группе и подгруппе.

Группа 1. Бляшки со щитком, имеющим простую геометрическую форму

Подгруппа 1.1. Бляшки округлой в плане формы

Тип 1.1.1. Небольшие металлические бляшки (диаметр варьирует, как правило, в пределах от 1,1 до 2,5 см), имеющие щиток полусферической, слегка уплощенной полусферической или приближающийся к конической формы, и петлю на внутренней стороне. Щитки в плане не всегда правильной округлой формы, некоторые экземпляры имеют по краям небольшие выступы с заостренным или уплощенным окончанием. Место соединения петли со щитком находится у краев последнего или на незначительном расстоянии от них (рис. 1, 1–15). Этот тип представлен в анализируемой выборке 46 экземплярами.

Обнаружены: Чкаловский, курган 4, погребение 2 – 3 экз. (рис. 1, 1–3), датировано VI в. до н.э. (Воронова, Порохова, 1992. С. 231, 237. Рис. 6, 9); Мечет-Сай, курган 9, погребение 2 – 5 экз. (рис. 1, 4, 5), датировано второй половиной V в. до н.э. (Смирнов, 1964. Рис. 22, 9; 1975. С. 146, 148); Климовский большой курган –

2 экз. (рис. 1, 6, 7), датирован концом VI – первой половиной V в. до н.э. (Таиров, 2000. Рис. 43, 3, 4; 2004. С. 3, 7. Рис. 6, 45, 46), другая дата – конец V – IV в. до н.э. (Очир-Горяева, 2012. С. 260, 271); Алебастрова гора, курган 3 – 1 экз. (рис. 1, 8), датирован концом VI – первой половиной V в. до н.э. (Смирнов, 1964. Рис. 40, 1б (4). С. 3, 7, 59); Новоорский I, курган 1, пола – 4 экз. (рис. 1, 9), даты – IV в. до н.э. и рубеж V–IV вв. до н.э. (Смирнов, 1984. Рис. 1, 4. С. 10, 14); Филипповка I, курган 2, жертвенный комплекс 2 – 2 экз. (Яблонский, 2013. С. 19. № 17, 18), курган 3, пола – 1 экз. (рис. 1, 10) (Пшеничнюк, 2012. Рис. 57, 5. С. 32), жертвенном комплексе кургана 29 – 6 экз. (рис. 1, 12) (Яблонский, 2013. С. 200. № 2612–2617), курган 3 датирован началом IV в. до н.э. (Пшеничнюк, 2012. С. 87), предложена также дата всех филипповских курганов, приходящаяся на период с рубежа V–IV вв. до н.э. по третью четверть IV в. до н.э. (Трейстер, Яблонский, 2012. С. 282–284); Переволочан I, курган 10, пола – 1 экз. (рис. 1, 11), датирован второй половиной IV в. до н.э. (Пшеничнюк, 1995. Рис. 11, 1. С. 81; Сиротин, 2016. С. 259); Кырк-Оба II, курган 12 – 1 экз. (рис. 1, 13), датирован концом VI – первой половиной V в. до н.э. (Гуцалов, 2011. Рис. 2, 7. С. 86, 89); Уркач I, курган 23 – 8 экз., датирован концом VI – V в. до н.э. (Мамедов и др., 2022. С. 22, 23, 68. Рис. 14, 5); Жагабулак I, курган 1, погребение 2 – 1 экз., датировано серединой VI в. до н.э. (Мамедов и др., 2022. С. 28, 70, 71. Рис. 33, 6); Сибай I, курган 8, погребение 2 – 14 экз., датировано второй половиной – концом IV в. до н.э. (Васильев, Федоров, 2021. С. 54, 55, 83, 84. Рис. 36; 37, 9, 10).

Таким образом, время использования бляшек этого типа кочевниками приходится на длительный период, охватывающий VI–IV вв. до н.э. Судя по выборке, бляшки этого типа в конце V – IV в. до н.э. имели более широкое распространение у кочевников Южного Приуралья по сравнению VI–V вв. до н.э.

Тип 1.1.2. Крупные (диаметр $\geq 3,0$ см) металлические бляшки полусферической, иногда близкой к конической, формы с петлей (или двумя параллельно расположенными петлями) на внутренней стороне. Место соединения петель находится в центральной части щитка либо отделено от его краев. Этот тип представлен в анализируемой выборке 34 экземплярами.

Обнаружены: Ново-Кумакский, курган 19, погребение 2 – 1 экз. (рис. 1, 20), комплекс датирован концом VI в. до н.э. (Смирнов, 1977. Рис. 11, 14. С. 26); Кырк-Оба II, курган 18, пола – 8 экз. (рис. 1, 21, 22), комплекс датирован концом VI – серединой V в. до н.э. (Гуцалов, 2010. Рис. 6, 2–5. С. 58, 64); Ново-Кумакский, курган 1, погребение 1 – 1 экз., комплекс датирован IV в. до н.э. (Смирнов, 1978. Рис. 4, 4. С. 61, 62); Филипповка I, курган 1, околочурганное пространство – 1 экз. (рис. 1, 14) (Яблонский, 2013. № 3128), комплекс дати-

роvan началом IV в. до н.э. (Пшеничнюк, 2012. С. 87), концом V – IV в. до н.э. (Яблонский, 2008а. С. 262; 2008б. С. 173), рубежом V–IV вв. до н.э. – третьей четвертью IV в. до н.э. (Трейстер, Яблонский, 2012. С. 282–284); Переволочан, курган 12, погребение 5 – 1 экз. (рис. 1, 15), комплекс датирован второй половиной IV в. до н.э. (Стародубцев, 2009. Рис. 1, 19. С. 31; Сиротин, 2016. С. 260); Загребаловский, курган 1, пола (рис. 1, 16–19) – 4 экз., комплекс датирован IV в. до н.э. (Мажитов, Пшеничнюк, 1977. Рис. 6, 9. С. 60, 65); хут. Веселый I близ с. Ак-Булак – 8 экз. (рис. 1, 23), комплекс датирован началом IV в. до н.э. (Смирнов, 1964. Рис. 38, 10. С. 58); Филипповка I, курган 6, погребение – 2 экз. (рис. 1, 24), комплекс датирован началом IV в. до н.э. (Пшеничнюк, 2012. Рис. 86, 4. С. 32, 87), второй половиной V – IV в. до н.э. (Яблонский, 2008а. С. 262; 2008б. С. 173), концом V – третьей четвертью IV в. до н.э. (Трейстер, Яблонский, 2012. С. 282–284); Переволочан, курган 10, погребение 1 (рис. 1, 26, 27) – 6 экз. и погребение 2 (рис. 1, 25) – 1 экз. (Пшеничнюк, 1995. Рис. 12, 6, 7. С. 83, 85), комплекс датирован второй половиной IV в. до н.э. (Сиротин, 2016. С. 259); Сибай I, курган 8, надмогильная постройка – 1 экз., комплекс датирован второй половиной – концом IV в. до н.э. (Васильев, Федоров, 2021. С. 40, 83, 84. Рис. 22, 4).

Бляшки этого типа украшали сбрую кочевников Южного Приуралья с VI по IV в. до н.э. включительно. Их число с течением времени увеличивалось: в погребениях конца V – IV в. до н.э. их найдено существенно больше, чем в комплексах VI–V вв. до н.э.

Тип 1.1.3. Металлические круглые плоские бляшки с петлей на внутренней стороне. Диаметр варьирует в пределах от 1,8–2,0 до 3,6 см. Этот тип представлен в анализируемой выборке 26 экземплярами (рис. 2, 1–7).

Обнаружены: Акоба II, курган 1, погребение 1 – 2 экз. (рис. 2, 1, 2), комплекс датирован второй половиной V в. до н.э. (Моргунова, Краева, 2012. Рис. 9, 3, 4. С. 166, 196); Мечет-Сай, курган 2, погребение 2 – 3 экз., комплекс датирован концом VI в. до н.э. – первой половиной V в. до н.э. (Смирнов, Петренко, 1963. Табл. 17, 35; Смирнов, 1975. С. 81, 90); Филипповка I, курган 3, пола – 5 экз. (рис. 2, 3), комплекс датирован началом IV в. до н.э. (Пшеничнюк, 2012. Рис. 57, 4. С. 32, 87), IV в. до н.э. (Канторович, Яблонский, 2009. С. 82–83), рубежом V–IV – третьей четвертью IV в. до н.э. (Трейстер, Яблонский, 2012. С. 282–284); Аваласовские курганы, курган 3 – 4 экз. (рис. 2, 4–7), комплекс датирован IV в. до н.э. (Сиротин, 2015. С. 250. Рис. 2, 8; 2013. С. 166); Сара, курган 4, погребение 1 – 11 экз., комплекс датирован временем в пределах второй половины V–IV в. до н.э. (Федоров, 2015. С. 257–258; Федоров, Васильев, 2017. С. 59. Рис. 3, 6).

Приведенный перечень находок демонстрирует использование кочевниками бляшек этого типа с конца

VI по IV в. до н.э. Следует отметить, что в погребениях конца V–IV в. до н.э. они встречаются чаще, чем в захоронениях конца VI–V в. до н.э.

Тип 1.1.4. Металлические выпуклые круглые бляшки, внешняя поверхность которых украшена валиками в виде концентрических окружностей, а на внутренней стороне имеется петля. Диаметр варьирует в пределах 3,2–3,4 см (рис. 2, 8–10).

Обнаружены: Переволочан, курган 10, погребение 2 – 3 экз. (рис. 2, 8–10), комплекс датирован второй половиной IV в. до н.э. (Пшеничнюк, 1995. Рис. 14, 3–4. С. 85; Сиротин, 2016. С. 259).

Тип 1.1.5. Металлические бляшки (рис. 2, 11) в виде круглого в плане, слабовыпуклого щитка, украшенного по периметру каплевидными насечками, с петлей на внутренней стороне. Диаметр 3 см. В анализируемой выборке этот тип представлен 1 экземпляром.

Бляшка обнаружена: Филипповка I, курган 2, жертвенный комплекс 1 – 1 экз. (рис. 2, 11), датирован рубежом V–IV вв. до н.э. – третьей четвертью IV в. до н.э. (Трейстер, Яблонский, 2012. С. 282–284).

Тип 1.1.6. Металлические бляшки, крупные (диаметр около 5,4 см), в виде круглого с выпуклым центром щитка, на внутренней стороне которого имеется петля. Щиток украшен по кругу прорезями серповидной формы, которые вместе с выпуклым центром образуют солярный орнамент (рис. 2, 12).

Обнаружена: Филипповка I, курган 29, жертвенный комплекс – 1 экз. (рис. 2, 12), датирован второй половиной V–IV в. до н.э. (Яблонский, 2013. № 2611; 2008а. С. 262; 2008б. С. 173), рубежом V–IV вв. до н.э. – третьей четвертью IV в. до н.э. (Трейстер, Яблонский, 2012. С. 282–284).

Тип 1.1.7. Металлические круглые бляшки со сквозным округлым отверстием в центральной части и петлей на внутренней стороне. Диаметр бляшек варьирует в пределах 2,0–2,2 см. В анализируемой выборке этот тип представлен 5 экземплярами (рис. 2, 13–17).

Обнаружены: Сынтас I, курган 1, погребение 2 – 5 экз. (рис. 2, 13–17), комплекс датирован концом VI – первой половиной V в. до н.э. (Кадырбаев, Курманкулов, 1976. Рис. 3, 10. С. 142; Кадырбаев, Курманкулов, 1977. С. 103).

Тип 1.1.8. Металлические бляшки, крупные (диаметр около 6,2 см), в виде круглого в плане, слегка выпуклого щитка с круглым отверстием в центре и двумя петлями на внутренней стороне. Щиток орнаментирован спиралевидным орнаментом из круглых или овальных выемок (рис. 2, 18). Тип представлен одной бляшкой. Обнаружена: Филипповка I, курган 4, жертвенный комплекс 1 – 1 экз., комплекс датирован второй половиной V–IV в. до н.э. (Яблонский, 2013. № 45; 2008а. С. 262; 2008б. С. 173), рубежом V–IV вв. до н.э.

н.э. – третьей четвертью IV в. до н.э. (Трейстер, Яблонский, 2012. С. 282–284).

Тип 1.1.9. Костяные бляшки, крупные (диаметр около 5,6 см), в виде круглого плоского щитка, внешняя поверхность которого орнаментирована спиралевидным резным орнаментом, образованным цепочками небольших кружков, разделенных гладкими зонами. На внутренней стороне имеется петля (рис. 2, 19). В выборке этот тип представлен 2 экземплярами.

Обнаружены: Филипповка I, курган 4, жертвенный комплекс 1 – 2 экз. (рис. 2, 19), датирован второй половиной V–IV в. до н.э. (Яблонский, 2013. № 48–49; 2008а. С. 262; 2008б. С. 173), рубежом V–IV вв. до н.э. – третьей четвертью IV в. до н.э. (Трейстер, Яблонский, 2012. С. 282–284).

Тип 1.1.10. Плоские металлические (золотые) бляхи (рис. 3, 1–4) имеют круглую форму и украшены изображениями, выполненными в технике клуазоне. Декор образован концентрическими кругами и ячейками внутри них из напаянных на ребро узких полосок металла, пространство внутри которых заполнено вставками эмали разных цветов. Внешний круг украшает фриз лепесткового декора, следующий концентрический фриз – декор в виде ряда треугольников. В центральной части пластин была изображена человеческая фигура. От центральной части декора круглой формы на некоторых бляхах сохранился круглый каст внизу, расположенный внутри удлиненного каста в виде полумесяца. Вверху центральной части блях на двух экземплярах сохранились верхние части золотых пластин, инкрустировавших центральную часть блях: верхняя часть головы в профиль вправо с головным убором и пучком волос сзади. На внутренней стороне блях в четырех местах имеются остатки креплений в виде основания и следов припоя двух узких пластин, которые могли продеваться в отверстие в ткани или коже, а потом разводиться на обратной стороне основы. В центральной части блях имеются отверстия неправильной формы. Возможно, бляхи были оторваны от основы из ткани или кожи, а их центральные части преднамеренно уничтожены. Первоначально бляхи являлись, вероятно, нагрудным украшением (Трейстер, 2012. С. 155–156). Следует добавить, что диаметр бляшек составляет 3 см и, судя по обрядовому контексту, их использование кочевниками, возводившими филипповские курганы, не соответствовало первоначальному назначению. Есть основания полагать, что кочевники использовали их в качестве украшений дужек мягких седел (Мышкин, 2019. С. 16–23).

Обнаружены: Филипповка I, курган 1, дромос могильной ямы – 4 экз. (рис. 3, 1–4) (Пшеничнюк, 2012. С. 24. Рис. 31, 33), комплекс датирован началом IV в. до н.э. (Пшеничнюк, 2012. С. 87), временем в пределах конца V – первой половины IV в. до н.э. (Трейстер

и др., 2012. С. 85); рубежа V–IV вв. до н.э. – третьей четвертью IV в. до н.э. (Трейстер, Яблонский, 2012. С. 282–284).

Подгруппа 1.2. Бляшки округлой в плане формы, усложненные выступами

Тип 1.2.1. Металлические бляшки, крупные (диаметр 4,3 см), в виде выпуклого круглого зубчатого обода с шестью спицами и петлями или петлей на обратной стороне (рис. 2, 20–23). В анализируемой выборке этот тип представлен 4 экземплярами.

Обнаружены: Яковлевка II, одиночный курган – 4 экз. (рис. 2, 20–23), комплекс датирован IV в. до н.э. (Сиротин, 2015. Рис. 2, 1. С. 252).

Тип 1.2.2. Металлические бляшки в виде круглого плоского щитка, усложненного выступом подпрямоугольной или трапециевидной формы. Продольные края выступа отходят от округлой части щитка по касательной. Диаметр варьирует в пределах от 4,25 до 5,0 см. В анализируемой выборке этот тип представлен 2 экземплярами (рис. 2, 24, 25).

Обнаружены: Кырык-Оба II, курган 18 – 2 экз. (рис. 2, 24, 25), комплекс датирован концом VI – первой половиной V в. до н.э. (Гуцалов, 2010. Рис. 6, 6, 8. С. 58, 64).

Тип 1.2.3. Металлические бляшки с округлой центральной частью, имеющей в середине выпуклость. От нижней части краев бляшек с противоположных сторон радиально отходят две округлые плоские лопасти. На обратной стороне имеется петля. Размеры щитков – 3,3×1,0–1,2 см (рис. 2, 26). В анализируемой выборке этот тип представлен 5 экземплярами.

Обнаружены: Ак-Оба II, курган 1, погребение 2 – 5 экз. (рис. 2, 26), комплекс датирован второй половиной V–IV в. до н.э. (Моргунова, Краева, 2012. С. 175, 196. Рис. 17, 3).

Тип 1.2.4. Металлические округлые плоские бляшки (рис. 2, 27) с двумя выступами-завитками на противоположащих точках. Внешняя поверхность бляшек украшена изображением центрально-симметричных пламевидных завитков (Рукавишникова, 2009. С. 102). На внутренней стороне имеется петля. В анализируемой выборке этот тип представлен 4 экземплярами.

Обнаружены: Филипповка I, курган 4, жертвенный комплекс 1 – 4 экз. (рис. 2, 27) (Яблонский, 2013. С. 66, 74. № 29, 30, 76–78). Комплекс датирован второй половиной V–IV в. до н.э. (Яблонский, 2008а. С. 262; 2008б. С. 173), рубежом V–IV вв. до н.э. – третьей четвертью IV в. до н.э. (Трейстер, Яблонский, 2012. С. 282–284).

Подгруппа 1.3. Прямоугольные бляшки

Тип 1.3.1. Металлические бляшки в виде прямоугольного плоского гладкого щитка с петлей на внутренней стороне. Размеры: длина – 2,1–2,2 см, ширина – 1,3–1,6 см. В анализируемой выборке этот тип представлен 4 экземплярами (рис. 3, 5, 6).

Обнаружены: Альмухаметовский, курган 9, погребение 2 – 3 экз. (рис. 3, 6), датирован савроматским временем (Пшеничнюк, 1983. С. 47, 81. Табл. XXXIV, 4); Филипповка I, курган 12 – 1 экз. (рис. 3, 5) (Пшеничнюк, 2012. С. 51. Рис. 118, 7), комплекс датирован первой половиной IV в. до н.э. (Пшеничнюк, 2012. С. 87), второй половиной V–IV в. до н.э. (Яблонский, 2008а. С. 262; 2008б. С. 173), рубежом V–IV вв. до н.э. – третьей четвертью IV в. до н.э. (Трейстер, Яблонский, 2012. С. 282–284).

Подгруппа 1.4. Прямоугольные бляшки с одним округлым краем

Тип 1.4.1. Металлические бляшки в виде прямоугольного плоского гладкого щитка с одним округлым краем и петлей на внутренней стороне. Размеры: длина – 2,4 см, ширина – 1,3–1,8 см. В анализируемой выборке этот тип представлен 2 экземплярами (рис. 3, 7, 8).

Обнаружены: Ново-Кумакский, курган 19, погребение 2 (рис. 3, 7), комплекс датирован концом VI в. до н.э. (Смирнов, 1977. С. 26. Рис. 12, 4); Кырык-Оба II, курган 16, пола – 1 экз. (рис. 3, 8), комплекс датирован концом VI – серединой V в. до н.э. (Гуцалов, 2011. С. 87, 93. Рис. 5, 5).

Подгруппа 1.5. Треугольные и подтреугольные бляшки.

Тип 1.5.1. Металлические бляшки неправильной подтреугольной формы с петлей на внутренней стороне. Размеры щитка: длина – 2,5 см, максимальная ширина – 1,1–1,7 см. В анализируемой выборке этот тип представлен 2 экземплярами (рис. 3, 9, 10).

Обнаружены: Тара-Бутак, курган 2, погребение 3 – 1 экз. (рис. 3, 10), комплекс датирован рубежом VI–V вв. до н.э. (Смирнов, 1975. С. 42; 1964, Рис. 19, 1и); группа Алебастрова гора, курган 3 – 1 экз. (рис. 3, 9). Комплекс датирован рубежом V–IV в. до н.э. (Смирнов, 1961. Рис. 58, 5; 1964. С. 59–60), предложена также дата, приходящаяся на конец VI в. до н.э. (Зуев, 2021. С. 37. Табл. 1).

Подгруппа 1.6. Бляшки ромбической формы

Тип 1.6.1. Металлические плоские бляшки ромбической формы с петлей на внутренней стороне. Размеры щитка: 2,2×1,9 см. В выборке этот тип представлен 1 экземпляром.

Бляшка обнаружена: Филипповка I, курган 28, погребение 1 – 1 экз. (рис. 3, 11), комплекс датирован второй половиной V–IV в. до н.э. (Яблонский, 2013. № 45; 2008а. С. 262; 2008б. С. 173), рубежом V–IV вв. до н.э. – третьей четвертью IV в. до н.э. (Трейстер, Яблонский, 2012. С. 282–284).

Подгруппа 1.7. Розетки

Тип 1.7.1. Костяные бляшки в виде четырехлепестковой розетки, лепестки которой представляют собой выпуклые полусферы, петля отсутствует (рис. 3,

12–13). Представляется возможным разделить на 2 варианта.

Вариант 1 (рис. 3, 12) – бляшка с вырезанными на лепестках розетки окружностями и сквозным отверстием в их центре. Такая же окружность и отверстие имеются в центральной части бляшки между лепестками. Размеры – 2,4×2,9 см. В анализируемой выборке представлен 1 экземпляром.

Бляшка обнаружена: Филипповка I, курган 4, жертвенный комплекс 1 – 1 экз. (рис. 3, 12), комплекс датирован второй половиной V–IV в. до н.э. (Яблонский, 2013. № 64; 2008а. С. 262; 2008б. С. 173), рубежом V–IV вв. до н.э. – третьей четвертью IV в. до н.э. (Трейстер, Яблонский, 2012. С. 282–284).

Вариант 2 (рис. 3, 13) – на лепестках отсутствуют окружности и сквозные отверстия в их центре, окружность, образованная валиком, и отверстие имеются только в центре бляшки. Размеры бляшки – 2,0×2,0 см. В анализируемой выборке представлен 1 экземпляром.

Бляшка обнаружена: Филипповка I, курган 4, жертвенный комплекс 1 – 1 экз. (рис. 3, 13), комплекс датирован второй половиной V – IV в. до н.э. (Яблонский, 2013. № 75; 2008а. С. 262; 2008б. С. 173), рубежом V–IV вв. до н.э. – третьей четвертью IV в. до н.э. (Трейстер, Яблонский, 2012. С. 282–284).

Тип 1.7.2. Металлические бляшки в виде четырехлепестковой розетки с округлыми лепестками (рис. 3, 14–16) и петлей на внутренней стороне. Представлены 2 вариантами.

Вариант 1 (рис. 3, 14, 15) – бляшки с лепестками, украшенными углублениями, образующими окружности. В одном случае углубление в виде окружности расположено также в центральной части бляшки. Размеры: 1,2×2,0 см, 2,7×2,7 см. В анализируемой выборке вариант представлен 2 экземплярами.

Обнаружены: Филипповка I, курган 12 – 1 экз. (рис. 3, 14), комплекс датирован началом IV в. до н.э. (Пшеничнюк, 2012. С. 51, 87. Рис. 118, 4), рубежом V–IV вв. до н.э. – третьей четвертью IV в. до н.э. (Трейстер, Яблонский, 2012. С. 282–284); Филипповка I, курган 29, погребенная почва около погребения 1 – 1 экз. (рис. 3, 15), комплекс датирован рубежом V–IV вв. до н.э. – третьей четвертью IV в. до н.э. (Трейстер, Яблонский, 2012. С. 282–284).

Вариант 2 (рис. 3, 16) – бляшки с полусферическими округлыми лепестками, не имеющими орнаментации (рис. 3, 16). Размеры 1,5×1,5 см. В выборке этот тип представлен 1 экземпляром. Бляшка обнаружена: Переволочан I, курган 10 – 1 экз. (рис. 3, 16) (Пшеничнюк, 1995. С. 81, рис. 11, 2), комплекс датирован второй половиной IV в. до н.э. (Сиротин, 2016. С. 259).

Тип 1.7.3. Костяные бляшки (рис. 3, 17–26) в виде шестилепестковой розетки с округлым отверстием в центральной части. Петля на внутренней стороне от-

существует. Размеры: 2,7×2,7 см, 3,7×4,0 см. В анализируемой выборке этот тип представлен 9 экземплярами.

Обнаружены; Филипповка I, курган 4, жертвенный комплекс 1–9 экз. (рис. 3, 17–26), комплекс датирован рубежом V–IV вв. до н.э. – третьей четвертью IV в. до н.э. (Трейстер, Яблонский, 2012. С. 282–284).

Основываясь на датах, предложенных исследователями для погребальных комплексов, содержащих бляшки выделенных типов, можно отметить следующую динамику изменений в номенклатуре этих деталей сбруи у кочевников Южного Приуралья.

В VI–V вв. до н.э. номады Южного Приуралья использовали металлические бляшки с петлей на внутренней стороне: круглые со сквозным округлым отверстием в центральной части типа 1.1.7 (рис. 2, 13–17); крупные, в виде круглого плоского щитка, усложненного выступом подпрямоугольной или трапециевидной формы типа 1.2.2 (рис. 2, 24, 25); плоские гладкие прямоугольные с одним округлым краем типа 1.4.1. (рис. 3, 7, 8), неправильной подтреугольной формы типа 1.5.1 (рис. 3, 9, 10). В этот же период достаточно широкое распространение получили как небольшие, так и крупные металлические бляшки полусферической или приближающейся к конической формы типов 1.1.1 и 1.1.2, а также бляшки с круглым плоским щитком типа 1.1.3 (рис. 2, 1–7). Эти же типы продолжали использоваться кочевниками Южного Приуралья на протяжении следующего периода – в конце V–IV вв. до н.э., получив при этом более широкое распространение. В савроматское время появились металлические плоские бляшки типа 1.3.1 (рис. 3, 5, 6), которые продолжали использоваться и в период, приходящийся на конец V–IV вв. до н.э.

В это же время элементами конской амуниции стали металлические бляшки: выпуклые круглые, внешняя поверхность которых украшена валиками в виде концентрических окружностей типа 1.1.4 (рис. 2,

8–10); в виде круглого в плане, слабовыпуклого щитка, украшенного по периметру каплевидными насечками типа 1.1.5. (рис. 2, 11); с прорезями серповидной формы, которые вместе с выпуклым центром образуют солярный орнамент типа 1.1.6 (рис. 2, 12); крупные, в виде круглого в плане, слегка выпуклого щитка с круглым отверстием в центре и двумя петлями на внутренней стороне, орнаментированного спиралевидным орнаментом из круглых или овальных выемок типа 1.1.8 (рис. 2, 18); крупные в виде выпуклого круглого зубчатого обода с шестью спицами и петлями или петлей на обратной стороне типа 1.2.1 (рис. 2, 20–23); типа 1.2.3. с округлой центральной частью, от нижней части краев которой с противоположных сторон радиально отходят две округлые плоские лопасти (рис. 2, 26); округлые плоские с двумя выступами-завитками на противоположных точках и внешней поверхностью, украшенной пламевидными завитками, типа 1.2.4 (рис. 2, 27); гладкие ромбической в плане формы типа 1.6.1 (рис. 3, 11). Для этого же периода характерны костяные и металлические бляшки в виде розеток (рис. 3, 12–26) с различным количеством лепестков типов 1.7.1–1.7.3, а также круглые костяные бляшки, орнаментированные спиралевидным резным орнаментом типа 1.1.9 (рис. 2, 19). В кургане 1 могильника Филипповка I найдены плоские металлические бляхи типа 1.1.10 (рис. 3, 1–4) круглой формы, украшенные изображениями, выполненными в технике клуазоне. Первоначально бляхи являлись, вероятно, нагрудным украшением, а впоследствии, скорее всего, использовались кочевниками в качестве украшений дужек мягких седел.

Картографирование бляшек трех типов, представленных достаточно большим количеством находок (тип 1.1.1 – 46 экз., тип 1.1.2 – 34 экз., тип 1.1.3 – 26 экз.), показало их повсеместное распространение в пределах степей Южного Приуралья (рис. 4).

ЛИТЕРАТУРА

- Берлизов Н.Е.* Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э. – V в. н.э. Краснодар: КГУКИ, Парабеллум, 2011. Ч. I. С. 320.
- Васильев В.Н., Федоров В.К.* Курганы Южного Зауралья. Книга II. Баймакский район Республики Башкортостан. Уфа: Башкирский ГАУ, ООО «Издательство «Диалог», 2021. 132 с.
- Воронова С.А., Порохова О.И.* Чкаловский курганный могильник // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург: ОГПИ им В.П. Чкалова, 1992. С. 228–251.
- Гуцалов С.Ю.* Погребальные сооружения могильника Кырык-Оба II в Западном Казахстане // РА. 2010. № 2. С. 51–66.
- Гуцалов С.Ю.* Этнокультурная специфика могильника Кырык-Оба II // РА. 2011. № 1. С. 81–96.
- Зуев В.Ю.* О раскопках Б.Н. Гракова на Алебастровой горе у пос. Нежинского в 1927–1928 гг. // Археология ранних кочевников Евразии. Вып. 2. Самара: СГСПУ, 2021. С. 14–58.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.* Захоронение воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 137–156.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.* Материалы раскопок могильника Бесоба // Археологические исследования в Отраре, Алма-Ата: Наука, 1977. С. 103–115.
- Кантарович А.Р., Яблонский Л.Т.* О северопрichernоморских и северокавказских параллелях изображениям в скифо-сибирском зверином стиле на предметах

- из Филипповских курганов // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 10. Волгоград: ВолГУ, 2009. С. 73–99.
- Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х. Курганы ранне-сарматской культуры в Южной и Юго-Восточной Башкирии // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа: БФАН СССР, 1977. С. 52–66.
- Мамедов А.М., Гуцалов С.Ю., Бисембаев А.А. Погребальные комплексы древних и средневековых кочевников бассейна реки Жем (по материалам могильников Уркач-I, Жагабулак I, II). Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. XIV. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. 192 с.
- Моргунова Н.Л., Краева Л.А. Курганная группа Акоба II // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10. Оренбург: ОГПУ, 2012. С. 156–199.
- Мышкин В.Н. О назначении и характере обрядового использования серповидных предметов из кургана 1 Филипповского могильника // Уфимский археологический вестник. Вып. 19. Уфа, 2019. С. 17–24.
- Очир-Горяева М.А. Древние всадники степей Евразии. М.: Таус, 2012. 472 с.
- Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 200 с.
- Пшеничнюк А.Х. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа: Гилем, 1995. С. 62–96.
- Пшеничнюк А.Х. Филипповка: Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 280 с.
- Рукавишников И.В. Композиция Филипповского могильника и некоторые изображения пазырыкского звериного стиля // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 10. Волгоград: ВолГУ, 2009. С. 100–118.
- Сиротин С.В. Катакомбные погребальные комплексы IV в. до н.э. могильника «Авласовские курганы» из Южного Зауралья // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Т. 11. Ч. 2. Тамбов: Грамота, 2013.
- Сиротин С.В. Предметы конской сбруи из насыпей курганов ранних кочевников Южного Урала (по материалам раскопок 2008–2013 годов) // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всероссийской научной конференции. Челябинск, 2015. С. 247–255.
- Сиротин С.В. Об относительной хронологии и датировке Переволочан I // Константин Фёдорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящённой 100-летию со дня рождения Константина Фёдоровича Смирнова [Оренбург, 12–15 мая 2016 г.]. Оренбург, 2016. С. 253–264.
- Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА № 101. М.: АН СССР, 1961. 170 с.
- Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 380 с.
- Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 176 с.
- Смирнов К.Ф. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа: ИИЯЛ БФ АН СССР, 1977. С. 3–51.
- Смирнов К.Ф. Дромосные могилы ранних кочевников Южного Приуралья и вопрос о происхождении сарматских катакомб // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978. С. 56–64.
- Смирнов К.Ф. Раннесарматский курган под Новорском Оренбургской обл. // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984. С. 10–14.
- Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. Вып. Д1-9. М.: АН СССР, 1963. 40 с.
- Стародубцев М.В. Комплекс конского снаряжения Переволочанского могильника (по материалам раскопок 2007 года) // Вестник Челябинского государственного университета. № 32 (170). История. Вып. 35. Челябинск, 2009. С. 29–33.
- Таиров А.Д. Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья. Т. 2. Челябинск: ЮУрГУ, 2000. С. 4–205.
- Таиров А.Д. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья 7–2 вв. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С. 3–21.
- Трейстер М.Ю. Ахеменидские ювелирные украшения костюма из драгоценных металлов из Южного Приуралья. Изделия ахеменидского круга и местные подражания. Произведения постахеменидской традиции // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Под редакцией М.Ю. Трейстера и Л.Т. Яблонского. Т. I. М.: Таус, 2012. С. 134–167.
- Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. К вопросу об абсолютной дате могильника Филипповка-I // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Под редакцией М.Ю. Трейстера и Л.Т. Яблонского. Т. I. М.: Таус, 2012. С. 282–284.
- Трейстер М.Ю., Шемаханская М.С., Яблонский Л.Т. Комплексы с предметами ахеменидского круга могильника Покровка // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Под редакцией М.Ю. Трейстера и Л.Т. Яблонского. Т. II. М.: Таус, 2012. С. 85–156.
- Федоров В.К. Уздечные наборы с бляхами в виде

рыб из погребений ранних кочевников Южного Урала // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всероссийской научной конференции. Челябинск, 2015. С. 256–260.

Федоров В.К., Васильев В.Н. Уздечный набор с бляхами в виде рыб из кургана № 4 могильника Сара в восточном Оренбуржье // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». Т. 17. № 1. Челябинск, 2017. С. 54–61.

Яблонский Л.Т. Новые раскопки Филипповского I курганного могильника // Археология Восточно-Европейской степи: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 6. Саратов:

Научная книга, 2008а. С. 253–268.

Яблонский Л.Т. Новые раскопки Филипповского могильника и проблема формирования раннесарматской культуры Южного Приуралья // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: материалы междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий». Оренбург, 21–25 апреля 2008 г. Оренбург: ОГПУ, 2008б. С. 170–176.

Яблонский Л.Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка I (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. Книга 1. М.: ИА РАН, 2013. 232 с.

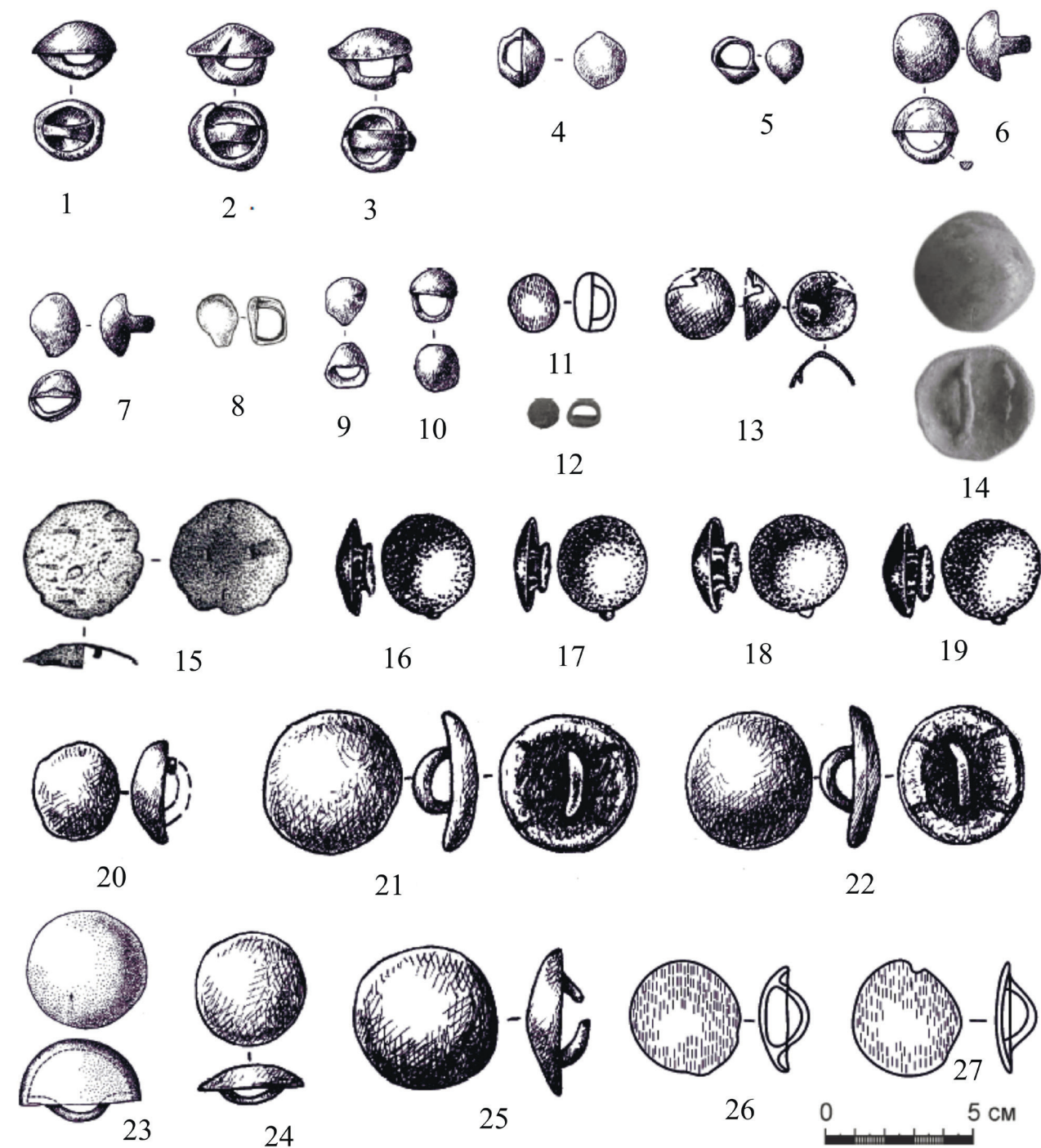

Рис. 1. Бляшки сбруи.

1–3 – Чкаловский, курган 4, погребение 2; 4, 5 – Мечет-Сай, курган 9, погребение 2; 6, 7 – Климовский большой курган; 8 – Алебастрова гора, курган 3; 9 – Новоорский I, курган 1, пола; 10 – Филипповка I, курган 3, пола; 11 – Переволочан I, курган 10, пола; 12 – Филипповка I, курган 29, жертвенный комплекс; 13 – Кырык-Оба II, курган 12, пола; 14 – Филипповка I, курган 1, околокурганное пространство; 15 – Переволочан I, курган 12, погребение 5; 16–19 – Загребаловский, курган 1, пола; 20 – Ново-Кумакский, курган 19, погребение 2; 21, 22 – Кырык-Оба II, курган 18, пола; 23 – хут. Веселый I близ с. Ак-Булак; 24 – Филипповка I, курган 6; 25 – Переволочан I, курган 10, погребение 2; 26–27 – Переволочан I, курган 10, погребение 1 (1–19, 21–27 – бронза, 20 – железо).

Рисунки по: 1–3 – Воронова, Порохова, 1992. Рис. 6, 9; 4, 5 – Смирнов, 1964. Рис. 22, 9; 6, 7 – Таиров, 2000. Рис. 43, 3, 4; 8 – Смирнов, 1964. Рис. 40, 1б (4); 9 – Смирнов, 1984. Рис. 1, 4; 10 – Пшеничнюк, 2012. Рис. 57, 5; 11 – Пшеничнюк, 1995. Рис. 11, 1; 12 – Яблонский, 2013. № 2612–2617; 13 – Гуцалов, 2011. Рис. 2, 7; 14 – Яблонский, 2013. № 3128, 15 – Стародубцев, 2009. Рис. 1, 19; 16–19 – Очир-Горяева, 2012. Илл. 323, 3; 20 – Смирнов, 1977. Рис. 11, 14; 21–22 – Гуцалов, 2010. Рис. 6, 2–5; 23 – Смирнов, 1964. Рис. 38, 10; 24 – Пшеничнюк, 2012. Рис. 86, 4; 25–27 – Пшеничнюк, 1995. Рис. 12, 6–7; 14, 11.

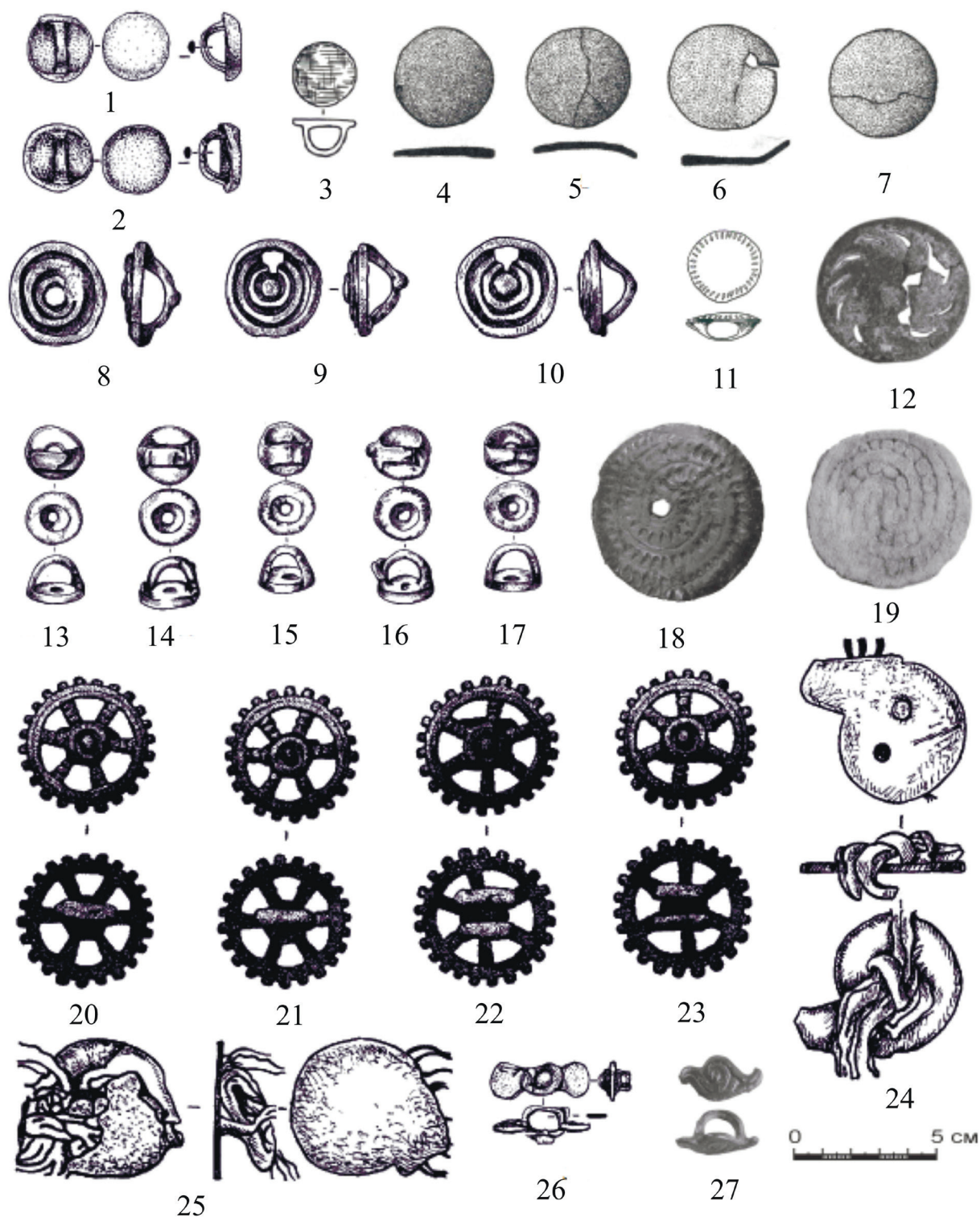

Рис. 2. Бляшки сбруи.

1, 2 – Акоба II, курган 1, погребение 1; 3 – Филипповка I, курган 3, пола; 4–7 – Аваласовские курганы, курган 3; 8–10 – Переволочан I, курган 10, погребение 2; 11 – Филипповка I, курган 2, жертвенный комплекс 1; 12 – Филипповка I, курган 29, жертвенный комплекс; 13–17 – Сынтас I, курган 1, погребение 2; 18, 19, 27 – Филипповка I, курган 4, жертвенный комплекс 1; 20–23 – Яковлевка II, один курган; 24–25 – Кырык-Оба II, курган 18; 26 – Акоба II, курган 2, погребение 2 (1–18, 20–27 – бронза, 19 – кость).

Рисунки по: 1, 2 – Моргунова, Краева, 2012. Рис. 9, 3, 4; 3 – Пшеничнюк, 2012. Рис. 57, 4; 4–7 – Сиротин, 2015. Рис. 2, 8; 8–10 – Очир-Горяева, 2012. Илл. 335а, 1; 11 – Яблонский, 2013. № 12; 12 – Яблонский, 2013. № 2611; 13–17 – Кадырбаев, Курманкулов, 1976. Рис. 3, 10; 18 – Яблонский, 2013. № 45; 19 – Яблонский, 2013. № 48, 49; 20–23 – Сиротин, 2015. Рис. 2, 1; 24, 25 – Гуцалов, 2010. Рис. 6, 6, 8; 26 – Моргунова, Краева, 2012. Рис. 17, 3; 27 – Яблонский, 2013. № 78.

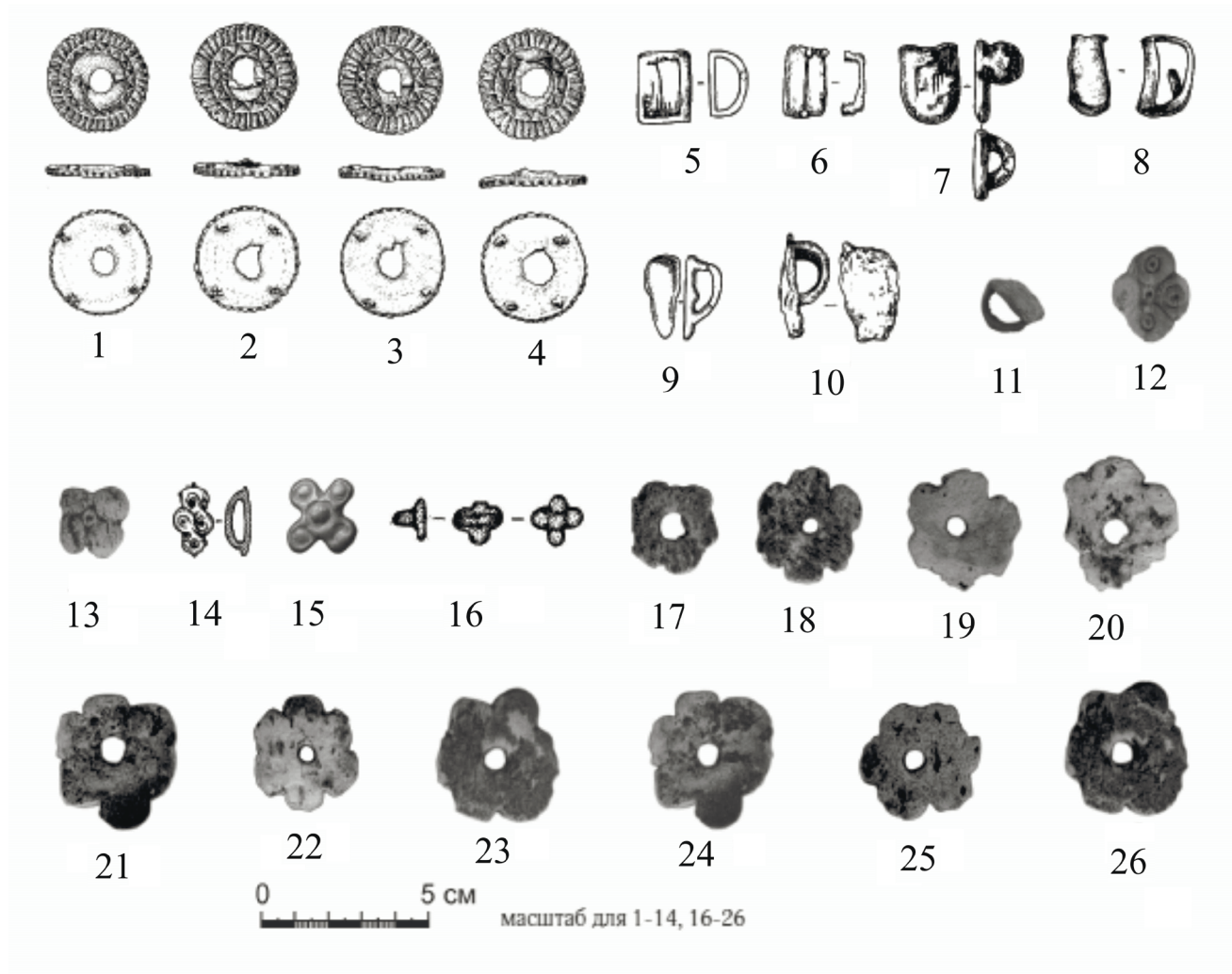

Рис. 3. Бляшки сбруи.

1–4 – Филипповка I, курган 1, погребение 1; 5, 14 – Филипповка I, курган 12; 6 – Альмухаметовский, курган 9, погребение 2; 7 – Ново-Кумакский, курган 19, погребение 2; 8 – Кырык-Оба II, курган 16; 9 – Алебастрова гора, курган 3; 10 – Тара-Бутак, курган 2, погребение 3; 11 – Филипповка I, курган 28, погребение 1; 12, 13, 17–26 – Филипповка I, курган 4, жертвенный комплекс 1; 15 – Филипповка I, курган 29, погребение 1; 16 – Переволочан I, курган 10 (1–4 – золото, эмаль, 5, 6, 8–11, 14–16 – бронза, 7, 10 – железо, 12, 13, 17–26 – кость).

Рисунки по: 1–5 – Пшеничнюк, 2012. Рис. 33; 118, 7; 6 – Пшеничнюк, 1983. Табл. XXXIV, 4; 7 – Смирнов, 1977. Рис. 12, 4; 8 – Гуцалов, 2011. Рис. 5, 5; 9, 10 – Смирнов, 1964. Рис. 40, 5; 19, 10; 11 – Яблонский, 2013. № 2609; 12 – Яблонский, 2013. № 64; 13 – Яблонский, 2013. № 75; 14 – Пшеничнюк, 2012. Рис. 118, 4; 15 – Яблонский, 2013. № 2442; 16 – Пшеничнюк, 1995. Рис. 11, 2; 17–26 – Яблонский, 2013. № 65, 67–75.

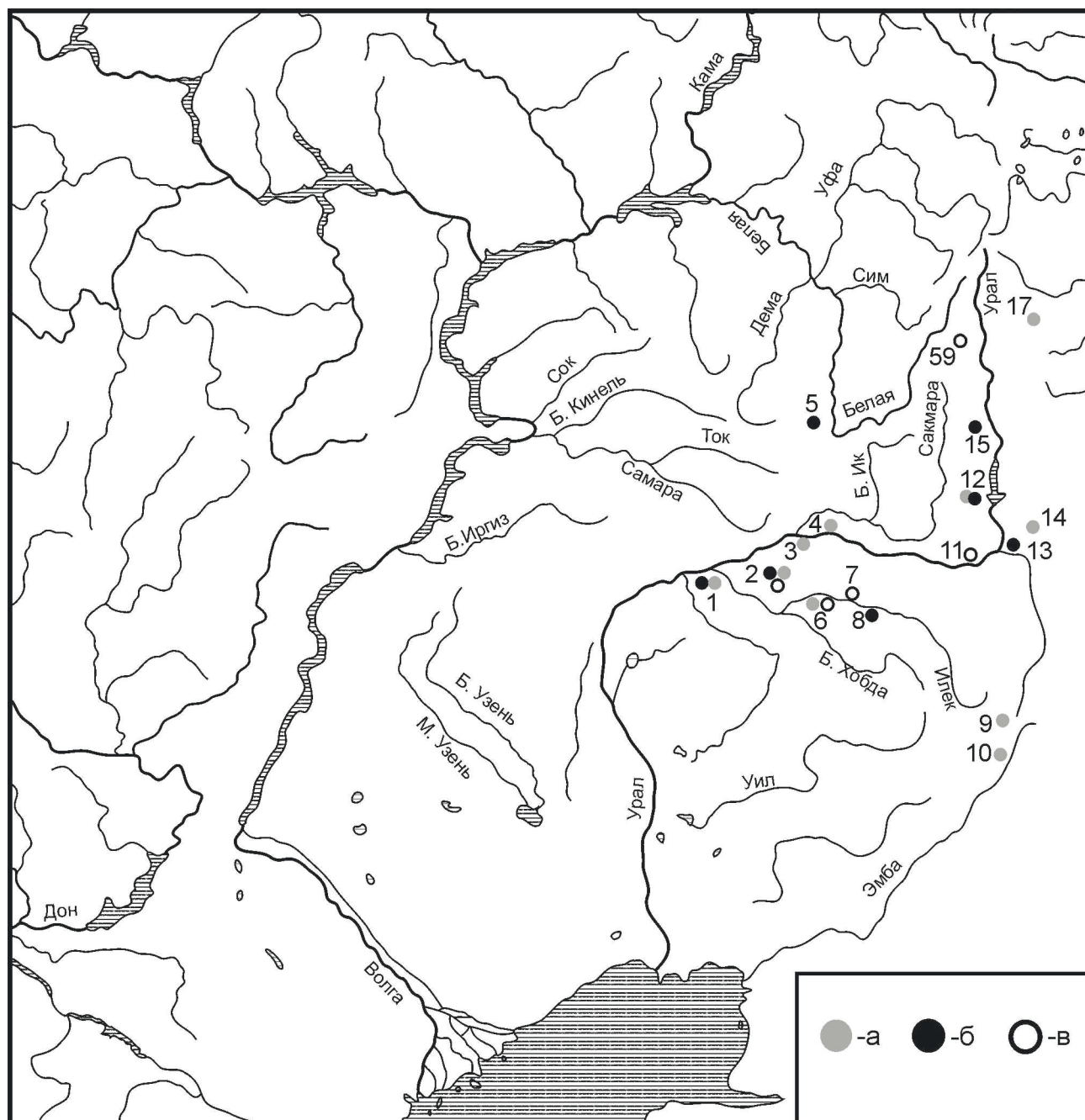

Рис. 4. Карта-схема встречаемости бляшек сбруи типов 1.1.1, 1.1.2, 1.1.3.

Условные обозначения: а – бляшки типа 1.1.1, б – бляшки типа 1.1.2, в – бляшки типа 1.1.3.

1 – Кырык-Оба II; 2 – Филипповка I; 3 – Чкаловский; 4 – Алебастрова гора; 5 – Загребаловский; 6 – Мечет-Сай; 7 – Акоба II; 8 – Веселый I (Ак-Булак); 9 – Уркач I; 10 – Жагабулак I; 11 – Сара; 12 – Переволочан I; 13 – Ново-Кумакский; 14 – Новоорский; 15 – Сибайский I; 16 – Аваласовский; 17 – Климовский Большой.

АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ КОЧЕВНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА С ТЕРРИТОРИИ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2023 И.М. Григорьева

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 23-68-10006 «Этнокультурные процессы в бронзовом и раннем железном веке в свете междисциплинарных исследований в Южном Приуралье»

Аннотация. В статье публикуются археозоологические материалы из погребений кочевников раннего железного века. Курганные могильники Плешаново II, Донецкое I, Васильевка III, Студеное II и Бердянка V с территории Оренбургской области исследованы и опубликованы в разные периоды времени сотрудниками Археологической лаборатории Оренбургского государственного педагогического университета. Изучение остеологических материалов включало в себя детальное рассмотрение биологических и археологических параметров.

Ключевые слова: кочевники раннего железного века, Оренбургское Приуралье, погребальный обряд, археозоология, погребальные комплексы с костями животных.

ARCHAEOZOOLOGICAL MATERIALS FROM EARLY IRON AGE NOMADIC BURIALS FROM THE TERRITORY OF THE ORENBURG REGION

© 2023 I.M. Grigorieva

Abstract. The article publishes archaeozoological materials from burials of Early Iron Age nomads. Kurgan burial mounds Pleshanovo II, Donetskoe I, Vasilievka III, Studenoe II and Berdyanka V from the territory of the Orenburg region were investigated and published in different periods of time by the staff of the Archaeological Laboratory of the Orenburg State Pedagogical University. The study of the osteological materials included detailed consideration of biological and archaeological parameters.

Keywords: nomads of the Early Iron Age, Orenburg Urals, burial rites, archaeozoology, burial complexes with animal bones.

За последние четыре десятилетия Оренбургской археологической экспедицией исследовано большое количество могильников раннего железного века. Большинство переданных нам для изучения погребальных остеологических комплексов происходят из данных некрополей. Настоящая статья продолжает цикл публикаций, посвященных введению в научный оборот археозоологических материалов из памятников кочевников раннего железного века Южного Приуралья (Косинцев, 1995; Рослякова, 2003; Рослякова, 2010; Рослякова, Григорьева, 2021а; 2021б; Рослякова, Григорьева, 2022; Купцов, Рослякова, Григорьева, 2023; Григорьева, Рослякова, Купцов, 2023).

В данной работе приведен анализ костных остатков из курганных могильников Бердянка V¹, Васильевка III, Донецкое I, Плешаново II и Студеное II. Рассматриваемые комплексы датируются VI–V и IV–II вв. до н.э., такая хронология традиционно соотносится с савроматской и раннесарматской культурой. Местоположение памятников, археологический контекст и анализ погребального инвентаря опубликованы ранее в ряде работ оренбургских археологов (Моргунова, Мещеря-

ков, 1999; Халяпин, 2001; Матюшко и др., 2016; Крюкова, Купцов, 2014; Купцов, Моргунова, 2017).

Остеологические коллекции памятников проанализированы в соответствии с методическими подходами, применяемыми Лабораторией естественнонаучных методов в археологии Института археологии РАН (Антипина, 2004; Яворская, 2012). Возраст забитых животных определялся на основе установленных сроков синостоза эпифизов и диафизов у современных домашних животных (Silver, 1969).

Всего исследовано 129 костей из 13 комплексов. Естественная сохранность костных остатков в среднем оценивается как удовлетворительная (три балла по пятибалльной шкале). Все обнаруженные остатки принадлежат четырем видам животных: лошади *Equus caballus*, мелкому рогатому скоту (овце *Ovis aries* или козе *Capra hircus*) (далее МРС), крупному рогатому скоту *Bos taurus* (далее КРС) и собаке *Canis familiaris*. Среди костей МРС достоверно идентифицирована только овца. Исходные определения и предполагаемая реконструкция применения животных в погребальном обряде представлены в таблице 1.

Полученный материал систематизировался по категориям погребальных комплексов, выделенным Н.В. Росляковой (Рослякова, 2016). Костные остатки из

¹ Коллекция могильника Бердянка V хранится в фондах Института экологии растений и животных УРО РАН, Екатеринбург. Выражаю благодарность П.А. Косинцеву за возможность работы с материалом.

Таблица 1. Археозоологические определения из погребений кочевников раннего железного века из могильников с территории Оренбургской области

Местоположение	Хронология	Естественная сохранность	Археозоологические определения	Предполагаемая реконструкция	Примечание
КМ Бердянка V					
К.2, П.1, в заполнении могильной ямы	втор. пол. VI–IV в. до н.э.	3	Лошадь: дистальный эпифиз правой плечевой кости, фрагмент правого ребра, 5 поясничных позвонков и крестец; МРС: 3 поясничных позвонка (эпифизы не приросли).	В могилу положили дистальную часть передней конечности и часть грудной клетки, часть поясницы (кострец) – 3 части туши лошади возрастом 1,5–3,5 года и часть поясницы (кострец) от особи МРС возрастом от 2 до 5 лет. Данный комплекс является напутственной пищей.	Позвонки и крестец лошади имеют надрубы, на 2 позвонках МРС есть разрубы.
К.4, насыпь, в бровке	III–II вв. до н.э.	3	Лошадь: 2 верхних зуба, правые лопатка, пястье и плюсна, левая пяточная кость; МРС: правая лопатка; КРС: 2 первые фаланги; собака: атлант, правая нижняя челюсть.	Данный комплекс относится к категории «отдельные кости и их скопления».	
К.4, П.2, у ног погребенного	III–II вв. до н.э.	3	Овца: правая и левая берцовые кости (проксимальный эпифиз не прирос), левая ветвь таза.	В могилу положили 2 проксимальных части задней конечности и часть грудной клетки, минимум от одной овцы возрастом 1,5–3,5 лет. Данный комплекс является напутственной пищей.	
К.4, П.4, у ног погребенного	III–II вв. до н.э.	3	Лошадь: 13 левых ребер.	В могилу положили часть грудной клетки взрослой особи лошади. Данный комплекс является напутственной пищей.	На 1 ребре фиксируется погрыз грызуном.
К.4, П.5, рядом с грудной клеткой погребенного	III–II вв. до н.э.	3	Лошадь: 4 правых ребра (2 из передней части грудной клетки, 2 из задней).	В могилу положили 2 части грудной клетки, минимум от одной взрослой особи лошади. Данный комплекс является напутственной пищей.	
К.5, X1, насыпь	III–II вв. до н.э.	2–3	КРС: верхний правый моляр M1/2.	Данный комплекс относится к категории «отдельные кости и их скопления».	
К.5, П.1, у ЮВ стенки, при скелете 3	III–II вв. до н.э.	2–3	Овца: правые лопатка (бугор не прирос), плечевая (проксимальный эпифиз не прирос), лучевая (дистальный эпифиз не прирос), 6 правых ребер (из средней части грудной клетки).	В могилу положили проксимальную часть передней конечности и часть грудной клетки минимум от одной особи овцы возрастом около полугода. Данный комплекс является напутственной пищей.	
К.5, П.3, между восточной стенкой катакомбы и костями ступней погребенного	III–II вв. до н.э.	2–3	Овца: правые лопатка, плечевая (проксимальный эпифиз не прирос), лучевая (дистальный эпифиз не прирос) и локтевая кости (эпифизы не приросли); лошадь: 11 левых ребер.	В могилу положили проксимальную часть передней конечности овцы возрастом 1,5–3,5 года и часть грудной клетки взрослой особи лошади. Данный комплекс является напутственной пищей.	
К.5, П.5, у ног погребенного	III–II вв. до н.э.	2–3	Овца: левые плечевая (проксимальный эпифиз не прирос), лучевая (дистальный эпифиз не прирос) и локтевая кости (эпифизы не приросли), 6 левых ребер (из средней части грудной клетки).	В могилу положили проксимальную часть передней конечности часть грудной клетки, минимум от одной овцы возрастом 1,5–3,5 года. Комплекс является напутственной пищей.	Плечевая кость погрызена грызунами.

КМ Васильевка III					
К.6, П.6, к югу от левой руки погребенного	IV–II вв. до н.э.	3–4	Овца: левые лопатка (у бугра виден шов), плечевая (проксимальный эпифиз не прирос, у дистального эпифиза виден шов), лучевая (дистальный эпифиз не прирос), локтевая (эпифизы не приросли), 2 мелкие подиальные кости	В могилу положили фрагмент проксимальной части левой передней конечности – 3 части туши, минимум от одной особи возрастом около полугода. Комплекс является напутственной пищей.	
КМ Донецкое I					
К.2, П.3, на дне могильной ямы	IV–II вв. до н.э.	4	Овца: правые плечевая, лучевая и локтевая кости, 6 левых (из средней части грудной клетки) и 4 правых (из задней части грудной клетки) ребра, левая ветвь таза, левые берцовая (дистальный эпифиз не прирос), таранная и пяточная (бугор не прирос) кости.	В могилу положили фрагмент проксимальной части правой передней конечности, 2 части грудной клетки (правую и левую), левую часть таза и левую голень – 5 частей туши, минимум от двух особей овцы возрастом 3,5–5 лет и 1,5–3,5 года. Комплекс является напутственной пищей.	На 6 левых ребрах зафиксированы следы подрубов, погребение разрушено.
КМ Плешаново II					
К.1, П.1, между стенкой ямы и левой рукой погребенного	IV в. до н.э.	4	Овца: левые лопатка, плечевая (проксимальный эпифиз не прирос), лучевая (дистальный эпифиз не прирос), локтевая (эпифизы не приросли), 5 левых ребер (головки не приросли, из средней части грудной клетки), 3 поясничных позвонка (эпифизы не приросли), крестец (не синостозирован).	В могилу положили фрагмент проксимальной части передней левой конечности, часть грудной клетки и кострец – 3 части туши, минимум от одной особи овцы возрастом 1,5–3,5 года. Комплекс является напутственной пищей.	
КМ Студеное II					
К.2, П.2, в заполнении могильной ямы	V в. до н.э.	3–4	Лошадь: фрагмент черепа, грудной позвонок (эпифиз с каудальной стороны не прирос), 6 правых (из средней части грудной клетки) и 4 левых ребра (из задней части грудной клетки), МРС: 2 левые лучевые кости (у одной не прирос дистальный эпифиз), левая локтевая кость, фрагмент правого ребра.	В могиле найдены лопатка и две части грудной клетки лошади – 3 части туши минимум от одной особи возрастом до 5 лет и 2 проксимальные части от левых передних конечностей и правая часть грудной клетки – 3 части туши минимум от двух особей МРС возрастом 1,5–3,5 года и старше 3,5 лет. Комплекс относится к категории «отдельные кости и их скопления».	На лопатке фиксируются погрызы хищником (собакой?), на 1 левом ребре фиксируется порез острым лезвием, 1 лучевая и локтевая кости МРС погрызены хищником (собакой?), погребение разрушено норными животными.

исследуемых памятников относятся к двум категориям комплексов: отдельные кости и их скопления и напутственная пища (Рослякова, 2016. С. 29–31). По результатам анализа публикаций рассматриваемых погребений выделена категория «погребальный инвентарь».

Категория «отдельные кости и их скопления» представлена тремя комплексами из курганов 4 и 5 могильника Бердянка V и кургана 2 могильника Студеное II. В насыпи курганов могильника Бердянка V обнаружены кости лошади, КРС, МРС и собаки. Копытные животные представлены в основном зубами и подиальными костями. В кургане 4 обнаружены атлант и правая нижняя челюсть собаки.

Отдельно стоит рассмотреть остеологический комплекс из погребения 2 кургана 2 могильника Студеное II (V в. до н.э.). Кости обнаружены в заполнении мо-

гильной ямы. Место их первоначального расположения доподлинно неизвестно, так как погребение разрушено норами. Часть костей погрызена крупный хищником, поэтому можно предположить, что данные кости какое-то время находились на поверхности, и они не могут относиться к напутственной пище, сопровождающей погребенного. Также здесь обнаружен фрагмент черепа лошади. В памятниках кочевников раннего железного века жертвенные комплексы с черепами домашних копытных часто располагаются на перекрытии могильных ям (Григорьева, 2023. С. 40). Учитывая вышеизложенное, объективно отнести данный комплекс к напутственной пище или жертвеннику не представляется возможным, поэтому данный комплекс относится к категории «отдельные кости и их скопления». Кроме того, среди костей животных обнаружены кости взрос-

лого человека: 9 позвонков, 3 ребра, ключица, фрагмент лучевой кости, фрагмент таза и фаланга. Таким образом, выдвинутое ранее исследователями предположение о том, что данное погребение является кенотафом, вероятно, не соответствует действительности (Купцов, Моргунова, 2019. С. 156). Судя по найденным здесь отдельным костям человека, погребение 2 кургана 2 могильника Студеное II, является ограбленным и разрушенным захоронением.

Категория «напутственная пища» представлена десятью комплексами. Статистические данные этой категории приведены в таблицах 2 и 3.

Наибольшее количество частей туш принадлежит мелкому рогатому скоту – 72,0 % (18 частей туши). Доля лошади составляет 28,0 % (7). Анатомический спектр МРС представлен позвонками и ребрами (7 частей туш), лопатками и проксимальной частью передней конечности (6 частей туш), тазом и проксимальной частью задней конечности (5 частей туш). Анатомический спектр лошади представлен ребрами и поясничным отделом позвоночника. На костях данной категории фиксируются следы разделки (надрубы).

Анализ взаимного расположения костей животных, погребального инвентаря и половозрастных характеристик погребенного показал, что напутственная пища нередко встречается вместе с железным однолезвийным ножичком (могильник Бердянка V, курган 4, погребения 2, 4, 5 и курган 5, погребение 3, могильник Плешаново II, курган 1, погребение 1) и сопровождает погребения взрослых людей. В детских погребениях (курган 4, погребение 1 и курган 5, погребения 4 и 6) могильника Бердянка V напутственная пища не встречена. Местоположение комплексов с напутственной

пищей тяготеет к стенкам погребальных ям и ногам погребенных.

Один из вариантов использования животных в обряде – помещение изделий из кости в могилу в качестве погребального инвентаря. Исходя из данных, опубликованных археологами, в представленных могильниках обнаружены: надклювье обыкновенной кваквы *Nycticorax nycticorax* в погребении 1 кургана 4 могильника Бердянка V (Моргунова, Мещеряков, 1999. С. 125), блюдо из лосиного рога в погребении 1 кургана 5 могильника Бердянка V (Моргунова, Мещеряков, 1999. С. 128), костяной гребешок с навершиями, украшенный головами птиц, в погребении 6 кургана 5 могильника Бердянка V (Моргунова, Мещеряков, 1999. С. 131), панцирь черепахи из погребения 6 кургана 6 могильника Васильевка III (Халыпин, 2001. С. 59). В погребении 1 кургана 1 могильника Плешаново II (Крюкова, Купцов, 2014. С. 201) обнаружена грифельная кость лошади, являющаяся проколкой. Костяной инвентарь из могильника Бердянка V сопровождает погребения детей и подростков, а панцирь черепахи и проколка – погребения женщин.

Таким образом, исследовано 13 комплексов с костями животных. Данные комплексы встречены в насыпях курганов, в заполнении и на дне могильных ям. Наиболее распространенной категорией является напутственная пища, представленная мясными частями туш МРС и лошади. Данная тенденция прослеживается как для погребений второй половины VI – IV в. до н.э., так и для IV–II вв. до н.э. Категория «отдельные кости и их скопления» встречается в насыпи кургана и в разрушенных погребениях. Доподлинно установить назначение таких костей в погребальном процессе не пред-

Таблица 2. Видовой состав домашних копытных из комплексов «напутственной пищи»

Местоположение	Лошадь	МРС	Всего, %
	костей/частей туш	костей/частей туш	костей/частей туш
втор. пол. VI – IV в. до н.э.			
КМ Бердянка V, К.2, П.1	7/3	3/1	10/2
IV–II вв. до н.э.			
КМ Бердянка V, К.4, П.2	–	3/3	3/3
КМ Бердянка V, К.4, П.4	13/1	–	13/1
КМ Бердянка V, К.4, П.5	4/2	–	4/2
КМ Бердянка V, К.5, П.1	–	9/2	9/2
КМ Бердянка V, К.5, П.3	11/1	4/1	–
КМ Бердянка V, К.5, П.5	–	9/2	–
КМ Васильевка III, К.6, П.6	–	6/1	–
КМ Донецкое I, К.2, П.3	–	17/5	–
КМ Плешаново II, К.1. П.1	–	13/3	–
Всего в погребениях IV–II вв. до н.э.	28/4	61/17	89/21
%, по количеству частей туши	19,1	80,9	100,0
ВСЕГО	35/7	64/18	99/25
ВСЕГО, %	28,0	72,0	100,0

Таблица 3. Анатомический состав домашних копытных из комплексов «напутственной пищи»

Местоположение	Позвонки, ребра	Лопатка, передняя конечность	Таз, задняя конечность	Всего, %
втор. пол. VI – IV вв. до н.э.				
<i>Лошадь</i>				
КМ Бердянка V, К.2. П.1	6/2	1/1	-	7/3
<i>Мелкий рогатый скот</i>				
КМ Бердянка V, К.2. П.1	3/1	-	-	3/1
IV-II вв. до н.э.				
<i>Лошадь</i>				
КМ Бердянка V, К.4. П.4	13/1	-	-	13/1
КМ Бердянка V, К.4. П.5	4/2	-	-	4/2
КМ Бердянка V, К.5. П.3	11/1	-	-	11/1
Всего в погребениях IV–II вв. до н.э.	28/4	-	-	28/4
%, по количеству частей туши	100,0	-	-	100,0
<i>Мелкий рогатый скот</i>				
КМ Бердянка V, К.4. П.2	-	-	3/3	3/3
КМ Бердянка V, К.5. П.1	6/1	3/1	-	9/2
КМ Бердянка V, К.5. П.3	-	4/1	-	4/1
КМ Бердянка V, К.5. П.5	6/1	3/1	-	9/2
КМ Васильевка III, К.6. П.6	-	6/1	-	6/1
КМ Донецкое I, К.2. П.3	10/2	3/1	4/2	17/5
КМ Плешаново II, К.1. П.1	9/2	4/1	-	13/3
Всего в погребениях IV–II вв. до н.э.	31/6	23/6	7/5	61/17
%, по количеству частей туши	35,3	35,3	29,4	100,0
ВСЕГО	68/13	24/7	7/5	99/25
ВСЕГО, %	52,0	28,0	20,0	100,0

ставляется возможным. Исследование подтверждает опубликованные ранее результаты археозоологического изучения памятников раннесарматского време-

ни (Григорьева, 2023. С. 42–43) и уточняет варианты использования животных в погребальных ритуалах населения степного Приуралья.

ЛИТЕРАТУРА

- Антипина Е.Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России: К столетию со дня рождения В. И. Цалкина: сб. статей / Отв. ред. Е. Е. Антипина, Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 7–33.
- Григорьева И.М. Животные в погребальном обряде кочевников раннего железного века Оренбургского Приуралья в IV–II вв. до н.э. // Археология Евразийских степей. № 1. Казань, 2023. С. 39–44.
- Григорьева И.М., Рослякова Н.В., Купцов Е.А. Археозоологическое исследование кольцевого сооружения-святилища Переволоцкого могильника в Оренбургском Приуралье // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2023. № 2 (46). С. 169–186. URL: http://vestospu.ru/archive/2023/articles/12_46_2023.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2023.46.12.
- Матюшко И.В., Моргунова Н.Л., Турецкий М.А., Файзуллин А.А. Курганный могильник у с. Донецкое // Археологические памятники Оренбуржья: Сборник научных трудов. Вып. 12. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2016. С. 102–115.
- Косинцев П.А. Костные остатки животных из могильников Покровка 1, 2 и 8 // Курганы левобережного Илека. Вып. 3 / Отв. ред. Л. Т. Яблонский. М.: ИА РАН, 1995. С. 79–100.
- Крюкова Е.А., Купцов Е.А. Впускные погребения раннего железного века Плешановского II курганного могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 11 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2014. С. 201–213.
- Купцов Е.А., Моргунова Н.Л. Погребения кочевников раннего железного века из Западного и Центрального Оренбуржья // Археологические памятники Оренбуржья: Сборник научных трудов. Вып.13. Орен-

бург: Оренбургский государственный аграрный университет, 2017. С. 174–190.

Купцов Е.А., Моргунова Н.Л. Курган 2 Студеновского II курганного могильника // Археологические памятники Оренбуржья: Сборник научных трудов. Вып. 14. Оренбург: ОГПУ, 2019. С. 150–159.

Купцов Е.А., Рослякова Н.В., Григорьева И.М. Сарматские парные погребения IV в. до н.э. в сопровождении жертвенных комплексов с тушами крупного рогатого скота (по материалам Южного Приуралья) // Региональные особенности хронологии и периодизации савроматской и сарматских культур: материалы XI Всерос. науч. конф. с междунар. участием «Проблемы сарматской археологии и истории». Волгоград: ВолГУ, 2023. С. 103–113.

Моргунова Н.Л., Мещеряков Д.В. «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3. Оренбург: Печатный дом «Димур», 1999. С. 124–146.

Рослякова Н.В. Костные останки животных из I и II Шумаевских курганных могильников // Шумаевские курганы / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2003. С. 293–313.

Рослякова Н.В. Кости животных из могильника Прохоровка. Приложение 4 // Яблонский Л.Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии / МИАР. № 12. М: Таус, 2010. С. 256–265.

Рослякова Н.В. Погребальные комплексы с костями животных из могильников срубной культурно-исторической общности Самарского Поволжья. Дисс... канд. ист. наук. Ижевск, 2016. 332 с.

Рослякова Н.В., Григорьева И.М. Костные остатки животных из «кургана-святилища» могильника Филлиповка II // Археология ранних кочевников Евразии. Вып. 2 / Отв. ред. В.Н. Мышкин. Самара: СГСПУ, 2021а. С. 87–93.

Рослякова Н.В., Григорьева И.М. Новые данные об использовании животных в погребальном обряде населения, оставившего Прохоровские курганы // Археология ранних кочевников Евразии. Вып. 2 / Отв. ред. В.Н. Мышкин. Самара: СГСПУ, 2021б. С. 121–127.

Рослякова Н.В., Григорьева И.М. Кости животных из погребальных комплексов II курганного могильника у с. Второе Имангулово // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 16. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2022. С. 129–162.

Халяпин М.В. Раннеалакульский курган у с. Васильевка на юге Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 5. Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2001. С. 49–74.

Яворская Л.В. Погребальные ритуалы по археозологическим материалам // Курганы бронзового века в излучине Дона (опыт комплексных археологических и естественнонаучных исследований) / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во Волгогр. филиала РАНХиГС, 2012. С. 116–126.

Silver I. The ageing of domestic animals // Science in archaeology: a survey of progress and research / D.R. Brothwell, E. S. Higgs, G. Clark (eds.). London: Thames and Hudson, 1969. P. 283–302.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КЕРАМИЧЕСКИХ СОСУДОВ КОЧЕВНИКОВ САМАРСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ V–I ВВ. ДО Н.Э.

© 2023 Н.В. Иванова, В.Н. Мышкин

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-18-00194 «Эпохальная трансформация культурного и физического облика населения юга Среднего Поволжья и Приуралья в период неолит–ранний железный век по источникам археологии, антропологии, генетики».

Аннотация. Статья посвящена публикации технологических характеристик керамических изделий из погребений кочевников Самарского Заволжья V–I вв. до н.э. Приводится характеристика 17 сосудов. Исследование осуществлялось по методике, разработанной А.А. Бобринским, основанной на микроскопическом анализе археологической керамики и экспериментальных серий, технологической трасологии и сравнении археологического материала с эталонными образцами.

Ключевые слова: Самарское Заволжье, ранний железный век, кочевники, савроматское время, раннесарматская культура, курганы, керамические изделия, сосуды, технология гончарного производства.

TECHNOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CERAMIC VESSELS OF NOMADS OF THE SAMARA TRANS-VOLGA REGION OF THE V–I CENTURIES BC

© 2023 N.V. Ivanova, V.N. Myshkin

Abstract. The article is devoted to the publication of technological characteristics of ceramic products from the burials of nomads of the Samara Trans-Volga region of the V–I centuries BC. Characteristics of 17 vessels are given. The research was carried out according to the methodology developed by A.A. Bobrinsky and based on microscopic analysis of archaeological ceramics and experimental series, technological traceology and comparison of archaeological material with reference samples.

Keywords: Samara Trans-Volga region, Early Iron Age, nomads, Sauromatian time, Early Sarmatian culture, mounds, ceramic products, vessels, pottery production technology.

Введение

Изучение керамических сосудов кочевников, летние пастбища которых располагались в степных и лесостепных районах Самарского Заволжья, долгое время ограничивалось характеристикой формы, орнаментации и визуально определяемой примеси этой категории сопровождающего инвентаря при публикации погребальных комплексов (Скарбовенко, 1976. С. 174–178; Мышкин, 1992; Мышкин, Скарбовенко, 1996; Сташенков, 1999. С. 26–27; Мышкин и др., 1999; Кузнецов, Мышкин, 2003).

Только в начале XXI в. появились работы, посвященные исследованию гончарной технологии, существовавшей у кочевого населения этого региона в V–I вв. до н.э. (Иванова, 2000; Иванова, Мышкин, 2006. С. 379–391; Салугина, 2006). В одной из этих работ изложены сведения о технологии изготовления нескольких сосудов савроматского и раннесарматского времени из погребений, исследованных на территории Самарского Заволжья (Иванова, 2000. С. 140–148). Следует также отметить статью, в которой на основе анализа 36 сосудов приводится обобщенная характеристика (представленная главным образом в виде таблицы наличия признаков) гончарной технологии ко-

чевников, населявших степи Самарского Заволжья в V–I вв. до н.э., и прослежена динамика ее изменения на протяжении указанного периода (Иванова, Мышкин, 2006. С. 379–391).

Представляется целесообразной публикация подробных данных о технологии изготовления каждого керамического изделия из раннекочевнических погребальных комплексов Самарского Заволжья, датированных временем в пределах V–I вв. до н.э. Эта информация при сопоставлении с аналогичными данными о керамике, найденной в других регионах степной и лесостепной зон Евразии, может быть использована для исследования вопросов культурной преемственности и инноваций в среде номадов I тыс. до н.э. и определения степени однородности этнокультурного состава этих племен.

В настоящей статье излагаются результаты исследования технологии изготовления 17 керамических сосудов из погребений ранних кочевников V–I вв. до н.э.

Представлено описание технологических навыков изготовления глиняной посуды по стадиям и ступеням керамического производства: от отбора сырья до обжига. Данные о конструировании многих сосудов получить не удалось, так как часть из них сохра-

нилась во фрагментированном состоянии. Кроме того, многие экземпляры посуды находятся в экспозициях музеев. Поэтому изучение способов их конструирования оказалось невозможным. Перед микроскопическим исследованием фрагменты сосудов нагревались в окислительной атмосфере до 850°C. Таким образом определяется ожелезненность сырья, более ясно выявляются минеральные примеси.

Исследования проводились по методике, разработанной А.А. Бобринским (Бобринский, 1978. С. 3–265; 1999. С. 5–109). Данная методика основана на микроскопическом анализе археологической керамики и экспериментальных серий, технологической трасологии и сравнении археологического материала с эталонными образцами. Объектами изучения выступают следы работы гончара на поверхностях и в «свежих» изломах сосудов. Любое гончарное производство представляет собой систему реализации взаимосвязанных навыков труда, обладающих определенной устойчивостью. Автор методики в структуре технологии выделяет три стадии и двенадцать ступеней, отражающих решение узких технологических задач, неизменно возникающих во всех керамических производствах.

1. Подготовительная стадия: отбор, добыча и подготовка исходного сырья, а также составление формовочной массы.

2. Созидательная стадия: связана с конструированием, формообразованием и механической обработкой поверхностей сосудов.

3. Закрепительная стадия: включает в себя операции по приданию изделию прочности и водонепроницаемости.

Такие узкие технологические задачи, как конструирование служебных частей емкостей и орнаментация поверхностей, не являются обязательными, а служат дополнением постоянной структуры в рамках созидательной или закрепительной стадий (Бобринский, 1999. С. 11).

Следующие положения позволяют использовать технологическую информацию для изучения особенностей культурно-исторических процессов прошлого.

1. Знания о навыках труда носят эмпирический характер. Система трудовых навыков в гончарстве складывается исторически и в стабильных условиях обладает устойчивостью.

2. Механизм передачи приемов труда осуществляется только контактным путем, этим обусловлено образование устойчивых технологических традиций, характерных для коллектива, объединенного родственными связями. Традиции изготовления посуды из пластического сырья допустимо называть культурными традициями в области гончарной технологии.

3. В условиях смешения разных в культурном отношении групп населения происходят измене-

ния навыков труда в соответствии с определенными закономерностями.

В процессе смешения разные навыки проявляют себя по-разному и обладают различной устойчивостью к изменению условий. Субстратные навыки (представления об исходном сырье для изготовления посуды, приемы формообразования, конструирования начин и полого тела) сохраняются в течение нескольких поколений гончаров. Приспособительные навыки (отбор исходного сырья как решение узкой задачи, составление формовочных масс, обработка поверхностей) могут измениться через несколько лет после начала процесса смешения (Бобринский, 1978. С. 242–244).

Технологические характеристики керамической посуды

1. Новопавловский курганный могильник, курган 9, погребение 1. Погребальный комплекс датирован V в. до н.э. (Мышкин, Скарбовенко, 1996. С. 198).

Сосуд плоскодонный неорнаментированный (рис. 1, 1).

Отбор исходного сырья.

Исходным сырьем служила тощая ожелезненная глина (степень запесоченности значительная), дробленая в сухом виде. В ней зафиксированы следующие естественные примеси: единичные включения охры (размеры частиц 2–8 мм); песок цветной (полупрозрачные, красноватые, серые включения), окатанный, с размером зерен 0,5 мм и менее (основное количество менее 0,1 мм); единичные остроугольные фрагменты жирной ожелезненной глины без каких-либо включений; бурый железняк оолитовой формы (0,4–1,0 мм); пылевидная слюда (единичные пластинки около 0,1 мм).

Составление формовочной массы. Компонентами формовочной массы являлись шамот, навоз.

Шамот. Некалиброванный, размер частиц от пылевидных до 4,5 мм. По составу формовочной массы выявлено два вида шамота: из жирной ожелезненной глины с примесью органики; из жирной ожелезненной глины с единичными включениями песка (размер частиц около 0,3 мм) с примесью шамота и органики. Концентрация шамота 1:4.

Навоз. Присутствие этой примеси в формовочной массе сосуда фиксируется по разнообразным растительным расщепленным остаткам, бежевым рыхлым включениям, черным пузыристым сгусткам. Концентрация 1:4(5).

Обработка поверхностей. При обработке внешней поверхности край венчика (губа) заглаживался твердым гладким орудием по подсушенной поверхности, шея сосуда заглаживалась пальцами, верхняя часть тулова – ножом (деревянным?), придонная часть – заглаживание тканью. Внутренняя поверхность заглаживалась тканью и пальцами.

Придание изделию прочности. В изломе сосуд имеет 3 слоя. Внешний и внутренний слой – толщиной 1,2–1,5 мм – светло-коричневого цвета; внутренний слой – темно-серый.

2. Кировский могильник I, курган 9, погребение 20. Погребальный комплекс датирован концом V – началом IV в. до н.э. (Мышкин, Скарбовенко, 1996. С. 199–200).

Круглодонный орнаментированный сосуд с носиком-сливом и небольшим уплощением на дне с внешней стороны (рис. 1, 2).

Отбор исходного сырья. В качестве исходного сырья использовалась ожелезненная тощая глина, дробленая в сухом виде. Фиксируются единичные окатыши ожелезненной тощей глины размерами не более 2 мм. Характеризуется естественной примесью окатанного цветного песка. Встречаются зерна как различных оттенков красного и серого цвета, так и полупрозрачные. Размер частиц песка – до 0,5 мм.

Составление формовочной массы. Компонентами формовочной массы являются шамот и навоз.

Шамот. Использовался шамот двух видов: 1) из жирной ожелезненной глины, с включениями шамота и единичных фрагментов растительности (органика); 2) из тощей ожелезненной глины со сравнительно большим количеством растительных и органических включений, предположительно, навоза. Производилась калибровка данной примеси. Размер частиц – 2–6 мм, частицы более 5 мм – единичные, частицы размерами менее 2 мм не зафиксированы. Концентрация шамота – 1:5.

Навоз. Присутствие этой примеси в формовочной массе сосуда фиксируется по наличию в изломе большого количества расщепленной растительности и коричневого налета в пустотах аморфной формы. Сравнение с экспериментальными образцами позволяет определить концентрацию – 1:4.

Обработка поверхностей. Внешняя поверхность по венчику сосуда заглаживалась пальцами, по тулову – тканью в верхней его части в вертикальном направлении (под орнаментом), в средней части – в горизонтальном.

Внутренняя поверхность заглаживалась мягким предметом.

Конструирование. Верхняя часть сосуда (венчик, начало плеча) – жгутовой налп. Элемент – жгут, налп по спирали.

Придание изделию прочности. Сосуд испытал термическое воздействие. Толщина стенок сосуда – 8,5 мм. Черепок в изломе имеет 3 слоя. Внешний и внутренний слой – рыжевато-серого цвета, толщиной 0,2–2,3 мм, внутренний слой – серый.

Орнамент. Горизонтальный пояс – «елочка» нанесен орудием с острым рабочим краем длиной 17 мм.

Вдавления наносились с приложением усилия на один край орудия. Только у основания носика-слива оттиски этого орудия нанесены с равномерным приложением силы. Углы, направленные вершинами вниз, прочерчены деревянным или костяным орудием, рабочий край которого имел размеры 2 мм.

Служебные части. На носике-сливе зафиксированы многочисленные следы заглаживания пальцами.

3. Новопавловский курганный могильник, курган 10, погребение 1. Погребальный комплекс датирован IV в. до н.э. (Мышкин, Скарбовенко, 1996. С. 200–201).

Сосуд 1 – круглодонный орнаментированный, без днища (рис. 1, 3). На внутренней нижней части тулова зафиксирован нагар.

Отбор исходного сырья. В качестве исходного сырья использовалась жирная ожелезненная глина во влажном состоянии, в которой зафиксированы естественные примеси: единичные включения полупрозрачного песка (размеры частиц – 0,3–0,5 мм) и включения охры (размеры частиц – 0,9–1,5 мм).

Составление формовочной массы. Компонентами формовочной массы являются дресва и органический раствор.

Дресва. В качестве дресвы использовался тальковый сланец. По цвету включений выявлено три вида этого материала: серо-коричневый, серый полупрозрачный и коричневый с красноватым оттенком. Размер частиц варьирует от пылевидных до 3,6 мм, но большая часть имеет размеры 1,0–2,5 мм. Серому тальку сопутствуют кварцевые полупрозрачные остроугольные конгломераты (менее 0,5 мм), связанные с пластинами талька. Частицы красно-коричневого твердого минерала (кварца) встречены в связке с красно-коричневыми пластинами талька и по отдельности. Частицы этого минерала имеют размеры от 0,4 мм до 7 мм.

Органика зафиксирована по наличию черной маслянистой пленки, которая покрывает стенки пустот в изломе и частицы дресвы. Растительные отпечатки травянистой структуры редки. Использовалось жидкое органическое вещество или раствор.

Обработка поверхностей. Внешняя поверхность залощена. Орнамент нанесен после этой операции. Внутренняя поверхность венчика – заглаживание твердым предметом, близкое лощению по подсушенной поверхности. Тулово заглаживалось мягким предметом в верхней части, в средней – твердым гладким предметом по подсушенной поверхности.

Придание изделию прочности. Сосуд испытал термическое воздействие. В изломе черепка имеются три слоя. Внешний и внутренний слой – серо-коричневого цвета, толщиной 0,3–0,4 мм, внутренний – темно-серый. Толщина черепка в изломе – 7 мм.

Орнамент. Сосуд орнаментирован 13 оттисками орудия с рабочей поверхностью в 2–5 мм. Первый пояс прочерченных линий по 17–20 мм под углом друг к другу (под 80 градусов), по 5–6 штук.

4. Новопавловский курганный могильник, курган 10, погребение 1. Погребальный комплекс датирован IV в. до н.э. (Мышкин, Скарбовенко, 1996. С. 200–201).

Сосуд 2 – круглодонный, орнаментированный, сильно фрагментированный (рис. 1, 4).

Отбор исходного сырья. Исходным сырьем служила жирная ожелезненная глина во влажном состоянии с естественной примесью слабоокатанного полупрозрачного песка (единичные включения которого имеют размеры до 0,5 мм) и охры (включения размерами 0,3–1,4 мм).

Составление формовочной массы. Компонентами формовочной массы являлись дресва и органика.

Дресва. В качестве дресвы использовался тальковый сланец серо-коричневого цвета. Примесь некалиброванная, размер включений варьирует от пылевидного до 8 мм. Преобладает фракция размерами до 3,5 мм. Зафиксированы остроугольные кварцевые конгломераты (размерами до 5 мм), сопутствующие тальку. Концентрация дресвы – 1:2.

Органика фиксируется по единичным отпечаткам растительности с травянистой структурой и шерсти. Возможно, использовалась выжимка навоза.

Обработка поверхностей. Внешняя поверхность залощена по подсушенной поверхности. Внутренняя поверхность по краю венчика заглаживалась твердым острым предметом (ножом?), так как срезаны частицы талька. Возможно, стачивание произведено после обжига. Тулово сосуда заглажено кожей.

Конструирование. Нижняя часть тулова: применялось выбивание на форме-основе. Верхняя часть – скульптурная лепка.

Орнамент нанесен по плечу сосуда. Фиксируются вдавления и линии, выполненные техникой прочерчивания. В целом, сохранность орнамента плохая.

Придание изделию прочности. Сосуд испытал термическое воздействие. Толщина стенок сосуда – 8 мм. Черепок в изломе имеет 2 слоя. Внешний – светло-коричневого цвета, толщиной 3 мм, внутренний слой – светло-серого цвета и толщиной 5 мм.

5. Утевский II курганный могильник, курган 3, погребение 2. Погребальный комплекс датирован IV в. до н.э. (Скарбовенко, 1976. С. 176).

Сосуд – круглодонный, орнаментированный, фрагментированный (рис. 1, 5).

Отбор исходного сырья. Исходным сырьем служила жирная ожелезненная глина во влажном состоянии, в которой выявлены в качестве естественных примесей единичные включения охры размерами около 2 мм и полупрозрачного песка с размером зерен до 2 мм.

Составление формовочной массы. Компонентами формовочной массы являлись дресва и навоз.

Дресва. В качестве дресвы использовался тальковый сланец. По цвету включений выявлено два вида этого минерала: 1) серый, с темно-серыми разводами; 2) коричневый, с розоватым оттенком. Зафиксированы остроугольные кварцевые конгломераты (полупрозрачные и прозрачные), сопутствующие тальковым листам в породе. Размер этих частиц не превышает 2 мм. Дресва некалиброванная. Выявленные включения талька имеют разные размеры: максимальные – 8 мм, минимальные частицы – пылевидные. Преобладают включения, не превышающие размерами 3 мм. Концентрация – 1:1.

Навоз. Зафиксирован по черным, многочисленным и разнообразным растительным отпечаткам, рыхлым сгусткам органики черного, серого и бежевого цветов. Концентрация – 1:4.

Обработка поверхностей. Степень сохранности внешнего слоя поверхностей плохая. Внешняя поверхность по венчику заглаживалась мягким предметом, тулово – твердым предметом по подсушенной поверхности. Внутренняя поверхность заглаживалась мягким предметом.

Орнамент. Нанесен техникой прочерчивания обоюдоострым орудием справа налево. След орудия имеет ширину 1 мм. Можно предположить использование металлического ножа.

Придание изделию прочности. Венчик: черепок в изломе трехслойный, серо-коричневый снаружи и внутри, серый – в средней части, имеет толщину 9 мм. Тулово: черенок имеет толщину 7 мм, его цвет в изломе – светло-серый и черный.

6. Тамбовский курганный могильник, курган 2, погребение 5. Погребальный комплекс датирован рубежом IV–III вв. до н.э. – III в. до н.э. (Мышкин, Скарбовенко, 1996. С. 205).

Сосуд 1 – фрагментирован.

Отбор исходного сырья. В качестве исходного сырья использовалась тощая ожелезненная глина во влажном состоянии.

Составление формовочной массы. Компонентами формовочной массы являлись песок, кость, органика и дресва (тальк).

Конструирование. Возможно, формовка происходила в форме-емкости. Строительный элемент – лоскуты и короткие жгуты.

Обработка поверхностей. Внешняя поверхность по венчику заглаживалась тканью. На тулове прослежены следы заглаживания по подсушенной поверхности. Внутренняя поверхность заглаживалась тканью.

Придание изделию прочности. Черепок толщиной 9–10 мм, в изломе двухслойный: внешний слой толщи-

ной 1,2–1,5 мм коричневого и темно-коричневого цвета; внутренний слой – темно-серый или черный.

7. Виловатовский курганный могильник, курган 1, погребение 1. Погребальный комплекс раннесарматской культуры (Мышкин, 1992. С. 133) может быть датирован временем в пределах III–I вв. до н.э.

Плоскодонный орнаментированный сосуд с высокой шейей (рис. 2, 3).

Отбор исходного сырья. В качестве исходного сырья использовалась жирная ожелезненная глина, дробленая в сухом виде. Естественные примеси представляют собой единичные включения полупрозрачного песка, охры размером 1,5–3,0 мм; бурого железняка оолитовой формы размером 1,0–2,5 мм и пылевидной слюды.

Составление формовочной массы. Компонентами формовочной массы являлись шамот и органика.

Шамот. По составу формовочных масс выделяется два вида шамота: из жирной ожелезненной глины (единичные включения песка полупрозрачного, размер – 0,2–0,3 мм) с примесью талька (1–2 включения менее 2,5 мм в частице шамота); 2) из жирной ожелезненной глины (практически без песка) с примесью шамота. Шамот некалиброванный, его включения имеют разные размеры: от 6 мм до пылевидных. Концентрация шамота – 1:3(2).

Органика. Вероятно, использовалась выжимка навоза, так как зафиксированы сгустки черного пузыристого вещества и редкие растительные отпечатки в аморфных пустотах.

Обработка поверхностей. Внешняя поверхность покрыта лощением после непродолжительного подсушивания изделия. Орнамент был нанесен до лощения. Дно заглаживалось твердым гладким предметом. Внутренняя поверхность заглаживалась пальцами.

Орнамент. Орнамент наносился по влажной поверхности техникой прочерчивания.

Придание изделию прочности. Черепок в изломе двухслойный: внешний слой толщиной 0,2–0,4 мм – коричневый, внутренний – темно-серый, толщиной 5–7 мм.

8. Виловатовский курганный могильник, курган 4, погребение 1. Погребальный комплекс датирован второй половиной III–II в. до н.э. (Мышкин, 1992. С. 134–135).

Сосуд 1 – круглодонный, орнаментированный (рис. 2, 1). По краю венчика зафиксированы следы лезвийного орудия, на средней части тулова – двойные следы (7–10 мм), вероятно, также от воздействия того орудия.

Отбор исходного сырья. В качестве исходного сырья использовалась жирная ожелезненная глина практически без песка во влажном состоянии. В каче-

стве естественных примесей присутствуют железистые включения размерами менее 1 мм и пылевидная слюда.

Составление формовочной массы. Компонентами формовочной массы являются шамот и органика.

Шамот. По составу формовочной массы выделяется два вида шамота: 1) тощая ожелезненная глина (песок цветной до 0,2–0,3 мм) с примесью шамота и органики; 2) жирная ожелезненная глина с примесью шамота и органики. Шамот некалиброванный, размер включений – от пылевидного до 4 мм. Основное количество включений имеют размер до 2 мм, более крупные частицы встречаются редко. Концентрация шамота – 1:3.

Органика. Наличие этой примеси зафиксировано по отпечаткам растительности размерами 1–5 мм. В изломе сосуда фиксируются также аморфные пустоты с потеками бежевого цвета. Вероятно, использовалась выжимка навоза.

Обработка поверхностей. При обработке внешней поверхности край венчика был залощен. Тулово, вероятно, заглаживалось твердым гладким предметом по подсушенной поверхности. Внутренняя поверхность заглаживалась мягким предметом.

Конструирование. Выбивание на форме-основе.

Придание изделию прочности Черепок в изломе имеет толщину 8 мм. Его внешние слои (толщина 0,2–0,5 мм) коричневые; внутренний – черный. В нижней внутренней части сосуда – нагар.

Орнамент. Орнаментирована верхняя часть тулова. В некоторых «линиях» орнамента зафиксированы невыгоревшие травянистые волокна, соответствующие размерам и трасологическим особенностям подобных «линий» без остатков волокон.

9. Виловатовский курганный могильник, курган 4, погребение 1. Погребальный комплекс датирован второй половиной III – II в. до н.э. (Мышкин, 1992. С. 134–135).

Сосуд 3 – орнаментированный, плоскодонный (рис. 2, 2).

Исходное сырье. Представляет собой смесь двух глин: 1) жирной ожелезненной во влажном состоянии с естественной примесью пылевидной слюды и единичных включений цветного песка (коричневые, серые, полупрозрачные частицы) размером 0,1–0,2 мм; 2) жирной неожелезненной, без визуального фиксируемого песка, дробленой в сухом виде и выявленной по включениям (размерами около 2 мм).

Составление формовочной массы. Компонентами формовочной массы являются шамот и навоз.

Шамот представляет собой включения размером 1,5–3,5 мм. Размер основного количества частиц не превышает 2 мм. Шамот калиброванный. В составе его формовочной массы выявлена тощая ожелезненная глина с естественной примесью цветного песка, разме-

ры которого – до 0,2 мм. Искусственными компонентами являются шамот и органика (растительные включения). Концентрация шамота – 1:3.

Навоз. Фиксируется по сгусткам травянистой невыгоревшей массы, мелким (диаметр – 1,0–1,5 мм) стеблям, пустотам как аморфных очертаний с черным глянцевым налетом или рыхлым веществом бежевого цвета, так и щелевидной формы (в поперечном изломе) с черно-коричневым налетом.

Обработка поверхностей. Внешняя поверхность. По краю венчика – лощение. Шея сосуда – заглаживание мягким предметом, предположительно, тканью, но следы не очень четкие. Тулово: первоначально поверхность тщательно заглажена мягким предметом, затем нанесен орнамент. После этого подсушенная поверхность покрыта лощением. Следует отметить, что своеобразные «отвалы», образовавшиеся при прочерчивании орнамента, были тщательно сняты, лишь на отдельных участках они заложены. Внутренняя поверхность заглаживалась невыделанной кожей. На некоторых участках фиксируются статические отпечатки отдельных шерстинок и их скоплений.

Орнамент. Нанесен техникой прочерчивания при помощи деревянного или костяного орудия с неровной рабочей поверхностью размером 3 мм.

Обжиг. Черепок в изломе имеет толщину 6–7 мм. Он двухслойный, его внешний слой – коричневый или черный; внутренний – черный. На внутренней поверхности фиксируется нагар до верхней части тулова.

10. Виловатовский курганный могильник, курган 17, погребение 2. Погребальный комплекс может быть датирован как савроматским, так и раннесарматским временем (Мышкин, 1992. С. 133).

Плоскодонный сосуд, орнаментированный бессистемными линиями в нижней части тулова (рис. 1, б).

Отбор исходного сырья. В качестве исходного сырья использовалась тощая ожелезненная глина с естественными примесями в виде песка и жирной ожелезненной глины. Песок слабоокатанный, серый или полупрозрачный. Размер единичных зерен достигает 1 мм. Основное количество частиц имеет размер от пылевидных до 0,2 мм включительно. Единичные включения жирной ожелезненной глины имеют размеры около 1 мм. Их остроугольность и твердость позволяет предположить, что данная примесь (глина, перешедшая в камнеподобное состояние по причине минералогических процессов) естественного происхождения.

Составление формовочной массы. Компонентами формовочной массы являются шамот и органика.

Шамот. По составу формовочных масс выделяются три вида шамота: 1) из тощей ожелезненной глины с примесью цветного песка, размеры частиц которого – около 0,2 мм; 2) из тощей ожелезненной глины с примесью полупрозрачного песка; 3) из жир-

ной ожелезненной глины с примесью шамота. Размер включений шамота варьирует от 1 мм до 8 мм. Частицы шамота, в основном, имеют размеры 2,5–2,7 мм. Концентрация – 1:4.

Обработка поверхностей. Внешняя поверхность заглаживалась мягким предметом. На дне фиксируются следы порошкообразного вещества серо-белого цвета (золы?). Внутренняя поверхность также заглаживалась мягким предметом.

Обжиг. Черепок в изломе однослойный, темно-серого цвета. Он имеет толщину 6 мм.

11. Нижнеозерецкий V курганный могильник, курган 2, погребение 1. Погребальный комплекс может быть датирован временем в пределах III–I вв. до н.э., вероятнее всего, концом этого периода (Мышкин, Скарбовенко, 1996. С. 208).

Сосуд 1 – плоскодонный, неорнаментированный (рис. 2, 4). Внешняя поверхность светло-коричневая с черными пятнами от венчика до верхней части тулова.

Отбор исходного сырья. Исходным сырьем служила жирная ожелезненная глина, дробленая в сухом виде. Естественные примеси: пылевидная слюда, единичные включения полупрозрачного песка, размер зерен которого – 0,2 мм.

Составление формовочной массы. Компонентами формовочной массы являлись шамот и органика.

Шамот. По составу формовочных масс выделяется два вида шамота: из жирной ожелезненной глины с примесью коричневого талька (размерами до 1,2 мм), шамота и органики; из тощей ожелезненной глины с примесью дробленой кости, шамота и органики (после нагревания фрагмента сосуда до 850°C кость приобрела зеленоватый оттенок, хотя первоначально были различные цвета – черный, бежевый, серый). Шамот некалиброванный, с размером зерен до 7 мм. Концентрация – 1:3(2).

Органика. Использовалось жидкое органическое вещество, фиксирующееся в виде многочисленных черных глянцевых потеков и сгустков в пустотах различной формы. Растительные отпечатки крайне редки. Выявлены единичные выгоревшие семена растений размерами 2 мм и шерстинки.

Обработка поверхностей. Внешняя поверхность дна и шеи сосуда заглаживались пальцами, тулово полностью покрыто статическими отпечатками измельченной травянистой растительности. На придонной части тулова имеются следы заглаживания пальцами (возможно, промазывания бортика). На краю бортика прослежены следы, напоминающие лощение.

Придание изделию прочности. Черепок в изломе имеет толщину 9–10 мм. По цвету он двухслойный: первый слой толщиной 2 мм – коричневый, второй – темно-серый, близкий к черному.

12. Нижнеозерецкий V курганный могильник, курган 2, погребение 1. Погребальный комплекс может быть датирован временем в пределах III–I вв. до н.э., вероятнее всего, концом этого периода (Мышкин, Скарбовенко, 1996. С. 208).

Сосуд 2 – миниатюрный, неорнаментированный, плоскодонный (рис. 2, 5).

Отбор исходного сырья. Зафиксировано использование смеси двух глин: жирной ожелезненной глины без визуально различимого песка, дробленой в сухом виде; жирной неожелезненной глины с естественной примесью единичных включений прозрачного катаного песка с размером зерен 0,2–0,3 мм.

Составление формовочной массы. Компонентами формовочной массы являлись шамот и навоз.

Шамот. Выявлено два различных по составу формовочной массы вида шамота: из жирной ожелезненной глины с примесью шамота и органики и тощей неожелезненной глины (средней степени запесоченности) с примесью шамота из ожелезненной глины. Шамот некалиброванный, включения имеют размер до 7 мм.

Навоз фиксируется по различным растительным остаткам, черному налету в аморфных пустотах, рыхлым бежевым включениям размерами около 2 мм.

Обработка поверхностей. Внешняя поверхность залощена по подсушенной поверхности. Внутренняя поверхность заглаживалась пальцами. Зафиксированы следы папиллярных линий.

Формообразование. Выбивание колотушкой. На отдельных участках тулова зафиксированы площадки и следы ручки орудия.

Обжиг. Черепок в изломе имеет толщину 12 мм. Он двухслойный: слой толщиной 1,5–2,0 мм – коричневый и темно-серый, ближе к черному.

13. Нижнеозерецкий V курганный могильник, курган 2, погребение 4. Погребальный комплекс может быть датирован временем в пределах III–I вв. до н.э., вероятнее всего, концом этого периода (Мышкин, Скарбовенко, 1996. С. 208).

Фрагментированный сосуд.

Исходное сырье. Смесь двух жирных ожелезненных глин, различающихся по степени ожелезненности и естественным примесям. Одна из них – без визуально различимого песка, во влажном состоянии. Вторая – с примесью единичных железистых окатанных образований (размерами до 7 мм) и конгломератов полупрозрачных песчинок в железистой корке (размерами 1,5–2,0 мм). Относительно мелкие включения обоих видов примесей окатанные, а крупные – со следами дробления. Этот вид глины дробился в сухом виде.

Составление формовочной массы. Компонентами формовочной массы являлись дробленая кость, шамот, навоз.

Кость. Включения, имеющие размеры от пылевидных до 7 мм. Цвет – черный, бежевый, серый, белый. При нагревании фрагмента сосуда до 850°C кость приобрела зеленоватый оттенок. Концентрация – 1:4.

Шамот. По составу формовочной массы выделены три вида шамота: 1) из тощей ожелезненной глины с естественной примесью песка размерами 0,4 мм и менее; 2) слабоокатанного, цветного и искусственной примесью шамота; жирной ожелезненной глины с включениями талька размерами до 2,5 мм; 3) жирной ожелезненной глины с примесью шамота. Включения имеют размеры от пылевидных до 5 мм.

Навоз. Зафиксированы сгустки пузыристого черного вещества в аморфных пустотах, многочисленные отпечатки и невыгоревшие частицы растительного происхождения.

Обработка поверхностей. Внешняя поверхность. Венчик: заглаживание шерстяной тканью (зафиксированы характерные непрерывные следы ткани в сочетании с единичными статичными отпечатками ворсинок). Под краем венчика (губой) непрерывный след твердого острого орудия, использованного для его формирования. Донная часть – заглаживание пальцами сочеталось с обработкой шерстяной тканью. Внутренняя поверхность. Венчик: заглаживание шерстяной тканью. Донная часть заглаживалась так же, как и внешняя. Возможно, использовался поворотный столик.

Обжиг. Черепок в изломе имеет толщину 10 мм. Он трехслойный: внешний и внутренний слои – коричневые, толщиной 1,0–1,5 мм; внутренний слой – темно-серый, ближе к черному.

14. Нижнеозерецкий V курганный могильник, курган 2, погребение 3. Погребальный комплекс может быть датирован временем в пределах III–I вв. до н.э., вероятнее всего, концом этого периода (Мышкин, Скарбовенко, 1996. С. 208).

Фрагмент тулова с придонной частью плоскодонного сосуда.

Исходное сырье. Жирная ожелезненная глина, дробленая в сухом виде с естественной примесью пылевидной слюды.

Составление формовочной массы. Компонентами формовочной массы являлись шамот и органика.

Шамот. Некалиброванный, размер частиц размерами от пылевидных до 5,5 мм. По составу формовочной массы зафиксирован шамот трех видов: 1) из жирной ожелезненной глины с примесью шамота и органики; 2) из жирной слабоожелезненной глины с примесью талька (представленного единичными включениями, имеющие коричневый оттенок и размеры до 1,2 мм включительно), шамота и органики; 3) из тощей ожелезненной глины (с естественной примесью цветного, окатанного песка размерами 0,3 мм и меньше) с примесью шамота. Концентрация шамота – 1:3.

Органика. Зафиксирована в виде потеков черного цвета с глянцевым блеском в пустотах различной формы. Фрагменты растительных остатков – зерен, травянистых частиц, стеблей. Общее количество растительных остатков невелико. Можно предположить использование выжимки навоза.

Конструирование. Скульптурная лепка на плоскости.

Обработка поверхностей. Внешняя поверхность заглаживалась твердым гладким предметом по подсушенной поверхности. Внутренняя поверхность заглаживалась шерстяной тканью. На внутренней поверхности прослежен нагар.

Обжиг. Черепок в изломе имеет толщину 9 мм, он двухслойный: внешний слой (2 мм) – коричневый, внутренний – черный.

15. Курганный могильник Журавлиха I, курган 1, погребение 6. Погребальный комплекс датирован III – первой половиной II в. до н.э. (Кузнецов, Мышкин, 2003. С. 152).

Сосуд – неорнаментированный, с уплощенным дном (рис. 2, 6).

Отбор исходного сырья. В качестве исходного сырья использовалась жирная ожелезненная глина, дробленая в сухом виде. Естественные примеси: пылевидная слюда; единичные включения окатанного цветного песка размером 0,5–1,0 мм со следами дробления и железосодержащего вещества размером около 0,5 мм со следами дробления.

Составление формовочной массы. Компонентами формовочной массы являются шамот и органика.

Шамот. Зафиксировано 2 вида шамота, различного по составу формовочных масс: 1) из жирной ожелезненной глины (естественная примесь – единичные включения песка 0,1–0,3 мм) с примесью шамота и органики; 2) из жирной ожелезненной глины с примесью органики. Включения шамота имеют размер от пылевидных до 6–7 мм. Концентрация – 1:2.

Органика. Весь излом пропитан черным пузыристым с глянцевым блеском веществом, которое обволакивает все частицы шамота. Некоторые пустоты заполнены твердыми или хрупкими сгустками. Встречены конгломерации кварцевых песчинок, связанных черным веществом. Следует отметить, что конгломерации составлены из калиброванных частиц (0,2–0,4 мм). При обжиге образца сосуда при температуре около 480°C с выдержкой в четыре часа, черное вещество выгорело полностью. Сравнив с экспериментальными образцами, можно предположить использование тела моллюсков при изготовлении органической примеси.

Обработка поверхностей. Внешняя поверхность заглаживалась. На краю венчика зафиксировано заглаживание, близкое лощению. Шейка сосуда заглажива-

лась пальцами, тулово и дно – с использованием твердого гладкого предмета.

Конструирование. Начин – донно-емкостная программа, строительный элемент – короткий жгут, налеп производился по спиралевидной траектории. Полое тело – лоскутный налеп по спиралевидной траектории.

Придание изделию прочности. Сосуд испытал термическое воздействие. Толщина стенок сосуда – 6–11 мм. Черепок в изломе имеет 2 слоя. Внешний – коричневого цвета, толщиной 0,2–1,0 мм. Внутренний слой – черный.

16. Гвардейский I курганный могильник, курган 31, погребение 1. Погребальный комплекс датирован III–I вв. до н.э. (Мышкин и др., 1999. С. 152).

Сосуд 1 – неорнаментированный, с уплощенным дном (рис. 2, 7).

Отбор исходного сырья. В качестве исходного сырья использовалась смесь двух глин: 1) жирной ожелезненной во влажном состоянии; 2) тощей не ожелезненной с естественной примесью прозрачного остроугольного песка с размером частиц до 0,2 мм и менее), дробленой в сухом виде.

Составление формовочной массы. Компонентами формовочной массы являются шамот и органика.

Шамот. В составе формовочной массы шамота зафиксирована тощая слабоожелезненная глина с естественной примесью прозрачного остроугольного песка (размер частиц – менее 0,2 мм) и искусственной примесью шамота. Размер частиц – менее 1,5 мм. Концентрация – 1:4.

Органика. Характеризуется единичными отпечатками выгоревшей растительности, шерсти, зерна, сгустками черного пузыристого вещества в пустотах аморфной формы. Возможно, использовалась выжимка навоза.

Обработка поверхностей. Край венчика на внешней поверхности залощен, на тулове на отдельных участках зафиксированы следы заглаживания (близкого лощению) по подсушенной поверхности твердым предметом. На внешней стороне дна прослежены отпечатки шерстинок. Возможно, производилось его заглаживание невыделанной кожей.

На внутренней поверхности шейки и верхней части тулова прослежено горизонтальное заглаживание пальцами, на средней части тулова – вертикальное заглаживание пальцами. Придонная часть и днище бессистемно заглаживались твердым предметом по подсушенной поверхности. Фиксируются следы примазывания строительных элементов сосуда.

Конструирование. Начин. Изготавливался в форме-емкости. Строительный элемент – лоскут. Налеп осуществлялся по спиралевидной траектории по донно-емкостной программе. Полое тело: строительный

элемент лоскут. Налеп осуществлялся по спиралевидной траектории.

Придание изделию прочности. Сосуд испытал термическое воздействие. В изломе фиксируются 2 слоя. Внешний – красно-коричневого цвета, толщиной 0,5–1,0 мм. Внутренний слой – черный.

17. Гвардейский I курганный могильник, курган 31, погребение 1. Погребальный комплекс датирован III–I вв. до н.э. (Мышкин и др., 1999. С. 152).

Сосуд 3 – плоскодонный, орнаментированный (рис. 2, 8). Нагар покрывает его внутреннюю сторону полностью, а внешнюю – по венчику и верхней части тулова.

Отбор исходного сырья. В качестве исходного сырья использовалась смесь двух глин: 1) жирной слабоожеженной, дробленой в сухом виде; 2) тощей ожеженной глины во влажном состоянии, содержащей в качестве естественных примесей единичные включения слабоокатанного полупрозрачного песка с размером частиц 1–2 мм и железистые частицы размерами менее 0,5 мм.

Составление формовочной массы. Компонентами формовочной массы являются шамот и органика.

Шамот. По составу формовочной массы выявлено два вида шамота: 1) из тощей ожеженной глины высокой степени запесоченности с естественной примесью песка полупрозрачного окатанной формы и включений талька коричневого цвета с размером частиц от 0,5 мм и менее; 2) из жирной ожеженной глины (с естественной примесью песка в виде единичных включений около 0,5 мм) с примесью шамота и органики. Шамот некалиброванный, с размером частиц от пылевидных до 4 мм. Концентрация – 1:3.

Органика. Фиксируется в виде черного глянцевого налета в аморфных пустотах, единичных отпечатков

шерстинок, растительных фрагментов менее 0,5 мм, отпечатков зерна, пучков травянистых волокон.

Обработка поверхностей. На внутренней поверхности из-за нагара следы не фиксируются.

Внешняя поверхность тулова после нанесения орнамента заглаживалась твердым предметом, заглаживание близко лощению. В середине днища с внешней стороны фиксируется очень четкий отпечаток пальца. Отсутствуют следы использования в хозяйственных целях. Края днища – лощение, фиксируются следы обработки, направленные радиально.

Орнамент. Прочерчен. Использовалось орудие с неровной рабочей поверхностью, имеющей дугообразную форму. Применялось с разной степенью нажима по влажной поверхности, предположительно, нетвердое.

Конструирование. Начин изготовлен по донно-емкостной программе, налп по спиралевидной траектории с помощью жгутов.

Придание изделию прочности. Сосуд испытал термическое воздействие. Толщина сосуда – 5–6 мм, в изломе черепок однослойный, черно-коричневый.

Заключение

В заключение следует отметить, что публикуемые характеристики технологии глиняной посуды кочевников Самарского Заволжья из погребений V–I вв. до н.э. демонстрируют значительное разнообразие традиций керамического производства, существовавших у этого населения на протяжении всего указанного периода. Это разнообразие особенно отчетливо проявляется в раннесарматский период, приходящийся на III–I вв. до н.э. Изменчивость технологических навыков фиксируется применительно ко всем исследованным ступеням изготовления глиняной посуды. Эта вариативность указывает на смешанный характер скотоводческих групп, кочевья которых находились в степных и лесостепных районах Южного Средневожья.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Самарский гос. пед. ун-т, 1999. С. 3–110.
- Иванова Н.В. Некоторые аспекты технологического изучения керамики из савроматских и раннесарматских памятников Самарского Заволжья // Раннесарматская культура. Формирование. Развитие. Хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 2. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 135–154.
- Иванова Н.В., Мышкин В.Н. К вопросу о гончарной технологии кочевников Самарского Заволжья в V–I вв. до н.э. // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара: Научно-технический центр, 2006. С. 379–391.
- Кузнецов П.Ф., Мышкин В.Н. Исследование могильника Журавлиха I // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6. Волгоград: ВолГУ, 2003. С. 142–164.
- Мышкин В.Н. Сарматские погребения Виловатовского курганного могильника в Куйбышевской области // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 1992. С. 121–136.
- Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А. Савроматские и раннесарматские погребения Самарского Заволжья (по итогам раскопок 1974–1987 гг.) // Краеведческие записки. Вып. VIII. Самара: СОИМК им. П.В. Алабина, 1996. С. 196–222.
- Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А. Сарматские курганы у с. Гвардейцы // Археологические

памятники Оренбуржья. Вып. III. Оренбург: Димур, 1999. С. 147–175.

Салугина Н.П. Технология изготовления керамики из Калиновского курганного могильника // Калиновский курганный могильник. Самара, 2006. С. 59–78.

Скарбовенко В.А. Сарматские погребения у с. Утев-

ка // Очерки истории и культуры Поволжья. Вып. 2. Куйбышев: Изд-во КуГУ, 1976. С. 174–178.

Сташенков Д.А. Калиновский курганный могильник // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. Вып. 1. Самара, 1999. С. 25–41.

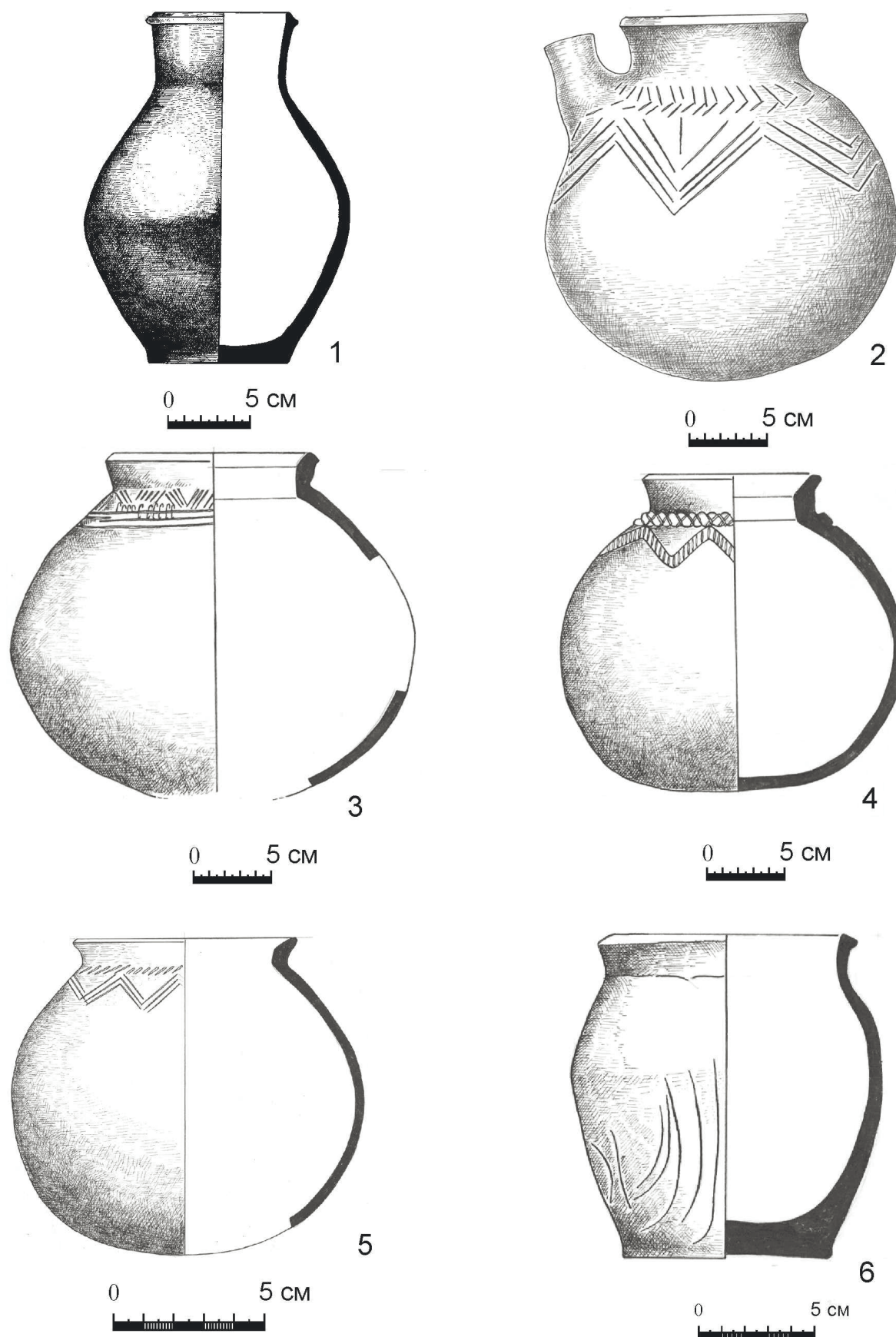

Рис. 1. Глиняные сосуды савроматского и раннесарматского времени.

1 – Новопавловский могильник, курган 9, погребение 1; 2 – Кировский I могильник, курган 9, погребение 2; 3 – Новопавловский могильник, курган 10, погребение 1, сосуд 1; 4 – Новопавловский могильник, курган 10, погребение 1, сосуд 2; 5 – Утевский II могильник, курган 3, погребение 2; 6 – Виловатовский могильник, курган 17, погребение 2.

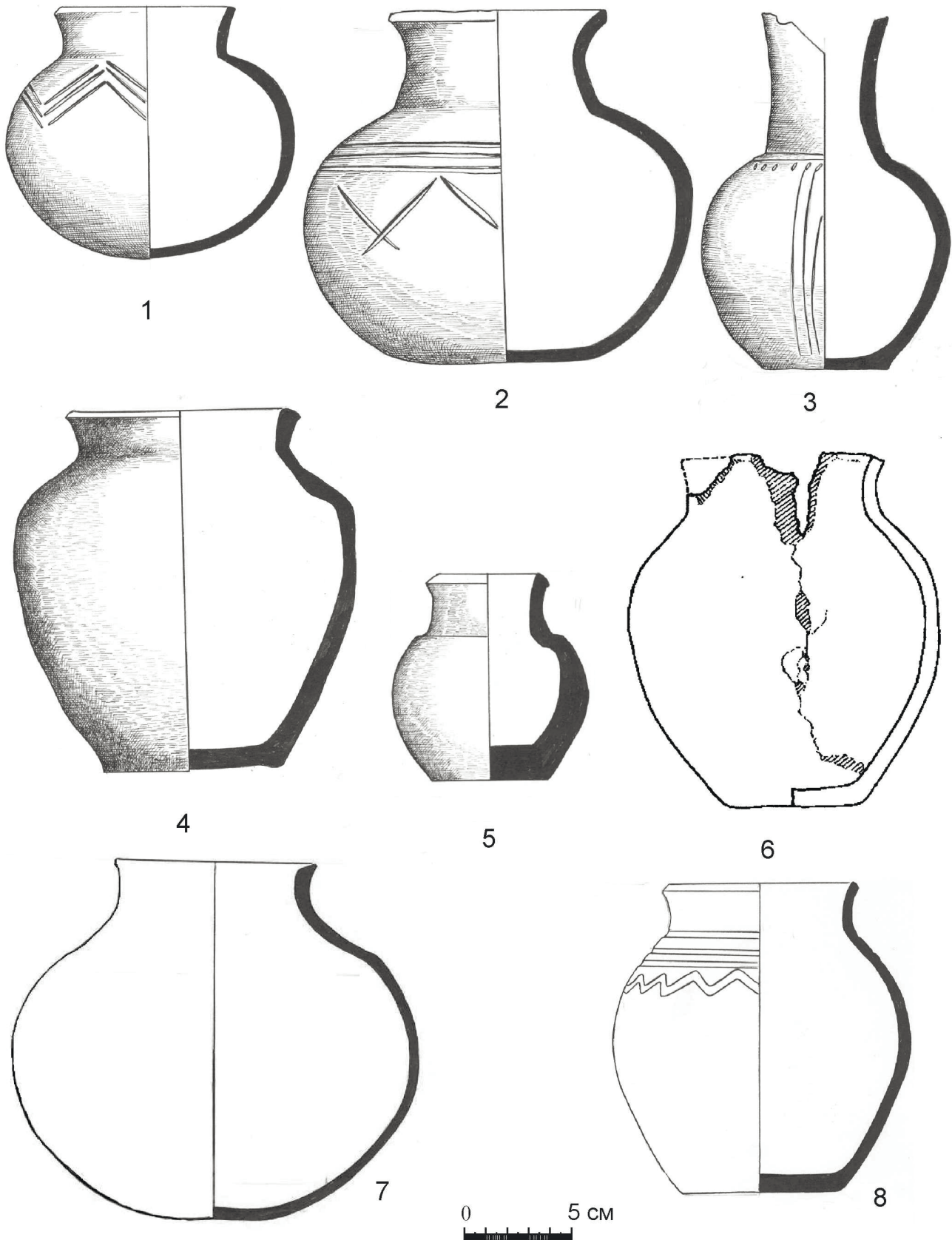

Рис. 2. Глиняные сосуды раннесарматского времени.

1 – Виловатовский могильник, курган 4, погребение 1, сосуд 1; 2 – Виловатовский могильник, курган 4, погребение 1, сосуд 3; 3 – Виловатовский могильник, курган 1, погребение 1; 4 – Нижнеозерецкий V могильник, курган 2, погребение 1, сосуд 1; 5 – Нижнеозерецкий V могильник, курган 2, погребение 1, сосуд 2; 6 – могильник Журавлиха I, курган 1, погребение 6; 7 – Гвардейский I могильник, курган 31, погребение 1, сосуд 1; 8 – Гвардейский I могильник, курган 31, погребение 1, сосуд 3.

ОРУДИЯ МЕТАЛЛООБРАБОТКИ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

© 2023 И.В. Горашук, А.Е. Ержанова

Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований «BR18574223 «Северный Казахстан в контексте культурно-исторических процессов: от эпохи камня до этнографической современности».

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению орудий металлообработки кочевников раннего железного века. Во вступительной части охарактеризован метод изучения материала, а также представлена классификационная схема для орудийных наборов. Трасологическим анализом орудий с поселений-зимников тасмолинской культуры Абылай и Кулжан, а также могильника Верхнесъезжинского I сарматской культуры выявлен класс орудий для металлообработки. На поселениях тасмолинской культуры обнаружены три вида инструментов для металлообработки: оселки, наковальни и кузнечные молоты. Наковальни по своим размерам делятся на два типа – полевые и стационарные. В статье рассматривается износ всех категорий орудий, а также обосновывается разделение наковален на два типа. В заключительной части статьи приведены результаты экспериментального исследования полевых наковаленок и сделан вывод о широких возможностях их применения.

Ключевые слова: трасологический анализ, металлообработка, молоты, наковальни, оселки, эксперимент.

METALWORKING TOOLS OF EARLY IRON AGE SITES

© 2023 I.V. Goraschuk, A.E. Erzhanova

Abstract. The article is devoted to the consideration of metalworking tools of the Early Iron Age nomads. The introductory part describes the method of studying the material and also presents a classification scheme for tool sets. By tracing analysis of tools from the settlements – Abylay and Kulzhan winterings of the Tasmolinskaya culture, as well as the Verkhnesyezjinsky 1 burial ground of the Sarmatian culture, a class of tools for metalworking was identified. Three types of metalworking tools were found at the settlements of the Tasmolinskaya culture: whetstones, anvils and blacksmith hammers. Anvils are divided into two types according to their size – field and stationary. The article examines the wear of all categories of tools, and also substantiates the division of anvils into two types. The final part of the article presents the results of an experimental study of field anvils, and concludes about the wide possibilities of their application.

Keywords: trace analysis, metalworking, hammers, anvils, whetstones, experiment.

Кузнечное дело кочевых племен раннего железного века всегда вызывает живой интерес у исследователей.

В качестве источников для настоящего исследования использованы материалы двух поселений-зимников тасмолинской культуры Абылай и Кулжан, обнаруженных и исследованных под руководством А.З. Бейсейнова. Трасологические характеристики этих серий опубликованы (Бейсейнов, Горашук, Дуйсенбай, 2021).

Поселения Кулжан и Абылай являются зимниками племен, создавших тасмолинскую культуру. Поселения приурочены к мелкосопочнику Сарыарки и расположены в системах горных возвышенностей на территории Карагандинской области в Центральном Казахстане. К настоящему времени обнаружено около 70 таких поселений-зимниками. На 13 памятниках осуществлены раскопки (Weisenov, 2021). Это небольшие поселки, состоящие из немногочисленных строений с каменным основанием стен. Приземистые, небольшие по площади дома имели толстые стены и плоские

перекрытия, что было продиктовано необходимостью экономии тепла в условиях холодной, малоснежной зимы (Weisenov et al., 2020). Поселения демонстрируют общность материальной культуры живших в них людей и могут быть датированы VIII–V вв. до н.э. (Бейсейнов, Горашук, 2022. С. 42) или несколько уже – VII–V вв. до н.э. (Бейсейнов, Горашук, Дуйсенбай, 2021. С. 183).

Помимо этого, источником выступает также наковальня, обнаруженная во время раскопок Верхнесъезжинского I могильника, расположенного на территории Нефтегорского района в среднем течении р. Съезжей, левого притока р. Самары. Эта находка связана с культурой ранних кочевников (см. статью А.В. Денисова и Р.Р. Саттарова в настоящем сборнике).

В трасологическом исследовании каменных орудий использованы широко применяемые в современной науке методы С.А. Семенова и его учеников (Семенов, 1957; 1970; Гиря, 1991; 1997; Коробкова, 1978; 1989; 1994; Коробкова, Щелинский, 1996; Нехорошев, 1999). Была использована также шестиблочная схема

фиксации признаков износа, разработанная в экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК.

При описании орудий поселения используется схема, учитывающая функциональный анализ и функциональную типологию, предложенная Г.Ф. Коробковой (Коробкова, 1994). Галина Федоровна Коробкова признавала ее ограниченность. Эта схема, по ее словам, была создана для крупных, масштабных сравнений орудийных наборов по эпохам и регионам, но не для первичной классификации. Поэтому уместной кажется не критика предложенной ею схемы, но некоторая ее доработка. Новое видение состоит в том, что применяемая классификация построена не сверху, а снизу и учитывает типы и подтипы орудий.

Итак, при описании орудий из комплексов РЖВ использована схема, учитывающая функциональный анализ и функциональную типологию, предложенная Г.Ф. Коробковой (Коробкова, 1989). Перед началом описания необходимо дать характеристику основных классификационных элементов схемы.

Высшим звеном классификации является **класс** орудий. Под ним здесь и далее мы понимаем совокупность видов и типов орудий, участвующих в единой технологической операции.

Под **видом** орудий подразумевается совокупность орудий, выполняющих единую функцию, но имеющих различную морфологию и типологию.

Именно для учета морфологических и типологических особенностей орудия призваны служить следующие звенья классификации – типы и подтипы.

Тип учитывает особенности оформления и морфологию орудия, непосредственно влияющие на совершаемую операцию; **подтип** – второстепенные морфологические и типологические отличия.

Разделение на типы и подтипы, по мнению автора, необходимо специально доказывать в ходе непосредственного трасологического анализа.

Требуется специально оговорить один небезынтересный аспект. Под типологическими особенностями здесь и далее понимается специальное оформление орудия в ходе его изготовления. Морфологические же особенности фиксируются на уровне анализа материала и объясняются на уровне синтеза путем статистических выкладок и промеров. Эти данные используются для построения схемы структурного взаимодействия и взаимозависимости инструментов, учитывающей вторичное использование и переделки.

Исследование орудий проводилось с помощью панкратиатического микроскопа стерео МС-2-Zoom TD-2, имеющего увеличение до 200 раз. В комплект оборудования входила микрокамера с окуляром УСМОС 5 тр для фиксации микроследов. Все микрофотографии выполнены при стандартном увеличении в 60 раз.

Поселение Абылай

Выявлено 29 экземпляров орудий металлообработки. Этот класс по численности занимает четвертое место после землекопных, терочных и кожевенных орудий.

Массовой серией в 15 единиц представлены оселки, первый вид инструментов (рис. 3). Это плитки различных размеров четырехугольных очертаний. Таких орудий 13 (рис. 3, 4). Один оселок выполнен в форме мотыжки миниатюрных размеров – 54×40×11 мм. Еще один оселок изготовлен из ретушированного отщепы. Таким образом, наличествуют три типа орудий – оселки на плитке, отщепе и миниатюрной мотыжке.

По следам износа все орудия использовались для обработки орудий из железа. На ряде инструментов зафиксированы окислы железа. Другие имеют характерный износ, отвечающий заточке именно железных предметов.

Второй вид орудий – наковальни – представлен двумя типами. Миниатюрных наковален с закраиной две, они представлены фрагментами (рис. 1, 1, 3). Наибольшей сохранностью отличается одна из них. Орудие изготовлено пикетажем и шлифовкой, имеет размеры 89×87×57 мм. Она грибообразная в профиле очертания. В плане рабочая, верхняя часть имеет четырехугольные очертания с покатыми пологими скосами на краевых частях. Нижняя часть инструмента имела конусообразные очертания и расклинивалась в деревянной основе. Кроме того, судя по деревянной заплывке, выявленной на выпуклых частях скатов, наковальня прижималась к деревянной основе планками из дерева по бокам. Этим достигалась жесткая фиксация орудия в работе. Однако клин был выломан в ходе функционального использования, и наковальня пришла в негодность по причине невозможности ее удержания (рис. 1, 1).

При исследовании наковаленки возник вопрос о ее назначении. Поскольку орудие имеет малый размер, возникают вопросы о ее потенциальных возможностях. Этот вопрос был решен в ходе эксперимента.

Вторая наковаленка этого типа тоже представлена фрагментом, размер которого 91,7×75,4×34,1 мм. Она интересна предельно четким износом с вкраплениями железной окалины (рис. 1, 3). Как известно, износ наковальни характеризуется разбитыми и выровненными вершинами микрорельефа поверхности, наличием выбоин, в углублениях которых находится металл.

При рассмотрении экспериментальных данных, характеризующих износ наковален, приходится констатировать отсутствие единства у авторов эксперимента.

В.В. Килейников, описывая наковальни для цветных металлов, говорит о выровненной практически идеально поверхности с немногочисленными относительно мелкими углублениями, в которых обна-

руживаются фрагменты металла (Килейников, 1984. С. 110–120).

Иного типа наковальни крупных размеров, представленные пятью фрагментами: ударная поверхность свыше 150×150 мм и толщиной свыше 80 мм, по всей вероятности, округлых очертаний. Поверхность всех крупных наковален отполирована до блеска. Такие наковальни имели две поверхности по противоположащим сторонам. Их боковые стороны, выровненные пикетажем и отчасти пришлифованные, перпендикулярны к прилегающим рабочим плоскостям. Рабочие поверхности имеют округлые или овальные очертания. Эти поверхности отполированы до зеркального блеска. При этом полировка – продукт износа, о чем красноречиво свидетельствуют понижения микрорельефа, в которые глубоко въелась железная окалина, характерной особенностью также являются линейные следы. Они разнонаправлены, разной ширины, глубины и протяженности, по всей вероятности, их топография и локализация зависит от выполняемых операций. Характерной особенностью износа являются термические повреждения поверхности, выразившиеся в изменении цвета и оплавлении поверхностного слоя наковальни (рис. 1, 4, 5). Интересно, что подобные орудия находят прямые аналоги в материалах финальной бронзы. Вот как описывают эти орудия Н.Ю. Кунгурова и В.В. Варфоломеев на поселении финальной бронзы Кент: «Наиболее выразительны круглые наковаленки – полировальные плиты с оббитыми пикетажем, шлифованными боковыми сторонами. Плиты имеют параллельно расположенные плоскости и вертикальные боковые стороны. Рабочая плоскость заполирована до зеркального блеска. На ней наблюдаются линейные следы, характерные для инструментов для протяжки металла, доводки поверхностей...» (Кунгурова, Варфоломеев, 2013. С. 203).

Орудия дляковки, кроме наковален, представлены молотами и кувалдой. Три молота сохранились целиком, еще три дошли до нас фрагментарно. По способу удержания они делятся на ручные молоты (2 единицы) и молоты, использованные на рукояти.

Ручной молот имеет грушевидные в плане и прямоугольные в профиле очертания, изготовлен из крупной стяжки мелкозернистого гранита (рис. 2, 1). На торцах орудия выявлены две рабочие поверхности – широкая (50×30 мм) и узкая (30 кв. мм). На них выявлены характерные следы износа: следы от удара носят характер мягкой замятости, без разрушения зерен породы на рабочей поверхности. Рабочая поверхность кузнечного молота несет следы от контакта с металлом в виде глубоко проникающей окалины черного или красного цветов, особенно заметна она в углублениях. На вершинах рабочих поверхностей отмечены очень короткие линейные следы от скользящих ударов, при-

менявшихся при проковке. Его размер 135×84×30 мм. Второй молот ручного удержания имеет овальные очертания и размеры 130×79×60 мм. Рабочих поверхностей тоже две. Их площади приблизительно одинаковые – 42×30 мм. Третий молот был использован в рукояти. Он изготовлен из плитки гранита с массивным сечением. Плитка имеет размеры 133×130×42 мм. Для удобства крепления в центре орудия крупными сколами намечен перехват по обеим сторонам. Глубина перехвата 17 мм. Имеет две рабочие поверхности, площадью 50×20 мм и 40×30 мм (рис. 2, 3).

Кузнечная кувалда изготовлена из крупной гальки габбро-порфирита (рис. 2, 4). Имеет размеры 123,6×100,2×83,5 мм. Вес – 2062 граммов. В качестве рабочих поверхностей использовались торцы орудия. Первоначально, по всей вероятности, орудие служило двусторонней наковаленкой. Именно так сформировались ударные поверхности. Они заглажены до яркого блеска, имеют линейные следы и вкрапления металла с термическими повреждениями. Площади этих поверхностей: около 560 кв. см у большой ударной поверхности и 120 кв. см – у малой.

В дальнейшем с одной из боковых поверхностей снят крупный скол, на второй пикетажем намечен перехват, и орудие стало использоваться как кувалда на т-образной рукояти. Следы от рукояти и притягивания ремнем четко фиксируются при их микроанализе.

Впервые орудия подобных типов подробно описаны В.В. Килейниковым (Килейников, 1984. С. 113).

Таким образом, структуру орудий по металлообработке можно представить следующим образом (табл. 1).

Таблица 1. Структура орудий по металлообработке

Тип	целые	фрагменты
Наковальни		7
Молоты	3	3
Кувалда	1	
Оселки	15	
Всего	29	

Поселение Кулжан

Третий по значимости и второй по численности (15 единиц) класс орудий – инструменты для металлообработки. Структура этого класса выглядит следующим образом: 2 наковальни; одна изготовлена из фрагмента терочной плиты, из осколка второй наковальни изготовлен кузнечный молот. Интересно, что наковаленка из Кулжана по типу закрепления и размеру аналогична таковой, найденным на поселении Абылай (рис. 1, 2). Наличие крупных наковален демонстрирует фрагмент той, из которой изготовлен кузнечный молот (рис. 2, 5В).

Кузнечных молотов выявлено 9 единиц. Интересно, что на поселении Кулжан преобладают молоты на

обломках терочных плит, ручного удержания и орудия из плиток на т-образных рукоятках. При этом, на поселении Абылай обнаружены в основном ручные молоты из крупных галек, а молотов на плитах – значительно меньше. По нашему мнению, вызвано это тем, что на Кулжане в силу природно-географического положения отсутствует тип заготовки, такой, как крупная галька. Поэтому изготовление молотов из боковых граней терочных плит – вынужденная необходимость, так же, как и использование молотов из плит на т-образных рукоятках. Косвенно об этом свидетельствует единственное орудие на крупной гальке. Этот молот впоследствии был утилизирован в рубящее орудие (рис. 4, 2). Таким образом, налицо бережное отношение к крупной гальке как потенциальному материалу заготовки.

Последний тип орудий этого класса представлен пятью оселками (рис. 3).

Значимость орудий для металлургии и металлообработки подчеркивает тот факт, что на поселении Кулжан этот класс орудий численно несколько превосходит класс терочных орудий. Кроме того, они более разнообразны, чем орудия для аналогичных целей, происходящих из культурного слоя поселения Абылай. Замечательным здесь представляется и тот факт, что среди орудий для металлообработки встречены инструменты для обработки цветных металлов. Так, на кузнечном молоте-топоре из крупной гальки имеются следы от обработки цветного металла (рис. 4, 2B).

Верхнеэженский I могильник

Наковальня изготовлена из плотного зеленого камня (габр? плотный песчаник?). Судя по всему, заготовка представляла собой плитку или гальку с двумя плоскими поверхностями. Размер орудия 81×62×63 мм, вес – 50 граммов (рис. 4, 1). Обе плоские поверхности использованы для горячейковки железа. При этом, судя по всему, наковальня использовалась сначала с одной стороны, после разрушения которой ее перевернули, т.к. обратная поверхность менее выкрошена, и использовали дляковки вновь (рис. 4, 1-A, 1-A1, 1-B). На боковых поверхностях обнаружены следы деревянной заполировки от заклинивания орудия в дерево (рис. 4, 1-B).

Износ наковальни представляет собой выбитую до зеркального блеска поверхность с глубоко въевшейся в камень окалиной и следами термической обработки (рис. 4, 1-A, 1-A1, 1-B).

Таким образом, в материалах кочевых культур представлен тип маленьких наковаленок, закрепленных в деревянной основе. В предварительном плане их можно назвать полевыми, в противоположность крупным наковальням стационарных кузен. В связи с этим возникает закономерный вопрос о том, для каких целей они применялись. Для выяснения этих вопросов был поставлен эксперимент.

Эксперимент поковке. Первая часть эксперимента заключалась в изготовлении наковальни. Для этой цели был использован крупный осколок плотного песчаника размерами 132×85×237 мм. Этот кусок был обработан в технике пикетажа с помощью железного молотка и отбойников, так как использование железного орудия не противоречит употреблению материалов эпохи раннего железа.

В итоге получена наковаленка, близкая по размерам артефакту из материалов поселений Абылай и Кулжан. Ее размеры 92×81×90 мм, у археологического прототипа с поселения Абылай – 89×87×57 мм. С учетом того, что «ножка» обломана наполовину, получаем толщину около 100 мм. Время изготовления орудия составило 32 минут 40 секунд.

На втором этапе поверхность орудия подверглась шлифовке с помощью плитки плотного песчаника, аналогичного материалу наковальни. Характер этой шлифовки – поверхностный. Такой тип шлифования был применен для того, чтобы сделать рабочие грани наковальни относительно ровными.

По трасологическим наблюдениям, кроме того, что наковальня вставлялась в паз деревянной основы, на боковые скаты накладывалась дополнительная рамка или боковые планки из дерева для дополнительной фиксации орудия. Это видно по наличию характерной «деревянной» заполировки, выявленной на боковых скатах изделия.

Такие меры, предпринятые для фиксации орудия, не кажутся нам чрезмерными. Дело в том, что чем удобнее и прочнее зафиксирована наковальня, тем удобнее на ней работать. Этот принцип не только протестирован экспериментально, но и не раз фиксировался трасологически (Колев, Горащук, 2003).

Однако в настоящем эксперименте мы обошлись без дополнительной фиксации инструмента с помощью рамок и плашек. На наш взгляд, фиксации орудия в плотно прилегающем пазу деревянной основы вполне достаточно для нормального использования наковаленок (рис. 5). Для фиксации изделия использована щемилка, как это представлено на фото.

На втором этапе медный пруток из электролитической меди диаметром 8 мм и длиной 165 мм был раскован в нож. Ковка производилась железным молотком весом 350 граммов.

Времяковки 28 минут 15 секунд (без учета одного отжига для рекристаллизации). При отжиге нож остужен не полностью, его температура составила около 600 градусов, что фиксировалось термопарой. На поверхности наковальни заметных следов обжига не обнаружено. В итоге был получен медный нож с изогнутым лезвием и округлым кончиком.

Результат эксперимента превзошел ожидания. Оказалось, что даже такая хрупкая на вид наковальня

способна выдерживать самые сильные удары. На ней возможно не только поправлять, но и выводить лезвия, а также изготавливать предметы (рис. 5).

Полученные результаты позволяют уверенно говорить о том, что тестирование наковальни показало ее пригодность для всех видов кузнечных работ.

ЛИТЕРАТУРА

- Бейсенов А.З., Горащук И.В., Дуйсенбай Д.Б. Трасологическое исследование каменных орудий поселения сакского времени Абылай, Центральный Казахстан // Поволжская археология. 2021. № 3. С. 177–194.
- Бейсенов А.З., Горащук И.В. К изучению хозяйственной деятельности населения сакского времени Центрального Казахстана (по материалам трасологических исследований) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 3. С. 42–57.
- Гиря Е.Ю. Проблемы технологического анализа продуктов расщепления камня // СА. 1991. № 3. С. 115–129.
- Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий. СПб.: ИИМК, 1997. 199 с.
- Килейников В.В. Каменные горнометаллургические и металлообрабатывающие орудия Мосоловского поселения // Эпоха бронзы Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж: Воронежский университет, 1984. С. 108–123.
- Колев Ю.И., Горащук И.В. Каменные и костяные орудия стоянки Михайлово-Овсянка // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2003. С. 89–104.
- Коробкова Г.Ф. Экспериментальный анализ и его место в методике и теории археологии // КСИА. 1978. Вып. 152. С. 55–61.
- Коробкова Г.Ф. Мезолит Средней Азии и Казахстана // Археология СССР. Мезолит СССР. М.: Наука, 1989. С. 149–173.
- Коробкова Г.Ф. Экспериментально-трассологические разработки как комплексное исследование в археологии // Экспериментально-трассологические исследования в археологии. СПб.: ИИМК, 1994. С. 3–20.
- Коробкова Г.Ф., Щелинский Г.Ф. Методика микро – макроанализа древних орудий труда. СПб.: ИИМК, 1996. 80 с.
- Кунгурова Н.Ю., Варфоломеев В.В. Орудия и изделия из камня поселения Кент (по результатам трасологических исследований) // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Алматы: НИЦИА Бегазы-Тасмола, 2013. С. 198–217.
- Нехорошев П.Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб.: ИИМК, 1999. 96 с.
- Семенов С.А. Первобытная техника // МИА. 1957. Вып. 54. 240 с.
- Семенов С.А. Производство и функции каменных орудий // МИА. 1970. Вып. 166. С. 7–18.
- Beisenov A.Z. New Data in the research of Settlements of Saka time in Central Kazakhstan // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33. № 3. С. 181–202.
- Beisenov A.Z., Svyatko S.V., Duysenbay D.B., Akhiyarov I.K., Reimer P.J. New isotopic data on the diet of the Saka period population from Central Kazakhstan // Поволжская археология — The Volga River region archaeology. 2020. № 3 (33). P. 208–218.

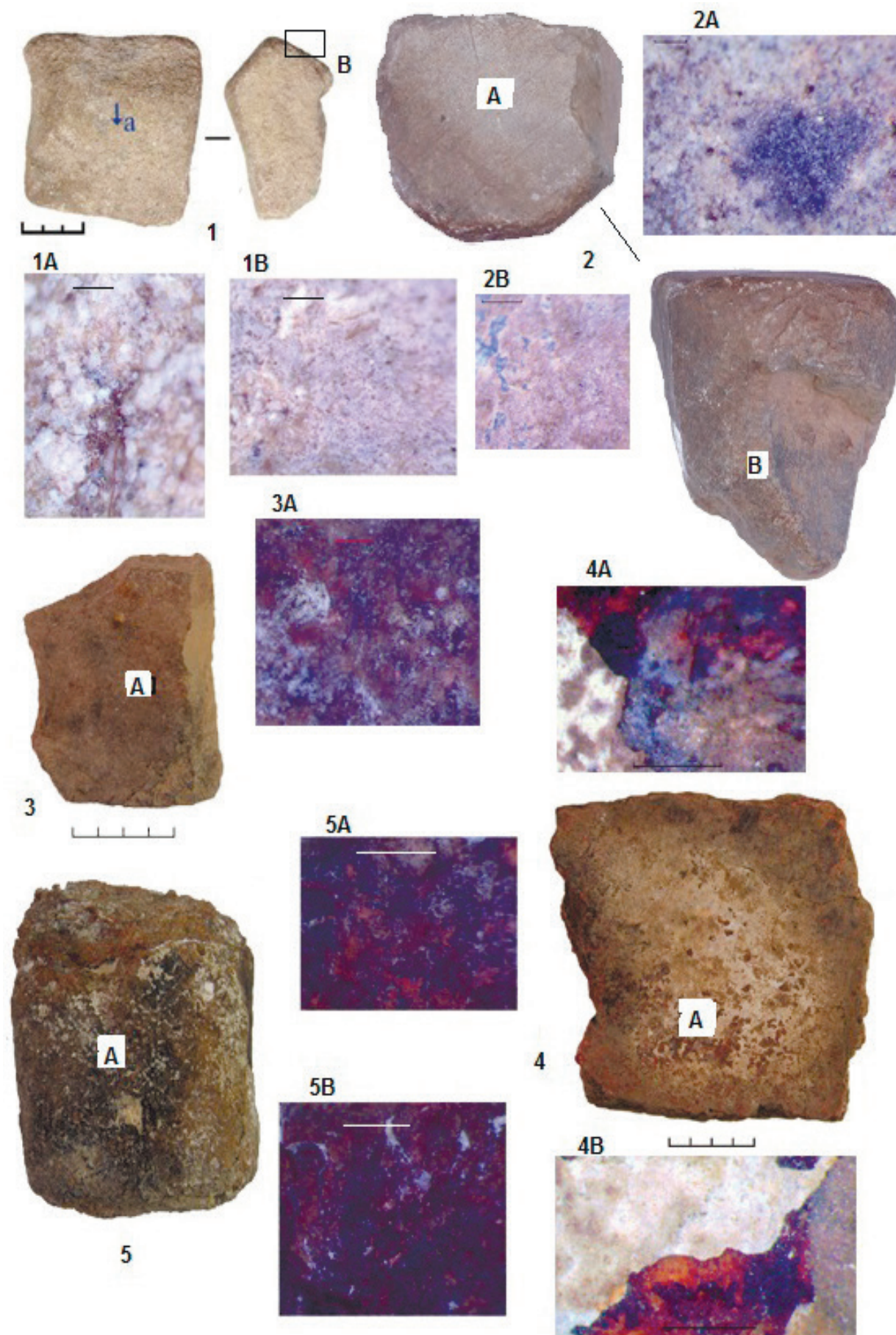

Рис. 1. Наковальни тасмолинской культуры.

1, 3–5 – поселение Абылай; 2 – поселение Кулжан I. Под литерами: 1B, 2B – следы от закрепления в деревянном пазе, А – следы от проковки металла.

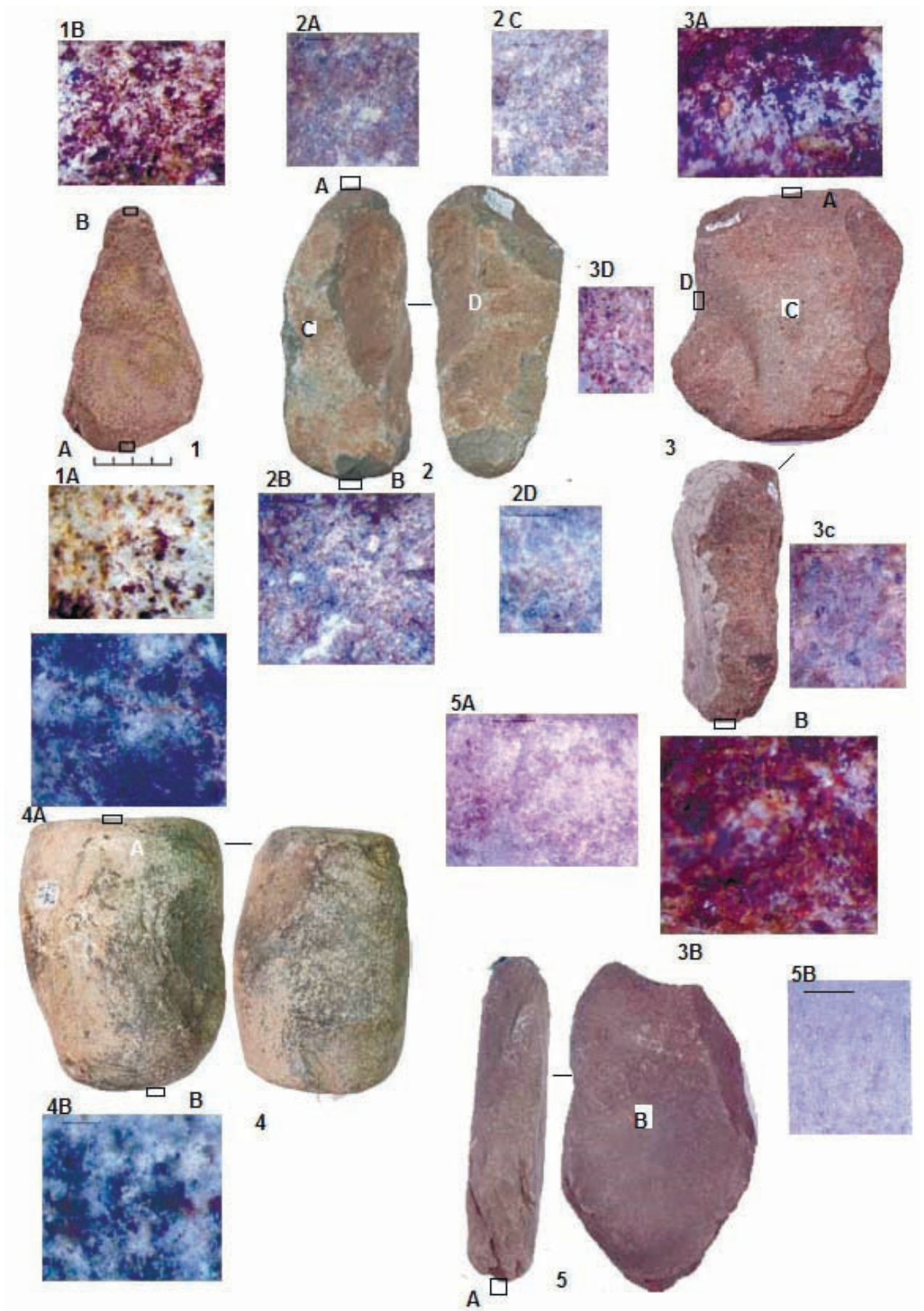

Рис. 2. Кузнечные молоты (1–3, 5) и кувалда (4) тасмолинской культуры.

1, 3, 4 – Поселение Абылай; 2, 5 – поселение Кулжан I. Под литерами: 1-4 А-В, 5А – следы от проковки; 2-3С – следы от рукоятки; 2-3D – следы от стягивания ремнями; 5В – следы от использования в качестве наковальни.

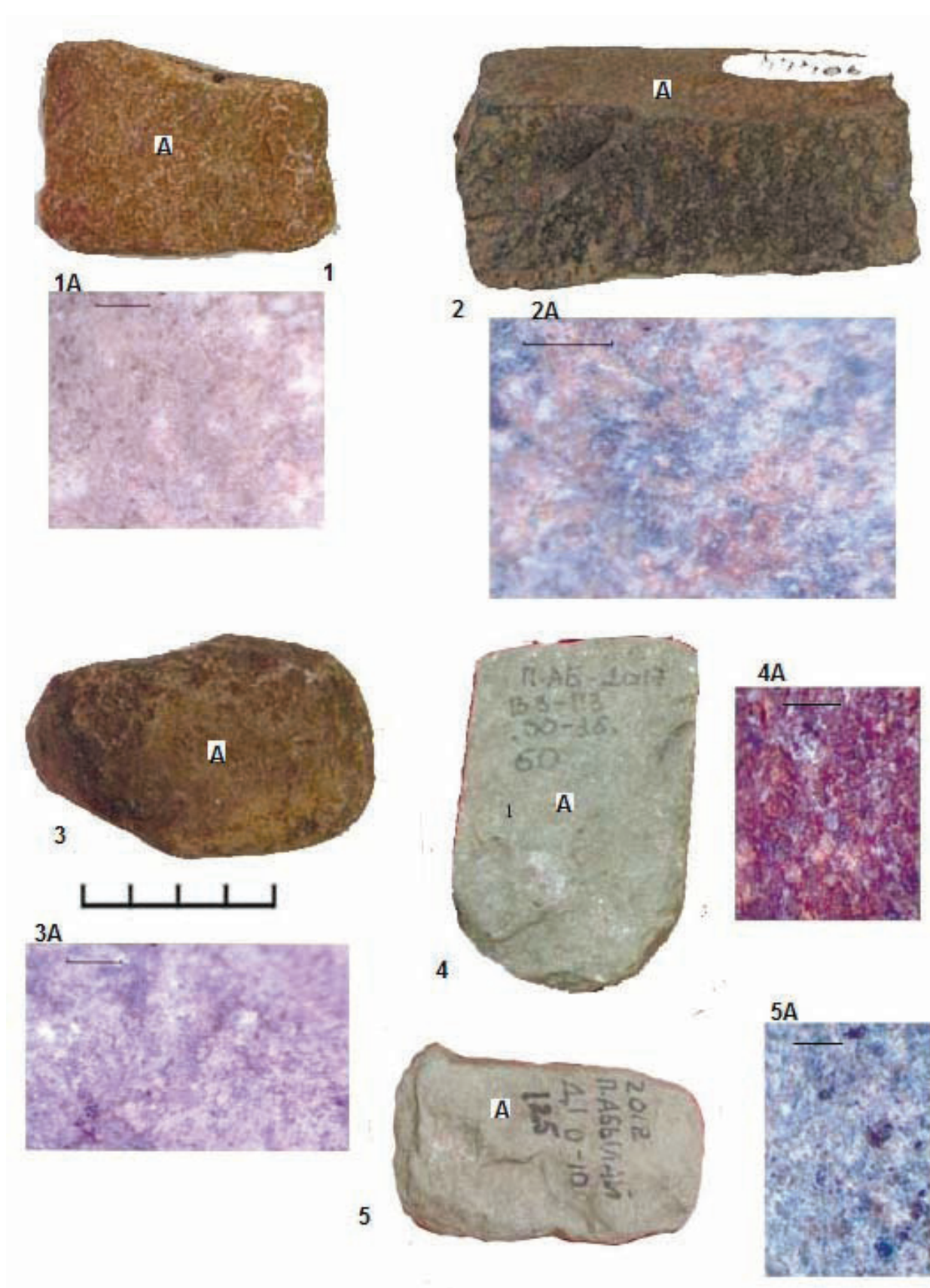

Рис. 3. Оселки тасмолинской культуры.

1, 3, 4 – поселение Абылай; 2 – поселение Кулжан. Под литерой – следы износа.

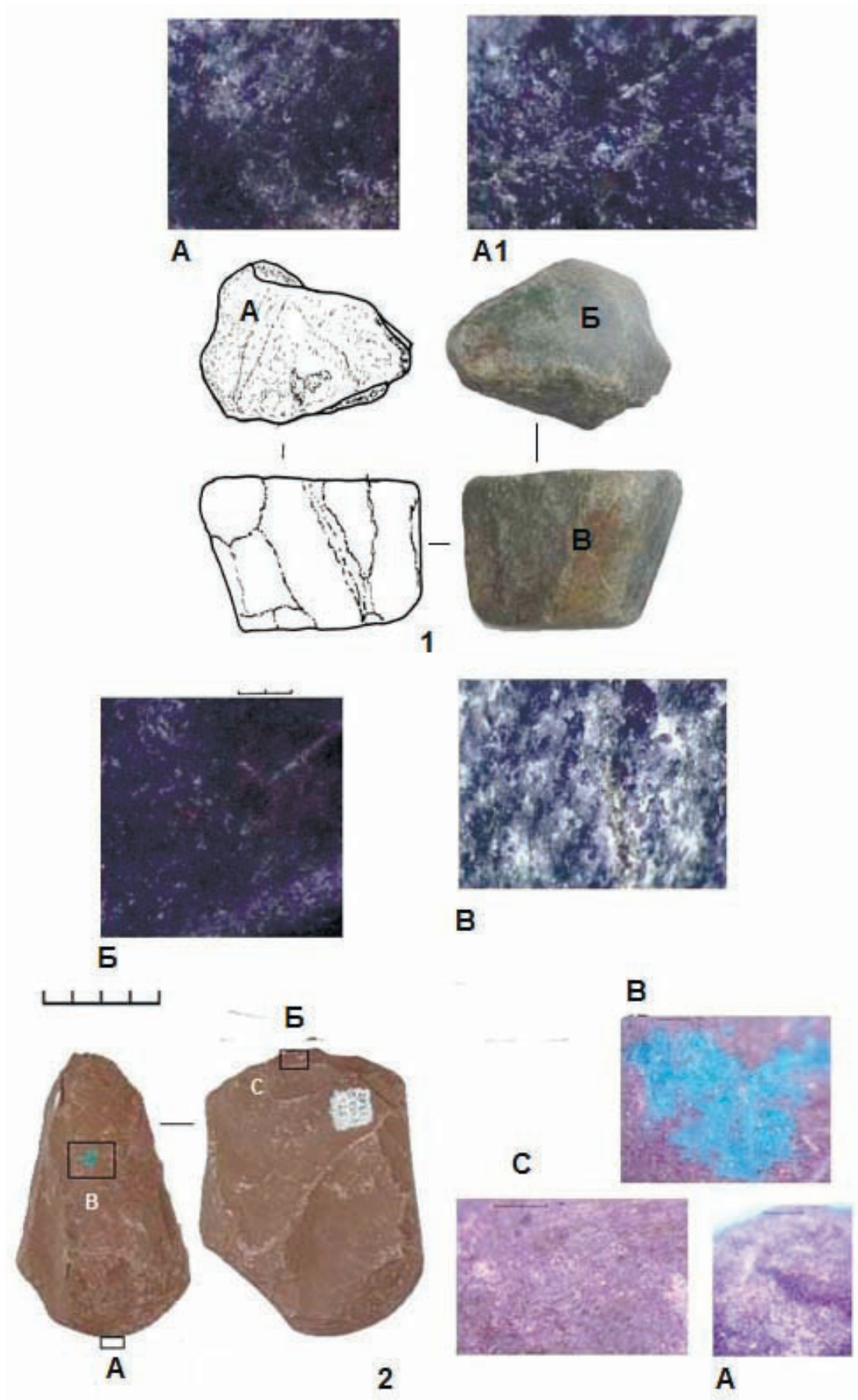

Рис. 4. Наковальня Верхнесызженского 1 могильника (1) и молот-рубящее с поселения Кулжан (2).
1 А – износ, увеличение 60 раз; 1А1 – износ, увеличение 80 раз; Б – износ обратной стороны, увеличение 60 раз; 2А – износ молота; 2 С – износ рубящего; 2В – потек цветного металла.

Рис. 5. Этапы эксперимента

КАМЕННЫЙ «ЖЕРТВЕННИК» ИЗ КУРГАНА № 2 КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА АНДРЕЕВКА I

© 2023 Е.В. Волкова, И.В. Горашук, А.В. Денисов

Аннотация. Статья посвящена изучению каменного «жертвенника» из Андреевского курганного могильника. Данный экземпляр относится к типу овальных жертвенников без ножек. Проведённые трасологические исследования данного артефакта показали, что внутренняя часть чаши «жертвенника» подвергалась температурному воздействию (копоть и микротрещины). Подобные следы могут быть связаны с сжиганием какой-то органики в чаше «жертвенника». Ранее подобный артефакт был интерпретирован как краскотерка. В результате исследования авторы приходят к выводу, что небольшие овальные «жертвенники» без ножек могли иметь полифункциональный характер и использовались с разными целями в зависимости от конкретной ситуации.

Ключевые слова: курганный могильник, ранний железный век, каменный жертвенник, трасология, типология, функциональное назначение.

STONE «ALTAR» FROM MOUND № 2 OF THE ANDREEVKA I BURIAL MOUND

© 2023 E.V. Volkova, I.V. Gorashchuk, A.V. Denisov

Abstract. The article is devoted to the study of the stone «altar» from the Andreevsky burial mound. This specimen belongs to the type of oval altars without legs. Traceological studies of this artifact showed that the inside of the «altar» bowl was exposed to temperature effects (soot and microcracks). Such traces may be associated with the burning of some organic matter in the bowl of the «altar». Previously, a similar artifact was interpreted as a paint grinder. As a result of the study, the authors come to the conclusion that small oval «altars» without legs could have a multifunctional character and were used for different purposes depending on the specific situation.

Keywords: burial mound, Early Iron Age, stone altar, traceology, typology, functional purpose.

Введение

Курганный могильник Андреевка I (в литературе известен как Андреевский курганный могильник) расположен на юго-западной окраине села Андреевка Богатовского района Самарской области на первой надпойменной террасе речки Лещевка, притока реки Самары (рис. 1, 1). Памятник был выявлен Г.Г. Пениным в 1975 г. Уже в июне того же года отрядом Средневожской археологической экспедиции были изучены два кургана (№ 1, 2). В кургане № 2 было обнаружено впускное погребение (№ 2), относящееся к эпохе ранних кочевников (Мышкин, Скарбовенко, 2020. С. 120).

Данный комплекс ранее уже публиковался (Матвеева, 2006), поэтому ограничимся лишь кратким его описанием. Комплекс представляет собой погребение взрослого человека (предположительно – женщины), ориентированное головой на запад. В качестве сопровождающего инвентаря в погребении обнаружены бронзовое зеркало с ручкой ольвийского типа, овальный каменный «жертвенник», две бронзовые иглы и раковина, бронзовое колесико-амулет. На левой стороне груди погребенного находилась нашивная бляха с изображением горного козла из тонкого золотого листа. Также в погребении находились продолговатая галька, мелкие кусочки красного вещества, железный нож и многочисленные кости барана (рис. 1, 2).

Традиционно такое сочетание погребального инвентаря принято рассматривать как «жреческий ком-

плекс» (Васильев, 1998. С. 31–32). Характерно, что набор из бронзового колесика, каменного жертвенника и бронзового зеркала в одном погребении является достаточно устойчивым сочетанием для ранних кочевников Южного Урала (Боталов, Таиров, 1996. С. 129).

В предыдущих публикациях материалов данного погребения авторы основное внимание уделяли анализу двух импортных изделий – бронзового зеркала и нашивной золотой бляхи в зверином стиле (Матвеева, 2006; Мышкин, Скарбовенко, 2020. С. 120–121). В данной работе более подробно будет рассмотрен т.н. каменный «жертвенник».

Описание жертвенника и его типология

«Жертвенник» представляет собой изделие, изготовленное из материала, близкого к песчанику средней плотности. В плане изделие имеет форму овала, один из закругленных торцов которого шире другого. Максимальная длина жертвенника – 18,4 см, ширина – 9,8 см, толщина – 3,5 см. В продольном сечении изделие слегка выпуклое – края сходятся к центру под углом около 9°. Центральная часть выбрана. Сечение предмета овальное. Максимальная глубина в центре – около 2,4 см, по краям – 1,7 см (рис. 2).

Описываемый артефакт соотносится с типом II второй группы по типологии К.Ф. Смирнова – овальные или круглые плоские жертвенники без ножек. Исследователь упоминает наиболее ранние экземпляры, относящиеся к VII–VI вв. до н.э. К этому же типу он

относит несколько обломков овальных или круглых жертвенников из погребений V в. до н.э. с оговоркой, что непонятно, были ли у этих экземпляров ножки. Кроме того, к этому же типу им отнесены орнаментированные жертвенники, датирующиеся IV–III вв. до н.э. Таким образом, жертвенники данного типа по К.Ф. Смирнову имеют как довольно разнообразный облик – от грубо оббитых до орнаментированных, так и широкую датировку (Смирнов, 1964. С. 165). По классификации В.Н. Васильева, исследуемый жертвенник соответствует типу II первой группы – корытообразные жертвенники овальной или подпрямоугольной формы без ножек, и, по-видимому, первому подтипу. Данный тип автор датирует по сопутствующим предметам V в. до н.э., не соглашаясь с более ранними датировками К.Ф. Смирнова (Васильев, 1998. С. 26). С.Ю. Гуцалов в своей монографии относит жертвенники такого типа к типу 2 (овальные с углублением по центру днища) отдела I (с плоским днищем). Анализируя материалы Южного Приуралья, жертвенники такого типа С.Ю. Гуцалов считает характерными для комплексов конца VII – V в. до н.э. (Гуцалов, 2004).

В данной работе мы не ставим целью поиски точных аналогий и датировку данного типа «жертвенников». Погребение, в котором он обнаружен, хорошо датировано сразу двумя яркими находками – «ольвийским» зеркалом и нашивной золотой бляхой с изображением горного козла – второй половиной VI в. до н.э. (Матвеева, 2006. С. 378–379) или концом VI в. до н.э. (Мышкин, Скарбовенко, 2020. С. 121).

Трасологические исследования

В 2023 г. к.и.н. И.В. Горашуком было проведено трасологическое исследование описываемого артефакта. Исследование предмета проводилось с помощью панкратического микроскопа стерео MC-2-ZOOM TD-2, имеющего увеличение до 200 раз. В комплект оборудования входила микрокамера с окуляром УСМОС 5 тр для фиксации микроследов. Все микрофотографии выполнены при стандартном увеличении в 60 раз. Зафиксированные следы делятся на два типа – следы от изготовления и следы от применения.

Судя по следам от изготовления, «жертвенник» был выдолблен из каменной плитки-заготовки орудием с овальным желобчатым лезвием (рис. 3, 1). Судя по четкости следов, орудие изготовления было железным. Эти следы зафиксированы на всей поверхности «жертвенника». Четче всего следы выдалбливания читаются на внутренней стороне борта жертвенника. На самом дне они уничтожены шлифовкой, следующей операцией после выборки. Шлифовка предназначена для удаления неровностей и дефектов выборки материала выбиванием. Интенсивнее всего следы от этой операции видны, как сказано выше, в центре углубления, а также на внешних сторонах бортов (рис. 3, 2). В ряде случаев

зафиксированы частицы – вкрапления зеленоватого и желтого цвета (рис. 4, 1, 2). По всей вероятности, это вкрапления какого-то минерала или окислы металла, выбитые из камня в результате изготовления.

Следы от использования выявлены на внутренней стороне дна «жертвенника». Это закопченные участки. На самом дне зафиксированы микротрещины, возникшие от воздействия огня (рис. 4, 3).

Функциональное назначение

Следы копти и трещины от воздействия огня могли появиться как в результате сжигания на «жертвеннике» каких-либо благовоний или дурмящих растений, так и в результате простого утилитарного использования каменной чаши в качестве жировой лампы. Необходимо отметить, что следов жира на андреевском «жертвеннике» не зафиксировано.

Вопрос о функциональном назначении каменных «жертвенников» имеет более чем столетнюю историю и в настоящее время по-прежнему остается открытым. Ход этой дискуссии был подробно описан В.К. Федоровым (Федоров, 2000; 2001). Для того, чтобы аргументированно и однозначно решить вопрос функционального назначения каменных жертвенников, необходимо обратиться к трасологии и естественнонаучным методам.

К настоящему моменту трасологических исследований каменных «жертвенников» проведено всего несколько. В 2020 г. авторами данной статьи было выполнено трасологическое изучение двух «жертвенников» на ножках-валиках из окрестностей г. Сенгилей и сделано предположение, что назначение каменных «алтариков» различно и может зависеть от формы изделия (Волкова, Горашук, Денисов, 2020). Ранее подобное трасологическое исследование было проведено еще в 1970-е годы. Г.Ф. Коробкова определила овальное каменное блюдо из сооружения могильника Гек-Дак II как краскотерку (Мандельштам, 1976. С. 24). Данная работа интересна тем, что изученный Г.Ф. Коробковой жертвенник относится к тому же типу, что и артефакт из погребения курганного могильника Андреевка I.

Таким образом, в настоящий момент невозможно достоверно установить, есть ли связь между формой (типом) жертвенника и его функционалом. «Жертвенники» из Андреевки и Гек-Дак II имеют самую примитивную форму (небольшие овальные чаши с плоским дном). Подобные «жертвенники» вполне могли иметь полифункциональный характер использования (растирание и смешивание красок, возжигание благовоний, жировая лампа) в зависимости от конкретной ситуации. Учитывая, что погребальный комплекс из Андреевки традиционно считается жреческим, вероятнее все же выглядит гипотеза о ритуальном, а не бытовом использовании публикуемого предмета.

Справедливости ради нужно отметить, что «огненные ритуалы» – не самая популярная в литературе версия использования каменных жертвенников. О находках копоти и угольков, а также жирных пятен на поверхности каменных жертвенников упоминает К.Ф. Смирнов (Смирнов, 1964. С. 167). Однако В.К. Федоров критикует эту версию. Он указывает на незначительное количество жертвенников со следами огня и копоти и сомневается в том, что эти находки подтверждают горение внутри каменной чаши (Федоров, 2000. С. 54). Кроме того, один из аргументов исследователей против разжигания огня в чаше связан с кажущейся хрупкостью песчаника (Васильев, 1998. С. 32). Впрочем, как показывает опыт изучения жертвенника из Андреевского курганного могильника, далеко не всегда следы воздействия огня могут быть заметны невооруженным глазом. Без специального микроскопиче-

ского исследования, они были бы незаметны и в этом случае. Что касается «огнепрочности» каменных жертвенников, нужно понимать, что речь не идет о мощном пламени, как в костре. Пламя было небольшое, сравнимое с горением современной лампадки, что точно не представляло опасности для массивного каменного предмета.

Выводы

Вопрос о функциональном назначении т.н. «каменных жертвенников» пока остается открытым. В настоящий момент мы продолжаем поддерживать идею о зависимости функционала «жертвенника» от его типа. В то же время исследования показали, что небольшие овальные «жертвенники» без ножек могли иметь полифункциональный характер и могли использоваться с разными целями в зависимости от конкретной ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

- Боталов С.Г., Таиров А.Д.* Памятники раннего железного века в окрестностях села Варна // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: Труды музея-заповедника Аркаим / Сост. Н.О. Иванова. Челябинск: Каменный пояс, 1996. С. 117–138.
- Васильев В.Н.* К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. Вып. 1 / Под ред. И.М. Акбулатова, Р.Б. Исмагила, А.Х. Пшеничнюка, В.К. Федорова. Уфа: НМ РБ, 1998. С. 25–43.
- Волкова Е.В., Горащук И.В., Денисов А.В.* К вопросу о технологии изготовления и функциональном назначении так называемых «каменных жертвенников» // Волго-Уральский регион от древности до средневековья: материалы VI Нижневолжской Международной археологической научной конференции / Редкол.: А.С. Скрипкин (отв. ред.) [и др.]. Волгоград: ВолГУ, 2020. С. 108–113.
- Гуцалов С.Ю.* Древние кочевники Южного Приуралья VII – I вв. до н.э. Уральск, 2004. 136 с.
- Мандельштам А.М.* К характеристике памятников ранних кочевников Закаспия // КСИА. 1976. Вып. 147. С. 21–26.
- Матвеева Г.И.* Погребение савроматского времени у с. Андреевка в Самарском Заволжье // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006. С. 377–379.
- Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А.* Андреевка I, курганный могильник // Культурное наследие Самарской области. Т. 2. Объекты археологического наследия. Самара, 2020. С. 120–121.
- Смирнов К.Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 381 с.
- Федоров В.К.* О функциональном назначении так называемых «савроматских жертвенников» Южного Приуралья (I) // Уфимский археологический вестник. Вып. 2 / Под ред. В.К. Федорова, И.М. Акбулатова, Р.Б. Исмагила, А.Х. Пшеничнюка. Уфа: НМ РБ, 2000. С. 49–69.
- Федоров В.К.* О функциональном назначении так называемых «савроматских жертвенников» Южного Приуралья (II) // Уфимский археологический вестник. Вып. 3 / Под ред. И.М. Акбулатова, Р.Б. Исмагила, А.Х. Пшеничнюка, В.К. Федорова. Уфа: НМ РБ, 2001. С. 21–49.

2

Рис. 1. Курганный могильник Андреевка I.

1 – местоположение могильника; 2 – курган № 2 погребение № 2 (фото из фондов Музея археологии и этнографии Самарского университета).

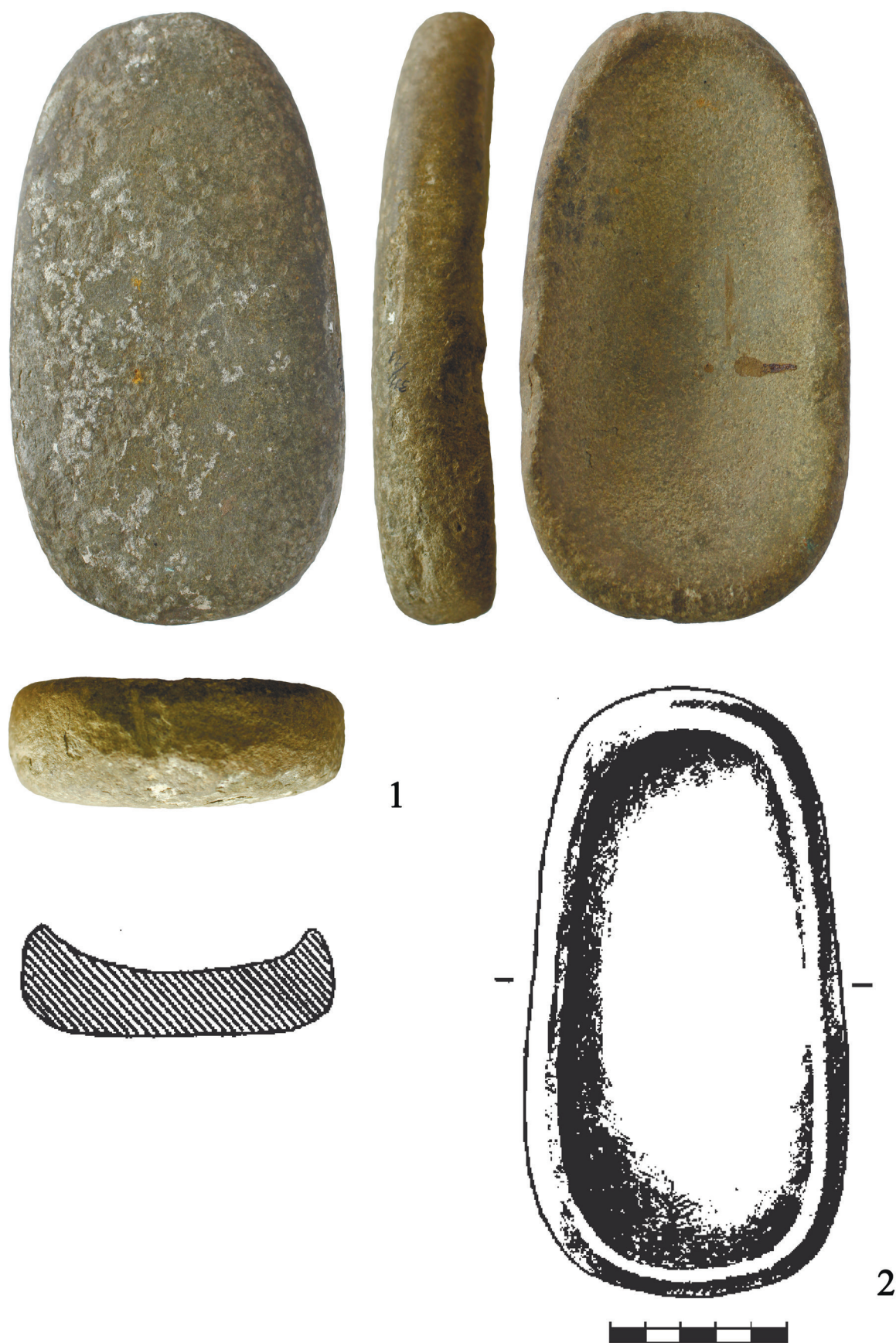

Рис. 2. Каменный «жертвенник» из погребения № 2 курган № 2.

1 – современное состояние (фото Д.В. Семина); 2 – прорисовка предмета (илл. по: Матвеева, 2006. Рис. 1, б).

Рис. 3. Каменный «жертвенник» из погребения № 2 курган № 2.
1 – следы от работы желобчатым орудием; 2 – следы полировки.

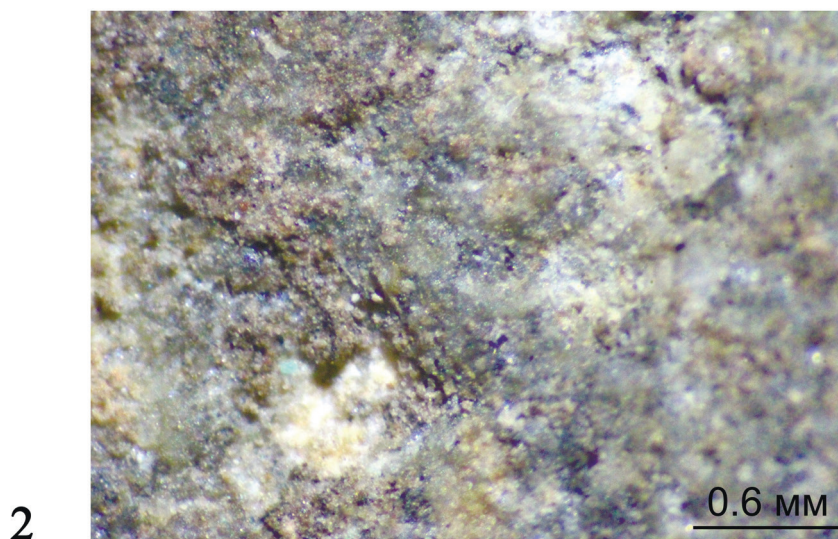

Рис. 4. Каменный «жертвенник» из погребения № 2 курган № 2.
1 – желтый пигмент; 2 – зеленый пигмент; 3 – следы термического воздействия.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОГРЕБЕНИЙ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ В КУРГАННОМ МОГИЛЬНИКЕ У С. МАЛИНОВКА В УЛЬЯНОВСКОМ ЗАВОЛЖЬЕ

Л.Л. Галкин

Аннотация. Статья посвящена публикации материалов, полученных в результате исследования погребений ранних кочевников курганного могильника у с. Малиновка в лесостепном Ульяновском Заволжье. Охарактеризованы особенности обрядовых действий и предметы погребального инвентаря.

Ключевые слова: ранний железный век, Среднее Поволжье, кочевники, курган, погребение, погребальный обряд, сожжение погребальной постройки.

INVESTIGATION OF BURIALS OF EARLY NOMADS IN THE BURIAL MOUND NEAR THE VILLAGE MALINOVKA IN THE ULYANOVSK TRANS-VOLGA REGION

L.L. Galkin

Abstract. The article is devoted to the publication of materials obtained as a result of the study of the burials of early nomads of the kurgan burial ground near the village Malinovka in the forest-steppe Ulyanovsk Trans-Volga region. The features of ritual actions and burial goods are characterized.

Keywords: Early Iron Age, Middle Volga region, nomads, mound, burial, funeral rite, burning of a funeral building.

В полевой сезон 1977 года Средневожская ново-строечная экспедиция под руководством автора отчета исследовались археологические памятники в среднем течении р. Большой Авраль, расположенные между селами Елховый Куст и Верхняя Якушка (Галкин, 1977). Работы велись на средства, выделенные Ульяновским областным отделением ВООПИК по Открытому листу за № 277 от 30 мая 1977 г.¹

I. Курганный могильник у с. Малиновка.

Курганный могильник из 17 обнаруженных экспедицией курганов располагался на коренном правом берегу р. Б. Авраль, возвышавшемся метров на 30 над поймой реки, к северу от деревни Малиновка, расположенной в двух километрах² к северо-западу от с. Елховый Куст.

Курганы интенсивно распахивались и распахиваются. Вероятно, часть из них уже уничтожена вспашкой. Диаметр сохранившихся к настоящему времени

курганов составляет в среднем 20–25 м, высотой от 0,35 до 1,5 м.

Основная масса курганов вытянута цепочкой с юго-востока на северо-запад. Несколько курганов находится за пределами данной цепочки, примыкая к ней.

Из 17 курганов в полевой сезон 1977 года исследовано 10 курганов.

Курган 3 (рис. 1, 1–3).

Расположен в 120 м к СЗ от кургана 2. Насыпь кургана сферической формы, округлая в плане, высота его 45 см, от нулевой отметки до материка 85 см. Все глубины даны от нулевой отметки кургана. Курган исследовался на снос вручную методом кольцевых траншей. Для стратиграфического наблюдения были оставлены две пересекающиеся в центре бровки. На поверхности кургана встречались куски ошлакованной глины (рис. 2, 7).

Курган интенсивно разрушался многолетней глубокой вспашкой.

Погребение 1 (рис. 2, 1) расположено в 700 см к юго-востоку от нулевой отметки кургана в его насыпи на глубине 60 см. Костяк ребенка плохой сохранности лежал на спине вытянуто, руки вдоль тела. Ориентация головой на юг. Возле черепа справа от него лежало изготовленное из бронзовой проволоки незамкнутое колечко (рис. 2, 2). Следов могильной ямы не прослежено. Погребение впускное, сарматское.

Погребение 2 (рис. 1, 1). На глубине 70 см от нулевой отметки в 300 см от нее к юго-востоку обнаружено изделие из кости в виде рыбки (рис. 2, 5). На той же глубине в 100 см к юго-востоку от нее найден обожженный череп лошади, в 250 см к юго-западу от последнего обнаружено обожженное копыто лошади. В 4 м к востоку от нулевого репера на глубине 70 см

¹ Краткая информация о раскопанных в курганном могильнике у с. Малиновка погребениях ранних кочевников была опубликована в издании «Археологические открытия 1977 года» (Галкин и др., 1978). Однако этот погребальный комплекс, представляющий существенный интерес с точки зрения изучения миграций кочевников на территории степных и лесостепных пространств Поволжья и Южного Приуралья, остался вне поля зрения специалистов по сарматской археологии. В связи с этим редакционная коллегия сборника сочла необходимым и возможным опубликовать раздел отчета Л.Л. Галкина, посвященный результатам исследования этого комплекса, в качестве отдельной статьи. При подготовке публикации в текст были внесены минимальные правки лексического характера, а в рисунки и чертежи – правки, связанные с их оформлением (отв. ред.)

² Здесь и далее жирным шрифтом выделены внесенные в текст измененные слова.

обнаружен обожженный позвонок животного. На этой же глубине обнаружена слабообожженная стенка глиняного лепного сосуда в 600 см к юго-западу (рис. 2, б) и бронзовая трехгранная стрела (рис. 2, 3) в 100 см к югу от **нулевой отметки** кургана. Вторая трехгранная бронзовая стрела обнаружена на глубине 100 см в 400 см к востоку и 150 см к северу от **нулевой отметки** кургана (рис. 2, 4). На этой же глубине найден плоский обломок сильно коррозированного железа в 300 см к востоку и 75 см к северу от **нулевой отметки**. Обожженные кости человека найдены в северо-западном секторе на глубине 70 см под завалами ошлакованной глины, в 530 см к северу и 310 см к западу от **нулевой отметки** кургана. Развалы ошлакованной глины с отпечатками на ней деревянных конструкций (рис. 2, 7) обнаружены в северо-западном и северо-восточном секторах раскопа. Они располагались по дуге, внутренний край которых находился на расстоянии 500 см от **нулевой отметки** кургана и внешняя граница на расстоянии от 600 до 800 см от него же (рис. 1, 1). Мощность шлаковых глыб 30–40 см. Под центром кургана, со смещением к юго-востоку обнаруженный до красного цвета участок сырцово-красной глины, круглый в плане с неровными глянцевыми участками диаметром около 350 см. Глубина этого участка от **нулевой отметки** кургана 70 см. С юго-востока к этому участку примыкает участок, насыщенный развалами необожженной сырцово-красной глины. Он вытянулся на 350 см с запада на восток и на 150 см с юга на север. Глубина его от 50 до 70 см от **нулевой отметки** кургана. Никаких следов

золы и углей на участке раскопа не обнаружено. Не обнаружено следов от деревянных конструкций в насыпи кургана. Стратиграфические наблюдения во время раскопа и в бровках кургана показывают, что в кургане, насыпанном в эпоху бронзы, в сарматское время были построены погребальные конструкции до уровня погребенной почвы. Диаметр погребального сарматского сооружения около 12 м. Судя по находкам и обильным следам действия огня, кремация трупа была совершена на месте. Наибольшее действие огня наблюдалось в северо-западной, северной и северо-восточной, а также центральной части погребального сооружения. Обилие мелких обожженных кусков глины со следами дерева и отсутствие каких-либо следов золы и углей дают право предположить, что для захоронения была сооружена из жердей конструкция шатрового типа и обмазана глиной. После сожжения этой конструкции и кремации в ней трупа и частей лошади, стены ее, неравномерно обожженные, какое-то время возвышались над древним курганом. На это указывает, в частности, отсутствие золы и углей под завалами шлака и на всей площади раскопа. Очевидно, все они были вымыты дождями еще до разрушения погребального сооружения.

Погребение эпохи бронзы в кургане не обнаружено. Оно, вероятно, разрушено при сооружении сарматского захоронения, поскольку в данной курганной группе в эпоху бронзы погребения чаще совершались или на уровне горизонта (см. погр. 2 в **кургане 9**) или в погребенной почве.

ЛИТЕРАТУРА

Галкин Л.Л. Отчет о работах в Новомалыклинском районе Ульяновской области в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6498.

Галкин Л.Л., Ким М.Г., Малов Н.М., Мельник В.И. Исследования в Ульяновском Средневожье и Саратовском Заволжье // Археологические открытия 1977 года. М.: Наука, 1978. С. 164–165.

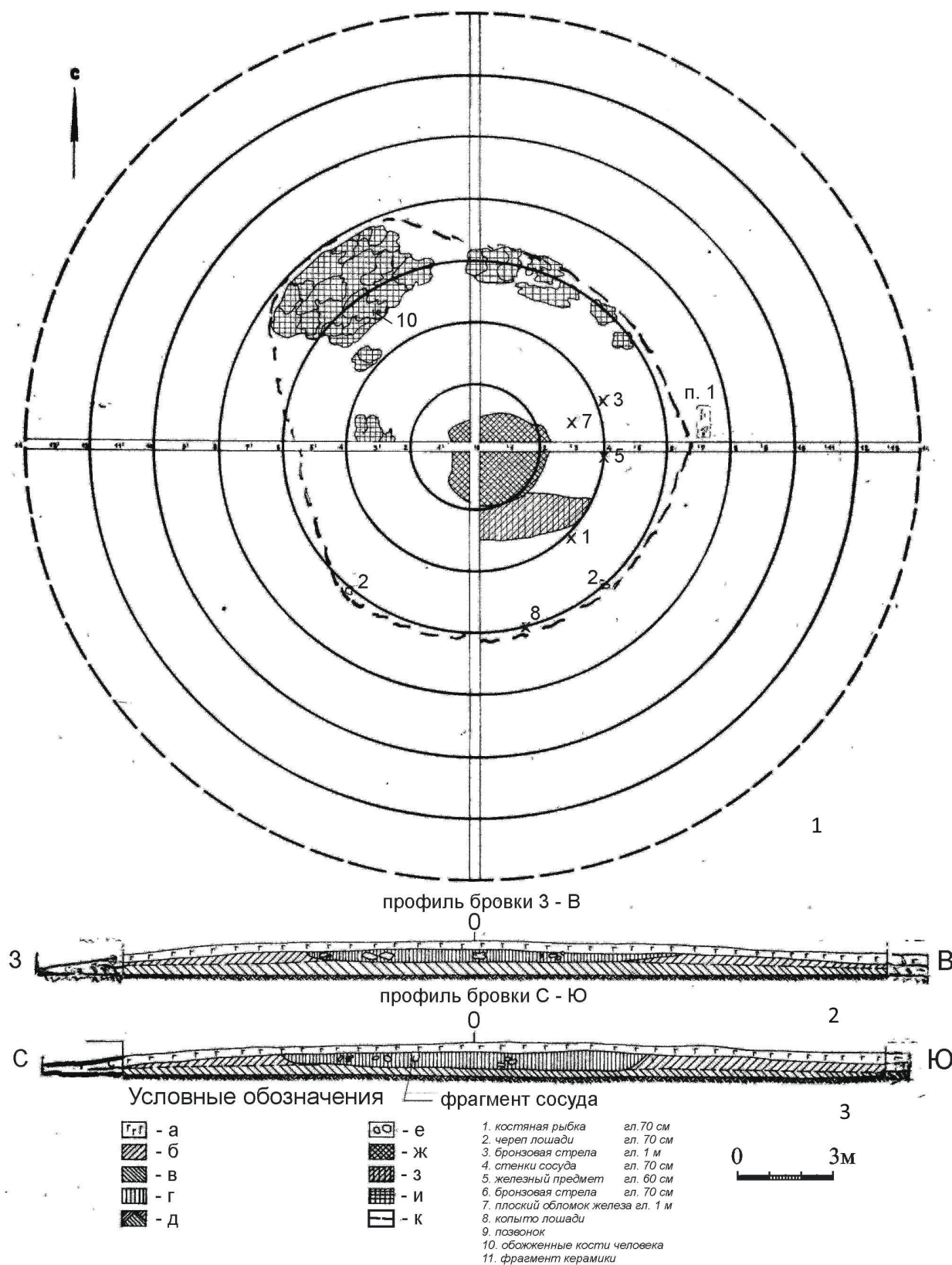

Рис. 1. Курган 3 могильника у с. Малиновка. План (1) и профили (2–3).

Условные обозначения: а – гумус; б – насыпь древнего кургана; в – погребенный грунт; г – яма, заполненная горелой глиной; д – материк; е – ошлакованная глина; ж – обожженная глина; з – сырцовая глина; и – шлак; к – граница погребального сооружения.

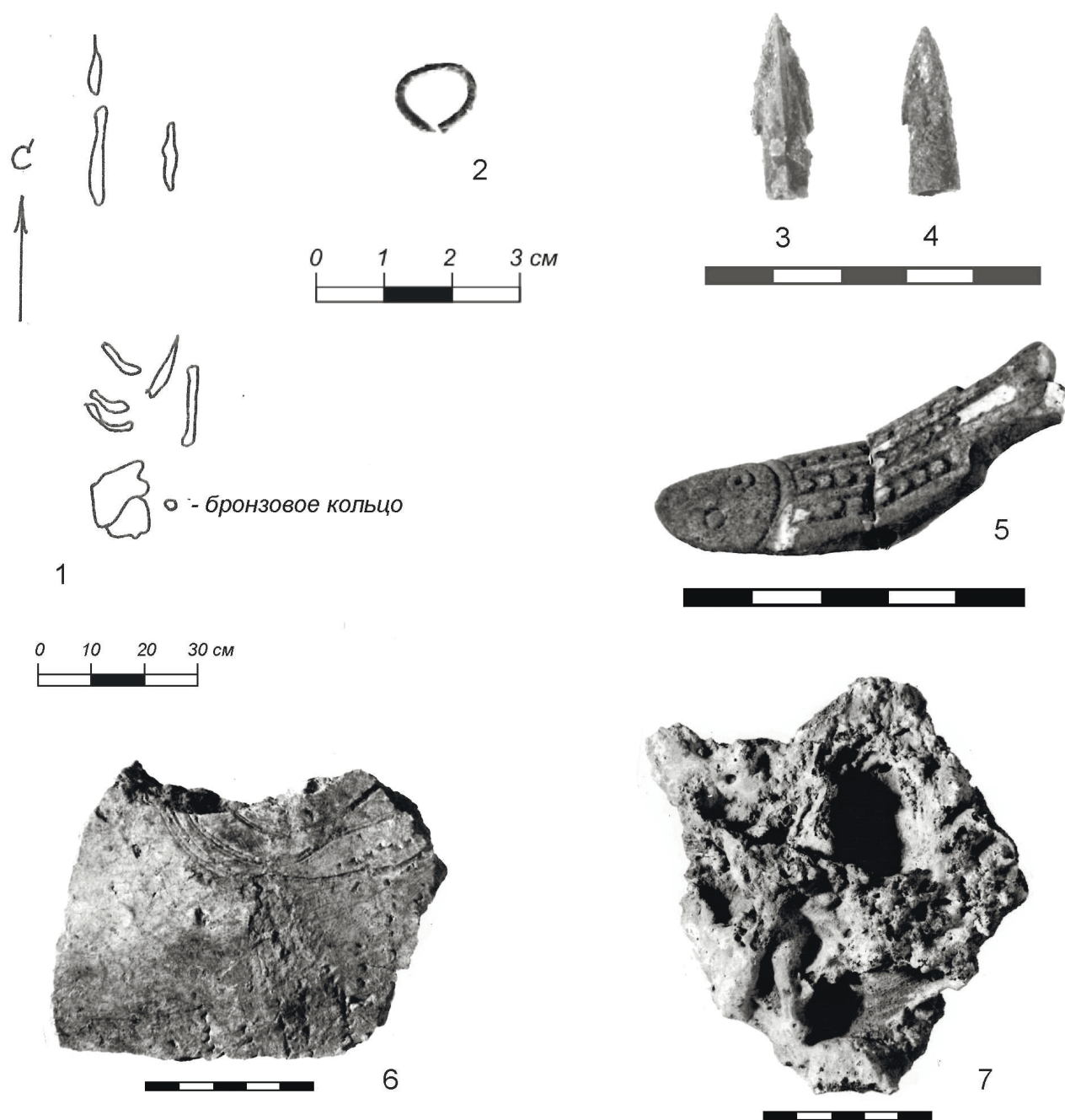

Рис. 2. Курган 3 могильника у с. Малиновка. Погребение 1 и вещи из погребений 1 и 2.

1 – план погребения 1; 2 – бронзовая серьга; 3–4 – бронзовые наконечники стрел; 5 – костяная подвеска; 6 – фрагмент глиняного сосуда; 7 – ошлакованная глина со следами деревянной конструкции (2 – погребение 1; 3–7 – погребение 2).

ПОГРЕБЕНИЯ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ У С. МАЛИНОВКА: К ВОПРОСУ О МИГРАЦИЯХ СКОТОВОДЧЕСКИХ ПЛЕМЕН В ЗАВОЛЖЬЕ В СЕРЕДИНЕ I ТЫС. ДО Н.Э.

© 2023 В.Н. Мышкин, А.В. Денисов

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-18-00194 «Эпохальная трансформация культурного и физического облика населения юга Среднего Поволжья и Приуралья в период неолит-ранний железный век по источникам археологии, антропологии, генетики».

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей погребального обряда и определению даты погребений ранних кочевников в кургане 3 могильника у с. Малиновка в лесостепном Ульяновском Заволжье. Рассмотрены направление и характер связей кочевников, совершивших захоронения. Погребение 2 этого кургана датировано V – началом IV в. до н.э. Обрядовые характеристики этого погребального комплекса позволяют рассматривать его как памятник кочевников, мигрировавших в Заволжье из степей Южного Приуралья. Погребальные комплексы ранних кочевников в кургане 3 у с. Малиновка свидетельствуют, что кочевнические группы в середине – второй половине I тыс. до н.э. использовали в качестве летних пастбищ лесостепные районы Ульяновского Заволжья.

Ключевые слова: ранний железный век, Ульяновское Заволжье, лесостепь, кочевники, курган, погребение, погребальный обряд, миграция, летние пастбища.

BURIALS OF EARLY NOMADS NEAR THE VILLAGE MALINOVKA: ON THE ISSUE OF MIGRATIONS OF PASTORAL TRIBES IN THE VOLGA REGION IN THE MIDDLE OF THE 1ST MILLENNIUM BC

© 2023 V.N. Myshkin, A.V. Denisov

Abstract. The article is devoted to the analysis of the features of the funeral rite and determination of the date of burial of early nomads in mound 3 of the burial ground near the village Malinovka in the forest-steppe Ulyanovsk Trans-Volga region. The direction and nature of the connections of the nomads who performed the burials are considered. Burial 2 of this mound is dated from the 5th to the beginning of the 4th century BC. The ritual characteristics of this funeral complex allow us to consider it as a monument to nomads who migrated to the Volga region from the steppes of the Southern Urals. Funeral complexes of early nomads in mound 3 near the village Malinovka indicate that nomadic groups in the middle - second half of the 1st millennium BC used forest-steppe regions of the Ulyanovsk Trans-Volga region as summer pastures.

Keywords: Early Iron Age, Ulyanovsk Trans-Volga region, forest-steppe, nomads, mound, burial, funeral rite, migration, summer pastures.

Введение

В 1977 г. Средневожская археологическая экспедиция под руководством Л.Л. Галкина исследовала курганный могильник, расположенный севернее с. Малиновка, в 2 км к северо-западу от с. Елховый Куст Новомалыклинского района Ульяновской области (рис. 1; 2). Памятник расположен в среднем течении р. Большой Авраль, на правом коренном берегу, возвышающемся на 30 м над ее поймой. Могильник состоял из 17 курганов, 10 из них были раскопаны в 1977 г. (Галкин, 1977. С. 4–7. Табл. VI–XI). Результаты раскопок нашли отражение в краткой публикации (Галкин и др., 1978. С. 164–165).

В числе исследованных оказался курган 3, который содержал погребения кочевников раннего железного века. Авторы публикации, посвященной раскопкам могильника у с. Малиновка, отметили, что в кургане 3 было совершено впускное погребение, сопровождавшееся мощным ритуальным кострищем. Среди нахо-

док, обнаруженных в этом погребальном комплексе, исследователями выделен костяной амулет (Галкин и др., 1978. С. 164). Какие-либо другие, более подробные публикации данного погребального комплекса нам неизвестны.

Данный погребальный комплекс представляет значительный интерес, так как не только расширяет круг источников по культуре ранних кочевников Поволжья, но и дает возможность уточнить ряд вопросов, связанных с определением территории распространения их культуры, а также с исследованием миграций скотоводческих коллективов, в том числе сезонных перекочевков. Эти обстоятельства побудили авторов данной статьи обратиться к результатам исследования погребального комплекса ранних кочевников в кургане 3 могильника у с. Малиновка¹.

¹ При подготовке данной статьи на основе чертежей Л.Л. Галкина были вновь прорисованы планы и профили кургана, погребения 1, использованы фотографии некоторых находок, любезно предоставленные для публикации

Прежде всего следует акцентировать внимание на ряде характеристик обряда погребения кочевников в рассматриваемом кургане².

Краткая характеристика погребального комплекса

Насыпь кургана 3 имела сравнительно небольшие размеры: диаметр составлял около 26 м, ее высота составляла 0,45 м от современной поверхности. Судя по профилям, поверхность древней дневной поверхности (погребенной почвы) располагалась на глубине 0,6–0,8 м (рис. 3) от условной нулевой отметки кургана (см.: Галкин, статья в настоящем сборнике. С. 66. Рис. 1).

В центральной части кургана располагалось погребение 2, совершенное на уровне древней дневной поверхности в погребальной постройке. Погребальная постройка, сооруженная из жердей и сырцово-глины, имела в плане округлую форму. Ее диаметр составлял около 12 м. После совершения захоронения сооружение сожгли. Остатки постройки представляли собой скопление ошлакованной глины со следами ее деревянных сгоревших частей (Там же. С. 67).

При снятии насыпи в различных частях кургана на глубине 70 см от нулевой отметки были обнаружены: изделие из кости в виде рыбки (рис. 4, 5а-в); обожженные череп и копыто лошади, позвонок животного; слабообожженная стенка глиняного лепного сосуда (Там же. С. 67); бронзовый наконечник стрелы; обожженные кости человека (поза и ориентировка, количество погребенных остались неясными) в северо-западном секторе под завалами ошлакованной глины. Развалы ошлакованной глины с отпечатками на ней деревянных конструкций, обнаруженные в северо-западном и северо-восточном секторах раскопа, располагались также на глубине 70 см от нулевой отметки. Участок, насыщенный развалами необожженной сырцово-глины, располагался юго-восточнее, на глубине от 50 до 70 см от нулевой отметки кургана. Таким образом, очевидно, что все указанные находки, так же, как и остатки погребальной постройки, располагались на уровне древней дневной поверхности. Эти факты подтверждают наблюдения автора раскопок, который полагал, что погребальная конструкция была построена на уровне погребенной почвы (Там же. С. 67).

Только два предмета на погребальной площадке были обнаружены ниже уровня поверхности погребенной почвы, на глубине -100 см от нулевой отметки. Это

бронзовый наконечник стрелы и обломок сильно корродированного железного изделия (Там же. С. 67).

Следует также отметить, что зола и угли на погребальной площадке не были обнаружены. В насыпи кургана отсутствовали какие-либо следы деревянных конструкций. Это позволило исследователю кургана предположить, что сожженная постройка какое-то время не была перекрыта насыпью (Там же. С. 67).

В восточной части кургана, рядом с постройкой погребения 2, на глубине -69 см от нулевой отметки располагалось захоронение ребенка (погребение 1). Форма и размеры могильной ямы не прослежены. Ребенок погребен на спине, в вытянутом положении, головой на юг (рис. 4, 1). Около правой стороны черепа лежало изготовленное из бронзовой проволоки колечко (рис. 4, 2) с несомкнутыми концами – серьга или подвеска (Там же. С. 66).

Как полагал автор раскопок, время сооружения кургана относится к эпохе бронзы, и он был сооружен населением, оставившим памятники срубной культуры. В этот курган в сарматское время была встроена погребальная конструкция до уровня погребенной почвы, а погребения 1 и 2 ранних кочевников являются впускными (Там же. С. 67). Это предположение основано, по всей видимости, на том, что другие раскопанные курганы могильника содержали погребения срубной культуры. При этом какие-либо следы погребения бронзового века (могильная яма, костные останки погребенного/погребенных, предметы этого периода) при исследовании кургана 3 не обнаружены. По предположению Л.Л. Галкина, оно было совершено на уровне дневной поверхности, так как в данном могильнике захоронения срубной культуры достаточно часто совершались на уровне древнего горизонта или в погребенной почве (Там же. С. 67).

О некоторых характеристиках погребального обряда

Представляется возможной несколько иная интерпретация обрядовых действий, совершавшихся при сооружении кургана 3 могильника у с. Малиновка. Судя по нивелировочным отметкам и профилям на всем их протяжении, оба погребения ранних кочевников не прорезали погребенную почву кургана (рис. 3). При этом глубина размещения захоронений совпадает с уровнем поверхности погребенной почвы (древней дневной поверхности). Расположение костных останков человека и лошади, некоторых предметов погребального инвентаря, кусков прокаленной и необожженной сырцово-глины погребальной постройки в погребении 2³ и скелета ребенка (погребение 1) приурочены к поверхности погребенной почвы. Отсутствие каких-то нарушений этого почвенного слоя

М.Р. Гисматулиным. Авторы выражают искреннюю благодарность М.Р. Гисматулину за предоставленные в их распоряжение фотографии.

² Наиболее полная информация представлена в настоящем сборнике, см.: Галкин Л.Л. Исследование погребений ранних кочевников в курганном могильнике у с. Малиновка в Ульяновском Заволжье.

³ Два предмета в погребении 2, найденные ниже этого уровня, могли быть перемещены вглубь землероями и располагаться в их норах.

представляется крайне маловероятным, в случае, если бы погребения кочевников впускали с поверхности кургана, как это представляется автору раскопок. Это дает основания полагать, что погребение 2 являлось основным в кургане и было совершено на уровне древней дневной поверхности в полой округлой в плане постройке из сырцово-глины и деревянных плах. Погребение 1 может быть интерпретировано не только как впускное, но и как сопровождающее, совершенное на уровне древней дневной поверхности, и относительно одновременное основному погребению 2.

Погребальный инвентарь и дата погребений

В обоих погребениях кургана 3 могильника у с. Малиновка обнаружено незначительное количество предметов погребального инвентаря. Это обстоятельство существенно затрудняет определение даты этих комплексов.

В погребении 2 были обнаружены два бронзовых наконечника стрел (рис. 4, 3, 4), костяное изделие, украшенное изображением рыбы (рис. 4, 5а-в), и два фрагмента железных предметов.

Бронзовые наконечники стрел (рис. 4, 3, 4) небольшие, длиной 2,6–2,7 см, трехлопастные, со сводчатой головкой, опущенными вниз шипами и выступающей втулкой. Наконечники можно отнести к типу 6 по классификации К.Ф. Смирнова. Такие наконечники появились в Поволжье в конце VII в. до н.э. и широко использовались кочевниками Волго-Уралья на протяжении длительного времени – с VI в. до н.э. по II в. до н.э. При этом в течение IV в. до н.э. размеры наконечников этого типа уменьшаются в размерах, их отливка становится небрежной, а головки по своим очертаниям начинают приближаться к треугольным. В погребениях III–II вв. до н.э. головки наконечников этого типа имеют уже, как правило, треугольную форму (Смирнов, 1961. С. 47). Если учесть эту отмеченную К.Ф. Смирновым тенденцию к изменению размеров наконечников и формы их головок, то небольшие экземпляры со сводчатыми головками из погребения 2 кургана 3 могильника у с. Малиновка представляется возможным датировать V–IV вв. до н.э. Аналогичные по своим размерам и форме наконечники встречаются в основном в погребениях кочевников Волго-Уралья именно этого времени (см.: Смирнов, 1961. Табл. II, В 22–29, В 35–40, В 42–43, В 54–72, В 89–94, В 97–99, Г 8–24, Г 26–41).

Костяное изделие (рис. 4, 5а-в) представляет собой пластину, контуры которой схематично передают тело рыбы с выделенными хвостовыми плавниками. Внешняя часть пластины плоская. С внутренней стороны толщина пластины постепенно увеличивается по направлению от торцов к центральной части. В центральной части кромки пластины в месте максимального расширения имеется отверстие диаметром 7 мм,

которое заполнено фрагментом какой-то предположительно костяного предмета или его детали. Внешняя плоская поверхность украшена изображением рыбы, которое дополняет контуры, переданные формой самой пластины. Изображение рельефное. Двумя валками обозначен рот, окружностью с углублением внутри показан глаз, дуговидными линиями передана жаберная крышка. Рельефно трактовано также все тело рыбы: показана чешуя, разделенная рядами гладких линий. Максимальная длина пластины – 6,4 см, максимальная ширина – 1,9 см, толщина варьирует от 2 мм у торцовых частей до 6 мм – в центральной. Назначение предмета не установлено.

Ближих аналогий этой находке найти не удалось. Обособленные изображения фигуры рыбы не очень часто, но встречаются в памятниках кочевников Южного Приуралья конца VI – IV в. до н.э., исследованных в степях среднего течения р. Урал, а также бассейна среднего и верхнего течения р. Илек (Смирнов, 1964. С. 242; Королькова, 2006. С. 37). Такие изображения украшают уздечные бляшки, накладки (на пояс?), оковки деревянных сосудов, изготовленные из бронзы или золота (Смирнов, 1964. С. 242; Королькова, 2006. С. 37. Табл. 1, 2–7; Сиротин, 2010. С. 326–328. Рис. 3, 14; Пшеничнюк, 2012. Рис. 16, 7; 164, 1; Моргунова, Краева, 2012. С. 170. Рис. 10; 17, 5, 6; Полидович, Малюк, 2016. С. 209–210. Рис. 1, 17–22; Федоров, 2012. Рис. 9, 4–6; 2015. С. 256–260; Федоров, Васильев, 2017. С. 54, 58–59. Рис. 3, 4, 7; 5; Яблонский, 2013. С. 155, 205. Кат. 1895, 2736).

Можно выделить два типа изображений рыбы – рельефные и силуэтные плоские (Полидович, Малюк, 2016. С. 210). Рыбка из кургана 3 у с. Малиновка относится к числу первых и, вероятнее всего, может быть отнесена к тому периоду, когда существовала традиция украшения предметов именно рельефными изображениями.

Уздечные бляшки в виде рыбы, основные части внешнего строения которой переданы в рельефе, найдены в кургане 23 могильника Уркач I, датированном концом VI – V в. до н.э. (Мамедов и др., 2022. С. 22–23, 68. Рис. 14, 4), погребении 1 кургана 6 и погребении 8 кургана 9 Нагорненского могильника (Королькова, 2006. С. 235. Табл. 1, 3, 6), кургане 1⁴ могильника Кызыл-Жар, которые исследователи также относят к концу VI – V в. до н.э. (Федоров, 2015. С. 259). Кроме того, рельефные фигурки рыбок обнаружены в Ивановском I могильнике при исследовании кургана 7⁵, дата которого приходится на конец V – IV в. до н.э. (Сиротин, 2015. С. 19), а также в погребении 2 кургана 29 могильника Филипповка I (Яблонский, 2013. С. 205. Кат. 2736), время функционирования которого прихо-

⁴ Находка не опубликована.

⁵ Находка не опубликована.

дится конец V в. до н.э. – третью четверть IV в. до н.э. (Трейстер, Яблонский, 2012. С. 284).

Таким образом, костяной предмет с изображением рыбы может быть датирован достаточно широко – концом VI – IV в. до н.э.

Следует добавить, что силуэтные плоские бляшки в виде рыбы обнаружены в кургане у хут. Веселый, с. Ак-Булак, погребении 2 кургана 1 могильника Акоба I, погребении 1 кургана 11 могильника Переволочан, погребении 1 кургана 4 могильника Сара. Судя по датам этих погребальных комплексов, приходящихся на вторую половину V – IV в. до н.э. (Смирнов, 1964. Рис. 38, 12. С. 58; Моргунова, Краева, 2012. Рис. 17, 5, 6. С. 175, 196–197; Сиротин, 2010. С. 327, 337. Рис. 3, 14; 2016. С. 260; Федоров, 2015. С. 256–258; Федоров, Васильев, 2017. С. 59. Рис. 3, 4, 7), бляшки с силуэтным плоским изображением рыбы начали использоваться кочевниками Южного Приуралья несколько позднее бляшек с рельефными изображениями.

Найденные в погребении вещи позволяют предложить для этого погребального комплекса дату в пределах V–IV вв. до н.э. Если учесть время существования у кочевников Волго-Уралья традиций совершения захоронений на уровне дневной поверхности и в глиняных мавзолеях, а это обобщенно вторая половина VI – начало IV в. до н.э. (Мышкин, 2012. С. 156; 2017. С. 97–104), то дату погребения 2 в кургане 3 могильника у с. Малиновка представляется возможным сузить до V – начала IV в. до н.э.

В погребении 1 была найдена только серьга, лежащая около головы погребенного (рис. 4, 2). Она изготовлена из бронзовой проволоки и представляет собой колечко с несомкнутыми окончаниями.

В обобщающих работах К.Ф. Смирнова и М.Г. Мошковой по культуре кочевников Волго-Уралья в савроматское и раннесарматское время сведения о серьгах в виде простого колечка с несомкнутыми окончаниями как отдельном типе не приводятся. К.Ф. Смирнов отметил, что в кочевнических захоронениях савроматского времени встречаются серьги в виде колечка с несомкнутыми окончаниями, но усложненные дополнительными деталями – припаянными конусами, цепочками, шариками или продетыми восьмеркообразными подвесками и т.п. В начале V в. до н.э. появились височные кольца или серьги без подвесок, но с заходящими друг на друга окончаниями. Впоследствии они станут характерными для прохоровской культуры (Смирнов, 1964. С. 141–143). М.Г. Мошкова выделила еще два типа серег, которые были найдены в погребениях раннесарматской культуры. Эти украшения представляют собой кольца, к которым крепились дополнительные детали различной формы (пластинчатые привески; спиралевидные стерженьки-цилиндры, заканчивающиеся украшениями в виде гроздей, сделанных из зерни;

полулунные щитки (Мошкова, 1963. С. 44). В работе Е.В. Лыловой отмечены две серьги в виде незамкнутого кольца (Лылова, 2001. С. 129. Табл. 3, 16–17). Одна из них происходит из кургана 2 могильника Алебастрова гора, датированного первой половиной IV в. до н.э. (Смирнов, Петренко, 1963. С. 16. Табл. 25, 15), вторая – из погребения 1 кургана 1 могильника Акжар II, отнесенного к рубежу V–IV вв. до н.э. (Гуцалов, 1998. С. 138, 140. Рис. 5, 5). Можно указать еще несколько погребальных комплексов, содержащих, помимо прочих материалов, украшения, аналогичные серьге из погребения 1 кургана 3 могильника у с. Малиновка. К числу наиболее ранних изделий этого типа – с несомкнутыми окончаниями – следует отнести бронзовое кольцо из погребения 1 кургана 25 могильника Уркач I и две бронзовые серьги, найденные в погребении 2 кургана 2 могильника Жагабулак I. Оба могильника располагаются в бассейне р. Илек, а указанные погребальные комплексы датированы концом VI – V в. до н.э. (Мамедов и др., 2022. С. 24, 31, 68–69, 71. Рис. 16, 5; 58, 11). Бронзовая серьга с несомкнутыми окончаниями найдена в погребении 1 кургана 8 могильника II у с. Второе Имангулово в бассейне р. Салмыш, правого притока р. Сакмара. Это погребение датировано IV в. до н.э. (Моргунова и др., 2022. С. 64, 99. Рис. 30, 8). Бронзовые серьги этого типа обнаружены в погребении 5 кургана 4 могильника Покровка 8, погребении 7 кургана 2, погребении 1 кургане 6, погребении 9 кургана 10 могильника Покровка I. Большинство указанных комплексов датировано широко – раннесарматским временем. Погребение 9 в кургане 10 могильника Покровка I датировано II в. до н.э. (Веддер и др., 1993. С. 45–46. Рис. 55, 10; Яблонский и др., 1994. С. 14, 20. Рис. 38, 3; 40, 1; Яблонский и др., 1995. С. 15. Рис. 18, 3). Следует также отметить находку таких бронзовых серег в погребении 7 кургана 1 могильника Николаевка I в бассейне р. Самары. Дата этого погребения – II–I вв. до н.э. (Денисов и др., 2021. С. 130, 132. Рис. 5, 4, 6). На Нижнем Дону погребение 6 кургана 22 могильника Ливенцовский II, в котором встречена аналогичная серьга, отнесено также ко II–I вв. до н.э. (Ильюков, 2003. С. 277–278. Рис. 1, 3).

Таким образом, серьга дает для погребения 1 кургана 3 могильника у с. Малиновка очень широкую дату – период с конца VI в. до н.э. по I в. до н.э. Поэтому нельзя исключать возможности интерпретации этого захоронения как впускного и более позднего, чем погребение 2. В таком случае дата погребения 1 ограничивается рамками IV–II вв. до н.э. Однако стратиграфических наблюдений, подтверждающих это предположение, нет: на профилях впускной характер погребения 1 не зафиксирован. При этом следует обратить внимание на то, что оба кочевнических погребения в кургане 3 расположены на одном уровне – фак-

тически это поверхность древнего горизонта. Поэтому, на наш взгляд, нельзя исключать того, что захоронение ребенка возле надмогильной постройки погребения 2 могло быть относительно одновременным последнему и являлось сопровождающим. В таком случае погребение 1, как и погребение 2, может быть датировано временем в пределах V – начала IV в. до н.э.

Погребальный комплекс у с. Малиновка и миграция ранних кочевников из Южного Приуралья в Заволжье

К.Ф. Смирнов в своей монографии «Савроматы» при классификации выявленных к тому времени погребений рассматривал захоронения на древнем горизонте как редкий тип могил, встречающийся преимущественно в курганах Южного Приуралья (Смирнов, 1964. С. 82). В настоящее время известно около 40 захоронений на древнем горизонте, обладающих устойчивым комплексом обрядовых характеристик. К их числу, помимо традиции погребения умерших на уровне древней поверхности, следует отнести коллективный характер этих захоронений, ориентировку погребенных в южном направлении, размещение умерших в наземных погребальных постройках, сооруженных из бревен, жердей, веток, камыша, сырцового кирпича. В этот комплекс обрядовых характеристик входит также традиция сожжения погребальных построек и кремация умерших. Погребения этого типа сконцентрированы в южноуральских степях, главным образом, в их восточных районах. Комплекс обрядовых традиций, реализованных в таких погребениях, имел наиболее широкое распространение во второй половине VI – первой половине V в. до н.э. На рубеже V–IV вв. до н.э. их значение начало уменьшаться. В IV в. до н.э. существование этого комплекса традиций погребальной обрядности прекратилось (Мышкин, 2017. С. 97–104).

В Заволжье захоронений на древнем горизонте известно немного. Среди них можно указать погребение 3 в кургане 2 и погребение 5 в кургане 5 группы II у с. Молчановка, при исследовании которых зафиксировано сожжение умерших (Синицын, 1959. С. 134, 136, 138). Эти захоронения датированы V в. до н.э. (Смирнов, Петренко, 1963. С. 13). Еще один комплекс открыт при исследовании кургана 2 могильника «Шляпа». На уровне дневной поверхности из стволов деревьев, жердей, веток, камыша и травы была возведена погребальная постройка. Она представляла собой столбовую конструкцию, которая в плане имела форму эллипса. В процессе совершения погребальных действий постройку сожгли, что привело к кремации умершего или умерших (число погребенных установить не удалось). После сожжения постройки была возведена курганная насыпь. Радиоуглеродная дата погребения приходится на VI в. до н.э. (Скворцов, 2010. С. 323–324).

Указанные курганы характеризуются тем же комплексом признаков обряда, отличающим группу памятников с захоронениями на уровне дневной поверхности, которые сконцентрированы в восточных районах южноуральских степей. В частности, курган 2 могильника «Шляпа» по своим обрядовым характеристикам имеет наибольшее сходство с курганом 3 могильника Маровый шлях в Зауралье (Таиров, 2006. С. 83–87). Поэтому курган 2 могильника «Шляпа» достаточно обоснованно можно рассматривать как памятник кочевников, мигрировавших в савроматское время из южноуральских степей в Заволжье (Мышкин, 2015. С. 28).

Важной характеристикой погребения 2 в кургане 3 могильника у с. Малиновка является использование глины при сооружении погребальной постройки, а также последующее сожжение этой конструкции. Использование глины при обустройстве погребальных сооружений является характерной чертой курганов ранних кочевников, населявших степи Южного Приуралья. Южноуральские номады применяли глину для обмазки дна могил (Моргунова, Трунаева, 1993. С.16), погребенной почвы вокруг могилы (Кадырбаев, Курманкулов, 1976. С. 143), сооружения валов в курганах (Зданович, Хабдулина, 1986. С. 47; Моргунова, Трунаева, 1993. С.15; Веддер и др., 1993. С. 24; Гаврилюк, Таиров, 1993. С. 57; Гуцалов, 2009а. С. 72; 2010. С. 52, 62; Пшеничнюк, 2012. С. 22, 30, 37, 39, 42, 47, 51, 54, 57; Яблонский, 2013. С. 57, 123, 161, 189). Возводили кочевники Южного Приуралья из глины (сырцового кирпича) и полые погребальные постройки. Такие сооружения обнаружены в кургане 5 могильника Березки I, кургане 1 могильника Илекшар I, кургане 6 могильника Лебедевка II, курганах 16, 18, 19 могильника Кырык-Оба II, (Скарбовенко, 2005. С. 382–389; Гуцалов, 2009а. С. 72–75; 2009б. С. 308; 2010. С. 55, 58, 61–62; 2011, С. 86–87; Мышкин, 2012. С. 149–171). Характерно сожжение таких построек. Эта традиция зафиксирована при исследовании более половины курганов с глиняными «мавзолеями» (Мышкин, 2014. С. 151, 154). Это обрядовое действие можно считать характерной чертой данного типа погребального обряда (Мышкин, 2012. С. 156; 2013. С. 221). Период, когда курганы с постройками из глины возводились кочевниками в степях Самаро-Уральского региона, приходится на конец VI – начало IV в. до н.э. (Мышкин, 2012. С. 156).

Следует отметить еще одну интересную деталь погребального обряда, которая сближает погребение 2 кургана 3 могильника у с. Малиновка с курганом 5 могильника Березки I в Самарском Заволжье. В обоих случаях погребальные постройки, сооруженные из дерева и глины, были не сразу перекрыты насыпью, а спустя какое-то время после совершения захоронения (Мышкин и др., 2000. С. 73; Галкин, 1977. С. 6).

Большинство известных в настоящее время курганов с захоронениями в постройках из глины (сырцовых кирпичей) располагаются на левобережье р. Илек, в его нижнем течении. Один погребальный комплекс (курган 5 могильника Березки I) исследован в Самарском Заволжье, в низовьях р. Самара. Последний рассматривается как курган, оставленный воинской группой, продвинувшейся в Самарское Заволжье из восточных районов южноуральских степей (Мышкин и др., 2000. С. 74).

Таким образом, погребение 2 в кургане 3 могильника у с. Малиновка по особенностям обрядовых действий сходно, прежде всего, с курганами, в которых реализованы традиции погребальной обрядности кочевников, населявших степи Южного Приуралья, и погребальными комплексами в Заволжье, связанными с миграцией последних в западном направлении. Этот памятник также следует отнести к числу погребальных комплексов, оставленных скотоводческими коллективами, пришедшими в заволжские степи из Южного Приуралья.

Погребальный комплекс у с. Малиновка и проблема реконструкции системы сезонных миграций ранних кочевников в Заволжье

Курганный могильник у с. Малиновка расположен в среднем течении р. Большой Авраль, на ее правом коренном берегу в Новомалыклинском районе Ульяновской области (рис. 1). Бассейн р. Большой Авраль – это глубинная территория в пределах заволжской лесостепной зоны как в настоящее время (Милюков, 1953. С. 224–238. Фиг. 33), так и на протяжении I тыс. до н.э. (Аськеев, 2021. С. 18. Рис. 1, 2. Табл. 7).

Погребальный комплекс (или погребальные комплексы), исследованный в кургане 3 могильника у с. Малиновка, позволяет вновь обратиться к проблеме реконструкции системы сезонных миграций ранних кочевников в I тыс. до н.э. и, прежде всего, местоположения и протяженности их летних пастбищ в пределах Заволжья.

Анализ данных письменных источников о перекочевках скотоводческого населения в XIII–XIV вв. и XVI – первой половине XVIII в. позволил реконструировать направление и протяженность сезонных миграций ранних кочевников Заволжья следующим образом. Их зимовья находились в низовьях рек Волга и Урал. Летние пастбища располагались на границе степи и лесостепи, а также в южной лесостепи – в пойме Волги и бассейнах рек Еруслан, Большой Иргиз, Чапаевка, Чагра, Безенчук, Самара, Большой Кинель, Сок, Кондурча. При этом имеются сведения о том, что наиболее северные границы летовой ногаев вплоть до 1580 гг. располагались на левобережье р. Кама (Дубман и др., 2003. С. 67). О возможности существования сезонных перекочевков такой протяженности и направленности свидетельствуют

сообщения таких западноевропейских путешественников XIII–XVI вв., как Плано Карпини, Г. Рубрук, Дженкинсон, восточных авторов периода распада Золотой Орды (Шереф-ад-дин Йезди), материалы о перекочевках ногаев с момента распада Золотой Орды до начала XVII века, а также сменивших их калмыков (см.: Булатов, 2000. С. 131–142; Дубман и др., 2003. С. 46–81; Поноженко, Асанов, 1993. С. 116–125; Мышкин, 2007. С. 81–87).

Исследование погребений ранних кочевников на территории Самарского Поволжья позволило предположить, что основными районами, которые скотоводческие коллективы занимали в весенне-летний период, были степи и южная лесостепь в бассейнах рек Волга, Самара, Большой Кинель, Большой Иргиз, Чагра, Чапаевка. Северная граница этой основной территории, вероятно, проходила по рекам Самара и Большой Кинель. При этом отдельные группы кочевников продвигались и далее на север – в бассейн верхнего течения р. Сок в лесостепные районы Заволжья, расположенные севернее Самарской Луки. Об этом свидетельствуют обнаруженные на этих территориях погребения предсавроматского времени у с. Ягодное в Ставропольском районе, раннесарматских – в могильниках у сел Калиновка и Карабаевка в Сергиевском районе, среднесарматского – в могильнике у с. Хрящевка в Ставропольском районе, а также довольно многочисленные случайные находки оружия и других предметов материальной культуры кочевников (Мерперт, 1954. С. 51–53, 83–84; Сташенков, 1999. С. 27. Рис. 3; Мышкин, 2009. С. 335–346; Мышкин, Скарбовенко, 2000. С. 9–81; 2010. С. 87–100).

Выявленные на территории Ульяновского Заволжья погребальные комплексы в кургане 3 у с. Малиновка дают основания полагать, что кочевнические группы в середине – второй половине I тыс. до н.э. использовали в качестве летних пастбищ и более северные районы лесостепи в пределах современных Чердаклинского, Новомалыклинского, Мелекесского районов Ульяновской области. Свидетельством проникновения скотоводческих групп далеко в северные районы заволжской лесостепи и использования их в качестве летних пастбищ является достаточно большое количество находок мечей с характерной для ранних кочевников формы (Денисов, 2018. С. 376–381. Рис. 1, 1, 2; Гисматулин, Денисов, 2021. С. 83–86. Илл. 1, 1), а также каменных алтарей – предметов, отличающих культуру кочевников Самаро-Уральского региона в савроматское и раннепрохоровское время (Волкова и др., 2020. С. 194–207. Илл. 3, 4Б, 1, 2; 5, 1–4; 6Б; Волкова, Денисов, 2019. С. 53–61).

Этот погребальный комплекс, наряду с другими памятниками, обладающими сходными характеристиками погребального обряда – курганом 5 могильника

Березки I (Мышкин и др. 2000. С. 74), курганом 2 могильника «Шляпа» (Скворцов, 2010. С. 323–324), погребением 3 кургана 2, погребением 5 кургана 5 группы II у с. Молчановка (Синицын, 1959. С. 134, 136, 138) – свидетельствует о миграции скотоводческих групп населения в Заволжье из степей Южного Урала. Указанные памятники располагаются в разных районах Заволжья (рис. 5) и, образуя цепочку, вытянутую с юга на север, на наш взгляд, фиксируют включение переселившихся из Южного Приуралья групп скотоводческого населения в единую систему сезонных миграций, сложившуюся в междуречье Волги и Урала, а также направление и протяженность маршрутов перекочевков в пределах степных пространств Заволжья.

Заключение

Погребение 2 в кургане 3 могильника у с. Малиновка в Ульяновском Заволжье представляет собой захоронение, совершенное на уровне древнего горизонта (древней дневной поверхности) в погребальной постройке из дерева и глины. Постройку в процессе совершения погребальных церемоний сожгли, в результате чего погребенный (или погребенные) подвергся кремации. Не исключено, что сгоревшее надмогильное сооружение какое-то время оставалось открытым, и над ним была возведена земляная насыпь. Это погребение может быть датировано временем в пределах V – рубежа V–IV вв. до н.э.

Время совершения погребения 1 в этом кургане трудно ограничить рамками узкой даты. Оно может быть впускным, но стратиграфические наблюдения, подтверждающие это, отсутствуют. В то же время рас-

положение скелета фактически на уровне древней дневной поверхности позволяет предположить, что это погребение могло быть сопровождающим, совершенным через какое-то после сожжения наземной надмогильной постройки погребения 2 и перед возведением курганной насыпи.

Обрядовые традиции, реализованные при совершении погребения 2 в кургане 3 могильника у с. Малиновка – захоронение умершего на уровне дневной поверхности в погребальной постройке из глины и дерева, сожжение надмогильной конструкции и как результат – кремация погребенного, – характерны для кочевников, населявших степи Южного Урала в конце VI –IV в. до н.э. Они прослежены при исследовании достаточно большой группы курганов. Погребение 2 в кургане 3 могильника у с. Малиновка, наряду с другими памятниками, обладающими сходными характеристиками погребального обряда, такими, как курган 5 могильника Березки I, курган 2 могильника «Шляпа», погребение 3 кургана 2 и погребение 5 кургана 5 группы II у с. Молчановка, свидетельствует о миграции скотоводческих групп населения в Заволжье из степей Южного Урала. Указанные памятники располагаются в разных районах Заволжья и, образуя цепочку, вытянутую с юга на север, на наш взгляд фиксируют направление и протяженность маршрутов сезонных перекочевков в пределах степных и лесостепных пространств Заволжья. Курган 3 у с. Малиновка на данный момент указывает на крайний северный пункт этих перекочевков, располагавшийся в пределах лесостепи в низовьях р. Большой Черемшан и использовавшийся как территория летних пастбищ.

ЛИТЕРАТУРА

- Аськеев И.В. Территориальное деление и природно-географические условия Волго-Уралья в раннем железном веке // Археология Волго-Уралья. Ранний железный век. Т. 3. Казань: Изд-во АН РТ, 2021. С. 11–18.
- Булатов В.Э. Система сезонных кочевий калмыков в XIX веке // Сезонный экономический цикл населения Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке. Труды ГИМ. Вып. 120. М., 2000. С. 131–142.
- Веддер Дж., Егоров В., Моргунова Н., Яблонский Л. Раскопки могильников Покровка 2 и Покровка 8 в 1992 году // Курганы левобережного Илека. Вып. I. М., 1993. С. 18–54.
- Волкова Е.В., Гисматулин М.Р., Денисов А.В. Каменные жертвенники из случайных находок с территории Ульяновской области // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 8. Самара: СГСПУ, 2020. С. 194–207;
- Волкова Е.В., Денисов А.В. «Савроматские» каменные жертвенники с территории оседлых племен Среднего Поволжья // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). Т. 5. Материалы X Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь, 2019. С. 53–61.
- Галкин Л.Л. Отчет о работах в Новомалыклинском районе Ульяновской области в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 6498.
- Галкин Л.Л., Ким М.Г., Малов Н.М., Мельник В.И. Исследования в Ульяновском Средневолжье и Саратовском Заволжье // Археологические открытия 1977 года. М., 1978. С. 164–165.
- Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д. Курганы у с. Обручевка в Южном Зауралье // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993. С. 53–67.
- Гисматулин М.Р., Денисов А.В. Кинжалы I тысячелетия до н.э. из коллекции Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова // Археология ранних кочевников Евразии. Вып. 2. Самара: СГСПУ, 2021. С. 83–86.
- Гуцалов С.Ю. Культурный комплекс на горе Жилантау // Уфимский археологический вестник. Вып. 1. Уфа: НМ РБ, 1998. С. 138–151.
- Гуцалов С.Ю. Погребение знатного кочевника скифского времени в урочище Илекшар // РА. 2009а.

№3. С. 72–78.

Гуцалов С.Ю. Погребения скифской эпохи могильников Лебедевка II-III // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 10. Волгоград, 2009б. С. 306–324.

Гуцалов С.Ю. Погребение сооружения могильника Кырык-Оба II в Западном Казахстане // РА. №2. 2010. С. 51–66.

Гуцалов С.Ю. Этнокультурная специфика могильника Кырык-Оба II // РА. №1. 2011. С. 81–96.

Денисов А.В. Древние мечи из фондов Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова (УОКМ) // Краеведческие записки. Сборник научных трудов. Вып. 16. Ульяновск, 2018. С. 376–381.

Денисов А.В., Саттаров Р.Р., Седова М.С. Сарматские погребения курганного могильника Николаевка I в бассейне р. Самары // Археология ранних кочевников Евразии. Вып. 2. Самара: СГСПУ, 2021. С. 128–137.

Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., Матвеев В.И., Соловьева В.В. Некоторые особенности хозяйственного использования степных пастбищ Самарского Заволжья скотоводческими племенами в VI-I вв. до н.э. (опыт реконструкции по данным письменных источников о хозяйстве кочевников XIII-XIV вв. и XVI – первой половины XVIII в.) // Краеведческие записки. Вып. XI. Самара: СОИКМ, 2003. С. 46–81.

Зданович Г.Б., Хабдулина М.К. Курган Темир // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1986.

Ильюков Л.С. Сарматские погребения из кургана 22 Ливенцовского VII могильника // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. С. 277–282.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Захоронение воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1976. С. 137–156.

Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII-IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и интерпретации. СПб.: Петербургское Востоковедение. 2006. 272 с.

Лылова Е.В. Ювелирные украшения из раннекочевнических погребений Южного Приуралья VI-IV вв. до н.э. // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 5. Оренбург: ОГПУ, 2001. С. 126–137.

Мамедов А.М., Гуцалов С.Ю., Бисембаев А.А. Погребальные комплексы древних и средневековых кочевников бассейна реки Жем (по материалам могильников Уркач-I, Жагабулак I, II). Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. XIV. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. 192 с.

Мерперт Н.Я. Материалы по археологии Среднего Поволжья // МИА. №42. М.: Наука, 1954. С. 39–156.

Мильков Ф.Н. Среднее Поволжье: физико-геогра-

фическое описание. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 261 с.

Моргунова Н.Л., Трунаева Т.Н. Раскопки кургана 2 могильника Покровка 2 в 1991 году // Курганы левобережного Илека. М., 1993. С. 15–17.

Моргунова Н.Л., Краева Л.А. Курганная группа Акоба II // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10. Оренбург: ОГПУ, 2012. С. 156–199.

Моргунова Н.Л., Евгеньев А.А., Краева Л.А., Купцова Л.В., Купцов Е.А., Крюкова Е.А., Файзуллин И.А. II курганный могильник Второе Исмагулово // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 16. Оренбург: ОГПУ, 2022. С. 13–100.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып. Д1-10. М.: АН СССР, 1963. 56 с.

Мышкин В.Н. К проблеме реконструкции системы сезонных перекочевок кочевников Волго-Уральского междуречья в VI-I вв. до н.э. // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VIII. Оренбург: ОГПУ, 2007. С. 81–87.

Мышкин В.Н. Раннесарматские погребения курганного могильника Карабаевка I // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 10. Волгоград: ВолГУ, 2009. С. 335–346.

Мышкин В.Н. Курганы с глиняными «мавзолеями» кочевников Самаро-Уральского региона скифского времени // Вояджер: мир и человек. № 3. Самара, 2012. С. 149–171.

Мышкин В.Н. Типы погребального обряда социальной элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI-V вв. до н.э. // Известия СИЦ РАН. Т. 15. № 1. Самара, 2013. С. 219–225.

Мышкин В.Н. Восточное Приаралье и Самаро-Уральский регион: к проблеме происхождения традиций захоронения на дневной поверхности и в глиняных мавзолеях у южноуральских кочевых племен скифского времени // Сарматы и внешний мир. Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Уфимский археологический вестник. Вып. 14. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014. С. 146–156.

Мышкин В.Н. Кочевое население степного Заволжья скифского времени в контексте взаимодействия с номадами Южного Урала // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. №5 (35). 2015. С. 25–35. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.5.3>

Мышкин В.Н. Курганы скифского времени с погребениями на уровне дневной поверхности в степях Южного Урала: обрядовые характеристики // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 45. № 3. Новосибирск, 2017. С. 96–105.

Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А. Кочевники Са-

марского Поволжья в раннем железном веке // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М.: Наука, 2000. С. 9–81.

Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А. Ранние кочевники Самарского Поволжья: история и итоги изучения // 40 лет Средневожской археологической экспедиции. Краеведческие записки. Вып. XV. Самара: СОИКМ, 2010. С. 87–100.

Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А. Кочевники Самарского Поволжья во второй половине I тысячелетия до н.э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 71–84.

Полидович Ю.Б., Малюк Н.И. Образ рыбы в искусстве скифо-сарматского времени // Константин Фёдорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящённой 100-летию со дня рождения Константина Фёдоровича Смирнова [Оренбург, 12–15 мая 2016 г.]. Оренбург: ОГПУ, 2016. С. 209–216.

Поноженко Е.А., Асанов А.М. Регламентация пастбищного землепользования у средневековых ногайцев // Половецкая луна. № 1-2/5-6. Черкесск, 1993. С. 116–125.

Пшеничнюк А.Х. Филипповка: Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 280 с.

Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953 гг.) // Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). МИА. № 60. Т. I. М.: АН СССР, 1959. С. 39–205.

Сиротин С.В. Курган №11 курганного могильника Переволочан в Зауральской Башкирии // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М.: Таус, 2010. С. 323–338.

Сиротин С.В. Охранные исследования на могильнике «Ивановские I курганы» в 2013–2014 годах // Известия археологического общества Республики Башкортостан. Вып. 1 (2). 2015. С. 18–19.

Сиротин С.В. Об относительной хронологии и датировке могильника Переволочан I // Константин Фёдорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящённой 100-летию со дня рождения Константина Фёдоровича Смирнова [Оренбург, 12–15 мая 2016 г.]. Оренбург, 2016. С. 253–264.

Скарбовенко В.А. Погребальный комплекс эпохи раннего железа в кургане 5 могильника Березки I //

Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. М.: ИА РАН, 2005. С. 382–393.

Скворцов Н.Б. Новые памятники савроматской культуры в степном Волгоградском Заволжье // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 11. Волгоград: ВолГУ, 2010. С. 322–334.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. МИА. №101. М.: АН СССР, 1961. 170 с.

Смирнов К.Ф. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 381 с.

Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. САИ. Вып. Д1–9. М.: АН СССР, 1963. 40 с.

Сташенков Д.А. Калиновский курганный могильник // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. Вып. 1. Самара, 1999. С. 25–41.

Таиров А.Д. Саки Приаралья в степях Южного Зауралья (по материалам могильника Маровый шлях) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа: Гилем, 2006. С. 76–91.

Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. К вопросу об абсолютной дате могильника Филипповка I // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Под редакцией М.Ю. Трейстера и Л.Т. Яблонского. Т. I. М.: Таус, 2012. С. 282–284.

Федоров В.К. Материалы к каталогу неизданных предметов из драгоценных металлов, найденных в кургане 1 Филипповского могильника // Пшеничнюк А.Х. Филипповка: некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. С. 235–257.

Федоров В.К. Уздечные наборы с бляхами в виде рыб из погребений ранних кочевников Южного Урала // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы VI Всероссийской научной конференции. Челябинск, 2015. С. 256–260.

Федоров В.К., Васильев В.Н. Уздечный набор с бляхами в виде рыб из кургана № 4 могильника Сара в восточном Оренбуржье // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». Т. 17. №1. 2017. С. 54–61. DOI: 10.14529/ssh170109

Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В.Л. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 2. М., 1994. С. 4–60.

Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1994 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 3. М., 1995. С. 9–47.

Яблонский Л.Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка I (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. Книга 1. М.: ИА РАН, 2013. 232 с.

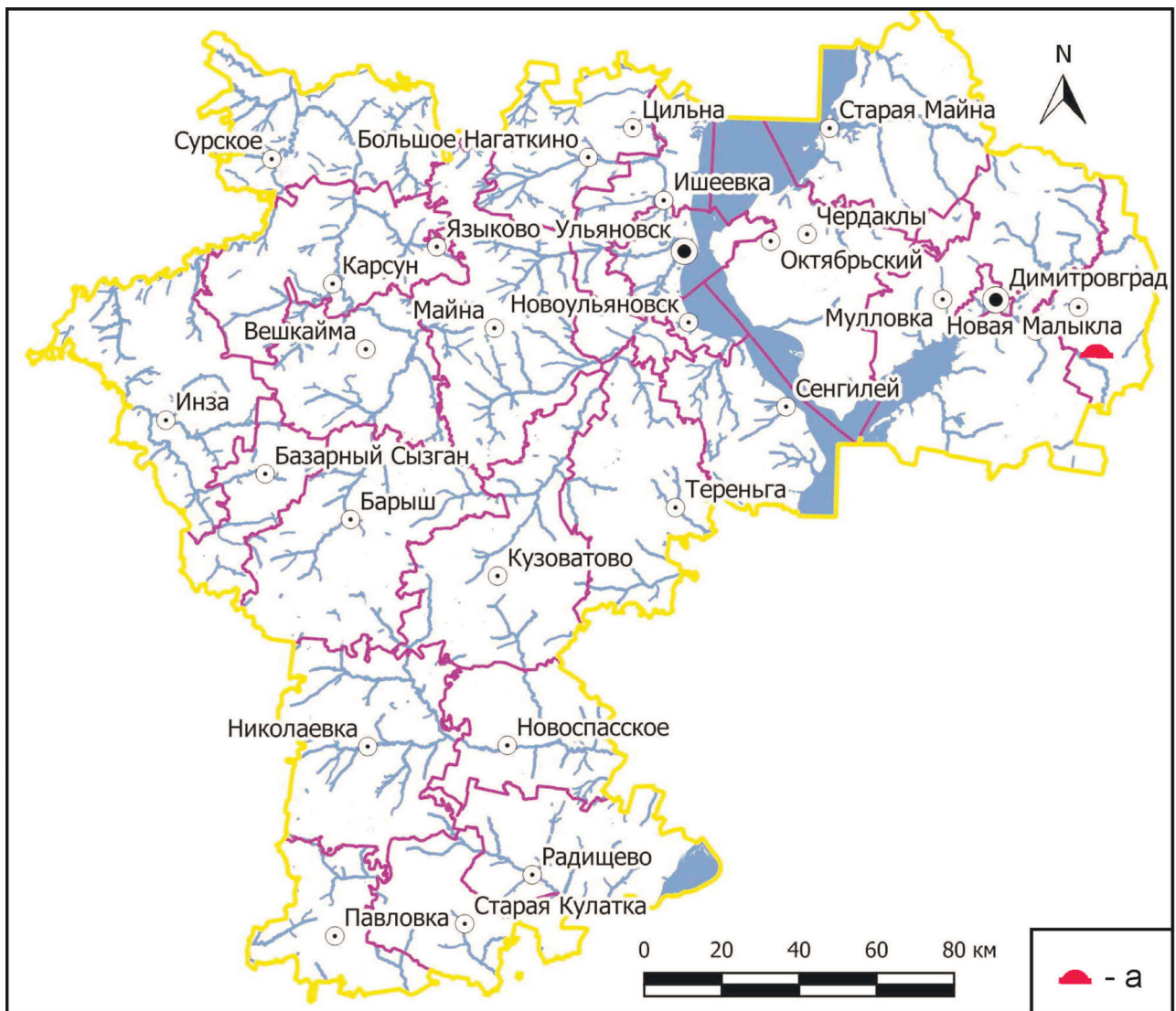

Рис. 1. Карта Ульяновской области с указанием местоположения курганного могильника у с. Малиновка. Условные обозначения: а – курганный могильник у с. Малиновка.

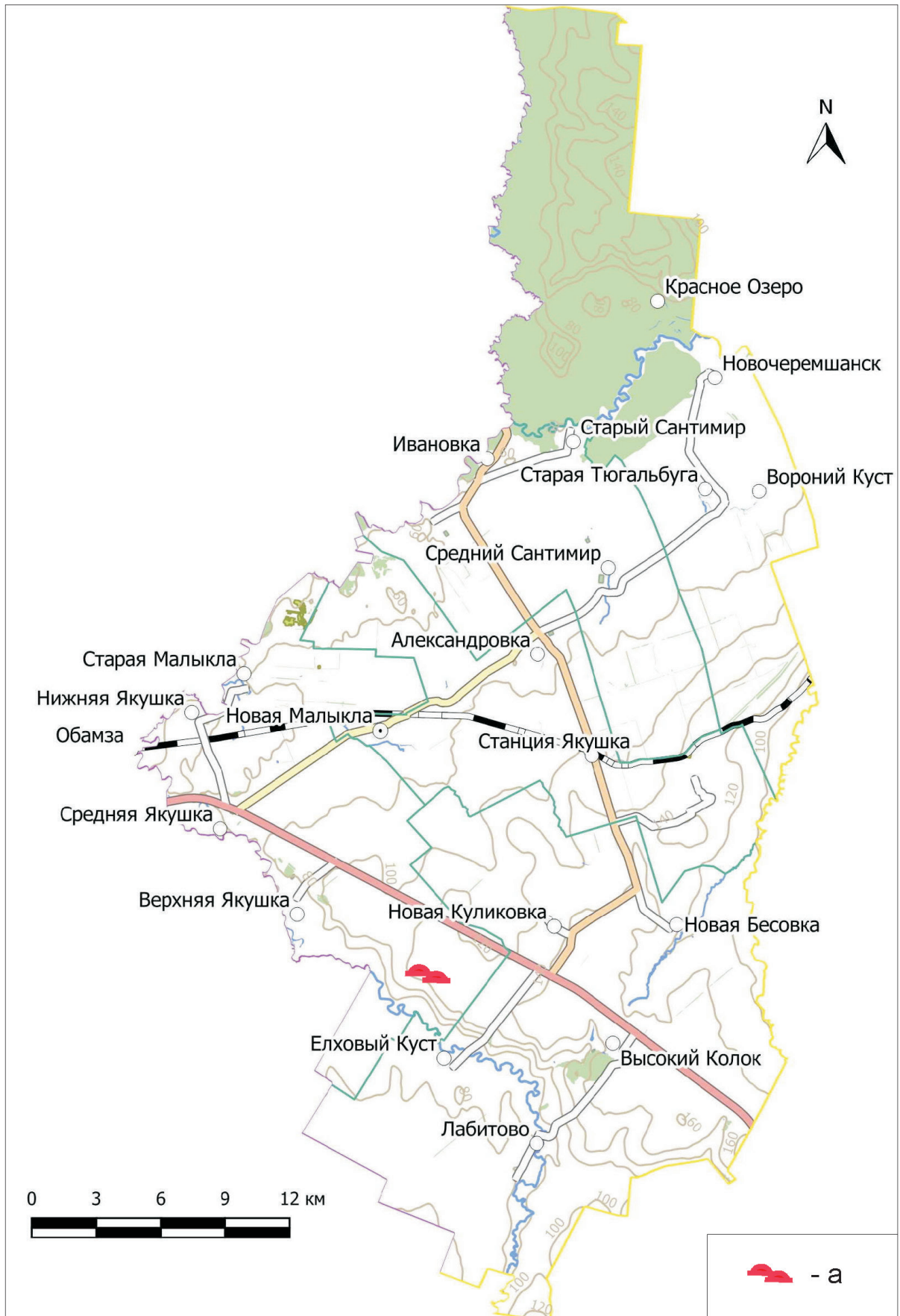

Рис. 2. Карта Новомалыклинского района Ульяновской области с указанием местоположения курганного могильника у с. Малиновка.

Условные обозначения: а – курганный могильник у с. Малиновка.

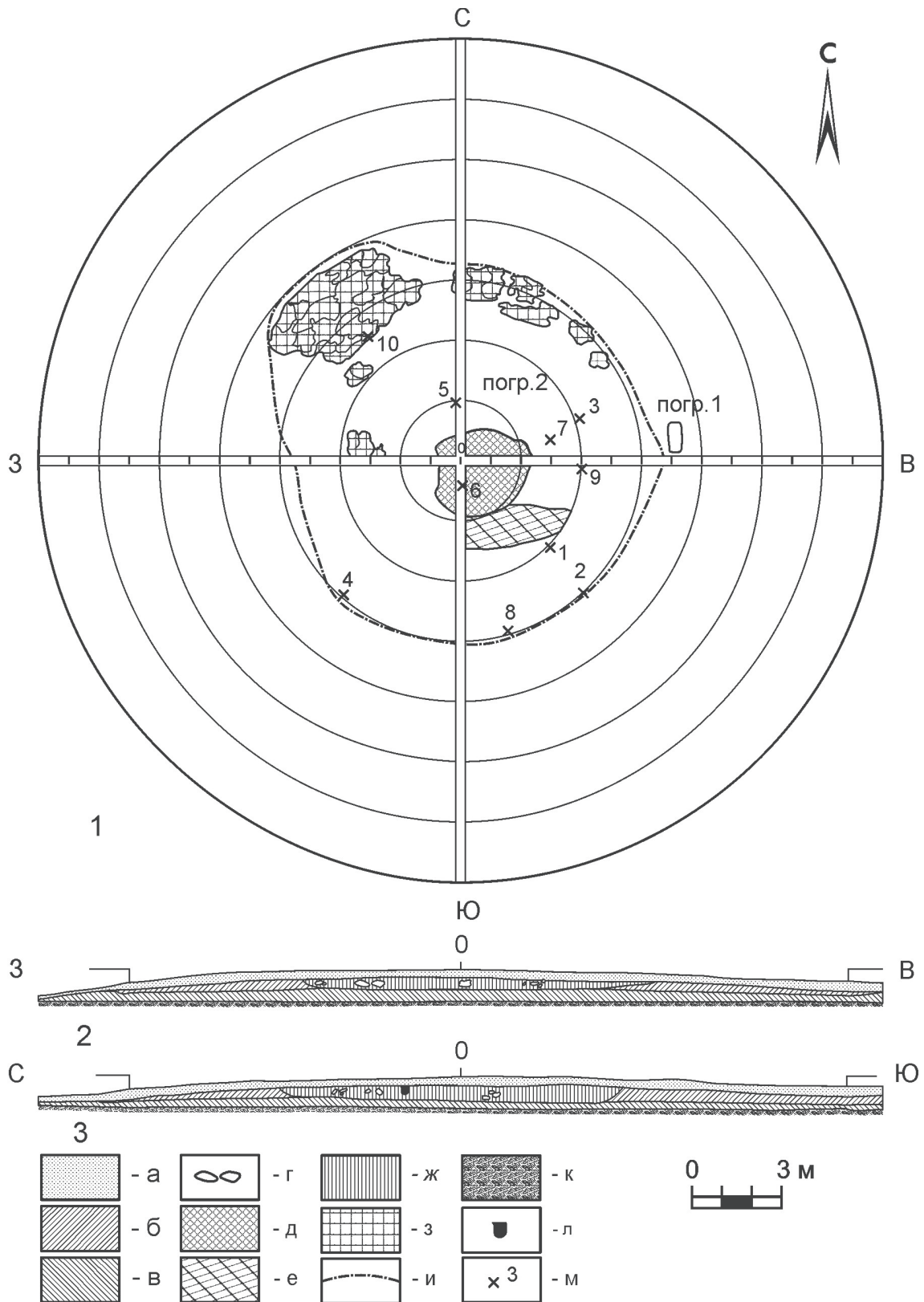

Рис. 3. Курган 3 могильника у с. Малиновка: 1 – план, 2 – профиль по линии запад-восток, 3 – профиль по линии север-юг.

Условные обозначения: а – гумус, б – насыпь кургана, в – погребенный грунт, г – ошлакованная глина, д – обожженная глина, е – сырцовая глина, ж – яма, заполненная обожженной глиной, з – шлак, и – граница погребальной постройки, к – материк, л – фрагмент керамики на профиле, м – находки на плане.

х1 – костяной предмет в виде рыбы; х2 – череп лошади; х3, х6 – наконечники стрел; х4- х5 – фрагменты керамики; х7 – фрагмент железного предмета; х8 – копыто лошади; х9 – позвонок животного; х10 – кости человека (х1, х2, х4, х6, х8 – х 10 – глубина - 70 см от 0; х3, х7 – глубина - 100 см от 0).

Рис. по: Галкин, статья в настоящем сборнике. Рис. 1.

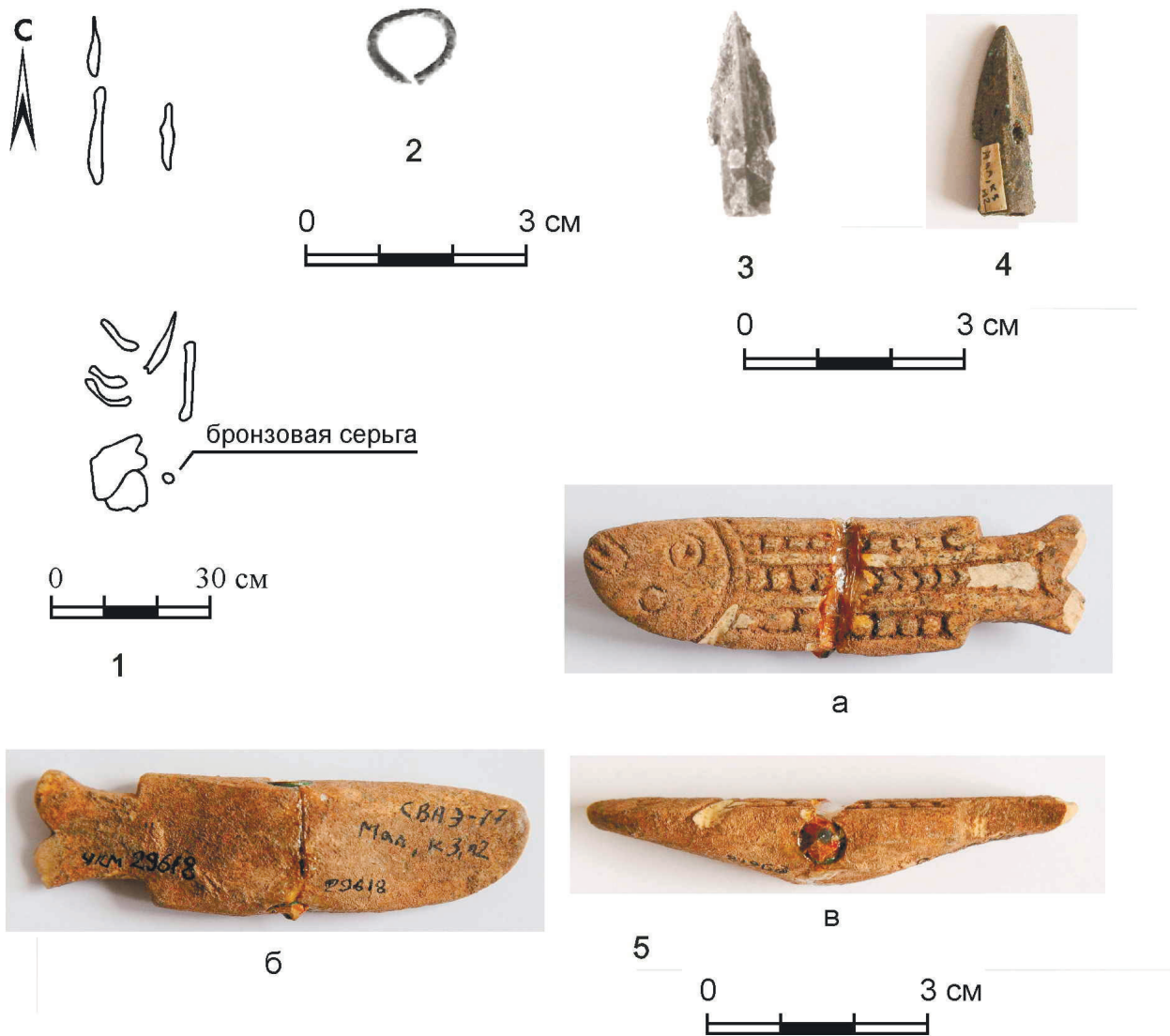

Рис. 4. Курган 3 могильника у с. Малиновка.

1 – план погребения 1; 2 – серьга; 3–4 – наконечники стрел; 5 – предмет в виде рыбы (2–4 – бронза; 5 – кость).

Рис. по: 1–3 – Галкин, статья в настоящем сборнике. Рис. 2, 1–3; 4–5 – фото М.Р. Гисматулина.

ПОГРЕБЕНИЕ РАННЕГО КОЧЕВНИКА НА ПРАВОБЕРЕЖЬЕ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

© 2023 О.В. Михайлова

Аннотация. Статья посвящена публикации материалов погребения раннего железного века из курганного могильника Тайдаково I. Памятник находится в Шигонском районе Самарской области. В статье дается описание погребального обряда и инвентаря, представленного стеклянными бусинами.

Ключевые слова: курганный могильник, погребение, ранние кочевники, савроматская культура, ранний железный век, стеклянные бусы.

BURIAL OF THE EARLY NOMAD OF THE RIGHT BANK OF THE SAMARA VOLGA RIVER

© 2023 O.V. Mikhailova

Abstract. The article is devoted to the publication of materials from the burial of the Early Iron Age from the Taidakovo I burial mound. The monument is located in the Shigonsky district of the Samara region. The article gives a description of the funeral rite and inventory, represented by glass beads.

Keywords: burial mound, burial, nomads, Sauromatian culture, Early Iron Age, glass beads.

Основными районами расселения ранних кочевников в Самарском Поволжье являются степь и южная лесостепь левобережья Волги, в то время как на правобережье Волги памятники ранних кочевников единичны (Мышкин, Скарбовенко, 2010. С. 95). В настоящее время на правобережье Самарского Поволжья известны лишь погребение савроматского времени в могильнике Комаровка, курган 5, погребение 1 и два кинжала-акинака, случайно найденные на Самарской Луке у сел Винновка и Лбище (Мышкин, Скарбовенко, 2000. С. 18). Материалы публикуемого погребения из могильника Тайдаково I дополняют базу данных по сарматским памятникам правобережья Самарского Поволжья.

Могильник Тайдаково I исследован в 2000 году в ходе охранных работ в зоне строительства автодороги Тайдаково-Левашовка.

Курганный могильник Тайдаково I находится на правобережье Волги, на высокой надпойменной террасе правого берега реки Маза, в 4 км западнее места ее впадения в Ольгинский залив Куйбышевского водохранилища. По своему географическому положению данный участок входит в провинцию Приволжской возвышенности и располагается у южной границы лесостепной зоны (рис. 1, 1).

Памятник находится в 2,5 км к северо-западу от северной окраины села Тайдаково Шигонского района Самарской области (рис. 1, 2).

Могильник состоит из 2-х курганных насыпей, расположенных на расстоянии 1,25 км друг от друга по линии юго-запад – северо-восток. На вершине кургана 1 установлен триангуляционный знак. Территория могильника распаивается (рис. 1, 2).

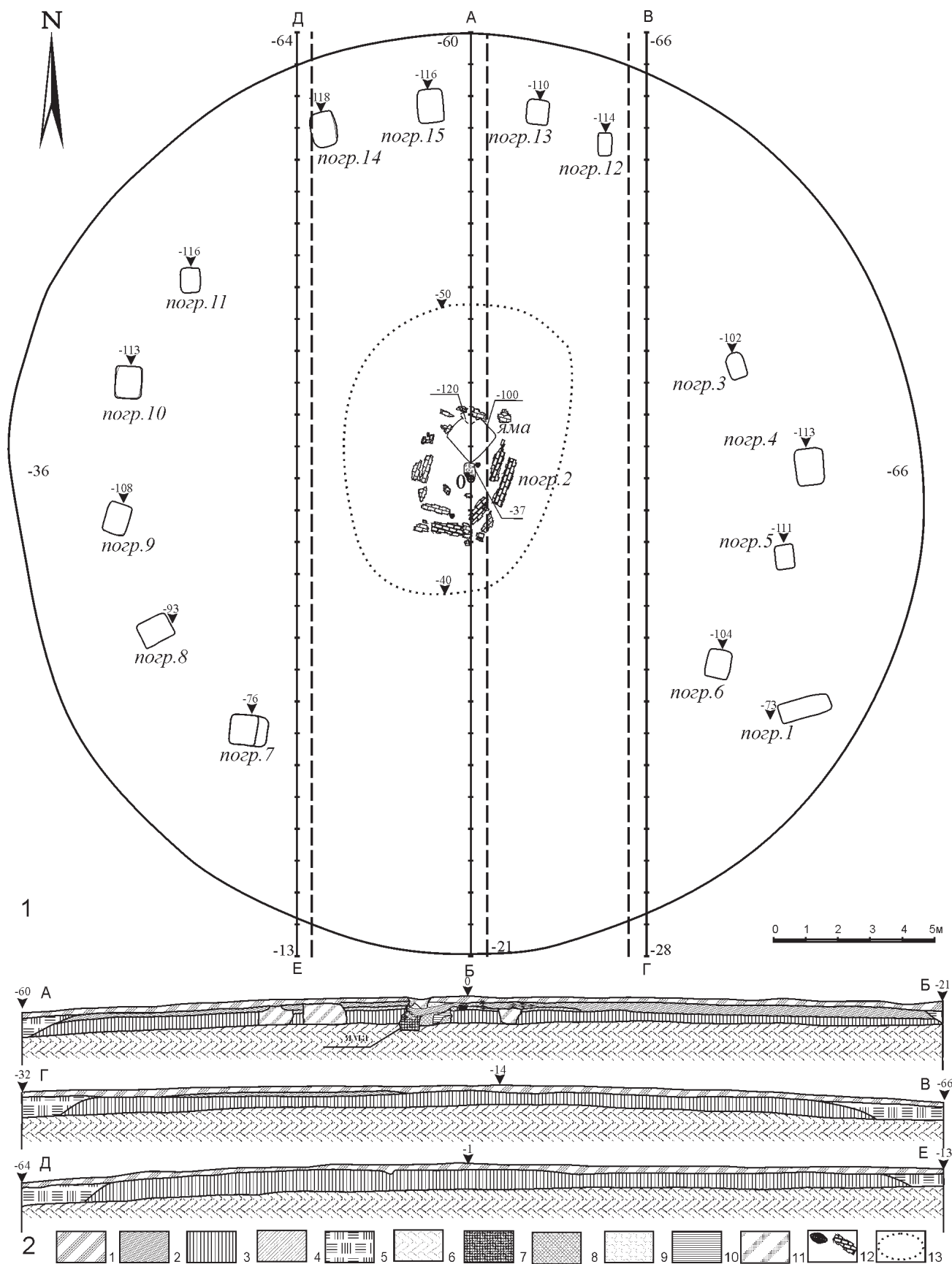
Исследуемый курган 2 имел округлую в плане форму, размерами по оси север-юг 29 м, по оси запад-

восток 28 м. Высота кургана – 0,2–0,66 м от уровня современной поверхности (рис. 2, 1).

Для изучения профиля кургана были оставлены три стратиграфические бровки. Пахотный слой, представленный темно-серым мешанным суглинком, имел мощность 0,1–0,2 м. Ниже слоя пахоты, в центральной и северной части центральной бровки, зафиксирован слой древней насыпи кургана, не затронутый распашкой. Мощность древней насыпи – от 0,1 до 0,4 м. Насыпь сложена из гумусированного суглинка серого цвета, аморфного и плотного по структуре. Под слоем насыпи залегал слой погребенной почвы, мощностью 0,3–0,45 м. Погребенная почва представлена очень плотным, однородным по структуре и темно-серым по цвету суглинком. Погребенная почва изрезана норами землеройных животных. Ниже слоя пахоты в северных и южных частях профилей кургана зафиксирован подпахотный гумусово-аккумулятивный слой мощностью 0,3–0,7 м. Слой имеет черную окраску, хорошо оструктурен и слабо уплотнен. Слой насыпи и погребенной почвы в северной части разреза разделяла тонкая прослойка светло-серого золистого суглинка. Протяженность зольника в общей линии разреза – 10 м, мощность его – 0,05–0,1 м. Подстилающим слоем в общей картине стратиграфии был слой материка, зафиксированный на глубине –0,9–1,15 м. Материк представлен желтым пятнистым плотным суглинком, испещренным норами землеройных животных (рис. 2, 2).

Под насыпью кургана исследованы 14 погребений эпохи бронзы (Кузьмина, Михайлова, 2023. С. 172–193) и одно впускное погребение раннего железного века (погребение 1), которому посвящена данная публикация.

Погребение 1 (рис. 1, 3) зафиксировано в юго-восточной поле курганной насыпи, на расстоянии 12,2 м

Условные обозначения: 1 – пахотный слой (темно-серый мешаный суглинок); 2 – насыпь (серый суглинок); 3 – погребенная почва (темно-серый суглинок); 4 – светло-серый золистый суглинок; 5 – дерново-гумусный слой (черный суглинок); 6 – материк (желтый пятнистый суглинок); 7 – яма (темно-коричневый суглинок); 8 – желтый мешаный суглинок; 9 – коричневый суглинок; 10 – переслоение черного и желтого суглинков; 11 – сурчины; 12 – остатки деревянной конструкции погр. 2; 13 – границы зольника.

Рис. 2. Тайдаково I курганный могильник. План и профили кургана 2.

к юго-востоку от центра кургана. Погребение находилось на глубине -0,73 м от 0. Контуры ямы проследить не удалось, так как могила неглубокая. Она вшита в насыпь кургана и прорезала лишь верхнюю часть древней погребенной почвы, не углубляясь в материк.

В погребении находился костяк девушки, возрастом 14–16 лет¹. Череп костяка залегал на глубине -0,73 м от 0, остальные кости – на глубине 0,80–0,83 м от 0. Погребенная лежала на спине, с вытянутыми ногами и вытянутыми вдоль тела руками. Кисти рук находились на тазовых костях. Череп повернут к правому плечу. Умершая ориентирована головой на запад-юго-запад. Основная часть скелета хорошей сохранности. Отсутствовали некоторые ребра, фаланги пальцев рук и стоп, а также лицевая часть черепа.

В погребении найдены две стеклянные бусины. Одна бусина находилась у правой височной кости черепа, на глубине -0,8 м от 0. Другая бусина лежала в районе шеи погребенной, между нижней челюстью, позвоночником и лопаткой, на глубине -0,81 м от 0.

Бусины (рис. 1, 4) однотипны. Они сделаны из стекла черного цвета и имеют круглую форму, приплюснутую с двух сторон. Внешняя поверхность бусин покрыта патиной. На бусинах фиксируются следы технологии их изготовления. Судя по следам, бусины изготавливались способом накручивания стеклянного лентообразного жгутика горячей стекловидной массы на керамический стержень. Об этом свидетельствуют неглубокие бороздки и выщерблины внутри отверстия бусины, а также послойно-спиралевидная структура ядра бусины. Исследователи отмечают, что в результате такой технологии бусы не имеют строгой симметричной формы и отверстие их всегда широкое (Алексеева, 1975. С.55). Высота бусины – 1 см, диаметр – 1,4 см, диаметр отверстия – 7 мм.

Каждая бусина орнаментирована тремя круглыми капельками белого стекла. Капельки располагаются в поперечном поясе ядра бусины по углам равностороннего треугольника и имеют вид приплюснутых шишечек, диаметр которых – 5–7 мм, а высота – 1–2 мм. Такая приплюснутая форма шишечек, по мнению исследователей, объясняется недостаточным вторичным нагревом ядра бусины при ее орнаментации или какими-то особенностями состава орнаментирующего стекла, не соответствующими составу стекла ядра бусины (Алексеева, 1975. С. 50). На каждой шишечке есть точки или насечки, небрежно сделанные наколами.

¹ Антропологические определения выполнены А.А. Хохловым.

Бусы, вероятно, украшали головной убор девушки, входя в состав вышивки или подвесок. На принадлежность бусин головному убору указывает их местоположение в могиле. Так, в 22% сарматских погребений Нижнего Поволжья бусы находятся в районе шеи погребенных (Мошеева, 2008. С.23). Чаще всего бусины происходят из погребений молодых женщин и детей (Мошеева, 2008. С.26). Такое же положение бусин зафиксировано в погребении девушки из могильника Тайдаково I.

Изучение бус сарматской культуры показало, что типологически они близки бусам античного Причерноморья, которые попадали в Поволжье в результате установления экономических и политических отношений сарматских племен с центрами античной культуры (Скрипкин, 1990. С. 75).

Бусины из могильника Тайдаково I, курган 2, погребение 1 наиболее близки типу 1, по классификации Е.М. Алексеевой. В этот тип включены черные бусы с тремя пятнышками, расположенными в поперечном сечении бусины по углам равностороннего треугольника.

В силу простоты изготовления бусы с пятнистым орнаментом существовали длительный исторический период. Они найдены в погребениях VI в. до н.э. – IV в. н.э. (Алексеева, 1975. С.51). Из пяти вариантов типа 1, бусины которых различаются цветом пятен, три варианта найдены в комплексах, датируемых III–IV вв. н.э. (Алексеева, 1975. С.56–57).

В сарматских погребениях Нижнего Поволжья, датируемых V в. до н.э. – III в. н.э., находки бус с накладным орнаментом являются самыми распространенными и составляют 39% (Мошеева, 2008. С. 28).

Бусы из могильника Тайдаково I наиболее близки бусине из черного стекла с пятнышками из глухого белого стекла (тип 1а), найденной на Таманском полуострове. К сожалению, данные для датировки этой случайной находки отсутствуют (Алексеева, 1975. С. 56).

Судя по западной ориентировке умершей, характерной для культуры кочевников Поволжья и Южного Приуралья в савроматское время (Граков, 1947. С. 104; Смирнов, 1964. С. 91–94), рассматриваемое погребение 1 кургана 2 могильника Тайдаково I следует отнести именно к этому периоду.

Публикуемые в настоящей статье археологические материалы из кургана 2 курганного могильника Тайдаково I позволяют пополнить серию пока немногочисленных памятников ранних кочевников, исследованных на территории правобережья Самарского Поволжья.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. // САИ. Вып. Г1-12/1. М.: Наука, 1975. 94 с.

Граков Б.Н. Γυναίκοκρατοῦμενοί (Пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ. № 3. 1947. С. 100–121.
Кузьмина О.В., Михайлова О.В. Материалы эпо-

хи бронзы курганного могильника Тайдаково I // ВАП. Вып. 10. Самара, 2023. С. 172–193.

Мошеева О.Н. Глазчатые бусы // РА. 2008. № 4. С. 23–33.

Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А. Кочевники Самарского Поволжья в раннем железном веке // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М., 2000. С. 9–81.

Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А. Ранние кочевники

Самарского Поволжья: история и итоги // 40 лет Средневожской археологической экспедиции. Краеведческие записки. Вып. XV. Самара: ООО «Офорт», 2010. С. 87–100.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Саратовский государственный университет, 1990. 303 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 380 с.

МАТЕРИАЛЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ РАСКОПОК КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ВЕРХНЕСЪЕЗЖЕЕ I В САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2023 А.В. Денисов, Р.Р. Саттаров

Аннотация. Статья посвящена введению в научный оборот материалов раннего железного века, обнаруженных при раскопках курганного могильника Верхнесъезжее I. Памятник находится в Нефтегорском районе Самарской области. Он состоял из четырех курганов, из которых к настоящему времени исследовано три. Все они были сооружены в позднем бронзовом веке. В курганах выявлены детские впускные погребения среднесарматской культуры, а также обнаружены отдельные находки (керамические сосуды и каменный предмет), которые могут относиться к эпохе раннего железа. Интересным является каменное изделие, интерпретированное как наковальня по железу. В статье отмечена традиция помещения отдельных керамических сосудов в центральной части кургана.

Ключевые слова: курган, погребение, ранний железный век, среднесарматская культура, керамические сосуды, бусы, наковальня.

MATERIALS OF THE EARLY IRON AGE FROM EXCAVATIONS OF THE BURIAL MOUND VERKHNESYEZZHEE I IN THE SAMARA REGION

© 2023 A.V.Denisov, R.R. Sattarov

Abstract. The article is devoted to the introduction into scientific circulation of materials from the Early Iron Age discovered during excavations of the burial mound Verkhnesyeyzhee I. The monument is located in the Neftegorsky district of the Samara region. It consisted of four mounds, of which three have been explored to date. All of them were built in the Late Bronze Age. Children's inlet burials of the Middle Sarmatian culture were excavated in the mounds, as well as individual finds (ceramic vessels and a stone object) that may date back to the Early Iron Age. Interesting finds include a stone product interpreted as an anvil for iron. The article notes the tradition of placing individual ceramic vessels in the central part of the mound.

Keywords: mound, burial, Early Iron Age, Middle Sarmatian culture, ceramic vessels, beads, anvil.

Введение

Курганный могильник Верхнесъезжее I был выявлен в 1996 г. во время картирования памятников Нефтегорского района. В 2009 г. А.В. Денисов повторно обследовал памятник.

Могильник находится на северной окраине с. Верхнесъезжее Нефтегорского района Самарской области, на первой надпойменной террасе правого берега р. Съезжая (левый приток реки Самара), на мысу, образованном краем надпойменной террасы, и оврагом, ограничивающим село с севера.

На момент обнаружения могильник состоял из четырех курганов, вытянутых цепочкой по линии северо-восток – юго-запад. Курган № 3 является наиболее крупным в группе; через него проходит грунтовая дорога Семеновка–Верхнесъезжее. Курган № 4 (наименьший в могильнике) располагался на понижении рельефа и несколько отклонялся от общей линии северо-восток – юго-запад. Насыпи всех курганов были задернованы. По информации, полученной от местных жителей, участок местности, на котором располагается могильник, ранее не распахивался (рис. 1, 1, 2).

Сотрудниками ООО НПЦ «Бифас» совместно с СООО «Самарское археологическое общество» в течение

трех лет проводились археологические раскопки данного могильника. Экспедицией под руководством А.В. Денисова в 2015 году был изучен курган № 4, в 2017 году – курган № 1. В 2018 году экспедицией под руководством А.А. Макогон¹ был изучен курган № 2.

Снятие насыпей производилось вручную. Все три кургана были сооружены в позднем бронзовом веке племенами покровской культуры. Позднее, в раннем железном веке, в данные курганы были впускены погребения ранних кочевников (Волкова и др., 2018; Денисов, Макогон, 2019; Денисов, Кузьмина, 2020).

Характеристика исследованных комплексов

Курган № 1

Современный диаметр насыпи кургана при визуальном определении равнялся 20 м. Судя по стратиграфическим наблюдениям, первоначальный диаметр насыпи кургана составлял около 16,5 м по линии запад-восток и 17,3 м – по линии север-юг. В кургане обнаружены два предмета и одно погребение, относящиеся к раннему железному веку.

¹ Авторы выражают благодарность Александре Александровне Макогон за возможность опубликовать данные материалы.

Сосуд из насыпи кургана.

При вскрытии насыпи на глубине -69 см от 0 в 0,64 м к востоку-юго-востоку (113°24') от условного центра кургана был обнаружен керамический сосуд (рис. 2, 1). Он лежал на боку, венчиком на юг. Сосуд имел горшковидную форму с плавной профилировкой. Толщина стенок – 0,9–1,2 см, дна – 1,5 см. Внешняя поверхность светло-коричневого цвета с черными и серыми пятнами, расположенными в верхней части емкости. Внутренняя поверхность покрыта пятнами различных оттенков серого цвета.

Сформирована короткая, вогнутая внутрь емкости шея. Диаметр по внешнему краю устья – около 12 см. Срез венчика ровный, уплощен горизонтально, ширина 0,8–1,1 см. По обоим краям среза фиксируются аморфные наплывы. На некоторых участках они заглажены. Внешний край среза на различных участках имеет различные очертания: слабоприостренную или закругленную форму. Линия максимального расширения тулова находится на расстоянии около 6,5 см от внешнего края емкости. Ее диаметр составляет 13,5–14,0 см. Сформировано слабо уплощенное плечо шириной около 5,5 см.

В качестве исходного сырья для изготовления данного сосуда отбиралась илистая глина, в которой в качестве естественных примесей присутствовали: 1) песок размером от пылевидного до 0,1 мм в небольшой концентрации; 2) мелкие фрагменты старой, изъеденной микроорганизмами раковины, окатанных очертаний, размером до 1,5 мм, в очень небольшой концентрации; 3) растительность, представленная пучками нитевидных включений, фрагментов стеблей и листовых пластин; 4) комочки чистой глины размером до 2–3 мм. По характеру естественных примесей данное сырье допустимо определить как илестую незапеченную глину. Сырье использовалось в естественно увлажненном состоянии. В качестве компонента формовочной массы зафиксирован крупный шамот в концентрации 1:4. В составе шамота зафиксированы раковина и шамот, что позволяет говорить об устойчивости навыков отбора в качестве исходного сырья илестых глин и добавления к ним шамота.

Сосуд делался с применением формы-основы, т.е. «строительные элементы» наращивались поверх формы-модели. Таким образом, начин изготовлен в соответствии с донно-емкостной программой конструирования. В качестве «строительных элементов» применялись, скорее всего, лоскуты, которые наращивались по траектории, близкой к спиралевидной. Модель начина, вероятно, доэлементная. Формообразование осуществлялось в процессе лепки при использовании формы-модели и последующего выдавливания пальцами. Обе поверхности сосуда заглажены

кусочком ткани и галькой. На внешней поверхности местами фиксируется локальное лощение.

Сосуд был обожжен в костровом или очажном устройстве. В изломе сосуда с внешней стороны фиксируется осветленный слой шириной от 1 до 2 мм, граница между цветовыми слоями четкая. Такая окрашенность излома свидетельствует о том, что сосуд обжигался в окислительной среде, с доступом кислорода, была достигнута температура каления (650° и выше), но находился сосуд в зоне действия этих температур непродолжительное время².

Погребение № 1 (рис. 3, 1).

Погребение находилось в 6,75 м к северо-востоку (азимут 56°05') от условного центра кургана. Контуры могильной ямы зафиксированы на глубине -124–131 см от 0. Могильная яма имела подпрямоугольные очертания с закругленными углами и была ориентирована длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. Максимальная длина могильной ямы на уровне фиксации составила 152 см, ширина в северной части достигала 69,5 см, в южной – 72 см. Стенки могильной ямы вертикальные. Дно могильной ямы зафиксировано на глубине -149–158 см от 0. Заполнение ямы состояло из темно-серого рыхлого суглинка, смешанного с кусками материкового суглинка и мелкой галькой. В заполнении присутствовали мелкие фрагменты угля (диаметр не более 0,3 см).

На дне могильной ямы, на глубине -149–156 см от 0 располагался костяк ребенка (7–9 лет)³. Погребение было нарушено норами землероев. Большая часть костей скелета отсутствовала, оставшиеся кости практически все были смещены, *in situ* сохранились лишь кости голени. Судя по общему расположению костей, костяк был ориентирован головой на юго-восток.

Около северо-восточной стенки в заполнении норы на глубине -156 см от 0 было обнаружено крупное керамическое пряслице. В северо-западной части могилы в ногах погребенного было обнаружено два керамических сосуда. Кроме того, в могиле обнаружено 30 стеклянных бусин. Все они лежали в переотложенном виде. Семь бусин находились в районе коленей погребенного, одна справа от ног, остальные были обнаружены под костями черепа, таза и лопаток.

Сосуд 1 (рис. 3, 2). Неорнаментированный сосуд баночной формы открытого типа, с овальным в плане устьем, широким уплощенным дном и почти прямыми стенками. На обеих поверхностях фиксируется слой нагара. Высота – 10,0–10,5 см. Устье представляет собой слабовыраженный овал, размер – 14×13 см. Максимальное расширение емкости приходится на верх-

² Технологический анализ керамических сосудов из курганов № 1 и 4 выполнены к.и.н. Н.П. Салугиной.

³ Антропологические определения материалов, полученных при изучении курганов № 1 и 2, выполнены лаборантом ФГБОУ ВО СГСПУ А.П. Григорьевым.

нюю часть сосуда. Плоскость дна округлой формы, диаметр – 8–9 см.

Толщина стенок равномерная, от среза венчика до средней части днища – 0,5–0,6 см. Срез венчика уплощен горизонтально, без наплывов по краям. Плоскость среза и поверхности тулова образуют почти прямые углы. Срез заглажен по подсушенной поверхности твердым гладким предметом, с образованием лощеной плоскости.

В качестве исходного сырья для изготовления данного сосуда отбиралась илистая глина, в которой в качестве естественных примесей присутствовали: 1) песок размером 0,2–0,5 мм в средней концентрации (до 25 включений на 1 кв. см) и размером до 2 мм – до 3–5 включений на 1 кв. см; 2) фрагменты старой, изъеденной микроорганизмами раковины, окатанных очертаний, размером до 4 мм; 3) растительность, представленная нитевидными стеблями, в достаточном количестве; 4) округлые карбонатные включения серого цвета, размером примерно 1 мм. По характеру естественных примесей данное сырье допустимо определить как илистую глину средней запесоченности. Сырье использовалось в естественно увлажненном состоянии. При составлении формовочной массы никаких специальных примесей не добавлялось.

Сосуд делался с применением формы-основы, т.е. «строительные элементы» наращивались поверх формы-модели. Соответственно, начин изготовлен в соответствии с донно-емкостной программой конструирования. В качестве «строительных элементов» применялись, скорее всего, короткие жгуты, которые наращивались по траектории, близкой к спиралевидной. Модель начина, вероятно, полная. Формообразование, т.е. придание сосуду окончательной формы, осуществлялось в процессе лепки при использовании формы-модели и последующего выдавливания пальцами и небольшого выбивания гладкой колотушкой. Обе поверхности сосуда заглажены кусочком ткани и деревянной щепы. Кроме того, внутри сосуда фиксировался довольно сильный слой нагара.

Сосуд был обожжен в костровом или очажном устройстве. Излом сосуда имеет однотонную темно-серую окраску. Подобная цветовая характеристика излома свидетельствуют о том, что сосуд обжигался в условиях восстановительной атмосферы (без доступа кислорода) до достижения температур каления (выше 650°). Сосуд находился в зоне действия этих температур длительное время.

Сосуд 2 (рис. 4, 1). Сосуд горшковидной формы с плавной профилировкой и плоским дном. Высота – 10 см. Толщина стенок – 0,5–0,8 см. Емкость изделия на всех уровнях горизонтальных сечений имеет овальные очертания. Размер устья – 7,5×8,7 см, шеи в средней части – 6,4×7,6 см, максимального расширения ту-

лова – 8,5×9,5 см, дна – 4,5×5,4 см. Сосуд изготовлен с помощью скульптурной лепки на плоскости. По внешнему краю среза венчика сформирован закругленный наплыв-губа шириной 0,4 см. Далее фиксируется короткая, вогнутая внутрь емкости шея, шириной около 1,5 см. Затем сформирована плоскость плеча шириной 3,5–4,0 см. Максимальное расширение емкости приходится на среднюю часть сосуда и находится на расстоянии 5,0–5,5 см от внешнего края среза венчика. Затем емкость сужается к плоскости дна почти по прямой линии (в вертикальном профиле изделия). Толщина среза венчика – 0,5–0,7 см. Толщина стенок плавно увеличивается к придонной части. Толщина дна в средней части – около 1 см.

Орнаментальная композиция расположена на плоскости шеи сосуда, на участке шириной 3 см. Она состоит из двух параллельных горизонтальных линий и многоярусного зигзага, образованного отрезками (не во всех случаях смыкающихся), образующими углы величиной около 100°. Каждая сторона зигзага состоит из 3–4 отрезков длиной 2–3 см. На уровне условной длинной поперечной оси емкости, с двух противоположных сторон фиксируются по четыре овальных отиска, расположенных вертикально. Два отиска расположены между линиями, под ними – другие два – поверх зигзага. Предположительно, это отиски кончиков пальцев с ногтевыми вдавлениями. Четкие следы, характерные для таких отисков, зафиксированы только в одном случае. По краю венчика по линии длинной поперечной оси на противоположных сторонах зафиксированы следы воздействия ударов острого предмета (с одной стороны – 5, с другой – 3). Все элементы композиции прочерчены орудием с обоюдоострой рабочей поверхностью, вероятно, металлическим ножом. Внешняя поверхность после нанесения орнамента была полностью покрыта лощением, включая плоскость дна. На внешней и внутренней поверхностях фиксируется слой нагара. Возможно, сосудик использовался в качестве курильницы.

В качестве исходного сырья для изготовления данного сосуда отбиралась илистая глина, в которой в качестве естественных примесей присутствовали: 1) песок размером от 0,3 до 2,5 мм в очень небольшой концентрации; 2) фрагменты старой, изъеденной микроорганизмами раковины, окатанных очертаний, размером до 5 мм, в значительной концентрации; 3) растительность, представленная нитевидными включениями, фрагментами стеблей и листовых пластин размером от 3–4 мм до 2,0 см; 4) комочки чистой глины размером до 2 мм. По характеру естественных примесей данное сырье допустимо определить как илистую незапесоченную глину. Сырье использовалось, возможно, в высушенном и дробленном состоянии, о чем свидетельствуют округлые комочки глинистого вещества, содер-

жащие раковину. Их размеры – до 1,5 мм. Формовочная масса состояла из исходного сырья без добавления искусственных примесей.

Сосуд делался с применением формы-емкости, т.е. «строительные элементы» наращивались внутри формы-модели. Соответственно, начин изготовлен в соответствии с донно-емкостной программой конструирования. В качестве «строительных элементов» применялись, скорее всего, короткие жгуты, которые наращивались по траектории, близкой к спиралевидной. Модель начина одноэлементная, т.е. в форме-модели элементы наращивались до наибольшего расширения тулова. Затем происходило выравнивание начина. После этого происходило конструирование полого тела. В качестве «строительных элементов» при изготовлении полого тела служили короткие жгуты. Формообразование осуществлялось в процессе лепки при использовании формы-модели и последующего выдавливания пальцами и небольшого выбивания гладкой колотушкой. Обе поверхности сосуда заглажены кусочком ткани и галькой. На внешней поверхности местами фиксируется локальное лощение.

Сосуд был обожжен в костровом или очажном устройстве. В основном излом сосуда имеет однотонную темно-серую окрашенность. Подобная цветовая характеристика излома свидетельствуют о том, что сосуд обжигался в условиях восстановительной атмосферы (без доступа кислорода) до достижения температур каления (выше 650°). Сосуд находился в зоне действия этих температур длительное время.

Пряслице биконической формы с округлым ребром (рис. 3, 3). Высота изделия – 4 см. Диаметр торцевых плоскостей – 1,5 см и 1,7 см. Диаметр по линии максимального расширения – 3,5 см. Диаметр сквозного отверстия – 0,6 см. Поверхность серо-коричневого цвета.

В составе формовочной массы – слабозапесоченная илистая глина во влажном состоянии с естественными примесями водной растительности и органики, окатанной раковины и единичных включений песка, а также окатышей глины без указанных примесей. Искусственной примесью является шамот из аналогичного сырья. Концентрация шамота – 1/4⁴.

Бусы изготовлены из одноцветного (2 экз.) и многоцветного (28 экз.) стекла (рис. 4, 2–31).

Бусы из одноцветного стекла представлены двумя типами.

К первому типу относится поперечно сжатая округлая бусина из глухого белого стекла с различной

продольной структурой ядра. Размер – 0,6×0,35 см (рис. 4, 28).

Ко второму типу относится коротко-цилиндрическая бусина из глухого красного стекла. Бусина плохой сохранности, большая часть цвета основы утеряна (рис. 4, 29). Структура ядра продольная. Размер – 0,55×0,25 см.

Бусы из многоцветного стекла подразделяются на три типа.

Бусина с глазчатым орнаментом имеет округлую форму, орнаментирована тремя кольчатыми глазками желтого цвета. Цвет основы бусины неопределим из-за патины (рис. 4, 30). Размер – 1,0×0,8 см.

Бусина с пятнистым орнаментом имеет округлую форму, изготовлена из полупрозрачного стекла купоросного цвета с тремя пятнышками из глухого желтого стекла. На пятнышках имеются вкрапления темно-оранжевого цвета (рис. 4, 31). Размер – 0,9×0,7 см.

Бусы со сложными орнаментами (26 экз.) включают в себя глобидальные пронизи с двусторонним ресничковым орнаментом. Желтый центр обведен красным стеклом, реснички – белые и синие (рис. 4, 2–27). Размер – 0,6×0,4 – 0,8×0,4 см.

После изъятия из погребения бусы начали окисляться, в связи с этим их первоначальная расцветка сильно изменена.

К эпохе раннего железного века также может относиться каменное изделие из заполнения центрального погребения № 7. Стенки и дно могильной ямы были сильно перерыты землероями. По сути, заполнение могильной ямы представляло собой сплошное скопление нор.

В юго-восточном углу могильной ямы, на глубине -127 см от 0 было обнаружено каменное изделие. Этот предмет изготовлен из осколка гальки валуна или плитки серо-зеленого цвета с двумя ровными, плоскими поверхностями. Его размер – 8,1×6,2×6,3 см, вес – 450 г. Изделие было интерпретировано как наковальня по черному металлу (рис. 2, 2).

Обе плоские поверхности предмета использованы для горячейковки железа. При этом, судя по всему, наковальня использовалась сначала с одной стороны, после разрушения которой ее перевернули, т.к. обратная поверхность менее выкрошена, и использовали дляковки вновь. На боковых поверхностях обнаружены следы деревянной заполировки от заклинивания орудия в дерево. Износ наковальни представляет собой выбитую до зеркального блеска поверхность с глубоко въевшейся в камень окалиной и следами термической обработки (см. статью И.В. Горашука и А.Е. Ержановой в настоящем сборнике).

Курган № 2

Современный диаметр насыпи кургана при визуальном определении равнялся 20 м. Судя по страти-

⁴ Технологический анализ пряслица выполнен научным сотрудником ООО НПЦ «Бифас» Н.В. Ивановой. По мнению Н.В. Ивановой, рецепт формовочной массы данного пряслица аналогичен рецепту, по которому изготовлен сосуд, обнаруженный в насыпи кургана.

графическим наблюдениям, первоначальный диаметр насыпи кургана составлял около 15,3 м по линии запад-восток и 13,9 м по линии север-юг. В кургане обнаружено одно погребение, относящееся к раннему железному веку.

Погребение № 1 (рис. 5).

Погребение находилось в 6,92 м к северо-западу (азимут 324°43') от 0 кургана. Контуры могильной ямы зафиксированы на глубине -89–95 от 0. Могильная яма имела подпрямоугольные очертания с закругленными углами и была ориентирована длинной осью по линии северо-восток – юго-запад. Максимальная длина могильной ямы на уровне фиксации составила 82 см, ширина в северной части достигала 55 см, в южной – 47 см. Стенки могильной ямы сужаются к дну. Вдоль длинной (юго-юго-восточной) стенки был сооружен подбой размерами 81×20 см. Дно могильной ямы зафиксировано на глубине -107–112 см от 0, дно подбоя – -118–127 см от 0. Заполнение ямы состояло из темно-серого рыхлого суглинка, смешанного с кусками материкового суглинка.

На дне могильной ямы на глубине -142 см от 0 располагался костяк ребенка (в возрастной группе до 6 месяцев), вытянутый на спине. Погребение было частично нарушено норами землероев. Костяк сохранился фрагментарно, нижняя его часть не сохранилась. Плечевые кости рук лежали вытянуто вдоль туловища, левая рука была согнута в локте, кисть лежала в области таза. Предплечье правой руки было смещено грызунами. Голова завалена на левый бок. Костяк был ориентирован головой на юго-запад. В центральной и северо-восточной части подбоя (район груди и ног) на материковом суглинке фиксировался белесый налет. Достоверно не удалось установить, является ли он целенаправленной подсыпкой или выпавшими на дно могилы карбонатами.

В северо-восточной части подбоя (в ногах погребенного) на глубине -118 см от 0 было найдено три куса мела. В районе локтей, лица и шеи погребенного на глубине -123–125 см от 0 лежали мелкие бусы разных типов, а также их фрагменты. В процессе расчистки и снятия костей погребенного были выявлены еще несколько уровней залегания бус. Так, после снятия челюсти погребенного, на глубине -127 см от 0 удалось обнаружить 8 бусин, стоявших на боку довольно плотно друг к другу (названы условно «верхним» скоплением, т.к., по-видимому, лежали поверх шеи). Под черепом на глубине -126 см от 0 находились еще 4 бусины, три из которых стояли на боку, а одна лежала плашмя рядом (названы условно «нижними», т.к., по-видимому, лежали ниже шеи). Две бусины были обнаружены в районе лица погребенного и еще три – в районе лобной кости. Необходимо отметить, что две из них стояли «столбиком» одна на другой. Всего в погребении уда-

лось обнаружить 23 бусины, а также мелкие фрагменты от 3 бусин, рассыпавшихся при расчистке.

Бусины, собранные в процессе расчистки погребения:

1. Коротко-цилиндрические бусины из бирюзового египетского фаянса – 9 экземпляров (рис. 6, 15–23).

2. Округлые бусины из бирюзового египетского фаянса – 2 экземпляра (рис. 6, 5, 6).

3. Сдвоенная стеклянная бусина с металлической прокладкой – 1 экземпляр (рис. 6, 24).

Скопление из 8 бусин под челюстью («верхние»):

1. Округлые бусины из бирюзового египетского фаянса – 4 экземпляра (рис. 6, 1–4).

2. Коротко-цилиндрические бусины из бирюзового египетского фаянса – 4 экземпляра (рис. 6, 7–10).

Скопление из 4 бусин под черепом («нижние») представлено одним типом – коротко-цилиндрическими бусинами из бирюзового египетского фаянса (рис. 6, 11–14).

Оба скопления, «верхнее» и «нижнее», обнаружены *in situ* и в прошлом являлись частью одного ожерелья. При этом в «верхнем» скоплении коротко-цилиндрические бусины чередовались с округлыми, образуя своеобразную композицию. «Нижнее» скопление состояло из однотипных бусин и, по-видимому, представляло собой заднюю часть ожерелья. Прочие бусы, обнаруженные в погребении, могли являться как растащенной грызунами частью ожерелья (например, две бусины, лежавшие одна на другой), так и украшением одежды (бусы в районе рук погребенного).

Курган № 4

Современный диаметр насыпи кургана при визуальном определении равнялся 20 м. Судя по стратиграфическим наблюдениям, первоначальный диаметр насыпи кургана составлял около 15,5 м по линии запад-восток и 12,8 м – по линии север-юг. В кургане обнаружен один сосуд, который может относиться к раннему железному веку.

Сосуд из насыпи кургана (рис. 6, 25)

При вскрытии насыпи на глубине -38 см от 0 в 2,2 м к западу-юго-западу (266°) от условного центра кургана был обнаружен керамический сосуд горшко-видной формы. Сосуд стоял вертикально с небольшим наклоном. Венчик сосуда короткий, отогнутый. Край его округлый. Сосуд несимметричный, с максимальным расширением в средней части тулова. Дно плоское, с небольшим радиальным поддоном и выраженными внешними краями. Сосуд имеет вертикальные пропорции: его высота значительно превышает диаметр по венчику. Размеры сосуда следующие: диаметр среза венчика – 9,7 см, диаметр максимального расширения тулова – 14,3 см, диаметр дна – 7,7 см, высота – 14,5 см, толщина стенок – 0,8–0,9 см, толщина дна – 0,6 см. В настоящий момент цвет внешней по-

верхности сосуда варьируется от темно-серого и коричневого до светло-бежевого. При этом необходимо отметить, что светло-бежевый цвет связан со слоем карбонатов, осевших на поверхности сосуда.

Орнаментирована вся внешняя поверхность сосуда. Орнамент делится на две зоны горизонтальной линией, проведенной в месте наибольшего расширения тулова. Верхняя часть сосуда орнаментирована косой сеткой. Нижняя часть сосуда, в свою очередь, разделена еще на две половины такой же прочерченной горизонтальной линией. В каждой из них расположен мотив из крупного однорядного зигзага. Нижний зигзаг дополнен отдельными вертикальными линиями. Орнаментальные мотивы нанесены на поверхность сосуда неровно, хотя, в целом, сохранен принцип горизонтального расположения образов.

В качестве исходного сырья для изготовления данного сосуда отбиралась природная ожелезненная глина, в которой в качестве естественных примесей присутствовали: 1) песок размером 0,2 мм, представленный очень малым количеством (до 5–7 включений на 1 кв. см); единично встречаются включения очень крупных песчинок («галки»), размером до 6 мм; 2) единично присутствуют очень мелкие чешуйки раковины, размером до 1–1,5 мм. Наличие очень малого количества очень мелкой раковины показывает, что сырье отбиралось вблизи водных источников. Количество песка как естественной примеси и отсутствие сопутствующих примесей, характеризующих глиноподобное сырье, позволяет уверенно характеризовать данное сырье как ожелезненную незапесоченную «жирную» глину. Искусственными примесями являются шамот и органика. Шамот, вводимый в формовочную массу, не калибровался, но преимущественная размерность его более 2 мм, т.е. крупный шамот. Его концентрация составляет 1:4. В качестве органической добавки, по-видимому, использовался навоз мелкого рогатого скота.

Изготовление начиналось осуществлялось в соответствии с донно-емкостной программой, модель – одноэлементная, т.е. начин сделан до наибольшего расширения тулова. В качестве «строительных элементов» применялись жгуты, которые наращивались по спиралевидной траектории. После изготовления начина его край был выровнен. Полое тело конструировалось по кольцевой траектории из лент. Обе поверхности сосуда заглажены кусочком ткани.

Сосуд был обожжен в восстановительной среде в костровом или очажном устройстве. Цвет излома в основном однотонно серый. Местами с внутренней стороны сосуда выделяется небольшой по толщине (до 1 мм) осветленный слой.

В насыпи на глубине -34 см от 0 в 0,46 м к северо-западу (312°24') от условного центра кургана был обнаружен череп женщины. Череп почти целый, но без

нижней челюсти. Мозговая коробка короткая, широкая и низкая, по указателю – брахикранный. Лицевой отдел широкий и высокий, умеренно профилированный на верхнем уровне. Нос среднеширокий, сильно выступает в профиль. Носовые косточки длинные. Череп, в целом, европеоидный. Данный череп отличается от других краниумов этого могильника. Теменная часть черепа имеет выраженный шероховатый рельеф и изрезанность, а также вздутие верхушечной части. Возможно, здесь присутствуют следы бывшего в прошлом воспалительного процесса костной ткани⁵.

Обнаруженные при снятии насыпи сосуд и череп женщины позволяют предположить, что в раннем железном веке в курган эпохи бронзы было введено погребение женщины-кочевницы. Погребение располагалось к западу – северо-западу от условного центра кургана, при этом могила была сделана неглубоко и не достигала материка. В дальнейшем погребение могло быть полностью уничтожено грызунами. Впрочем, сосуд мог быть и не связан с обнаруженным черепом и установлен специально в центральной части кургана.

Хронология комплексов

Курган 1 погребение 1.

Наибольший интерес с точки зрения датировки данного комплекса представляет собой набор из 30 бусин.

Бусы из одноцветного стекла представлены двумя типами.

К первому типу относится поперечно сжатая округлая бусина из глухого белого стекла с различной продольной структурой ядра (рис. 4, 28). Размер – 0,6×0,35 см. По сводке А.С. Скрипкина, такие бусы встречены в 64 сарматских погребениях Азиатской Сарматии (Скрипкин, 1990. С. 76, Рис. 25, 3, 4). В Северном Причерноморье эти бусы бытуют с рубежа VI–V вв. до н.э., большая часть их связана с комплексами I–II вв. н.э. Бусы VI–I вв. до н.э. имеют только поперечную структуру ядра. В первые века н.э. встречаются экземпляры и с продольной структурой (Алексеева, 1978. С. 63. Тип 2).

Ко второму типу относится коротко-цилиндрическая бусина из глухого красного стекла (рис. 4, 29). Бусина плохой сохранности, большая часть цвета основы утеряна. Структура ядра продольная. Размер – 0,55×0,25 см. По сводке А.С. Скрипкина, близкие по типу бусы встречены в пяти сарматских погребениях Азиатской Сарматии (Скрипкин, 1990. С. 77. Рис. 25, 54, 55). В Северном Причерноморье бусы этого типа характерны для I–IV вв. н.э., особенно для I–III вв. н.э. (Алексеева, 1978. С. 67. Тип 57).

Бусы из многоцветного стекла подразделяются на три типа.

⁵ Антропологические определения материалов, полученных при изучении кургана № 4, выполнены д.и.н., профессором ФГБОУ ВО СГСПУ А.А. Хохловым.

Бусина с глазчатым орнаментом имеет округлую форму, орнаментирована тремя кольчатыми глазками желтого цвета (рис. 4, 30). Цвет основы бусины неопределим из-за патины. Размер – 1,0×0,8 см.

Бусина с пятнистым орнаментом имеет округлую форму, изготовлена из полупрозрачного стекла купоросного цвета, с тремя пятнышками из глухого желтого стекла (рис. 4, 31). На пятнышках имеются вкрапления темно-оранжевого цвета. Размер – 0,9×0,7 см. Близкие по типу бусы встречаются в погребениях сарматской культуры (Скрипкин, 1990. С. 79) и памятниках Северного Причерноморья (Алексеева, 1975. С. 57), однако все они отличаются цветом основы. Прямые аналогии для рассматриваемой бусины встречаются в памятниках пьяноборской культуры, где эти бусины датируются I в. н.э. (Бугров, 2007. С. 451. Рис. 4 А-148 а, е).

Бусы со сложными орнаментами (26 экз.) включают в себя глобоидальные пронизи с двусторонним ресничковым орнаментом (рис. 4, 2–27). Желтый центр обведен красным стеклом, реснички белые и синие. Размер – 0,6×0,4–0,8×0,4. По сводке А.С. Скрипкина, такие бусы встречены в 4 сарматских погребениях Азиатской Сарматии (Скрипкин, 1990. С. 83. Рис. 28, 10, 11). Ресничковые орнаменты, зародившиеся еще на рубеже новой эры, становятся популярными в поздне-римское время. К наиболее ранним относятся рассматриваемые выше бусы. Северопричерноморские аналогии таких бус характерны для I в. н.э. (Алексеева, 1982. С. 37, 43. Тип 486).

Хронологическое распределение типов показывает, что набор состоит из бусин, бытующих в пределах I–III в. н.э. (табл. 1). Метод «узких» датировок (Щукин, 1978. С. 28–33) указывает на I в. н.э. как наиболее вероятную дату совместного бытования всех бусин.

Прочий погребальный инвентарь дает мало информации о хронологии комплекса. Крупное биконическое пряслице, обнаруженное в погребении, имеет достаточно широкую датировку, а типология и хронология лепных сосудов для обозначенного периода не разработана. Следует отметить, что сосуды баночной формы в целом не характерны для ранних кочевников Урало-Поволжья, поэтому обнаруженный в погребении сосуд 1, отличающийся еще и тонкостенностью, является достаточно уникальной находкой.

Набор бус позволяет отнести погребение № 1 как среднесарматской (с большей долей вероятности),

так и к позднесарматской культурам. Для обеих культур характерно наличие в погребениях в качестве погребального инвентаря таких вещей, как керамические сосуды, пряслица, бусы и использование угля в погребальном обряде. А вот ориентировка погребений в данных культурах различна.

Для среднесарматской культуры характерно положение погребенного головой на юг с небольшими отклонениями к востоку или западу (Мошкова, 1989а. С. 179). Для позднесарматской культуры характерна северная ориентировка погребенных (более 75%), и лишь 20% погребений имели южную ориентировку (Мошкова, 1989б. С. 192).

Таким образом, погребальный обряд, по которому было произведено погребение № 1, характерен скорее для среднесарматской культуры. Исходя из этого и датировок бус, обнаруженных в могиле, наиболее вероятная дата погребения – I в. н.э.

Сосуд из насыпи (рис. 2, 1).

Форма сосуда, его пропорции не характерны для эпохи позднего бронзового века Самарского Поволжья. В то же время совпадение рецепта формовочной массы данного сосуда с материалом пряслица из погребения № 1 позволяют предварительно синхронизировать сосуд из насыпи с погребением и датировать его I в. н.э.

Каменное изделие из погребения № 7 (рис. 2, 2).

В силу того, что данный предмет использовался как наковальня по черному металлу, его можно также отнести к эпохе раннего железа. В заполнение погребения бронзового века данный предмет мог быть затан землероями. Хотелось бы заметить, что близкая по пропорции каменная наковальня, крепившаяся в деревянной основе, была найдена на поселении сакского времени Абылай (Бейсенов, Горашук, Дуйсенбай, 2021. С. 193. Рис. 7, 1). Подробнее о наковальнях раннего железного века – в статье И.В. Горашука и А.Е. Ержанова в данном сборнике.

Курган № 2 погребение № 1.

В погребении было обнаружено 23 целых бусины и фрагменты еще от трех. Данные бусины представлены тремя типами.

1. Коротко-цилиндрические бусины из бирюзового египетского фаянса (17 единиц). Они относятся к типу 9, по Е.М. Алексеевой (рис. 6, 7–23). Этот тип бус появляется во второй половине VI в. до н.э. и существует до IV в. н.э. Наибольшее количество подобных бус встречается в погребениях I–II вв. н.э. Бусы были распространены в III–I вв. до н.э. и в III в. н.э. Комплексы VI–IV вв. до н.э., содержащие подобные бусы, единичны (Алексеева, 1975. С. 32).

2. Округлые бусины из бирюзового египетского фаянса (6 единиц). Они относятся к типу 3г, по Е.М. Алексеевой (рис. 6, 1–6). Этот тип бус появляет-

Таблица 1. Хронологическое распределение типов бус.

Типы/ Время	Одноцветное стекло		Многоцветное стекло		
	Тип 1	Тип 2	Тип 1	Тип 2	Тип 3
III в.н.э.					
II в.н.э.					
I в.н.э.					

ся в погребениях конца III – II в. до н.э. Большинство комплексов с этими бусинами относится к I–II вв. н.э. Отдельные экземпляры подобных бусин встречаются в комплексах III–IV вв. н.э. (Алексеева, 1975. С. 31).

3. В погребении найдена одна сдвоенная стеклянная бусина с металлической прокладкой – тип 1б, по Е.М. Алексеевой (рис. 6, 24). Этот тип бус появляется в I в. до н.э., основное же время существования приходится на I–IV вв. н.э. (Алексеева, 1978. С. 29–30. Рис. 10).

Таким образом, датировки бус имеют довольно широкие хронологические границы. Однако наибольшее распространение подобные бусы получают в первых веках н.э., то есть бусы из погребения № 1 вполне могут соотноситься со временем существования среднесарматской и позднесарматской культур.

Для обеих культур характерно наличие погребений в ямах с подбоями, посыпка дна могилы мелом, а также присутствие кусков мела в качестве погребального инвентаря. В то же время ориентировка погребения на юго-запад говорит в пользу среднесарматской культуры. Исходя из этого, наиболее вероятная дата погребения – I–II вв. н.э.

Курган № 4, сосуд из насыпи (рис. 6, 25).

Датировка данного сосуда достаточно затруднительна. Форма сосуда и его орнамент говорят в пользу отнесения данного горшка к раннему железному веку. Точных аналогий ему обнаружить не удалось. Орнамент

в виде зигзага и косой или прямой сетки у кочевников Южного Приуралья и Нижнего Поволжья был распространен на протяжении всего раннего железного века (Дворниченко, Кореняко, 1989. Табл. 61, 7, 8, 16; Смирнов, 1989. Табл. 72, 17, 32; Мошкова, 1989а. Табл. 74, 27; Мошкова, 1989б. Табл. 83, 14, 16; Краева, 2017. Рис. 72; 87; 100; 124; 148; 225; 227; 324).

Заключение

Курганный могильник Верхнесъезжее I был сооружен в позднем бронзовом веке племенами покровской культуры, в среднесарматское время могильник стал вновь использоваться для захоронений. В I–II вв. н.э. в курганы № 1 и 2 были впущены два детских погребения. В процессе раскопок удалось проследить интересный обряд совершения захоронения отдельного сосуда в центральной части насыпи кургана, при том, что захоронения детей совершались в северной поле кургана. По-видимому, данные сосуды также относятся к среднесарматскому времени. Заслуживает внимания каменная наковальня по черному металлу. Данный предмет может относиться как к позднему бронзовому, так и к раннему железному веку. Традиционно подобные находки в погребениях рассматриваются археологами как терочки, дальнейшее их изучение методами трасологии может внести коррективы в представления о материальной культуре племен позднего бронзового и раннего железного веков.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1975. 96 с.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1978. 120 с.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1982. 104 с.
- Бейсенов А.З., Горащук И.В., Дуйсенбай Д.Б. Трасологическое исследование каменных орудий поселения сакского времени Абылай, Центральный Казахстан // Поволжская археология. Казань, 2021. № 3. С. 182–199.
- Бугров Д.Г. Бусы Тойгузинского II городища // ПИФК. Вып. XVII. М.–Магнитогорск, 2007. С. 442–453.
- Волкова Е.В., Денисов А.В., Денисова О.Б., Козин С.В., Павлов А.А. Археологические работы на курганном могильнике Верхнесъезжее I // Археологические открытия в Самарской области 2017 года. Самара, 2018. С. 24.
- Денисов А.В., Кузьмина О.В. Раскопки курганного могильника Верхнесъезжее I (кургана № 4, предварительная публикация) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 8. Самара, 2020. С. 114–127.
- Денисов А.В., Макогон А.А. Археологические раскопки курганного могильника Верхнесъезжее I (итоги работ 2018 г.) // Археологические открытия в Самарской области 2018 года. Самара, 2019. С. 36.
- Дворниченко В.В., Кореняко В.А. Предшественники савроматов в Волго-Донском междуречье, Заволжье и южном Приуралье // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука, 1989. С. 148–152.
- Краева Л.А. Гончарство сарматских племен Западного Казахстана. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. 352 с.
- Мошкова М.Г. Среднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука, 1989а. С. 177–191.
- Мошкова М.Г. Позднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука, 1989б. С. 191–202.
- Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Саратовский государственный университет, 1990. 303 с.
- Смирнов К.Ф. Савроматская и раннесарматская культуры // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука, 1989. С. 165–176.
- Шукин М.Б. Об «узких» и «широких» датировках // Проблемы археологии. Вып. II. Л., 1978. С. 28–33.

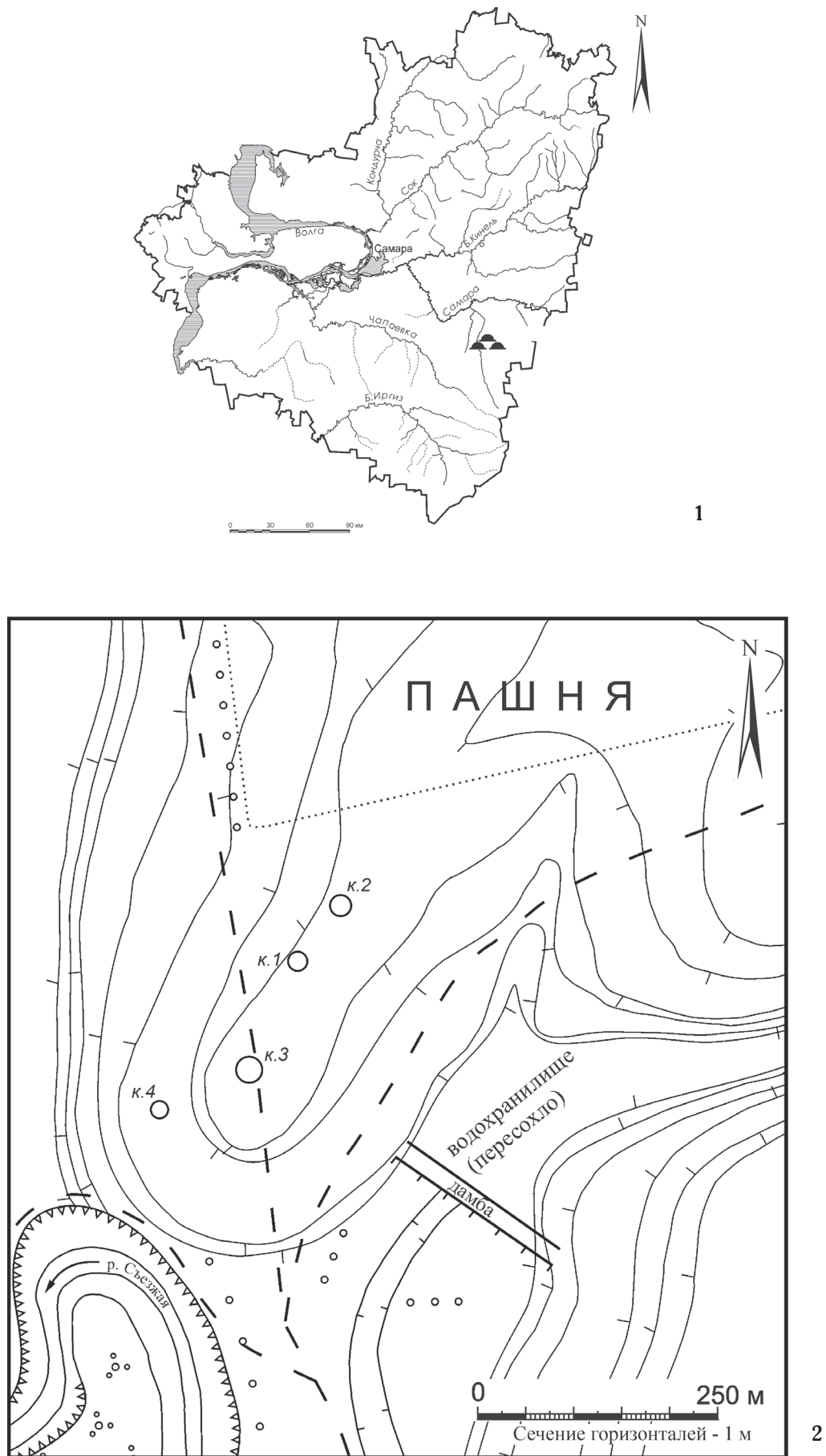

Рис. 1. Курганый могильник Верхнесъезжее I.
1 – местоположение могильника; 2 – план памятника.

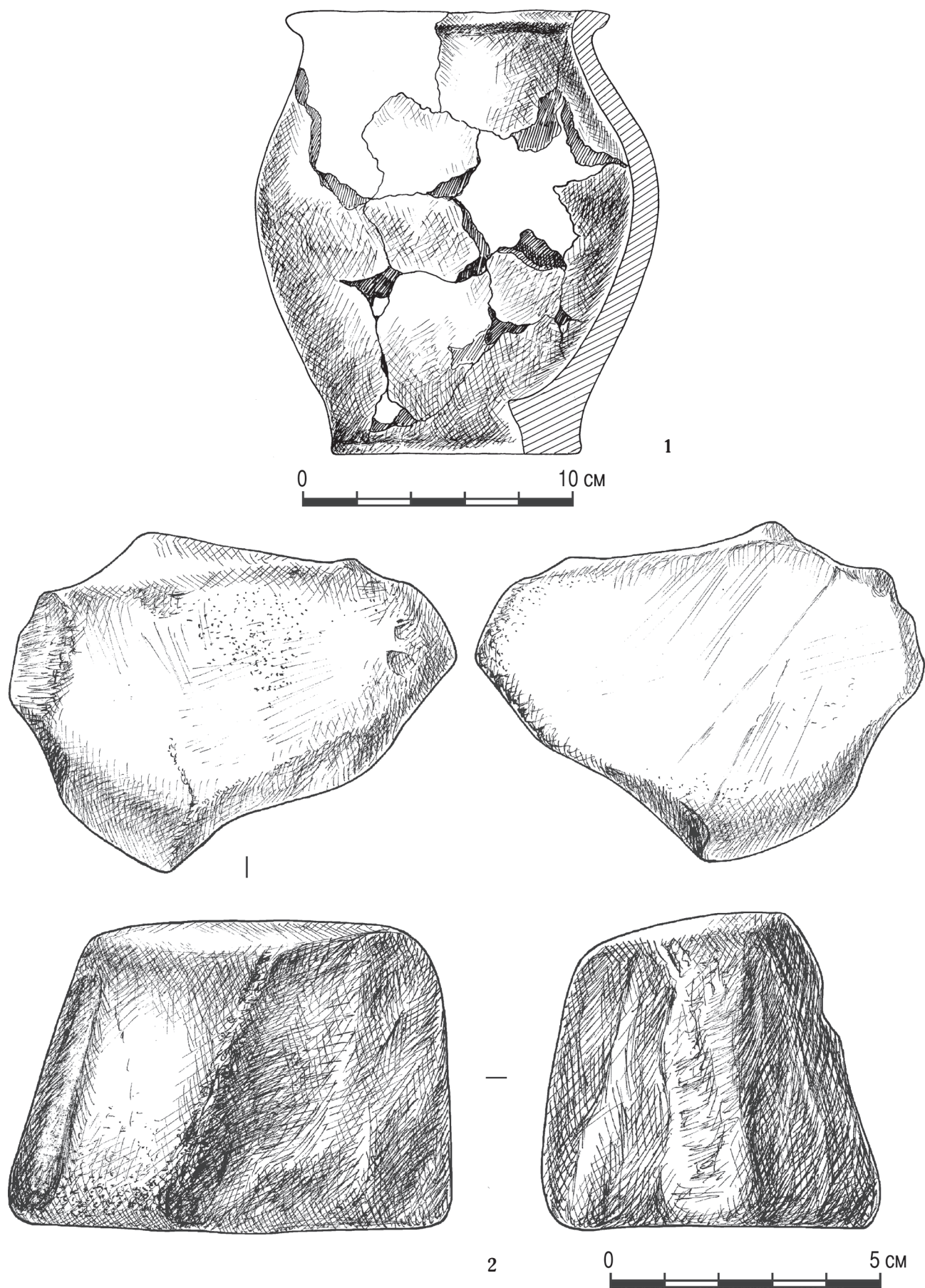

Рис. 2. Курганный могильник Верхнесъезжее I. Курган № 1.
1 – сосуд из насыпи; 2 – погребение № 7, каменное изделие (наковальня).

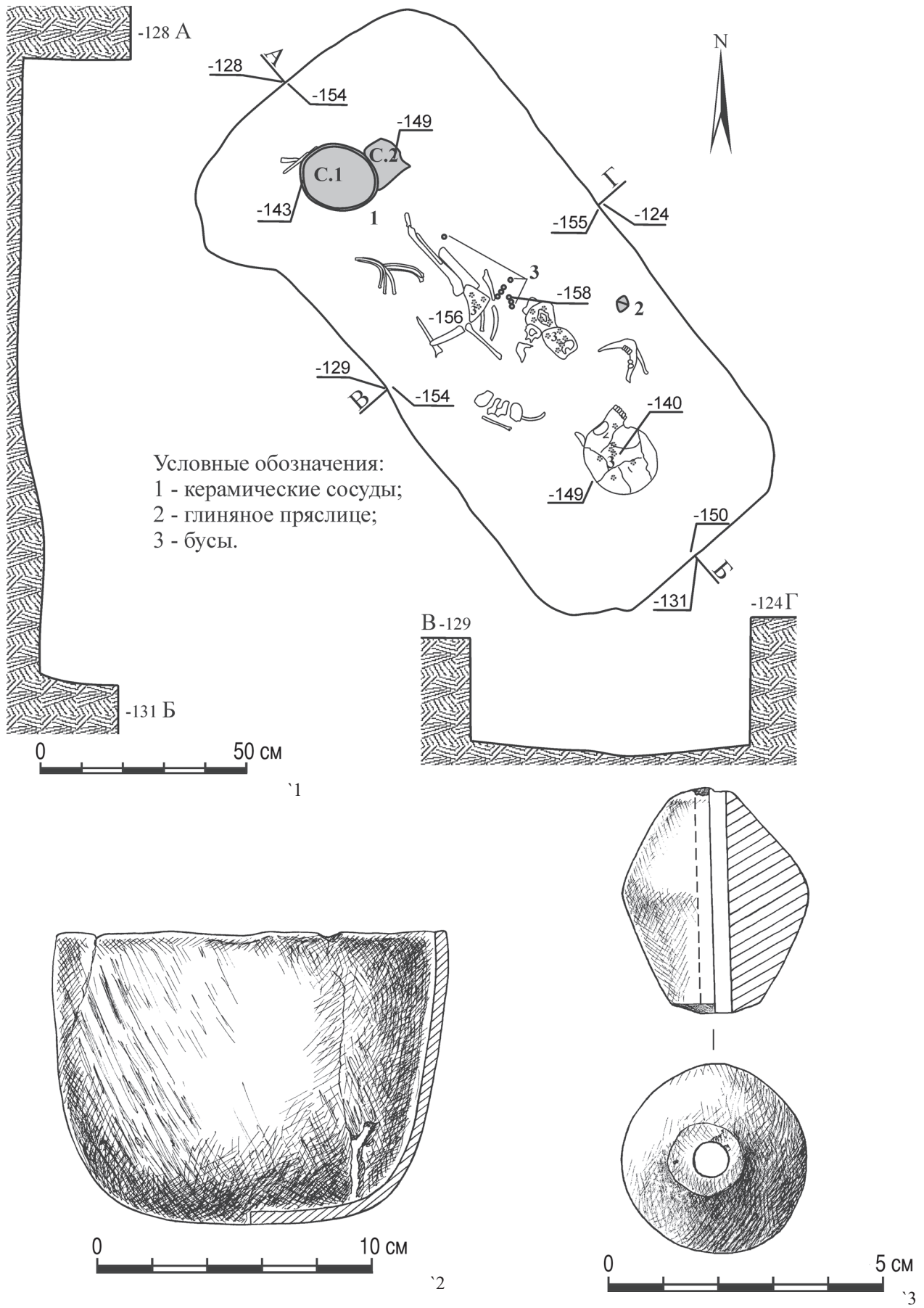

Рис. 3. Курганный могильник Верхнесъезжее I. Курган № 1. Погребение № 1.
1 – план и разрезы погребения; 2 – керамический сосуд (1); 3 – керамическое пряслице.

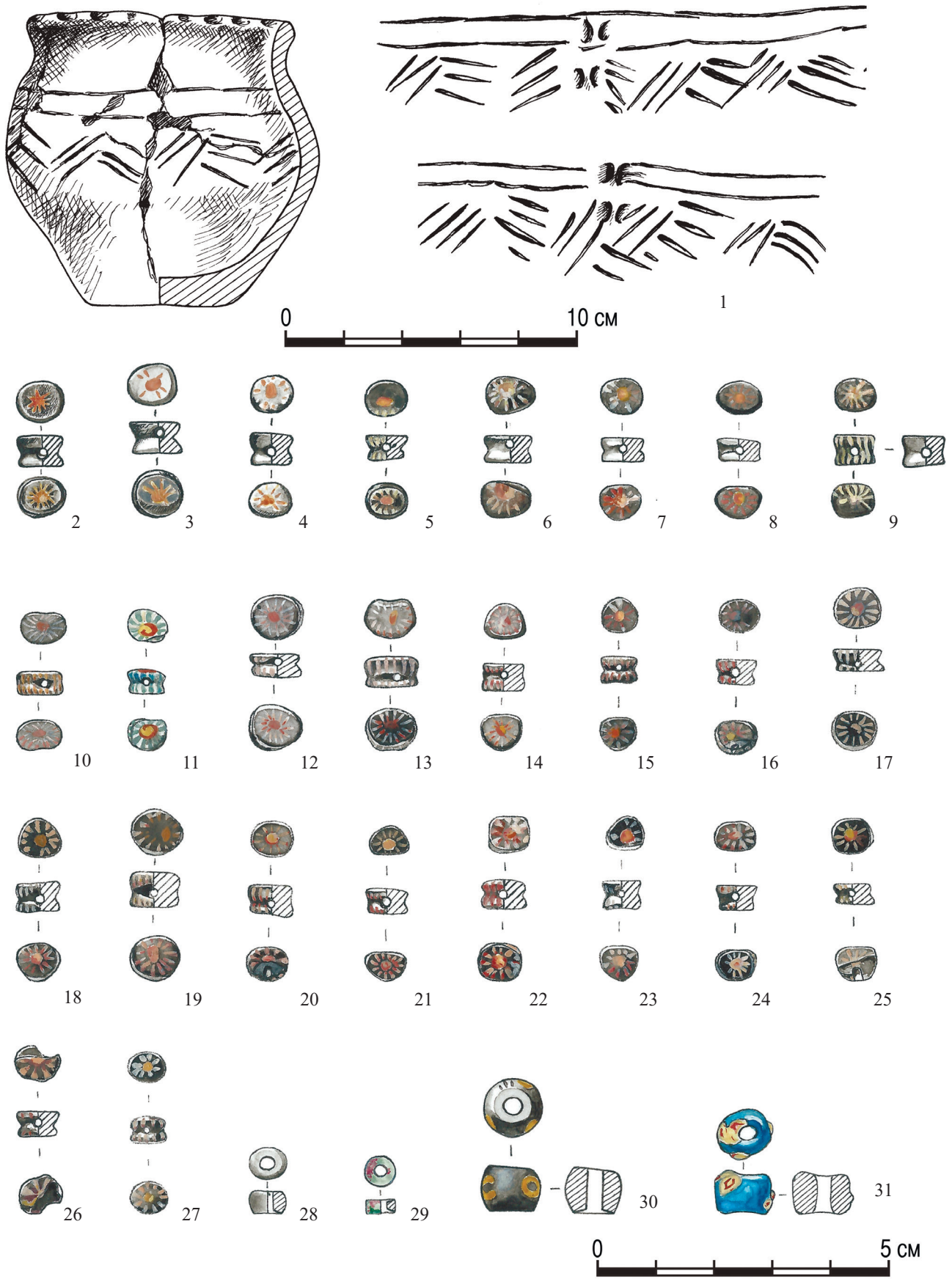

Рис. 4. Курганный могильник Верхнесъезжее I. Курган № 1. Погребение № 1. Инвентарь.
1 – керамический сосуд (2); 2–31 – стеклянные бусы.

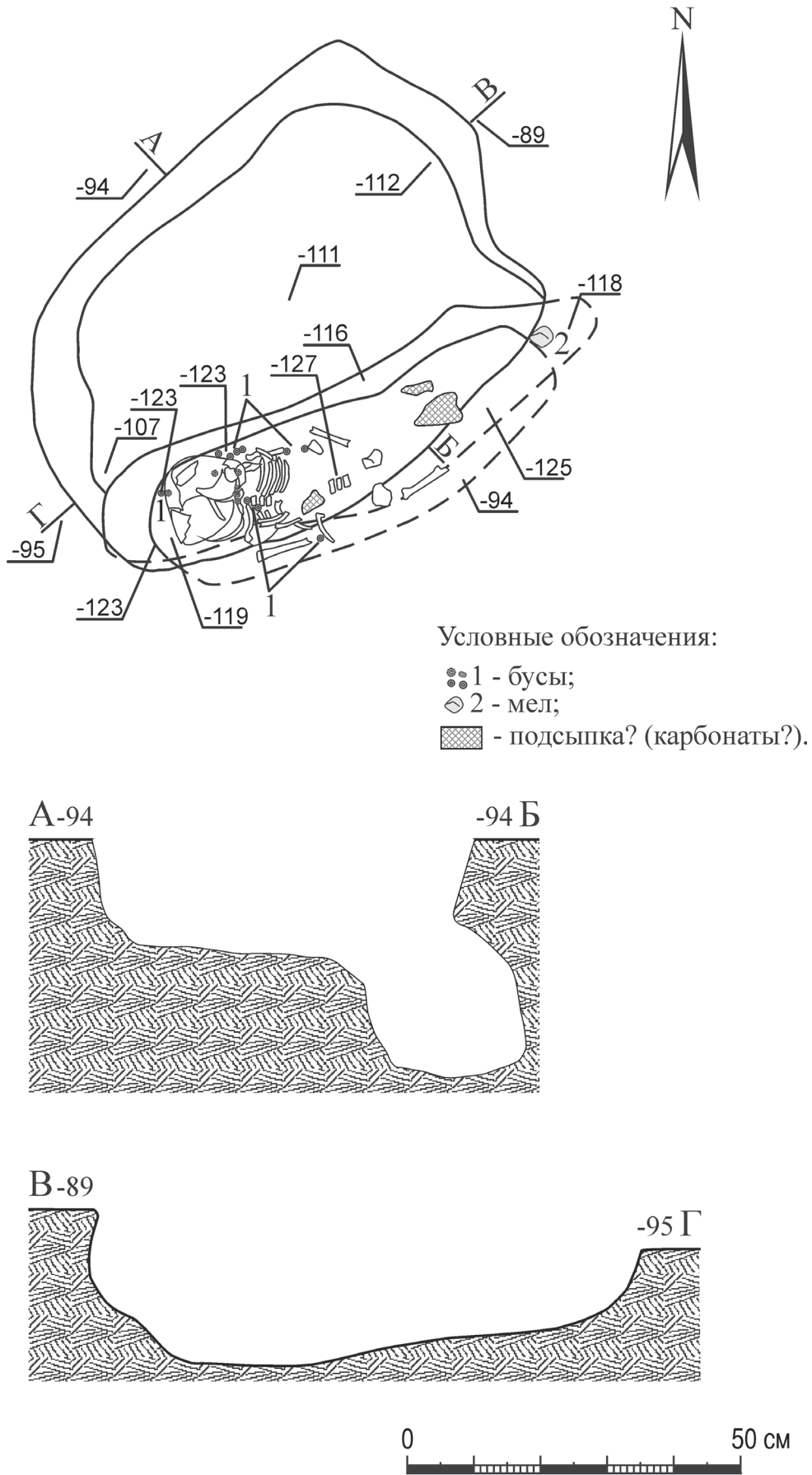

Рис. 5. Курганный могильник Верхнесъезжее I. Курган № 2. Погребение № 1.

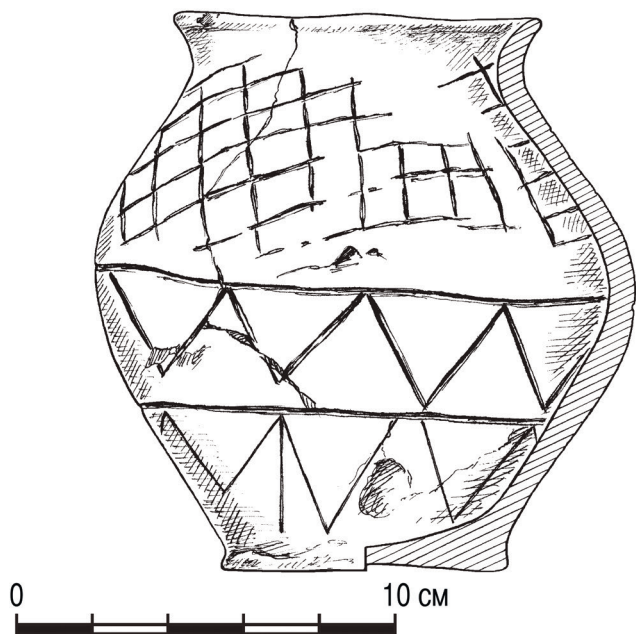
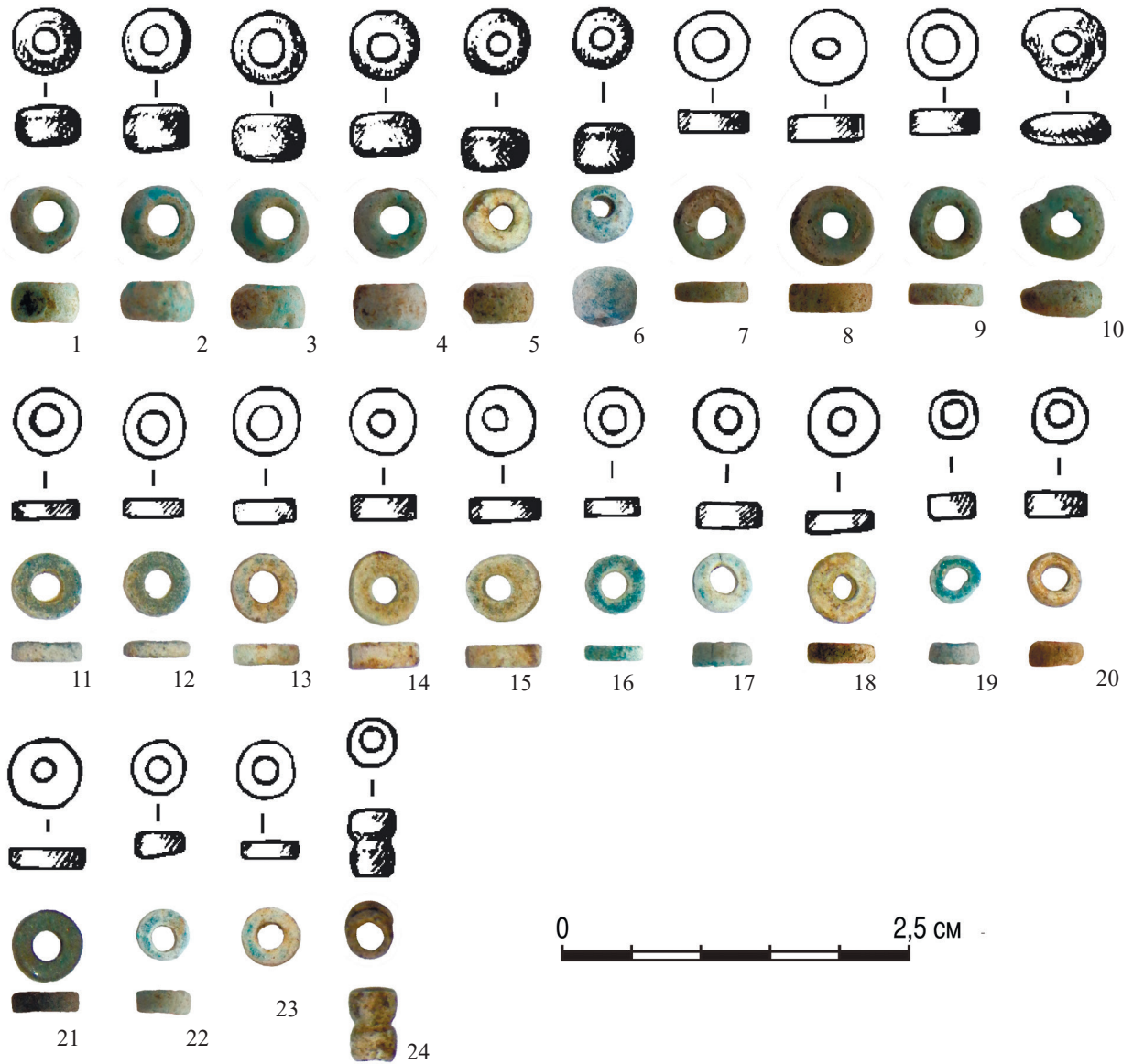

Рис. 6. Курганный могильник Верхнесъезжее I.

1–24 – курган № 2, погребение № 1, инвентарь, бусы; 25 – курган № 4, сосуд из насыпи.

МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА САЗДЫ XI

© 2023 А.М. Мамедов*, Н.М. Баиров, Е.Ш. Амиров

** Статья подготовлена в рамках ПЦФ BR 11765630 «Культурогенез в казахских степях: новые парадигмы проблем изучения преемственности материального и духовного наследия по данным археологических источников».*

Аннотация. Статья посвящена публикации материалов, полученных при исследовании разрушенного кургана 2 могильника Сазды XI, расположенного на юго-западной окраине г. Актобе. В кургане были исследованы 4 погребения. Центральное ограбленное захоронение совершено в могиле со входом-дромосом, впускные – в катакомбной и подбойной могилах, яме с заплечиками. Для впускных погребений характерны расположение вокруг центральной части кургана, южная ориентировка погребенных, использование подстилки и т.д. Погребальный инвентарь в этих захоронениях представлен железными и бронзовыми наконечниками стрел, колчаном, мечами и кинжалом, портупейными пряжками, зеркалом, оселками, глиняными сосудами, ножом. Центральное погребение предварительно может быть датировано временем в пределах конца VI – IV в. до н.э., впускные захоронения – III–II вв. до н.э.

Ключевые слова: Западный Казахстан, ранний железный век, кочевники, раннесарматская культура, курган, погребения, катакомбы, мечи, наконечники стрел, зеркало, портупейные пряжки, глиняные сосуды.

MATERIALS OF RESEARCH OF THE BURIAL GROUND OF THE SAZDY XI

© 2023 A.M. Mamedov, N.M. Bairov, E.Sh. Amirov

Abstract. The article is devoted to the publication of materials obtained during the study of the destroyed mound 2 of the Sazdy XI burial ground, located on the southwestern outskirts of Aktobe. Four burials were examined in the mound. The central robbed burial was made in a grave with a dromos entrance, the entrance ones – in a catacomb and undercut grave, a pit with shoulders. Inlet burials are characterized by their location around the central part of the mound, the southern orientation of the buried, the use of bedding, etc. The grave goods in these burials are represented by iron and bronze arrowheads, a quiver, swords and daggers, belt buckles, a mirror, whetstones, clay vessels, and a knife. The central burial can tentatively be dated to a time within the late 6th – 4th centuries BC, inlet burials – III–II centuries BC.

Keywords: Western Kazakhstan, Early Iron Age, nomads, early Sarmatian culture, mound, burials, catacombs, swords, arrowheads, mirror, sword belt buckles, clay vessels.

Активное развитие г. Актобе как областного центра (Западный Казахстан), а также социально-экономическое освоение территории округа города, к сожалению, приводит к довольно частым разрушениям археологических памятников. В настоящее время на территории подчиненной округу г. Актобе известно около 150 могильников и одиночных курганов.

Одним из объектов, который подвергся разрушению, является могильник Сазды XI, расположенный на юго-западной окраине г. Актобе, в 1,3 км к юго-западу от Специализированного центра обслуживания населения (автоЦОНа). Могильник состоит из двух земляных курганов, сооруженных на вершине водораздела левобережья р. Сазды – притока р. Илек (рис. 1). Курган 1 имеет диаметр 25 м, высоту – 2 м. Насыпь кургана по основанию окружена рвом. На его вершине установлен триангуляционный знак. Курган 2 сооружен в 490 м к северо-северо-востоку от кургана 1. Его диаметр 15 м,

высота – 0,7–1,0 м. По территории памятника проходят грунтовые дороги и линия электропередачи.

В августе 2022 г. в результате проведенных археологическим отрядом ТОО «Археологические исследования» аварийно-спасательных раскопок кургана 2 были исследованы четыре погребения эпохи раннего железного века.

Курган 2 на момент обнаружения представлял собой земляную насыпь в плане округлой формы, в разрезе полусферической формы. По периметру курган был окружен отдельными западинами. По восточному основанию кургана пролегла грунтовая дорога, деформирующая насыпь. В 2018 г. в ходе проведения полевых работ по проверке состояния памятников округа г. Актобе было выяснено, что насыпь кургана была разрушена практически полностью в результате прокладки газопровода. Частично сохранилось восточная пола кургана.

Перед началом раскопок были обозначены границы исследования, охватывающие курганный площадку¹. Раскоп имел прямоугольную форму, ориентированную с северо-востока на юго-запад (рис. 2, 1). По центру кургана, параллельно оси трубопровода, была оставлена центральная бровка по линии СВ-ЮЗ. Раскопки велись вручную, с послойным снятием грунта метрическими горизонтами по 0,15–0,2 м.

После снятия насыпи с ее северной, северо-восточной, южной и юго-западной стороны были выявлены отдельные западины, образовавшиеся при возведении кургана. Ближе к восточному краю кургана находились каменные блоки, установленные в ряд. Вероятнее всего, они представляли собой заклад в погребальную камеру подбойного погребения 3. Отдельные каменные блоки находились в западной части подкурганной площадки на участке расположения погребения 4. Под курганом исследованы четыре погребения.

Погребение 1 (рис. 2, 1) – основное, находилось в центральной части кургана. Пятно могильной ямы темно-коричневого цвета, на уровне погребенной почвы имело неправильную округлую форму. С северной стороны фиксировались каменные плиты и очертания дромоса.

Могильная яма, вероятно, имела подквадратную форму, ориентированную углами по сторонам света (рис. 2, 2). Ее примерные размеры: длина 2,44 м, ширина 2,12 м и глубина 0,28 м². Стенки могилы прямые, местами имеют уклон. Юго-восточная половина могильной ямы нарушена впускным погребением 2. К северному углу могильной ямы примыкал дромос длиной 3 м и глубиной 0,27 м. Переход от дромоса к могиле плавный, без ступеньки. Дромос поделен на две половины закладом из каменных плит, уложенных горизонтально в средней части. Ширина дромоса разная: в северной половине она составляла 0,54 м, средней части (на месте расположения плит) – 0,4 м, около устья – он расширяется до 0,7 м. Каменные плиты как бы закрывают вход в погребальную камеру. Их размеры – до 0,14×0,16 м.

Погребение практически полностью разрушено и ограблено. В насыпи могилы встречались разрозненные кости. В основном это были кости верхних и нижних частей скелета взрослого человека. В юго-восточной половине могилы сохранились часть костей погребенного, лежавшие *in situ*. Судя по ним, усопший был уложен вытянуто на спине, головой на северо-восток. Под костями скелета фиксировался коричневый тлен от подстилки. Череп погребенного обнаружен в насыпи погребения 2. В одном из фрагментов черепа (лобная

часть) находилась застрявшая бронзовая стрела (рис. 3, 1; 4, 1). Другие находки в могиле не обнаружены.

Погребение 2 (рис. 2, 1) – впускное, находилось в южной части кургана. При его совершении, как указывалось выше, была срезана юго-восточная стенка центральной могилы. Пятно могильной ямы имело прямоугольную форму, ориентированную с северо-востока на юго-запад. На уровне древней поверхности оно выделялось в виде суглинка темно-коричневого цвета.

Погребение совершено в катакомбной могиле (рис. 2, 3). Входная яма прямоугольной формы с размерами 5,36×1,47 м. Глубина могилы – 0,32 м от уровня поверхности материка. Длинной осью она ориентирована с северо-востока на юго-запад. На дне входной ямы имелись три ступеньки шириной от 0,85 до 0,95 м и высотой от 0,17 до 0,26 м. Погребальная камера в плане прямоугольной формы длиной 2,89 м, шириной 1,13 м. Длинная ось ее продолжала длинную ось входной ямы.

Не исключено, что предпринималась попытка ограбить могилу, так как насыпь ее юго-западной половины и дромосного погребения 1 по структуре были схожи. Кроме того, некоторые кости верхней части скелета и череп погребенного отсутствовали. На дне могилы, на глубине 1,16 м, расчищен плохо сохранившийся скелет взрослого человека. Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на юго-юго-запад. Руки, согнутые в локтях, были разведены в стороны. Правая нога согнута в колене, левая – вытянута прямо. Под костями скелета прослеживался темный тлен от подстилки. Справа от погребенного у продольной юго-восточной стенки и у южного угла находились трубчатые кости и лопатка мелкого рогатого скота.

В погребении обнаружены следующие предметы.

Около стенки погребальной камеры у правой стороны погребенного, напротив таза и бедра располагались кости мелкого рогатого скота. Рядом с ними лежал железный нож (рис. 3, 27; 4, 27) с прямым, подтреугольным в поперечном сечении лезвием и едва намеченной рукоятью. Длина изделия – 7,3 см.

У стенки могилы рядом с костями животного, к юго-западу от них стоял лепной плоскодонный сосуд (рис. 3, 23; 4, 23) с шаровидным туловом и воронкообразным горлом. У сосуда по плечу проходят валик и желобок, края которого местами образует ребра. Ниже наблюдаются косые насечки и вдавления, вероятно, нанесенные палочкой. Поверхность коричневатого цвета, заглажена, местами имеет следы нагара. Тесто в изломе темно-серое. Высота сосуда – 22,1 см, диаметр горловины – 11,3 см, тулова – 22,2 см, дна – 10,3 см.

Железные меч (рис. 3, 18; 4, 18) и короткий кинжал (рис. 3, 19; 4, 19) плохой сохранности располагались справа от погребенного, между костями правой руки и туловища. Окончания клинков меча и кинжала

¹ При установлении границы раскопа учитывалось направление газопровода.

² Здесь и далее глубины могил даются от уровня погребенной почвы.

находились под бедренной костью погребенного. После снятия костей бедра дальнейшая расчистка оружия показала, что меч и кинжал лежали не параллельно, а под небольшим углом друг к другу. При этом кончик клинка кинжала находился под мечом.

Меч имел рожковидное навершие, прямое брусковидное перекрестие и линзовидный в поперечном сечении клинок (рис. 3, 18; 4, 18). Общая длина меча – 113 см. В некоторых местах на мече сохранились отпечатки ткани. Рядом с его клинком было расчищено железное изделие, возможно, пряжка.

Кинжал очень сильно фрагментирован (рис. 3, 19; 4, 19). Он имел кольцевое навершие. Форму перекрестия из-за плохой сохранности установить не удалось. Примерная длина кинжала – 44,7 см;

Около клинка меча лежала железная пряжка прямоугольной формы (рис. 3, 20; 4, 20). Изделие фрагментировано и слабо изогнуто, с одной стороны имеет прямоугольное отверстие. На внутренней стороне пряжки на трех сохранившихся углах имеются штифты. Длина пряжки – 11,5 см, ширина – 4,5 см, толщина – 0,4–0,5 см.

Под костями правой руки, рядом с навершием меча находилось бронзовое зеркало с плоским диском и короткой деревянной ручкой (рис. 3, 24; 4, 24). По краю диска проходит неширокий валик. Ручка состояла из двух плашек, которые крепились к диску при помощи двух железных проволочек. Диаметр диска – 13,5 см, примерная длина ручки – 19 см, ширина – 3–4 см. Рядом с зеркалом находилась еще одна плашка, возможно, от деревянной коробочки (рис. 3, 25; 4, 25).

Около деревянной ручки зеркала обнаружен каменный сигаровидной оселок (рис. 3, 26; 4, 26) с отверстием для подвешивания в центральной части, округлый в поперечном сечении. Его длина 9,2 см, диаметр в средней части 1,5 см.

Прямоугольный камень (рис. 3, 28; 4, 28) длиной 5 см лежал у костей ребер левой стороны туловища погребенного.

Железное изделие округлой формы диаметром около 3 см, изготовленное из округлого в сечении прутка (рис. 3, 22; 4, 22), возможно, пряжка, лежало на костях правой стороны таза погребенного.

Ниже, между костями таза и левой руки лежала железная пластина прямоугольной формы, вероятно, пряжка (рис. 3, 21; 4, 21). Длина пластины 12,8 см, ширина 5,4 см, толщина – около 0,5 см. На поверхности пряжки местами сохранились отпечатки ткани, в одном из углов с внутренней стороны сохранился штифт.

Рядом с пластиной, около левой бедренной кости находился колчанный набор, включающий два бронзовых и около 20 железных наконечников стрел с деревянными древками, железный колчанный крючок и три

фрагмента железного изделия. Бронзовые наконечники – трехлопастные с внутренней втулкой, с треугольной головкой и опущенными вниз шипами (рис. 3, 2–3; 4, 2–3). Железные наконечники плохой сохранности, трехлопастные, с треугольной головкой и черешковым насадом (рис. 3, 4–12; 4, 4–12). Колчанный крючок (рис. 3, 13; 4, 13) изготовлен из прямоугольного в сечении железного прута шириной 0,6–0,7 см.

Погребение 3 (рис. 5) – впускное, находилось в восточной части кургана. При зачистке материка были зафиксированы каменные плиты, которые представляли собой заклад устья погребальной камеры. Юго-западнее камней было отмечено светло-коричневое пятно, образовавшееся в результате обвала свода подбоя.

Точные размеры и форму входной ямы установить из-за впускного характера погребения не представляется возможным. Оси входной ямы и погребальной камеры параллельны. Погребальная камера подпрямоугольной в плане формы, ориентирована длинной осью с ЗСЗ на ВЮВ. Ее размеры: длина – 1,13 м, ширина – 0,4 м, глубина – 0,36 м от уровня поверхности материка.

По центру камеры вытянуто на спине, головой на ВЮВ лежал скелет ребенка, умершего в возрасте около 2 лет (рис. 5, 1). Череп погребенного покоился на левой стороне, лицевой частью на юго-запад. Под скелетом и вокруг него грунт имел коричневатый цвет, возможно, в результате того, что на дно могилы была положена органическая подстилка.

От сопутствующей жертвенной пищи сохранились трубчатые кости, ребра и лопатка мелкого рогатого скота, находящиеся в изголовье погребенного. Погребальный инвентарь представлен лепным сосудом, поставленным в ногах (рис. 5, 2). Сосуд плоскодонный с яйцевидным туловом, коротким и отогнутым наружу венчиком. Дно неширокое и неустойчивое. Поверхность сосуда заглажена, имеет серый и темно-серый цвета. Под венчиком и в верхней части тулова находятся шесть попарных сквозных отверстий (результат ремонта). Тесто в изломе черное. Высота сосуда – 15,5 см, диаметр горловины – 12,8 см, тулова – 15,4 см, дна – 6,5 см.

Погребение 4 (рис. 6) – впускное, зафиксировано в западной части кургана. Пятно могильной ямы темно-коричневого цвета, имело неправильные овальные очертания. Здесь же находились отдельные камни.

Верхняя часть могильной ямы имела овальную форму, ориентированную по оси ССВ-ЮЮЗ (рис. 6, 1). В заполнении могилы до глубины 0,5 м встречались крупные камни, которые, в основном, концентрировались в юго-западной ее половине. В ходе снятия грунта на глубине 0,6–0,65 м над восточной стенкой погребальной камеры зафиксирована полоса органического тлена, протянувшаяся от южной до северной стенки

камеры. Она занимала восточную половину могилы, ширина ее доходила до 0,5 м, толщина – 1–2 см.

Внутри входной ямы на глубине 1,1 м от уровня материка устроены заплечики, на которых прослеживались концы тонких плах перекрытия. Заплечики вдоль продольных восточной и западной стен имели ширину 33–82 см, у торцевых стенок – 26 см.

Погребальная камера имела прямоугольную форму с общими размерами 2,53×1,27 м (рис. 6, 2). На глубине 3,37 м от уровня материка на дне камеры, по ее диагонали лежал скелет взрослого человека, погребенного вытянуто на спине, головой на юго-юго-запад. Ноги умершего были отклонены влево от оси туловища. Над скелетом и на дне могилы прослеживался темный тлен, вероятно, остатки савана. В качестве заупокойной пищи у ног покойного, ближе к северо-западному углу, были положены ребра лошади.

В погребении около погребенного обнаружены следующие вещи.

Над фалангами пальцев левой ноги обнаружен каменный оселок (рис. 7, 5; 8, 5). Он плоский, трапециевидной в плане формы. На одном конце имеет отверстие для подвешивания, другой обломан. Сохранившаяся длина изделия – 8,4 см, наибольшая ширина – 1,7 см;

На тазовых костях лежала бронзовая ажурная пряжка прямоугольной формы (рис. 7, 3; 8, 3). Внутри рамки изображен дракон. На внутренней стороне имеются штифты для крепления, размещенные по четырем углам изделия (один из них не сохранился). На этой же стороне наблюдались следы железа, видимо, от язычка, располагавшегося на рамке пряжки, той половины, где изображена изогнутая шея дракона. Длина пряжки – 9,0 см, ширина – 4,5 см;

Вплотную к левой руке погребенного располагался колчаный набор с железными наконечниками стрел. Колчан очень плохой сохранности. От него сохранились только золотые пластинки и истлевшая органика темно-коричневого цвета (рис. 7, 1; 8, 1). В основной массе пластинки, которыми был обшит край колчана, витые. Не исключено, что они украшали только лицевую поверхность. Некоторые витые пластинки были расчищены и в других частях лицевой стороны колчана. С правой стороны колчан украшала еще одна орнаментированная полоска фольги шириной не менее 4 см. На пластине рифлением показаны поперечные орнаменты. Сам материал изготовления колчана в силу плохой сохранности определить невозможно. С правой стороны колчан, возможно, имел изогнутую форму, о чем может свидетельствовать расположение узких полосок фольги. С левой стороны на месте нахождения широкой пластинки он был прямой.

Внутри колчана лежали железные втульчатые и черешковые наконечники стрел (рис. 7, 2; 8, 2) с дере-

вянными древками. Втульчатые наконечники трехгранные, со сводчатой, приближающейся к треугольной, головкой. Черешковые наконечники трехлопастные, с треугольной головкой. Большинство наконечников плохой сохранности, что не позволяет определить их точное количество.

Развал гончарного сосуда обнаружен между колчаном и продольной северо-западной стенкой погребальной камеры (рис. 7, 4; 8, 4). Кувшин плоскодонный, с вытянутым яйцевидным туловом, высоким горлом и отогнутым наружу венчиком. По плечу сосуда проходят три слабозаметных параллельных желобка. Здесь же имеются следы отбитой ручки. Поверхность сосуда ангобирована, красноватого цвета. Высота сосуда – 40,2 см, диаметр горловины – 11,8 см, тулова – 24,5 см, дна – 14 см.

Результаты и обсуждение

Таким образом, под насыпью кургана 2 могильника Сазды XI выявлены четыре погребения эпохи раннего железа. Полученные материалы интересны в плане анализа генезиса раннесарматской (прохоровской) культуры кочевников Южного Приуралья конца VI – II-I вв. до н.э., особенно на последних этапах ее развития.

Анализ погребального обряда и предметов материальной культуры показывает, что время возведения кургана относится к концу VI – IV в. до н.э. Самым ранним погребением исследованного кургана является погребение 1, совершенное в дромосной могиле (рис. 2, 2). К сожалению, разрушение не позволяет более точно определить его дату. Захоронение совершено в дромосной могиле довольно больших размеров. В степях Южного Приуралья аналогичные погребальные конструкции появляются уже в конце VI в. до н.э. и встречаются, в основном, вплоть до IV в. до н.э. При этом, как отмечают исследователи, в большинстве случаев такие погребальные конструкции присущи, прежде всего, кочевой элите «сарматов» (Мошкова, 1974, С. 44; Смирнов, 1978; Гуцалов, 2004. С. 94; Мышкин, 2013. С. 224).

Остальные погребения впускные и могут быть датированы III-II вв. до н.э. Анализ погребальной обрядности показывает, что при совершении захоронений кочевники придерживались канонов, которые были присущи населению начальных периодов формирования раннесарматской культуры. Прежде всего для них свойственна круговая планировка могил под одной насыпью. Данная черта погребальной обрядности фиксируется уже в конце VI – V в. до н.э., то есть на ранних этапах формирования раннесарматской культуры. При этом круговая планировка встречается в большинстве случаев в курганах, где погребены кочевники, имевшие высокий социальный статус. Скорее всего, уже в это время курган задумывался как единый семейный комплекс-усыпальница. Стратиграфические наблюде-

ния дают основания считать, что возведение кургана, сооружение его элементов в виде глиняно-гравийных валов, каменных оград, деревянных конструкций происходило не сразу, а поэтапно, возможно, после совершения захоронений. В некоторых случаях можно заметить, что возведение насыпи кургана происходило только после того, как погребальная площадка заполнялась.

Из трех впускных погребений два совершены в подбойно-катакомбных могилах. Одно погребение отличается наличием в могильной яме заплечиков. Объединяющим фактором всех трех погребений является вытянутое на спине положение погребенных и наличие подстилки на дне могилы. Таким образом, в кургане 2 мы наблюдаем те черты погребального обряда, которые были характерны в целом для периода с конца VI по IV в. до н.э.

Погребение 2 совершено в катакомбной могиле, погребальная камера которой продолжала длинную ось входной ямы (рис. 2, 3). По классификации В.С. Ольховского, такая разновидность камерных могил относится к 1 варианту I типа (Ольховский, 1991. С. 27. Табл. II). В целом, в степях Южного Приуралья катакомбные погребения начали появляться в V в. до н.э. и продолжают встречаться вплоть до II–I вв. до н.э. (Смирнов, 1964. С. 83; Мошкова, Малашев, 1999. С. 178).

Погребальный инвентарь погребения 2 достаточно выразителен для определения хронологической позиции этого комплекса. Не противоречат датировке погребения указанным временем железные трехлопастные наконечники стрел с треугольной головкой и черешковым насадом (рис. 3, 4–12; 4, 4–12), которые бытовали в III–II вв. до н.э. (Хазанов, 1971. С. 37; Мошкова, 1974. С. 11). К сожалению, такой важный для датировки элемент, как угол среза основания лопастей относительно к черешку, неопределим из-за плохой сохранности наконечников.

По нашему мнению, следует обратить внимание на тот факт, что железные наконечники в погребении 2 сочетаются с бронзовыми. В колчане были обнаружены два бронзовых втульчатых наконечника с треугольной головкой (рис. 3, 2–3; 4, 2–3). По классификации К.Ф. Смирнова, они относятся к XII типу. Наконечники этого типа просуществовали до II в. до н.э. (Смирнов, 1961. С. 50. Табл. III). По мнению исследователей, совместное нахождение бронзовых и железных наконечников обычно характерно для III–II вв. до н.э. (Мошкова, 1962. С. 81, 82; Скрипкин, 2006. С. 9). При этом позже II в. до н.э. бронзовые наконечники стрел не встречаются (Смирнов, 1961. С. 70; Мошкова, 1963. С. 31).

В плане уточнения датировки комплекса погребения 2 интересно нахождение справа от погребенного железного меча с рожковидным навершием и кинжа-

ла с кольцевым навершием (рис. 3, 18–19; 4, 18–19). Меч всаднический, имеет длину 113 см. Его навершие изогнутое, перекрестие прямое. Мечи с рожковидным навершием и прямым перекрестием – редкая находка для раннесарматских комплексов, которые, как и клинковое оружие с серповидным навершием и прямым перекрестием, появившись еще в IV в. до н.э., использовались, в основном, в III–II вв. до н.э. (Смирнов, 1961. С. 27; Васильев, 2001а. С. 45; 2001б. С. 172).

Кинжалы с кольцевым навершием характерны для поздних этапов развития раннесарматской культуры. К сожалению, кинжал очень плохой сохранности. Его навершие кольцевое, перекрестие практически не сохранилось, скорее всего, оно было прямым. В литературе уже не раз отмечали, что мечи с кольцевым навершием появляются уже в IV–III вв. до н.э. (Хазанов, 1971. С. 9; Васильев, 2001б. С. 172–173; Гуцалов, 2004. С. 29–30). А.С. Скрипкин считает сочетание в одной могиле разнотипных мечей и кинжалов (с серповидным и кольцевым навершием) характерной чертой погребений II–I вв. до н.э. Одним из основных аргументов, дающих основание датировать погребения с разнотипным клинковым вооружением этим временем, является отсутствие бронзовых втульчатых и железных черешковых наконечников стрел (Скрипкин, 2000а. С. 26; 2006. С. 9–10). Видимо, традиция размещения в погребениях мечей и кинжалов с серповидными и кольцевидными навершиями появилась в Южном Приуралье в III–II вв. до н.э. Кроме того, стоит обратить внимание на совместное нахождение в погребении 2 в одном месте меча и кинжала. В данном случае интересно то, что в степях Евразии встречаются комплексы эпохи раннего железа, где мечи или кинжалы сопровождаются длинными ножами, имевшими специфическое назначение (Вильданова, 2021; Скорый, 2022). К сожалению, кинжал имел плохую сохранность, что не позволяет более точно установить форму перекрестия и клинка.

В могиле были обнаружены две железные прямоугольные пряжки (рис. 3, 20–21; 4, 20–21). Обе они находились вместе с предметами вооружения. В первом случае справа от скелета рядом с мечом найдена пряжка с отверстием, которая, вероятнее всего, служила для крепления меча. Вторая пряжка сильно корродирована, отверстие и выступающий язычок на ней не наблюдаются, на обратной стороне имеются штифты. Пряжка находилась левее тазовых костей, на месте предполагаемого колчана. Не исключено, что она использовалась для его фиксации. Еще одно изделие нами идентифицируется как пряжка (рис. 3, 22; 4, 22). Оно было обнаружено на тазовых костях и имело округлую форму. К сожалению, пряжка плохой сохранности. Внутри кольца сохранился выступ, видимо, служивший язычком. Обычно железные кольцевые пряжки датируются III–I вв. до н.э. (Мошкова, 1963. С. 40).

Что касается двух первых прямоугольных пряжек, то они довольно редки. Автору известны еще две похожие пряжки, найденные в Торгайской степи. Они были обнаружены в парном погребении кургана 1 группы Кеныш 3. При «южном» скелете в этом погребении кроме железных пряжек найдены железный меч с серповидным навершием и прямым перекрестием, бронзовые и железные наконечники стрел. Около «северного» скелета лежали кинжал с рожковидным навершием, две костяные пряжки прямоугольной формы, бронзовый наконечник стрелы и деревянное изделие (Сеитов, 2011. С. 135–136).

По мнению С.Ю. Гуцалова, схожие изделия относятся к 4 типу, который датируется временем в пределах III–I вв. до н.э. (Гуцалов, 2004. С. 33. Табл. 27, 9–11). Как отмечает М.Г. Мошкова, «в конце III–II в. до н.э. появляются единичные экземпляры прямоугольных сплошных или ажурных пряжек с боковым крючком ...» (Мошкова, 1963. С. 40).

Распространение в среде «сарматов» разнообразных форм пряжек, видимо, связано в первую очередь с инокультурным влиянием. В III–II вв. до н.э. в среде «сарматов» получают распространение разнообразные пряжки, изготовленные из железа, бронзы, кости и иных материалов, которые появились в результате видоизменения экипировки воинов и этнокультурных контактов. Увеличение их количества связано с тем, что пряжки использовались как для фиксации пояса, так и для крепления меча, кинжала и колчана. Таким образом, в III–II вв. до н.э., скорее всего, происходит видоизменение системы крепления воинской амуниции, когда ворворки и колчанные крючки были заменены разнообразными пряжками.

К III–II вв. до н.э. относится активное использование зеркал с валиком по краю диска и глиняных плоскодонных сосудов. Так, бронзовое зеркало (рис. 3, 24; 4, 24) из погребения 2 отличает наличие не только валика по краю диска, но и деревянной ручки, что позволяет отнести его к типу 2 отдела II по классификации М.Г. Мошковой. В целом, зеркала с валиком по краю диска в погребальных комплексах Южного Приуралья, в основном, встречаются в IV–III вв. до н.э., а отдельные их экземпляры бытовали и в I в. до н.э. (Мошкова, 1963. С. 42–43).

Глиняные сосуды с шаровидным туловом и отогнутым наружу венчиком и довольно богато орнаментированными плечиками являются одним из ведущих форм лепной сарматской посуды, которые появились уже в IV в. до н.э. и существовали до II в. до н.э. (Мошкова, 1963. С. 26).

Датировка погребения 3 определяется как по погребальному обряду, так и по глиняному сосуду. Подбойные могилы, относимые к разряду камерных могил, начинают использоваться в погребальной практике на-

селением Южного Приуралья с конца VI – V в. до н.э. Нами ранее были выделены десять подбойных могил, которые датируются в пределах конца VI – V в. до н.э. (Мамедов, 2014). Основное время распространения подбойных погребений приходится на IV–II вв. до н.э. В этот период наряду с подбойно-катакомбными погребениями довольно часто встречаются могилы с запле-чниками. При этом большинство из них, как отмечалось выше, располагалось по кругу вокруг центрального захоронения. Ребенок в камере могилы 3 был погребен вытянуто на спине, головой на юго-восток. В целом, южная ориентировка, камерные могилы, подстилка под погребенным являются основными культурно-определяющими признаками культуры ранних кочевников Южного Приуралья, начиная с периода, приходящегося на середину VI–V в. до н.э. и вплоть до II–I вв. до н.э. Лепной горшок (рис. 5, 2) с яйцевидным туловом, отогнутым наружу венчиком и нешироким неустойчивым дном, найденный в погребении 3, относится к группе сосудов, которые на территории Южного Приуралья и Западного Казахстана происходят из памятников, датированных III–II вв. до н.э. (Мошкова, 1963. С. 25).

Внутри могилы находились ребра, лопатка и трубчатые кости мелкого рогатого скота, что также типично, прежде всего, для комплексов IV–II вв. до н.э. Для погребений более раннего времени, в основном, характерно обилие заупокойной пищи.

Погребальный инвентарь погребения 4 также важен для выяснения даты комплекса. Внутри колчана находились железные наконечники: черешковые, трехлопастные, с треугольной головкой и втульчатые, трехгранные, со сводчатой, приближающейся к треугольной, головкой (рис. 7, 2; 8, 2). Если классификация и хронология черешковых наконечников разработаны, то по втульчатым наконечникам, в силу их ограниченности в распространении и сохранности, такие работы практически отсутствуют. Выше упоминалось, что железные трехлопастные наконечники стрел с треугольной головкой и черешковым насадом существовали в III–II вв. до н.э. (Хазанов, 1971. С. 37; Мошкова, 1974. С. 11).

Обнаруженная в погребении пряжка (рис. 7, 3; 8, 3) относится к рамчатым, которые А.С. Скрипкин датирует II–I вв. до н.э. На территории Южного Приуралья и Нижнего Поволжья, как правило, внутри рамок расположено изображение лежащих верблюдов или сцены борьбы животных (Скрипкин, 2000б. С. 138; 2006. С. 13–14). Интересно, что на территории Западного Казахстана в могильнике Талдысай I ранее была обнаружена еще одна пряжка с изображением сцены терзания хищником верблюда. В разграбленном талдысайском погребении также были найдены бронзовый трехлопастный наконечник стрелы с треугольной головкой и опущенными ниже втулки шипами и кин-

жал прохоровского типа (Мамедов, Виноградов, 2009. С. 104. Рис. 2, 4–6). Данное обстоятельство, а также факт того, что все впускные погребения являются относительно единовременными, по нашему мнению, позволяет датировать погребение III–II вв. до н.э. Гончарный сосуд, вероятно, относится к ранне-кангюйским кувшинам. Схожий сосуд, но с львиноголовыми ручками, М.Г. Мошкова датирует IV–III вв. до н.э. (Мошкова, 1963. С. 30).

Таким образом, исследование разрушенного кургана 2 могильника Сазды XI дало довольно интересные материалы по погребальному обряду и материальной культуре ранних кочевников бассейна р. Илек. Возведение кургана связано с периодом формирования раннесарматской культуры. Вероятнее всего, основное погребение 1 может быть датировано концом VI – V вв. до н.э., когда в степях Южного Приуралья появляются кочевые группы, мигрировавшие сюда в основном из Приаралья. Исследователи связывают появление курганов, представляющих собой сложные архитектурные сооружения, с влиянием культуры саков. Как прави-

ло, для курганов с большими насыпями характерны глиняные валы, деревянные столбовые конструкции, деревянные настилы на подкурганной площадке и т.д. Кроме того, с населением Приаралья связывают использование в погребальной практике дромосных могил, одна из которых представлена в исследованном кургане 2 могильника Сазды XI.

Остальные погребения этого кургана по предметам материальной культуры, вероятнее всего, следует датировать III–II вв. до н.э. Этой дате не противоречит характер погребального обряда.

Полученные материалы позволяют сделать вывод, что в целом в III–I вв. до н.э. в степях Южного Приуралья происходит дальнейшее развитие раннесарматской культуры. Население этого времени в погребальной практике используются те формы могильных конструкций, которые появились еще в конце VI – V вв. до н.э., в частности подбойно-катакомбные могилы и ямы с заплечиками. При этом в культуре ранних кочевников ощущается инокультурное влияние, обусловленное контактами с населением Средней Азии.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев В.Н.* Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до нашей эры. Уфа: Гилем, 2001а. 153 с.
- Васильев В.Н.* К хронологии раннепрохоровского клинкового оружия и «проблеме» III в. до н.э. // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001б. С. 169–179.
- Вильданова Е.В.* Совместные находки ножей и мечей в погребальных комплексах ранних кочевников Южного Урала // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 1 (52). 2021. С. 33–41.
- Гуцалов С.Ю.* Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск, 2004. 136 с.
- Мамедов А.М.* Подбойные могилы ранних кочевников Южного Приуралья конца VI–V вв. до н.э. // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Т. IV. Астана: Издательская группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2014. С. 160–174.
- Мамедов А.М., Виноградов С.М.* Катакомбные погребения раннего железного века могильника Талдысай I (Актюбинская область) // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Сборник научных статей. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2009. С. 102–106.
- Мошкова М.Г.* О раннесарматских втульчатых наконечниках стрел // КСИА. Вып. 89. 1962. С. 77–82.
- Мошкова М.Г.* Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып. Д1–10. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 56 с.
- Мошкова М.Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.: Наука, 1974. 52 с.
- Мошкова М.Г., Малашев В.Ю.* Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Научные школы Волгоградского государственного университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и Средневековья. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. С. 172–212.
- Мышкин В.Н.* Типы погребального обряда социальной элиты кочевников Самаро-Уральского региона // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 15. № 1. Самара, 2013. С. 219–225.
- Ольховский В.С.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М.: Наука, 1991. 256 с.
- Сеитов А.М.* Сарматские памятники Торгайской степи // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. Т. 2. Алматы, 2011. С. 134–144.
- Скорый С.А.* Длинный железный нож в комплекте с акинаком у евразийских номадов раннего железного века: археологическая версия к одному из пассажей Геродота // Археология Казахстана. № 4 (18). 2022. С. 19–43.
- Скрипкин А.С.* Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000а. С. 17–40.
- Скрипкин А.С.* К проблеме выделения сарматских памятников Азиатской Сарматии II–I вв. до н.э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV международной конференции

«Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000б. С. 137–149.

Скрипкин А.С. К проблеме соотношения ранне- и среднесарматской культур // Раннесарматская и среднесарматская культуры. Проблемы соотношения: материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. 1. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. С. 5–36.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА №101. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 163 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 380 с.

Смирнов К.Ф. Дромосные могилы ранних кочевников Южного Приуралья и вопрос о происхождении сарматских катакомб // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978. С. 56–64.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 173 с.

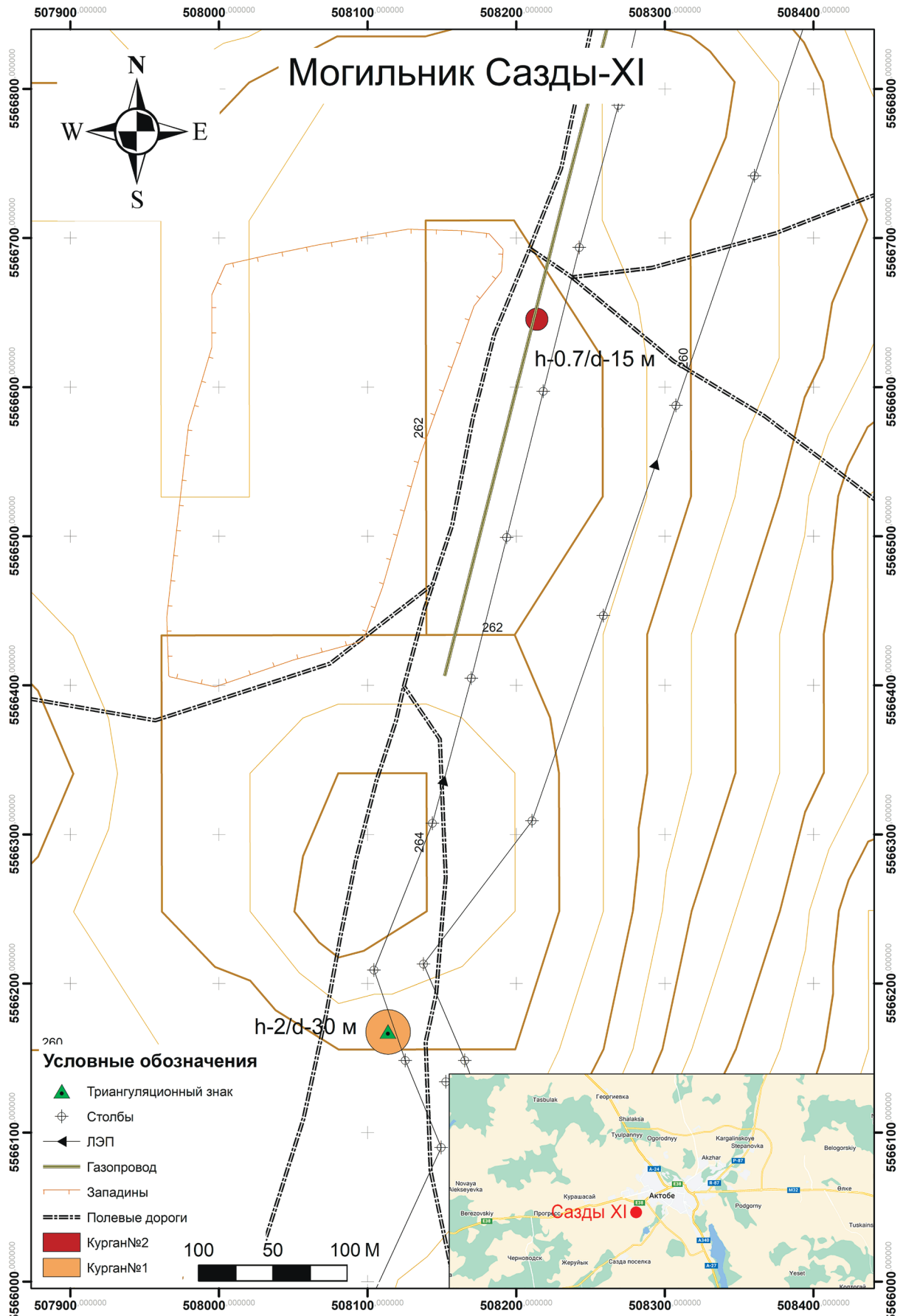

Рис. 1. Могильник Сазды XI. Карта расположения и план памятника.

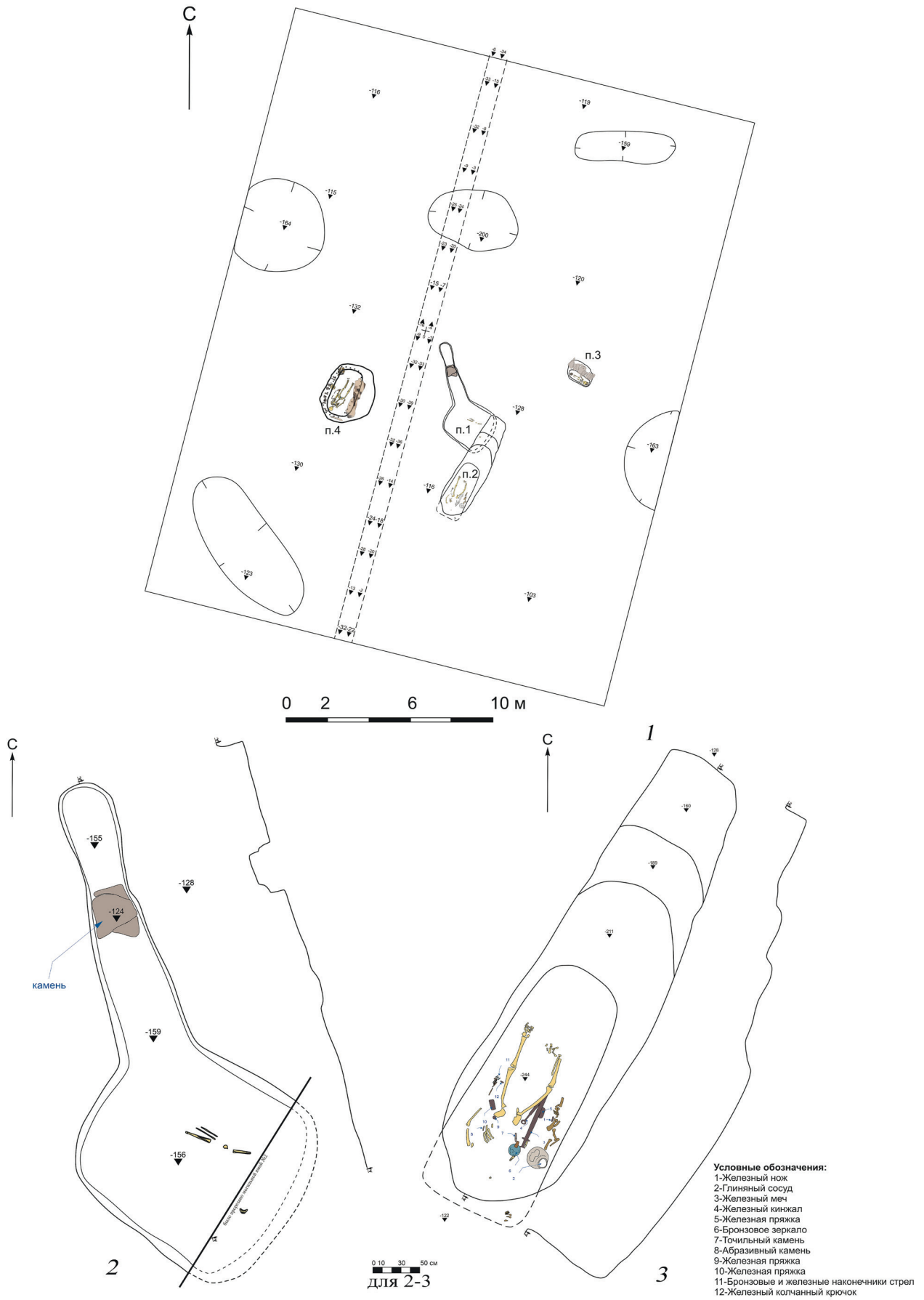

Рис. 2. Могильник Сазды XI, курган 2.

1 – план раскопа кургана; 2 – план и разрез погребения 1; 3 – план и разрез погребения 2.

Рис. 3. Могильник Сазды XI, курган 2, погребения 1 и 2. Погребальный инвентарь.

1 – фрагмент черепа с бронзовым наконечником стрелы (погр. 1); 2–17 – бронзовые и железные наконечники стрел; 18 – железный меч; 19 – железный кинжал; 20–22 – железные пряжки; 23 – лепной сосуд; 24 – бронзовое зеркало с деревянной ручкой; 25 – фрагмент деревянного коробки; 26 – каменный оселок; 27 – железный нож; 28 – камень (1 – погр. 1, 2–28 – погр. 2).

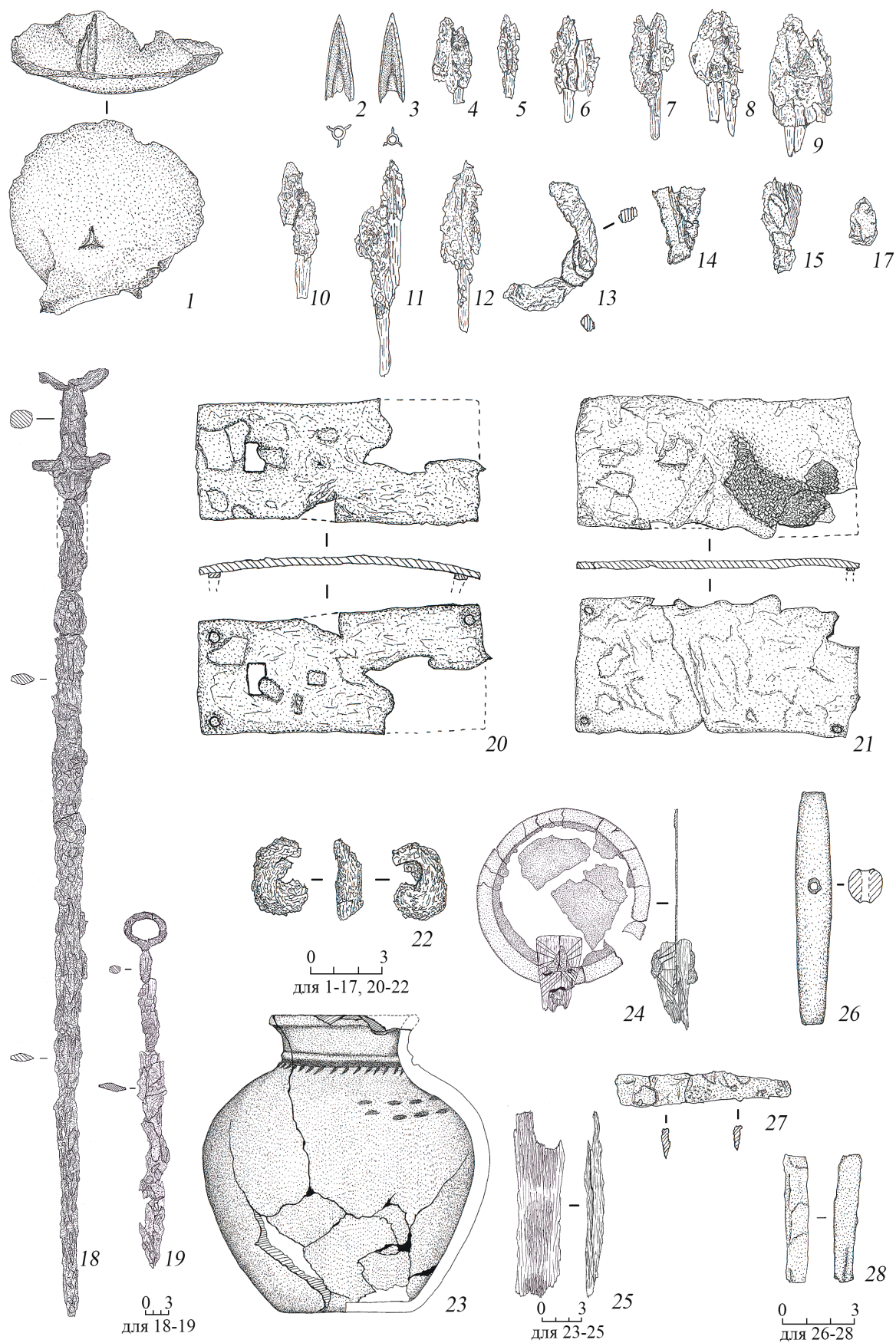

Рис. 4. Могильник Сазды XI, курган 2, погребения 1 и 2. Погребальный инвентарь.

1 – фрагмент черепа с бронзовым наконечником стрелы; 2–17 – бронзовые и железные наконечники стрел; 18 – железный меч; 19 – железный кинжал; 20–22 – железные пряжки; 23 – лепной сосуд; 24 – бронзовое зеркало с деревянной ручкой; 25 – фрагмент деревянного коробки; 26 – каменный оселок; 27 – железный нож; 28 – камень (1 – погр. 1, 2–28 – погр. 2).

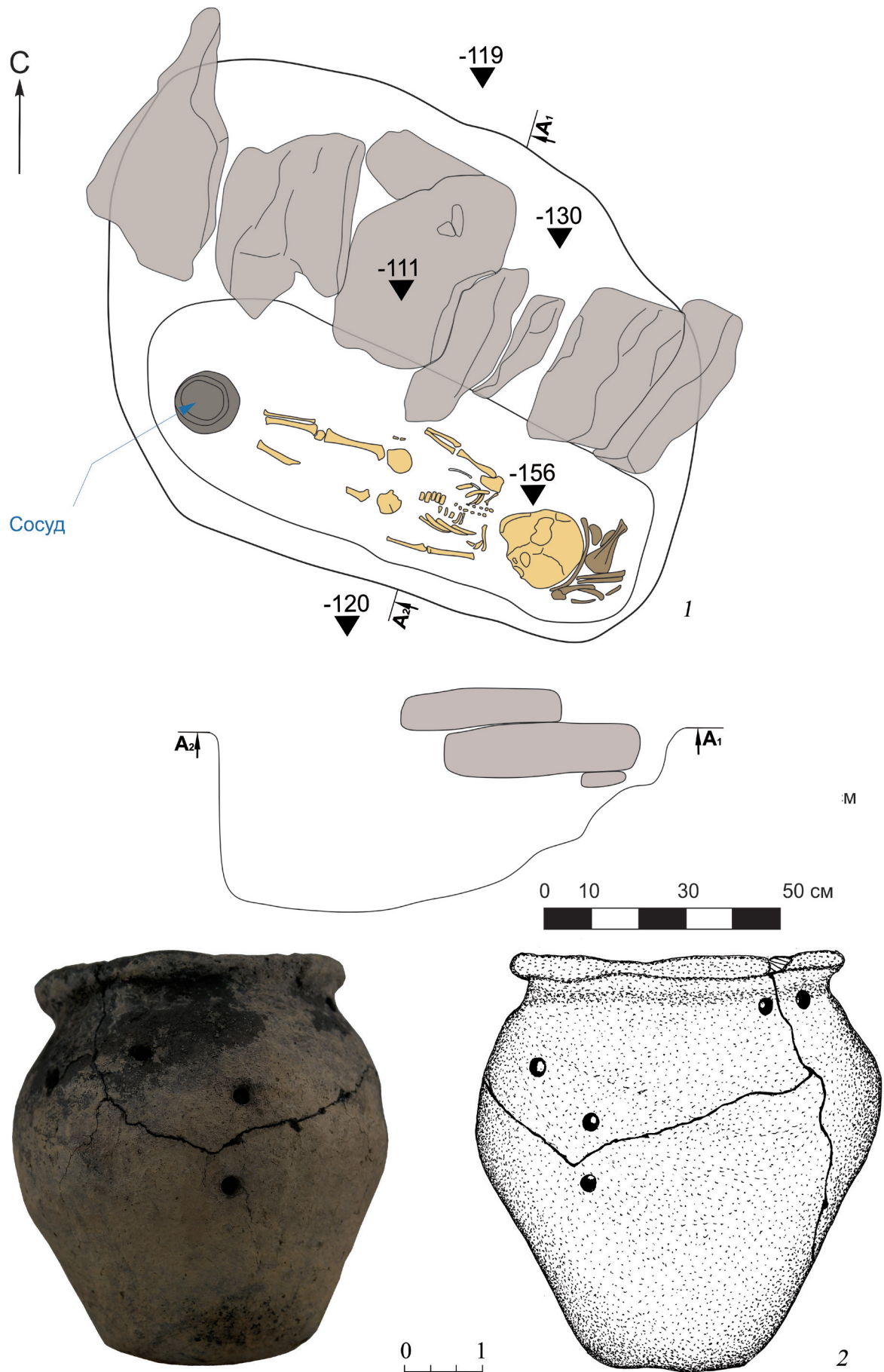

Рис. 5. Могильник Сазды XI, курган 2, погребение 3.
1 – план и разрез погребения; 2 – глиняный сосуд.

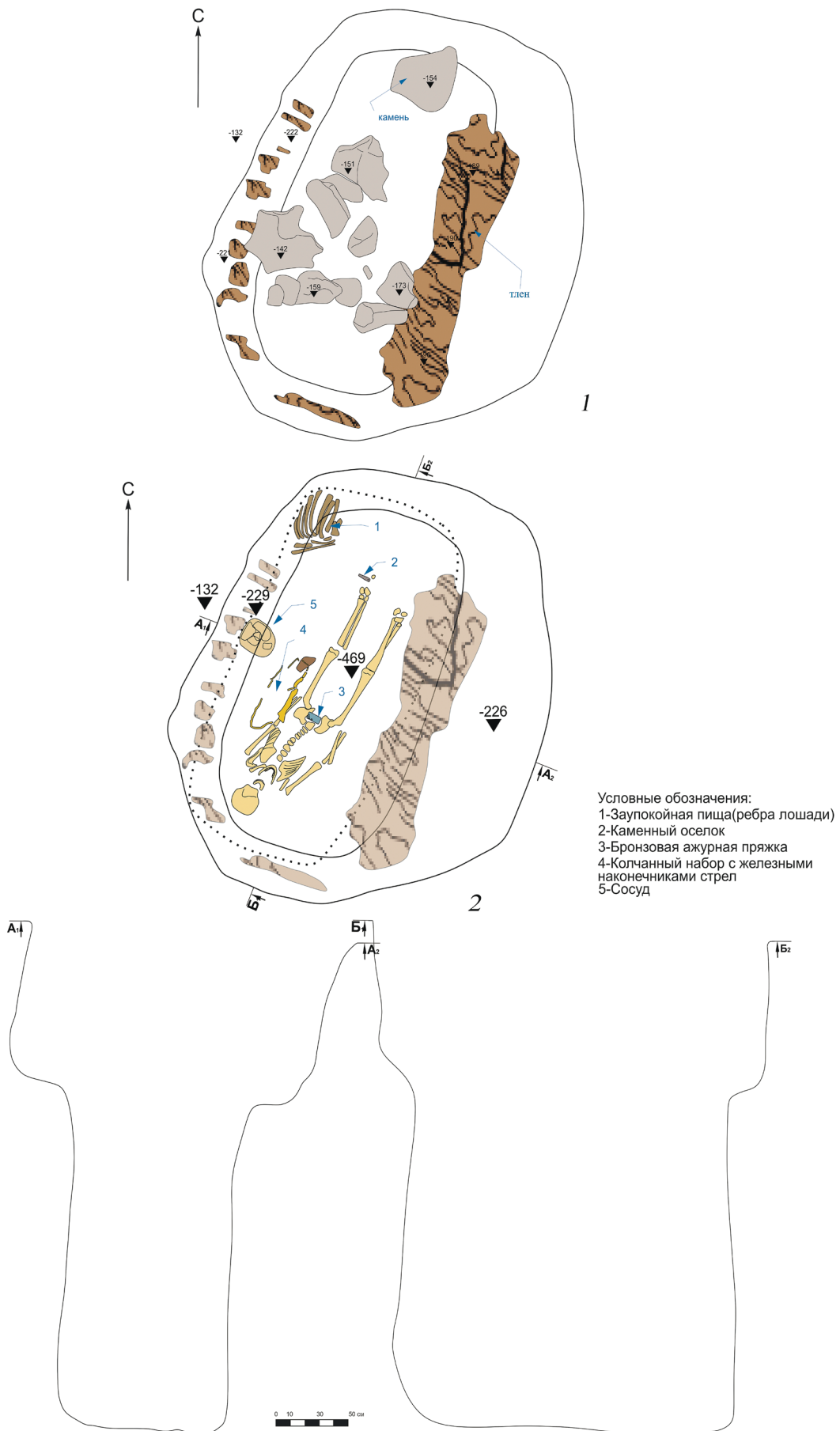

Рис. 6. Могильник Сазды XI, курган 2, погребение 4.

1 – план расположения каменной забутовки, органического тлена и деревянных плах; 2 – план и разрез погребения.

Рис. 7. Могильник Сазды XI, курган 2, погребение 4. Погребальный инвентарь.

1 – колчан; 2 – железные наконечники стрел; 3 – бронзовая пряжка; 4 – гончарный сосуд; 5 – каменный оселок.

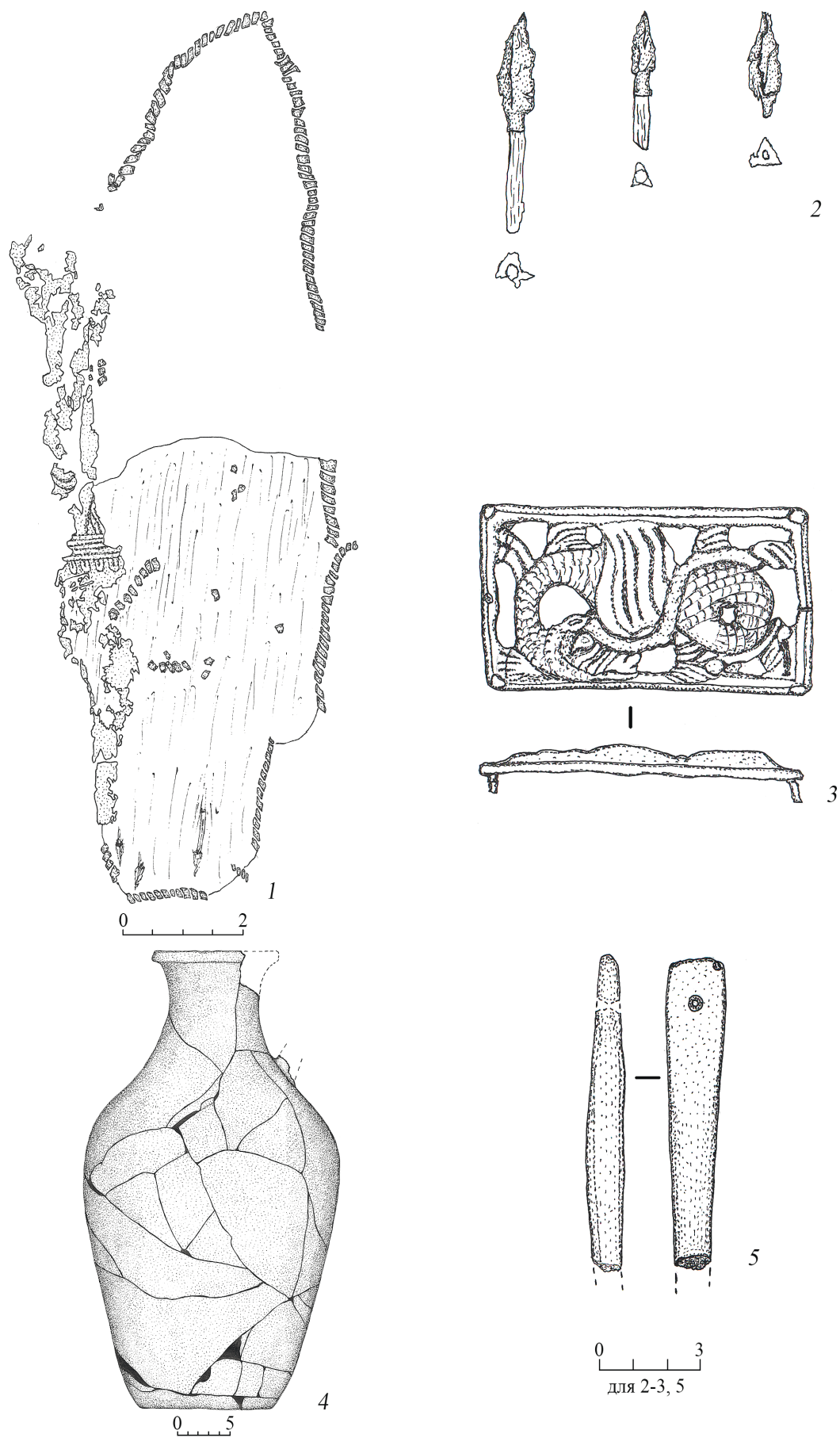

Рис. 8. Могильник Сазды XI, курган 2, погребение 5. Погребальный инвентарь.

1 – колчан; 2 – железные наконечники стрел; 3 – бронзовая пряжка; 4 – гончарный сосуд; 5 – каменный оселок.

УКРАШЕНИЯ-ОБЕРЕГИ В ВИДЕ КОНЕЙ И ВСАДНИКОВ В ЕВРОПЕ I ТЫС.: ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ИРАНО- И ГЕРМАНОЯЗЫЧНЫХ ПЛЕМЕН

© 2023 А.В. Богачев

«Тот, кто следует за конем, приходит в пустыню, в дикие земли, далекие от людей – образ духовного и морального одиночества. Но именно там лежат ключи от рая».

Юнг, 2022. С. 68.

«Откуда у франков степные лошадки? Чей-то дар? Тогда чей?»

Щукин, 2005. С. 363

Аннотация. В статье рассмотрены амулеты в виде коней и всадников Европы I тыс. Изучено более 160 экз. из 131 памятника. Выделено несколько групп украшений, изображающих скачущих коней (К1) и всадников (В1), идущих (К2, В2) и стоящих (К3, В3). Картографирование амулетов позволило выявить регионы их распространения: 1) Центральная и Северная Европа; 2) Среднее Поволжье и Прикамье; 3) Кавказ – Северо-Восток Балкан – Средний Дон. В Европе II–IV вв. находки амулетов маркируют расселение сарматов, а с V–X вв. – расселение германцев. Находки «шагающих» коней (К2, В2) главным образом связаны с передвижением германоязычных народов (Северная, Центральная и Западная Европа); «скачущие» кони (К1, В1) – с передвижением иранских племен (Кавказ, Европейские степи и лесостепи, Южная Европа).

Ключевые слова: амулеты в виде коней и всадников, ранний железный век, раннее средневековье, сарматы, германцы, болгары, аланы, Европа, Кавказ, Балканы, Дон, Волга, Кама, Урал.

AMULETS IN THE FORM OF HORSES AND RIDERS IN EUROPE OF THE 1ST MILLENNIUM: MOVEMENTS OF IRANIAN AND GERMAN SPEAKING TRIBES

© 2023 A.V. Bogachev

Abstract. The article examines amulets in the form of horses and riders from Europe in the 1st millennium. More than 160 specimens have been studied of 131 monuments. Several groups of decorations have been identified, depicting: galloping horses (K1) and horsemen (B1), walking (K2, B2) and standing (K3, B3). Three regions of their distribution have been identified: 1) Central and Northern Europe; 2) Middle Volga and Kama region; 3) Caucasus – North-East Balkans – Middle Don. In Europe II – IV centuries finds of amulets mark the settlement of the Sarmatians, and from the 5th–10th centuries – settlement of the Germans. Finds of «walking» horses (K2, B2) are mainly associated with the movement of German-speaking peoples (Northern, Central and Western Europe); «galloping» horses (K1, B1) – with the movement of Iranian tribes (Caucasus, European steppes and forest-steppes, Southern Europe).

Keywords: amulets in the form of horses and riders, Early Iron Age, Early Middle Ages, Sarmatians, Germans, Bulgarians, Alans, Europe, Caucasus, Balkans, Don, Volga, Kama, Ural.

В традиционном народном костюме то или иное украшение в большей или меньшей степени всегда оберег (Богачев, Французов, 2012; Богачев и др., 2022).

Внимание исследователей не раз привлекали раннесредневековые амулеты в виде коней и всадников (Афанасьев, 1973; Ковалевская, 1979, 1981, 1995б; Флерова, 2001; Албегова, Ковалевская, 2011; Шинаков, Чубур, 2021 и др.).

Конь с момента его приручения играл значимую и знаковую роль в жизни человека: «Если мы взглянем на историю цивилизации в целом, то увидим, что многие поворотные моменты прямо или косвенно были связаны с появлением коня» (Ковалевская, 1977. С. 3).

И в этом смысле I тысячелетие н.э. исключением не является. В водоворот бурных событий было втянуто множество народов, в жизни которых конь играл ключевую роль. И это не могло не отразиться в их духовной и материальной культуре.

Интересно, что культ коня и всадника в этот период зафиксирован у совершенно разных по происхождению народов как на юге Европы, так и на севере континента.

Яркие свидетельства тому – культовые монументальные изображения: вырубленный в скале Мадарский всадник (Болгария), каменная статуя, найденная под Бердянском (Эпоха Меровингов, 2007. С. 315), стелы с изображением всадников из Хорнхаузена (Тюрин-

гия, Германия), Шёкlostера (Уппланд, Швеция) (Хлезов, 2016. С. 284) и Готланда (рис. 9; 10).

Причем на севере мы находим не только многочисленные изображения коня на стелах; конь упоминается и на знаменитом камне из Рёка с самой длинной надписью, состоящей из 762 рун:

Скажи, память, какой добычи было две,
которую двенадцать раз на поле брани добывали,
и обе брались вместе, от человека к человеку.

Скажи еще, кто в девяти коленах
лишился жизни у остготов
и до сих пор все первый в битве.

Тьодрик правил,
смелый в бою,
кормчий воинов
в море готов.

Ныне сидит он,
держа свой щит,
на готском коне,
вождь мерингов.

Автор книги «Предвестники викингов» А.А. Хлезов отмечает: «Один из наиболее интересных и лаконичных и вместе с тем загадочных образов в декоративно-прикладном искусстве эпохи Вендель – тяжеловооруженный копейщик, едущий верхом в сопровождении летящих птиц. Он является составной частью декора шлема из погребения Вендель I... Интерпретация весьма многочисленных образов всадников с помогающими им антропоморфными фигурами основывается большинством авторов на анализе мотива божественной помощи в бою» (Хлезов, 2016. С. 215–216). В скобках заметим, что и в более позднюю эпоху бытовали разного рода изображения-обереги (иконы) на боевых шлемах.

Интересно, что на севере Европы нередки изображения коня с восемью ногами (рис. 9): «и в сагах, и на рунических камнях Один изображался в виде всадника на восьминогом коне Слипнере. Истоки образа понятны: сарматы, как и многие другие кочевники, в походы ходили *о двуконь*. Издали такой всадник мог выглядеть, как сидящий на восьминогой лошади. Северян подобный облик должен был поражать» (Щукин, 2005. С. 87).

Самый известный сегодня специалист в области изучения древнего коневодства В.Б. Ковалевская отмечает, что «культ коня был широко распространен в древности у индоиранских племен и отражал специфику их идеологических представлений» (Ковалевская, 1995б. С. 148).

Относительно изображений всадников, найденных в южных областях Европы, М.Б. Щукин писал, что «эти изображения могли использоваться в родовых святилищах как генеалогические персонажи. В условиях сложения протогосударственных и государственных тюркских образований (Великая Болгария, Хазарский каганат) изобразительное воплощение традиционных

образов могло играть первостепенную роль в жизни кочевых коллективов» (Эпоха Меровингов, 2007, С. 100).

В этой связи важно помнить, что салтово-маяцкая культура (культура Хазарского каганата) представлена, наряду с собственно тюркскими, и многочисленными аланскими этническими группировками.

В ряде наших публикаций мы попытались показать, что распространение в Европе в середине I тыс. знаковых украшений и элементов костюма (полиэдрические серьги, кольцевые подвески с выпуклинами, антропоморфные амулеты, коробочки-колты) связано с присутствием сармато-аланских и гото-аланских племен (Богачев, 2011, 2016; Богачев, Кузнецов, Хохлов, 2019, 2022). Забегая вперед, скажем, что подобная тенденция фиксируется и при анализе амулетов в виде коней и всадников.

Отметим, что за рамками настоящего исследования остались украшения, на которых воспроизводились отдельные детали фигуры коня (например, головы коней на фибулах и на шумящих подвесках).

В настоящее время у нас есть сведения о 160 экз. из 131 памятника Европы I тыс.¹ И вполне закономерно, что такой значительный массив артефактов морфологически не однороден.

Исследователями были предприняты достаточные результативные попытки классификации амулетов в виде всадников и коней, найденных на Кавказе и на сопредельных территориях (Ковалевская, 1979; Албегова, Ковалевская, 2011; и др.). Но поскольку территориальный, хронологический и историко-культурный контекст нашей работы значительно шире, мы сочли возможным предложить наше видение группировки такого рода источников.

В свое время мы отдали дань вопросам методологии классификации археологических источников (Богачев, 1992) и это избавляет нас от дополнительных рассуждений на эту тему. Напомним лишь, что рабочих группировок артефактов может быть несколько (в зависимости от конкретных исследовательских задач), а результативность классификаций в конечном итоге выражается в возможности установления на их основе неких историко-культурных тенденций.

Если говорить об амулетах-оберегах, следует иметь в виду, что, прежде всего, это некие символы, отражающие некие идеи (идеологию).

В своей классической работе «Символ и ритуал» В. Тэрнер отмечал, что «В каждой целостной совокупности, или системе, существует ядро доминантных символов, которые характеризуются чрезвычайной многозначностью (имеют много смыслов) и централь-

¹ Автор благодарит за информационную поддержку Артура Чубура, Светлану Перевозчикову, Юлию Подосену, Владимира Винничака.

ным положением в каждом ритуальном исполнении. С этим ядром связано значительно большее число энклитических (зависимых) символов» (Тэрнер, 1983. С. 36).

В нашем исследовательском контексте доминантный символ – конь.

И для людей, схоронивших своего родича в VI веке в долине реки Белой (погр. 20 Кушнаренковский могильник) и положивших ему в погребение два медных амулета (Генинг, 1977. Рис. 8, 1, 2), было совсем не важно, что у одной фигурки была петелька для подвешивания и перекладина-основание, а у другой всего этого не было, но, в отличие от первого, был изображен хвост. Для них было важно, что это фигурки коня².

Но вместе с тем этот символ (конь) действительно (по В. Тэрнеру) может иметь несколько зависимых символов. Нам представляется, что эти (зависимые) символы считаются в позе коня и всадника. Собственно именно на этом основании построена наша классификация такого рода амулетов-оберегов.

Первая группа коней (К1) и всадников (В1) представлена изображениями скачущих галопом животных и погоняющих (судя по положению рук) их наездников. Две передние (согнутые в коленях) и две задние ноги коня соответственно синхронизированы (слиты, смотрятся в профиль как одна) и как бы висят в воздухе (подставка-перекладина отсутствует). Нам представляется, что такого рода артефакты могут символизировать быстроту, порыв, силу, натиск, смелость, удачу, решительность, набег, экспансию.

Вторая группа коней (К2) и всадников (В2) представлена изображениями спокойно идущих (шагающих) животных (на подставке) и вертикально статично сидящих наездников. Все четыре ноги коня разделены и «стоят» на основании-подставке. Эти фигурки могут символизировать выносливость, поход, настойчивость и уверенность в достижении поставленных целей.

Третья группа коней (К3) и всадников (В3) представлена изображениями спокойно стоящих (на прямых ногах), крайне редко – лежащих (2 экз. Хусаиновский мог.) животных. Корпус наездника на изделиях этой группы развернут анфас, одна рука – на крупе коня, вторая – в основании шеи коня. Эти фигурки могут символизировать спокойную уверенность, факт достижения намеченных целей, стабильность. Такого рода посыл (месседж) в искусстве проходит через века (см., например, картину В.М. Васнецова «Три богатыря»).

Картографирование амулетов (рис. 1) выполнялось на основе точных координат находок при помощи специальной программы на платформе Яндекс.

Самые ранние находки амулетов в виде коней и всадников в массе своей сосредоточены в Центральной и Западной Европе (Британия, Франция, Германия, Австрия, Венгрия, Сербия), а также в Поднепровье (рис. 3, 9–19). За редким исключением это застежки-фибулы (по Р. Хейновски, тип 3.27.3 (Pferdchenfibel) и тип 3.27.4 (Reiterfibel)) (Heynowski, 2012. P. 114), а также подвески-лунницы (2 экз. из Поднепровья).

Все эти украшения бытовали в хронологическом диапазоне II–IV вв. и были найдены на северных границах Римской империи (Подунавье), в областях, интегрированных в Империю (Британия, Галлия), а также на территориях (Поднепровье), находящихся в зоне культурного влияния Рима.

Нам представляется, что находки изделий с изображением коня или всадника на всех этих территориях можно связывать с присутствием там сарматских племен. Римские историки первых веков н.э. подчеркивают связь сарматов с конем, в отличие от певкинов, венедов, финнов и германцев: «все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне» (Тацит, 46).

Именно на скачущем коне изображен всадник (рис. 10) на надгробной стеле из Честера (Сулемирский, 2008. Фото 46): пять с половиной тысяч сарматов было отправлено в Британию после заключения в 175 г. Марком Аврелием мирного договора с языгами (Трейстер, 1994. С. 52–53). В Британии сохранилось множество свидетельств пребывания там сарматов вплоть до V в., в частности, «в Честере – римской крепости на Адриановом валу – были найдены шоры из экипировки лошади катафракта и множество бусин, типичных для венгерских сарматов» (Сулемирский, 2008. С. 158).

Заметим, что в Северном Причерноморье известны каменные надгробия II в. н.э. с рельефными изображениями сарматских конников (рис. 10). Это, в частности, известный рельеф Трифона – скачущий на коне всадник в шлеме, чешуйчатом доспехе с копьем (Соколов, 1973. С. 150–151), а также известняковый рельеф с изображением всадника с копьем, найденный на северо-западе Крымского полуострова у с. Поповка (Щеглов, 1978. С. 51–52. Рис. 20).

Интересные данные о пребывании сармат на территории современной Франции были получены В.Б. Ковалевской: «в результате перекрестного использования ряда источников удалось связать около 50 известных топонимов «Сермэз» с сарматскими передвижениями IV века, когда после заключения мира с готами император Константин в 322 г. переселил 300000 сарматских воинов на территорию Римской империи на условиях несения сторожевой службы, в данном случае по основному римским стратегическим дорогам Галлии и Северной Италии» (Ковалевская, 1995а. С. 129).

² Заметим, что в нашей выборке представлены фигурки-фибулы (застежки), фигурки-подвески, фигурки-пронизи, фигурки-накладки (см. Табл. 1). Однако признак «способ крепления», на наш взгляд, не является первостепенным, хотя его необходимо учитывать.

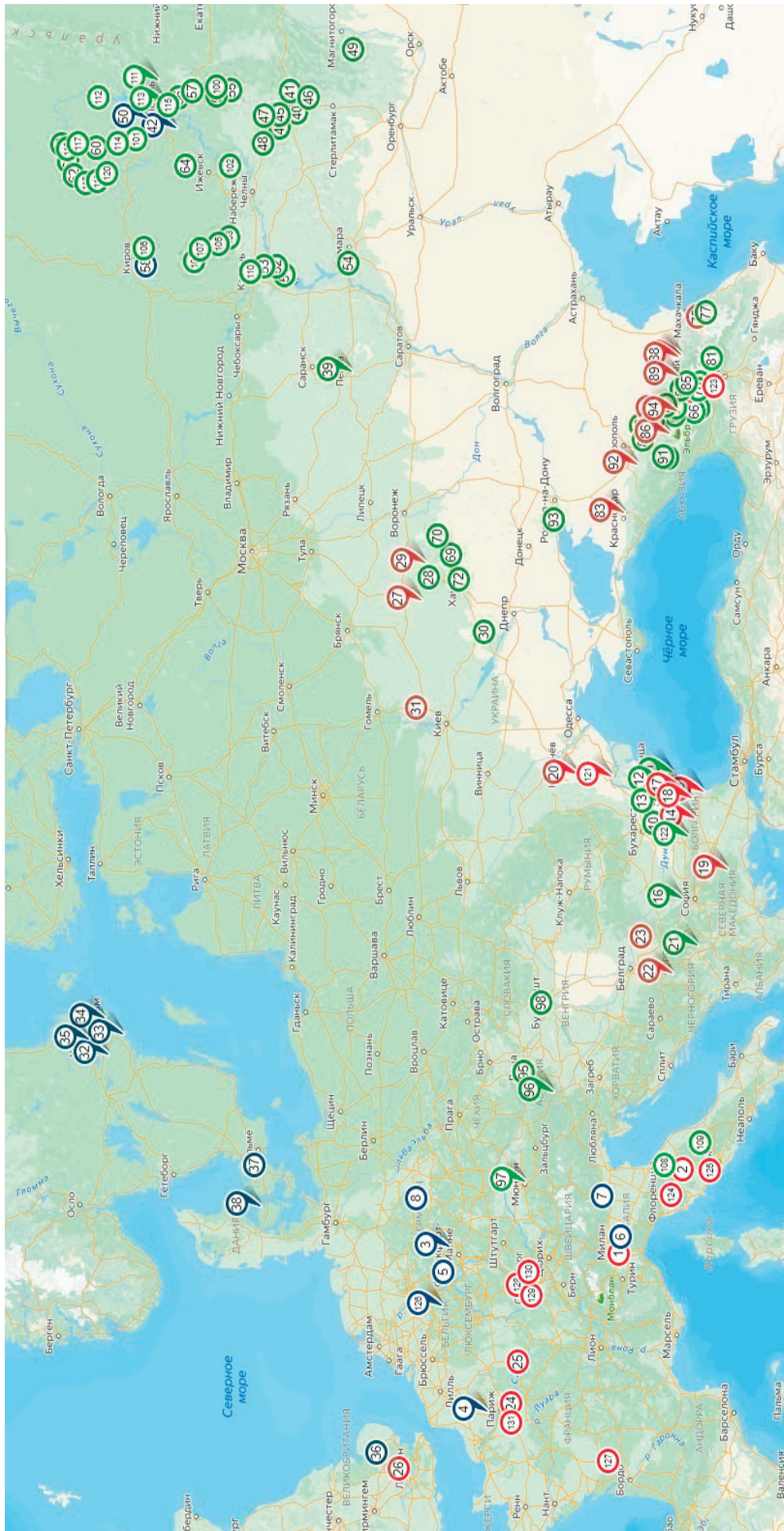

Рис. 1. Карта распространения амулетов в виде коней и всадников.

Всадник (В)	Конь (К)
 <p data-bbox="335 398 375 430">В1</p>	 <p data-bbox="965 398 1005 430">К1</p>
 <p data-bbox="335 600 375 631">В2</p>	 <p data-bbox="965 600 1005 631">К2</p>
 <p data-bbox="343 846 383 878">В3</p>	 <p data-bbox="981 846 1021 878">К3</p>

Рис. 2. Классификация амулетов в виде коней и всадников.

Агусти Алемань, опираясь на данные Страбона, Плиния, Тацита, Птолемея, Аммиана Марцеллина и Иордана, пишет, что роксоланы «документированы между II в. до н.э. и IV в. н.э. первоначально к востоку от Днепра, позднее между Днпром и Дунаем, и, наконец, на рубежах Римской Дакии и Мезии» (Алемань, 2003. С. 36).

Еще одним ценнейшим источником, в котором значатся *сарматы*, является Певтингерова таблица (Tabula Peutingeriana), названная так по имени одного из ее владельцев в XVI в. Это карта мира, изготовленная в XII–XIII вв., по своей форме и содержанию восходит к первым векам нашей эры. По мнению большинства исследователей, в ее основе лежит официальный справочник дорог Римской империи, предназначенный для государственных служащих, отправляющихся в путь (Подосинов, 1991. С. 64). На этой карте сарматы обозначены в нескольких местах на самом побережье Северного океана: *Sarmate vagi, solitudines Sarmatarum, Amaxobii Sarmatate, Lupiones Sarmatae, Venadi Sarmatae*.

В свое время мы исследовали динамику распространения в Европе кольцевых подвесок с выпукликами. В первой половине I тыс. эти украшения были распространены в среде сарматских племен, а также народов, которые с ними достаточно тесно взаимодействовали. В частности, большое их число найдено в Поднепровье, на территории зарубинецкой и киевской культур. Мы полагаем, что это этот массив памятников можно сопоставить с венеде-сарматами Певтингеровой карты (Богачев и др., 2022. С. 230–246).

В эту концепцию вполне укладываются факты находок в этом регионе (Полтавская, Черниговская области Украины; Белгородская, Курская области РФ) фигурок коней (фибула, подвеска, лунницы) группы выемчатых эмалей (табл. 1, № 27, 29–31).

Важно подчеркнуть еще одно обстоятельство. С одной стороны, «по позднеантичным географическим представлениям, север Европы принадлежал двум крупным этническим группам – германцам на западе и сарматам на востоке» (Подосинов, 1991. С. 70). С другой – сармато-германские контакты, начавшиеся на рубеже эр, в дальнейшем начали развиваться по нарастающей (Щукин, 1994. С. 53–54).

В V–VI вв. география местонахождений амулетов меняется. Это, на наш взгляд, в первую очередь связано с освоением сармато-аланами новых территорий на западе и юге Европы (рис. 3, 1–2, 4).

Источники той эпохи дают нам возможность понять, что кочевой характер их жизни (со времен сообщений Тацита) не изменился: они «более всего заботы уделяют коням. <...> молодежь с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором для мужчины ходить пешком» (Аммиан Марцеллин, XXIII, 19, 20). Таким образом, культ коня у алан фиксируется наблюдателем извне, т.е. это некая объективная реальность. И амулеты в виде коней и всадников эту реальность фиксируют.

В V–VI вв. находки такого рода сакральных украшений известны в Европе (Дания, Германия, Франция, Италия), а также в регионе Средняя Волга–Предуралье.

Такой географический «разлет» вполне реален и подтверждается, в частности, данными письменных ис-

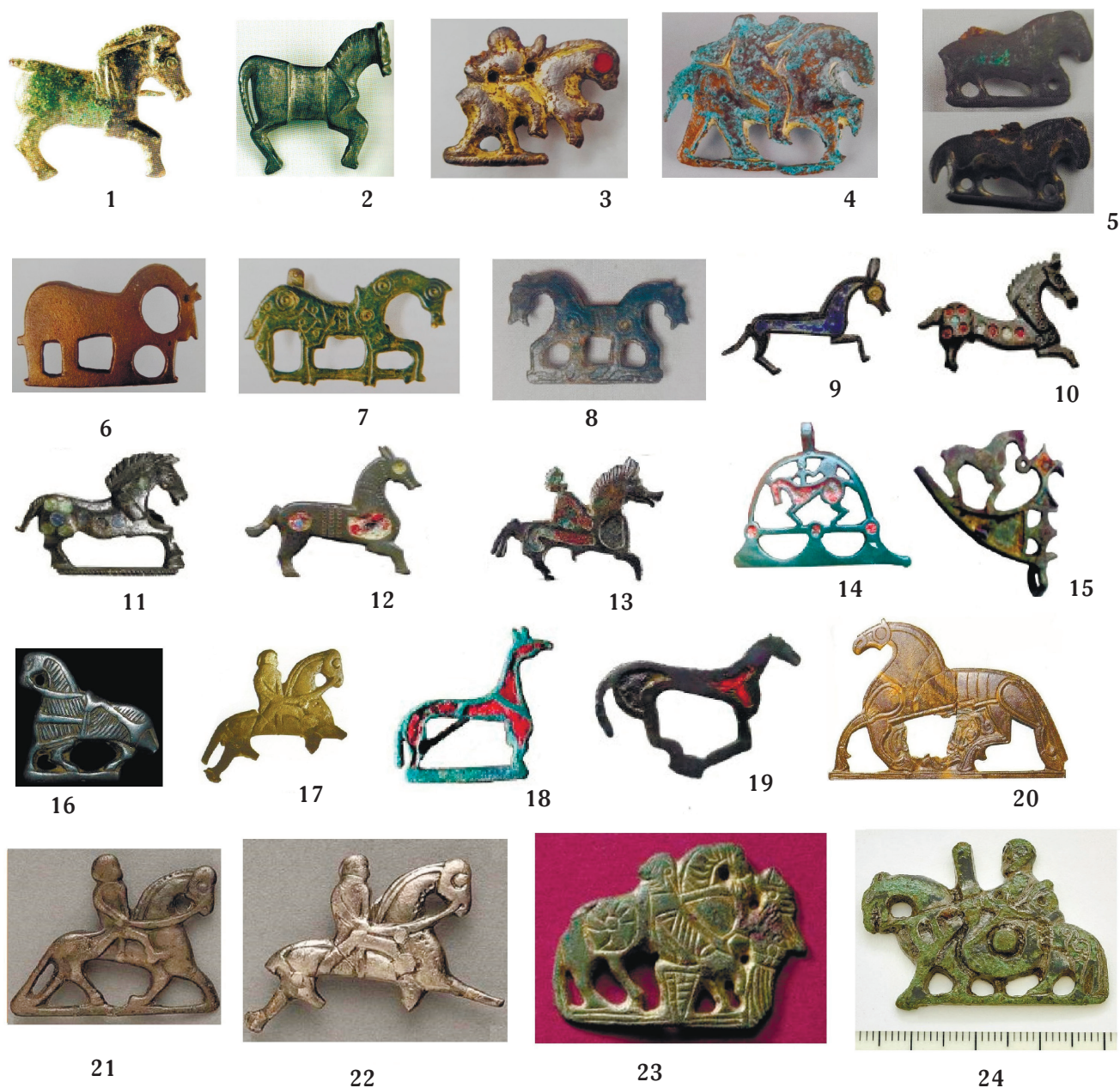

Рис. 3. Металлические амулеты в виде коней и всадников. Масштаб различный.

1 – Павия-1 (Италия), фибула, VI – VII вв. (Эпоха Меровингов, 2007. С. 558); 2 – Норсия (Италия), фибула, VI – VII вв. (Эпоха Меровингов, 2007. С. 556); 3 – Ширштайн (Висбаден-Ширштайн, Гессен, Германия), фибула, вт. пол. V в. (Эпоха Меровингов, 2007. С. 529); 4 – Монсо (Франция), фибула, вт. пол. V в. (деп.) (Эпоха Меровингов, 2007. С. 488); 5 – Шварц-Райндорф (Бонн-Шварц-Райндорф, Нордрайн-Вестфален), пара фибул, вт. пол. V в. (Эпоха Меровингов, 2007. С. 536); 6 – Павия-2 (Италия), фибула, V–VII вв. (Эпоха Меровингов, 2007. С. 557); 7 – Северная Италия, фибула, VI–VII вв. (Эпоха Меровингов, 2007. С. 560); 8 – Германия, конек парный, коллекция Музея древней истории и праистории (Эпоха Меровингов, 2007. С. 254); 9–13 – Британия, Сербия, Франция, образцы провинциально-римских фибул с эмалями (Шинаков, Чубур, 2021. С. 129–146. Рис. 2, 7); 14 – Башкатово, подвеска-лунница, киевская культура, II – V вв. (Обоянский р-н, Курская обл.) (Шинаков, Чубур, 2021. Рис. 2, 1); 15 – лунница фрагмент, с. Угрим (Белгородская обл.) (Шинаков, Чубур, 2021. Рис. 2, 2); 16 – Поствик, лошадь, серебро, 33 мм, IX–X вв. (Испвичский музей, Ипсвич, Великобритания); 17, 21–23 – Бьерке остров (Швеция), фигурки всадников, более 5 экз., серебро, викинги, IX–X вв. (Стрингольм, 2008. С. 164; Государственный исторический музей, Стокгольм, Швеция); 18 – Полтавская область, фибула, красная эмаль, киевская культура, II–V вв. (Шинаков, Чубур, 2021. Рис. 2, 4); 19 – Черниговская обл., фибула, красная эмаль, киевская культура, II–V вв. (Шинаков, Чубур, 2021. Рис. 2, 5); 20 – Копенгаген, лошадь, бронза, V в. (Датский национальный музей, Копенгаген); 24 – Херснап, воин на коне с мечом и круглым щитом, бронза с оловянным покрытием, XI в. (Музей викингов в Ладбю).

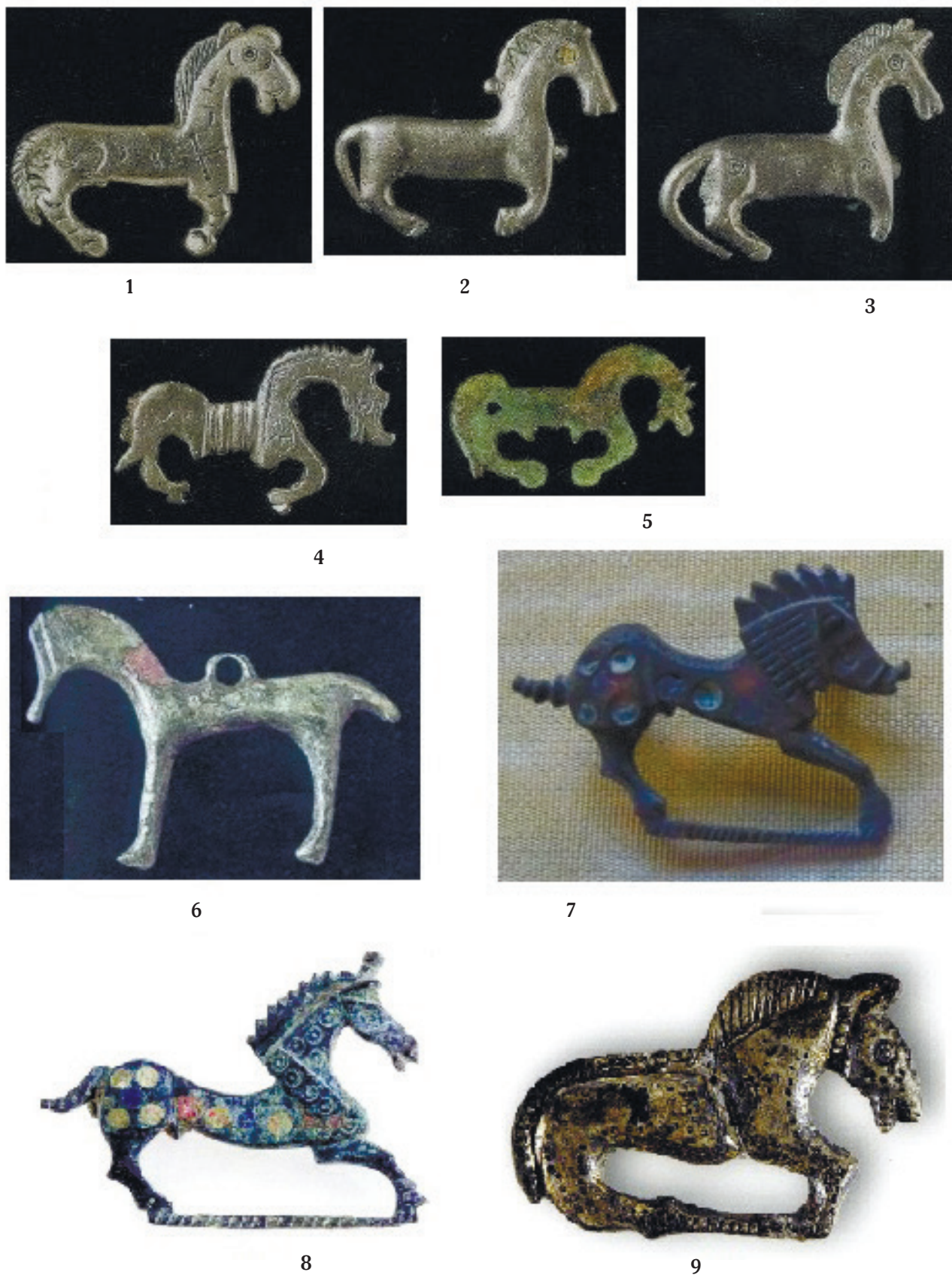

Рис. 4. Металлические амулеты в виде коней и всадников из Италии и Франции. Масштаб различный.
1–5 – некрополь Castel Trosino (Paroli, Ricci, 2005);
6 – Рим, Национальный музей;
7 – Национальный музей Баргелло;
8–9 – Археологический музей, Страсбург.

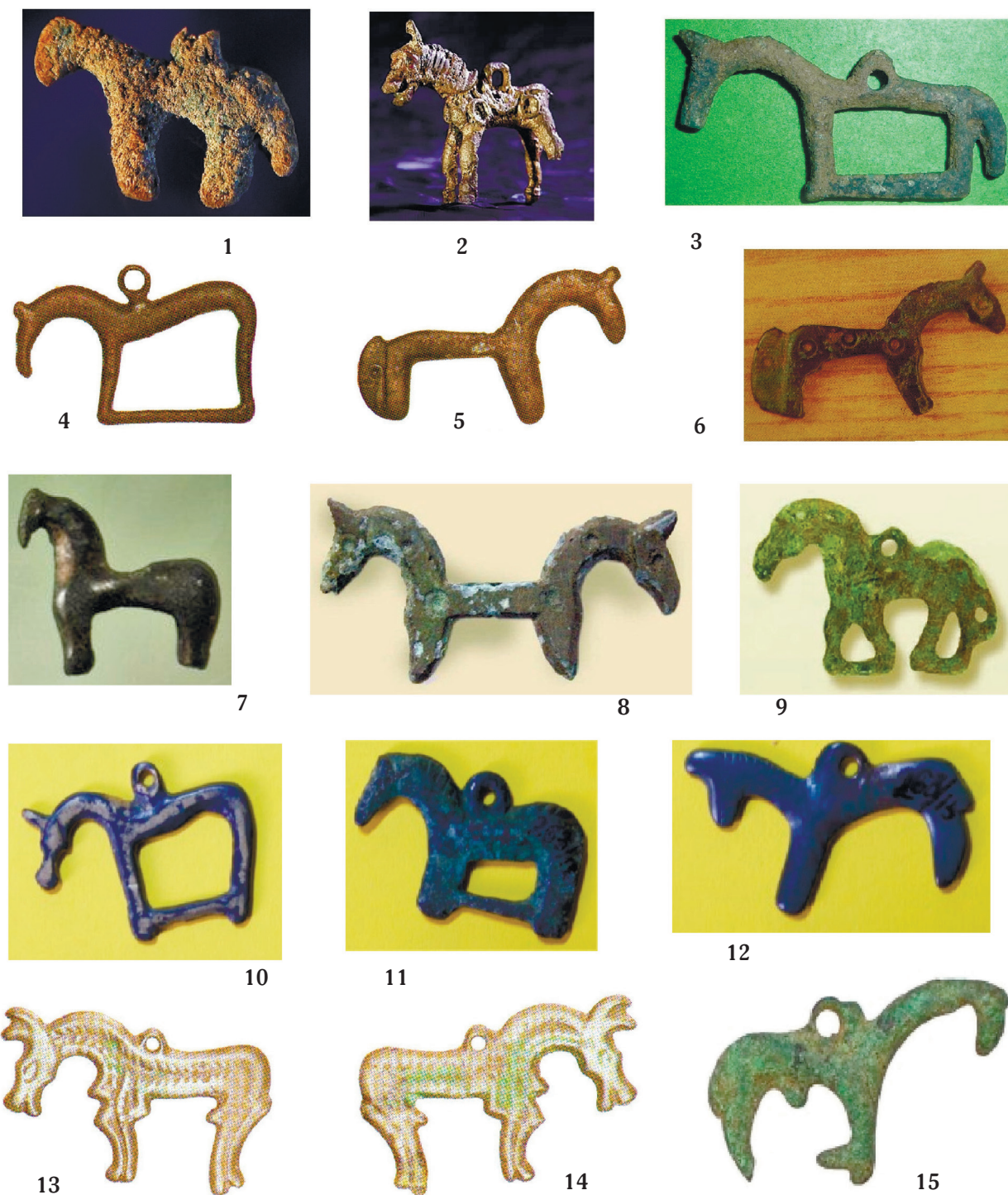

Рис. 5. Амулеты в виде коней и всадников из памятников Приуралья и Прикамья. Масштаб различный.

1 – Уфа-II городище, конь-амулет с петелькой, бронза, V–VI вв. (Республика Башкортостан) (Интернет-источник, фото Гатауллин У.М. и др.); 2 – Уфа-II городище, конь-амулет с петелькой, бронза, V–VI вв. (Республика Башкортостан) (Интернет-источник, Википедия); 3 – Кармалы городище, бронза, конек с петелькой, сборы (Самарская обл.); 4, 5 – Кушнаренковский могильник, бронза, VI в., турбаслинская культура, раскопки В.Ф. Генинга 1959 г. (Фонды МАЭ ЦЭИ УНЦ РАН); 6–8 – Верх-Саинский могильник, бронза, VI в., неволинская культура, раскопки Н.В. Водолаго (Голдина, Водолаго, 1990. Табл. XL, 17–35; Пермский краеведческий музей); 9 – Аверинский II могильник, бронза, ломоватовская культура, раскопки В.А. Кананина (Голдина, Лещинская, Черных, Бернц, 2007. Рис. 82); 10–12 – Бахмутинский могильник, кони-амулеты с петелькой, бронза, V–VI вв., бахмутинская культура (Республика Башкортостан) (сайт Национального музея Республики Башкортостан); 13, 14 – Шареевский могильник, пара подвесок, V–VI вв., турбаслинская культура, раскопки Н.А. Мажитова 1963 г. (Фонды МАЭ ЦЭИ УНЦ РАН); 15 – Коминтерновский II мог-к, подвески-коньки, 3 экз., бронза, VI в., турбаслинско-именьковская общность (Республика Татарстан), раскопки Е.П. Казакова (Казаков, 2020. Рис. XXXVI).

Рис. 6. Металлические амулеты в виде коней и всадников. Масштаб различный.

1 – случайная находка, юг России (Интернет-источник); 2 – Дмитриевский мог., кат. 56, бронза, VIII–IX вв., салтово-маяцкая культура (Плетнева, 2000. Рис. 21), место хранения Госэрмитаж; 3 – бронза, Кумбулта, VIII в., Терская обл. Владикавказский окр. (Аланский всадник, 2005. С. 48); 4 – Чинахой, бронза (Албегова, Ковалевская, 2011. Рис. 1, 16); 5 – Песчанка, бронза (Албегова, Ковалевская, 2011, Рис. 6, 7); 6–8 – Рим-гора (Албегова, Ковалевская, 2011. Рис. 8, 2–4); 9 – Дмитриевский мог., кат. 56, салтово-маяцкая культура (Плетнева, 2000. Рис. 21), Госэрмитаж; 10, 11 – Камунта (Албегова, Ковалевская, 2011. Рис. 1, 10); 12 – Аракс (Албегова, Ковалевская, 2011. Рис. 3, 4); 13 – Нальчик, бронза, VIII в. (ГИМ) (Аланский всадник, 2005. С. 48; Албегова, Ковалевская, 2011. Рис. 1, 19); 14 – Пензенская область, случайная находка (фонды Пензенского государственного краеведческого музея); 15 – Северо-Восточная Болгария (Албегова, Ковалевская, 2011. Рис. 2, 3).

1

2

3

4

5

6

7

8

9

Рис. 7. Находки из Прикамья и Приуралья.

1, 2 – Тюм-Тюм мог., п. 105, п. 94 (Лещинская, 2014. Табл. 11, 1; 17, 7); 3 – Тарасовский мог., п. 619, III в. (Голдина, 2003. Т. II. Табл. 10, 1; 261, 3); 4 – Ошкинский мог., п. 28, II–III вв. (Лещинская, 2014. Табл. 17, 4); 5 – Первомайский мог., п. 56, IV в. (Лещинская, 2014. Табл. 14, 4); 6 – Пеньки селище (Мельничук, Соболева, 1986. Рис. 2, 10); 7 – Краснокамск, всадник (Эренбург, 2014. Рис. 5); 8 – Ильинский район, всадник (Эренбург, 2014. Рис. 6); 9 – Назаровское селище (Кулябина, 2013. С. 117, 119).

1

2

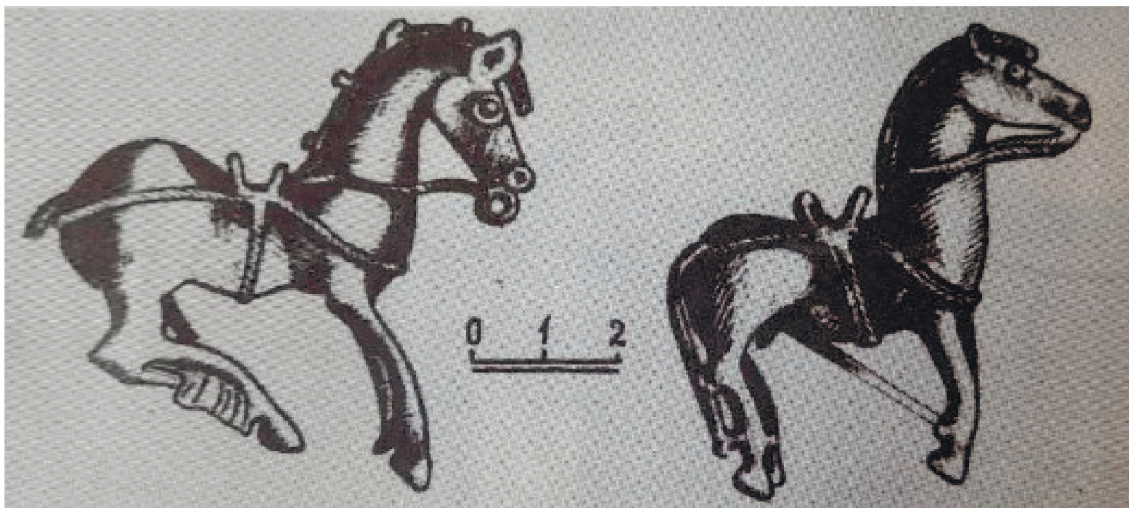
3

4

5

6

Рис. 8. Находки с территории Кавказа.

1 – Селение Верхний Кобан могильник, Пригородный р-н, Республика Северная Осетия – Алания. Пряжка. Первая треть I тыс. до н.э., кобанская культура (Бронзовый век, 2013. С. 597); 2 – Селение Верхний Кобан могильник, Пригородный р-н, Республика Северная Осетия – Алания. Пряжка с пятью отверстиями для крепления к ремню и крючком на оборотной стороне. Конец II – начало I тыс. до н.э., кобанская культура (Бронзовый век, 2013. С. 598); 3 – Нальчикский округ, Терская обл., Россия. Предкобанская эпоха, XIII–XII вв. до н.э. (Бронзовый век, 2013. С. 595); 4 – Могильник Верхняя Рутха. Селение Кумбулта. Владикавказский округ. Фигурка всадника на лошади. Конец I тыс. до н.э. (Железный век, 2020. С. 613); 5 – Казбекский клад. VI–V вв. до н.э. Станция Казбек, Военно-Грузинская дорога, Душетский уезд, Тифлисская губерния. Бляха умбоновидная, отлита по составной модели (Железный век, 2020. С. 621); 6 – Недзихи мог., Арагвское ущелье, фибулы, III–IV вв. н.э. Ранний этап христианизации Грузии (Полевые исследования, 1987. С. 84. Табл. CXLVI, 2).

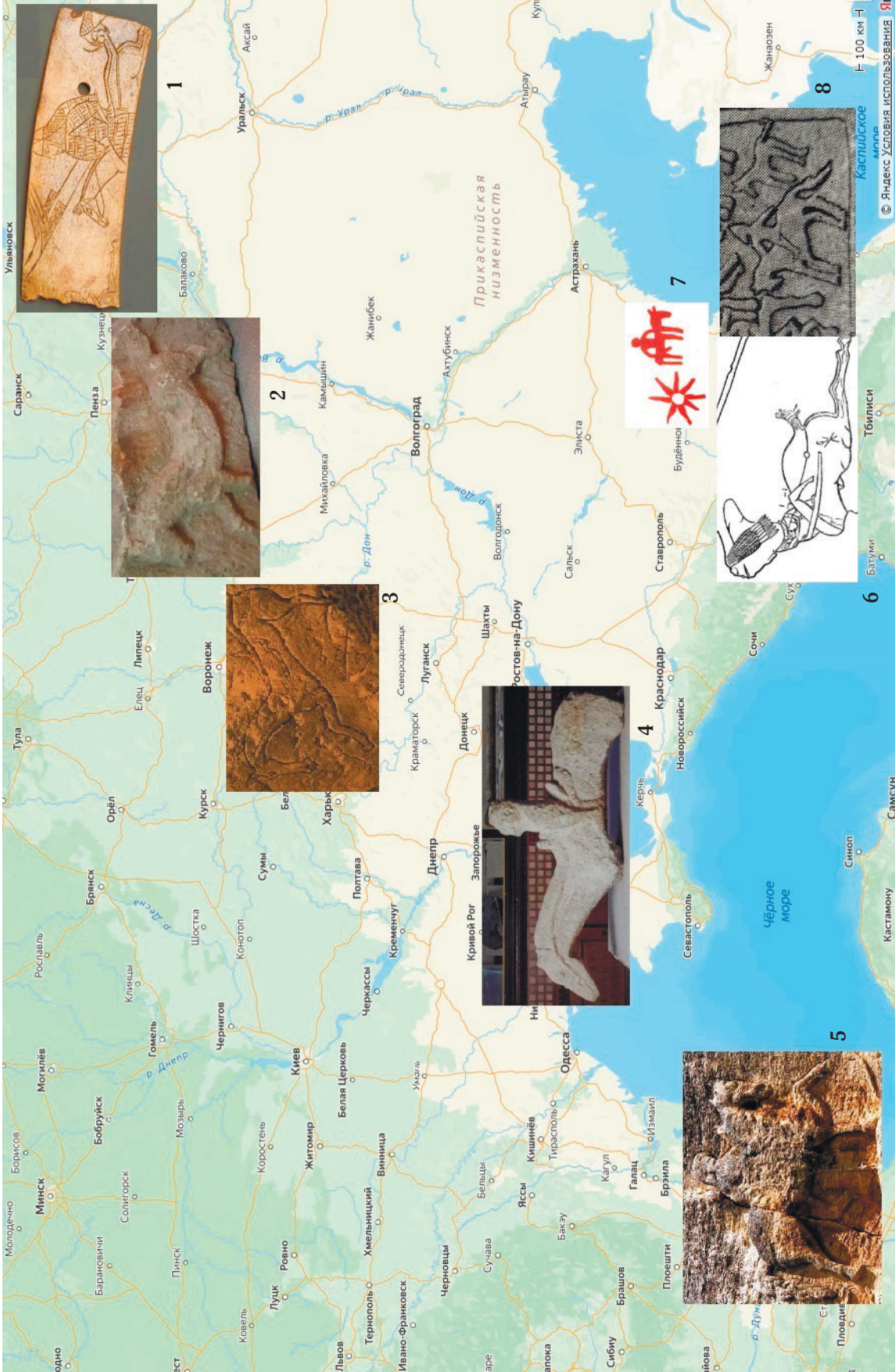

Рис. 9. Изображения коней и всадников Восточной Европы.

1 – Шиловский мог., Ульяновская обл. (Багаудинов и др., 1998, цв. вклейка); 2 – с. Атмис, Пензенской обл. (Полеских, 1970. С. 100); 3 – Маяцкая крепость, Воронежская обл. (Плетнева, 1984. С. 61. Рис. 3); 4 – с. Ново-Яковлевка Бердянского уезда Таврической губернии, VII–VIII вв. (Эпоха Меровингов, 2007. С. 315); 5 – Мадарский всадник, Болгария; 6 – Верхнеиригортовский мог., Дагестан (Магомедов, 1975. Рис. 1, 14); 7, 8 – с. Ругуджа, Дагестан, рисунок, рисунок охрой в пещере «Чуял» (Дебиров, 1966. Рис. 12), на плите из средневековой башни (Марковин, 1988. С. 115. Рис. 7, 3).

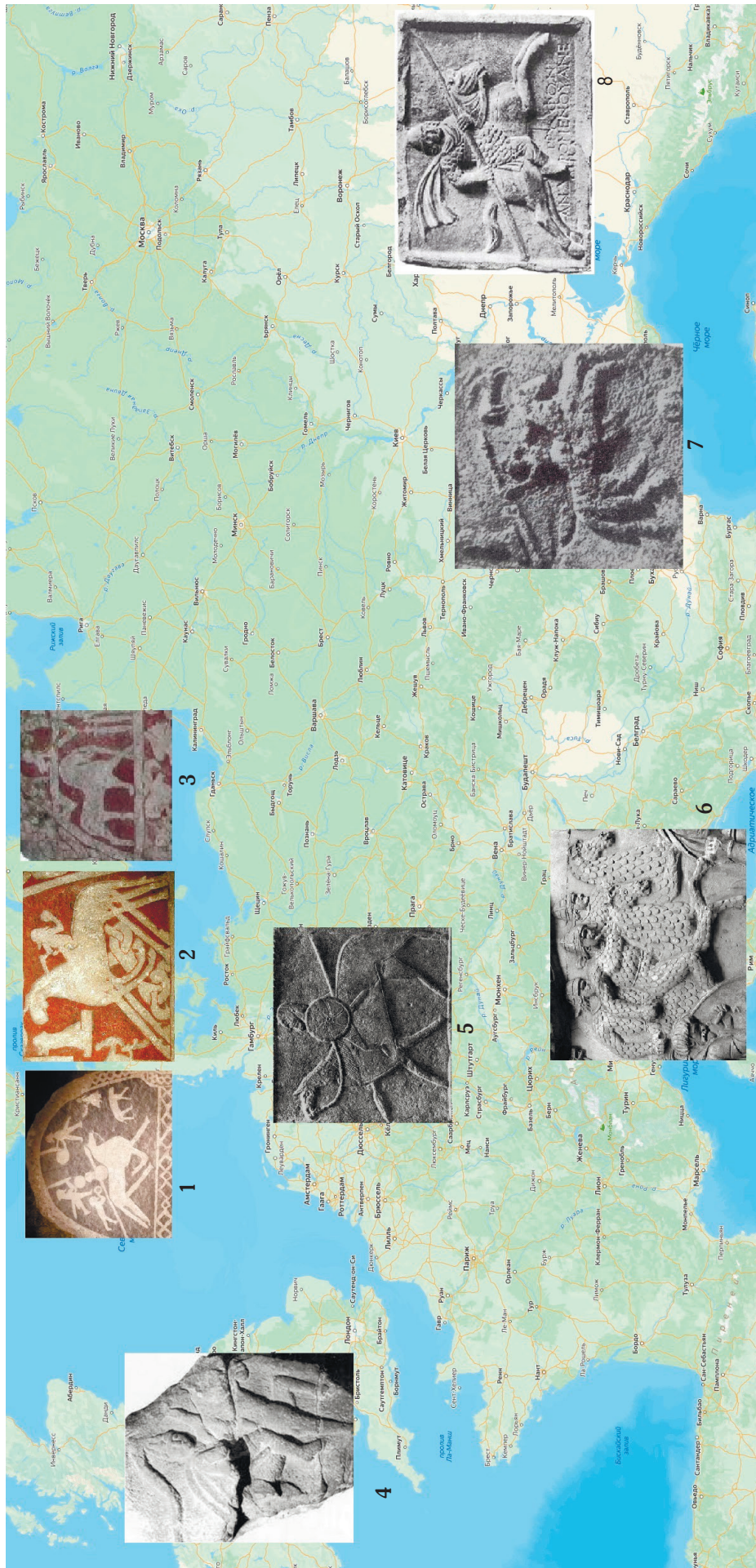

Рис. 10. Изображения на камне всадников и коней.

1–3 – камни с о. Готланд, 700–800 гг. (фрагменты с конем), музей Висби; 4 – Честер, Великобритания, сарматское надгробие II в. (Сулимирский, 2008. Фото 40); 5 – Хорнхаузен, Нижняя Саксония, надгробие (фрагмент), около 700 г., музей г. Холле; 6 – Рим, колонна Траяна, 113 г., фрагмент с сарматскими катафрактариями; 7 – с. Поповка, Северо-Западный Крым, II в. н.э. (Щеглов, 1978. Рис. 20); 8 – Танаис, надгробие Трифона, II в. н.э. (Соколов, 1973. С. 150–151).

Рис. 11. Сравнительная таблица археологических материалов Среднего Поволжья и Предуралья с материалами юга Европы.

1 – Брешия; 3 – Рома-Остия Антика; 6 – окрестности г. Павия; 7 – Александрия (по: Эпоха Меровингов, 2007); 4 – Музей Баргелло (фото П. Шувалова); 2, 5, 8, 10 – Musee Saint-Raymond (Тулуза); 9 – Musee Finaille (Родез); 11, 14 – Бирский мог-к; 12, 13, 20 – Кармалы городище (сборы); 14 – Ново-Турбаслинский мог-к; 15, 17 – Ново-славский II могильник (Валиев, 2018, Рис. 9, 10); 16 – Кушнаренковский мог-к; 18 – Коминтерновский II мог-к; 19 – Старо-Кабановский мог-к.

точников: «Аланы, разделенные по двум частям света, раздроблены на множество племен, перечислять которые я не считаю нужным. Хотя они кочуют как номады, на громадном пространстве на далеком друг от друга расстоянии» (Аммиан Марцеллин, XXIII, 17).

Латинские источники сообщают о присутствии аланов по обе стороны Рейна и по обе стороны Альп уже в начале V века.

В частности, Кассиодор пишет, что в 406 г. «вандалы и аланы, перейдя Рейн, вступили в Галлию» (Алемань, 2003. С. 171). По сообщению Беда Достопочтенного в 407 г., «народы аланов, свевов, вандалов и многие другие, перейдя Рейн, перебили франков и свирепствовали по всей Галлии» (Алемань, 2003. С. 169). Григорий Турский в своей «Истории франков» цитирует исторический труд Рената Профутура Фригериды V в. и сообщает о том, что в 406 г. «король аланов Респендиал, после того как Гоар перешел на сторону римлян, отвел свое войско от Рейна» (Григорий Турский, II, 9).

Приведем в этой связи очень ценное наблюдение В.Б. Ковалевской: «К этим массовым материалам (данные топонимики и антропологии – *Авт.*) можно добавить сведения по микро топографии, сохранение преданий и поговорок, навыков легкой степной кавалерии и использование в качестве антигероя аланского «царя» Гоара для создания легендарного короля Артура, рыцарей круглого стола, которых можно сопоставить со знаменитыми сарматскими катафрактариями, а коней – с восточными аланскими скакунами, столь ценными в кавалерии римской армии для высших начальников, включая императора. Достаточно того, что на протяжении VI в. в Арморике сохранялся аланский язык» (Ковалевская, 1995а. С. 131).

Имеется достаточное количество письменных свидетельств о пребывании аланов в Италии. В частности, Иордан в *Романа* пишет, что «германцы и аланы, разоряя Галлию, дошли до Равенны» (Алемань, 2003. С. 195).

Александриец Клавдий Клавдиан (IV–V вв.) – автор многочисленных эпико-исторических стихов, писал об аланах как наемниках на службе у Империи в Северной Италии (Алемань, 2003. С. 84). В эпико-исторической поэме о битве Стилихона с визиготским королем Аларихом (*De bello Pollentino sive Gothico*) при Поленции (402 г.) он пишет о смелости аланских вспомогательных войск, сражающихся на стороне Рима и об отваге конкретного аланского воина: «Все его тело было покрыто ранами, и слава сияла еще более гордо на обезображенном копьями лице. По приказанию Стилихона помчался он со своими быстрыми всадниками и, [сраженный] грыз землю Италии» (Алемань, 2003. С. 85).

К сожалению, большинство западноевропейских амулетов с изображением коня и всадника V–VI вв. –

это случайные находки. В массе своей это застежки-фибулы. В этой выборке единожды представлены парные фибулы (табл. 1. № 5). Двенадцать находок скачущего коня (K1) и пять – стоящего (K3) происходят из Италии и Франции. Шагающий конь (K2, B2) – представлен (9 экз.) в материалах из Италии, Франции, Германии и Дании. Как будет показано далее, «шагающие кони» связаны с культурой германских (вероятно, готских) племен.

Интересно, что в IV–V вв. на территории современных Германии, Франции, Швейцарии, Австрии и Венгрии бытовали поясные наборы с наконечниками ремней в виде сдвоенных конских головок – тип 7.3.2.2. *Viereckige Riemenzunge mit Perlrand* (Heynowski, 2017. P. 174). Рональд Хейновски полагает, что они бытовали в промежутке от позднеримского времени до периода миграций (Великого переселения народов) (Heynowski, 2017. P. 174).

В этой связи важно вспомнить стилистически близкую находку из Качинского клада на Волыни (ок. 420 г.) – большую ремennую бляху, украшенную двумя конскими головками (Кухаренко, 1982). Ю.В. Кухаренко ассоциирует эту находку с готами и гепидами: «Поэтому, может быть не случайно совпадение, что именно там, где в III в. располагались памятники вельбаркской культуры и найдены следы рунической письменности, о событиях V в. свидетельствует целая группа близких между собой находок в Качине, Ласках, Борочицах, отражающих тесные культурные и экономические контакты оставившего их населения с далекими западными областями варварского мира и Рима» (Кухаренко, 1982. С. 243).

Все вещи клада связываются исследователями с горизонтом Унтерзибенбрунн (Кухаренко, 1982; Шуккин, 2005. С. 332; и др.). «Начиная с этой фазы появляются в Центральной и Западной Европе не очень многочисленные погребения с искусственно деформированными черепами и захоронениями лошадей» (Шуккин, 2005. С. 333). По мнению В.Б. Ковалевской обычай искусственной деформации головы «связан исключительно с сармато-аланскими племенами Евразии» (Ковалевская, 2003. С. 600).

Исследователи отмечают ярко выраженный ассимиляционный потенциал алан на разных территориях в различных этнокультурных средах: «Интересным подтверждением заселения Северной Италии сармато-аланами являются слова Клавдиана о том, что аланы приняли обычаи Лациума. Это характеризует позицию алан, которые последовательно и сознательно придерживались политики ассимиляции с окружающими народами» (Ковалевская, 2003. С. 600).

Такого рода подход воспроизводился аланами не только в отношении народов Западной Европы, но и при взаимодействии с населением Среднего Поволжья

и Приуралья, где были найдены материальные свидетельства их присутствия в V–VI вв. (Богачев и др., 2019).

Уход части аланов с их коренных территорий далеко на север и северо-восток был следствием их невозможности противостоять военному натиску гуннов: «Аланов, хотя и равных им в бою, <...> они также подчинили себе, обессилив частыми стычками. Может быть, они побеждали их не столько войной, сколько внушая величайший ужас своим страшным видом; они обращали их [аланов] в бегство» (Иордан, 126–127).

Средняя Волга и Урал стали прибежищем для многих этносов Восточной Европы, бежавших под напором превосходящих сил завоевателей в первой половине I тыс. В частности, в районы Самарского Поволжья пришли небольшие группы протославян (славкинский тип) и венедо-сарматов (лбищенский тип). В Волго-Вятском междуречье, смешавшись с местным населением, поселились руги (азелинская культура). А огромную территорию Поволжья (от Суры до Белой и от Камы до Самары) заняла и начала осваивать крупная группировка славян-антов (именьковская культура). Интересно, что на этом обширном пространстве нашлось место и германцам-готам (Старомайнское городище в Ульяновском Поволжье) (Богачев и др., 2019; 2022).

Все эти различные по происхождению народы переселились в регион не одновременно – миграции с запада, начавшиеся в I–II вв., в последующем приобрели перманентный характер.

Исследователи отмечают, что во II–III вв. в районах Волго-Вятского междуречья появляются новые типы украшений: «К новым элементам костюмных комплексов можно отнести плоские коньковые подвески в орнаментальной стилистике изображений на бляхах II в.» (Лещинская, 2014. С. 170, табл. 87, 9–10) (рис. 7, 1–5). В IV в. «связь с предшествующим периодом прослеживается в эволюционном развитии известных уже типов металлической пластики... трансформируется иконография коньковых подвесок» (Лещинская, 2014. С. 172). Исследователь древностей региона Н.А. Лещинская отмечает, что «есть все основания говорить о включении пришлых групп в азелинскую среду Нижнего Прикамья» (Лещинская, 2014. С. 210, табл. 93, 7–9). Мы выдвинули гипотезу, согласно которой этими пришельцами были племена ругов, вытесненных готами из районов Прибалтики (Богачев др., 2019. С. 135–139). Гото-аланский историк VI века, в своем труде «О происхождении и деяниях готы» писал, что готы продвинулись «на места ульмеругов, которые сидели тогда по берегам океана; там они расположились лагерем, и, сразившись [с ульмеругами], вытеснили их с собственных поселений (Иордан, 26). Вероятно, именно руги принесли в Волго-Вятское междуречье идею ко-

ня-амулета, коня-украшения. До их прихода таковой в регионе не было. Вместе с тем, техника изготовления и художественное оформление изделий (рельефная орнаментация валиками) восходит к местным традициям (эполетообразные застёжки и др.). Таким образом, новое содержание (конь) в буквальном смысле слова было интегрировано в старую форму (прикамские шумящие подвески, нагрудники и т.п.). Заметим, что порядка 10% погребений азелинской культуры содержат элементы конской упряжи (Лещинская, 2014, табл. XXX). Интересно, однако, то, что «ритуальные захоронения коней вместе с человеком (череп, кости нижних отделов конечностей, режущие кости хвостового отдела), достигающие на нижекамских азелинских могильниках 40–47%, на Вятке зафиксированы лишь в одном случае – на могильнике «Атамановы кости» (Лещинская, 2014. С. 28–29).

П.Н. Старостин, специально изучавший этот феномен, объясняет его острой политической ситуацией на Нижней Каме в середине I тыс. н.э.: «Военные столкновения могли иметь место не только между коллективами – носителями азелинской культуры, но и с пришельцами. В этих условиях азелинские воины могли использовать коня» (Старостин, Петренко, 1984. С. 105). В свою очередь, Г.А. Архипов, также исследовавший могильники азелинской культуры, при раскопках зафиксировал тот факт, что коньковая подвеска «является принадлежностью верхней одежды» (Архипов, 1976. С. 101), а также пришел к выводу, что «обряд ритуального захоронения черепа и ног коня в памятниках Марийского Поволжья I тыс. н.э. является результатом сарматского влияния» (Архипов, 1979. С. 180).

Заметим, в этой связи, что на Средней Волге известны и более ранние (первых веков н.э.) захоронения с черепом и конечностями коня. Это, прежде всего, уникальный Андреевский курган, в материальной культуре которого многие авторы (К.А. Смирнов, П.Д. Степанов, Ю.А. Зеленева, и др.) вычленили сарматский компонент. Безотносительно этнокультурной оценки погребенных в Андреевском кургане важно подчеркнуть, что это были конники, пришедшие в регион из центральной Европы, на что указывают, в частности, находка бронзовой чаши и котелка италийского производства (Степанов, 1980. С. 42. Рис. 11, 12) и нескольких фибул типа «Авцисса» (Степанов, 1980. Табл. 20, 3). Дата последних (тип 4.3.2. Aucissafibel по Р. Хейновски) в настоящее время определяется I в. до н.э. – I в. н.э. (Hejnowski, 2012. P. 133–134).

Таким образом, можно констатировать, что инфильтрация кочевнического населения из южных (степных) районов Европы в более северные (лесные) имела место уже в самом начале I тыс. н.э.

Очередная волна переселения в Волго-Камье была предопределена гуннским нашествием.

«Сталкиваясь с гуннами, некоторые группы степного и лесостепного населения пытались скрыться от них в новых, более глухих и, как правило, в более северных районах, обретая новую родину» (Голдина, 1999. С. 275). Так, по мнению Р.Д. Голдиной, в конце IV в. в Кунгурскую лесостепь из Зауралья пришли племена саргатской культуры: «скотоводческое население с развитым культом коня. В могилах найдены бронзовые подвески-коньки... Не исключено, что в составе мигрантов были небольшие группы позднесарматского населения, обитавшего в III–IV вв. преимущественно в верховьях р. Белой, хотя отдельные памятники известны и на р. Уфе» (Голдина, 1999. С. 276–277).

Действительно, степи и лесостепи Средней Волги и Белой были освоены ираноязычными кочевниками достаточно давно. В первые века нашей эры эту территорию контролировали поздние сарматы, памятники которых изучены достаточно хорошо (Мышкин, Скарбовенко, 2000; Васюткин, 1977, 1986 и др.).

Однако нам представляется, что в последней четверти IV – начале V в. на Среднюю Волгу пришли другие сарматы – с запада, из районов Поднепровья и Поднестровья (Богачев и др., 2022. С. 229). По мнению В.В. Седова «славянский этнический компонент III–IV вв. кроме Висленского региона занимал также Верхнее Поднестровье и попеременно с сарматами лесостепные земли междуречья Днестра и Днепра, где имел место славяно-иранский симбиоз. Чересполосно с готами, сарматами и гето-даками славяне, которых германцы и римляне именовали венетами, проживали также в междуречье нижнего Дуная и Днестра» (Седов, 1994. С. 277).

Именно этот разноэтничный массив под натиском гуннов сдвинулся, начал движение в северо-восточном направлении и остановился на Средней Волге и Предуралье. Эти племена сформировали здесь именковскую и турбаслинскую культуры. А какие-то группы пришлых славяно-гото-сарматов были интегрированы в среду финно-угорских культур (бахмутинская, неволинская, ломоватовская, полонская, кушнаренковская) Прикамья.

Все эти процессы достаточно определенно диагностируют как основополагающие элементы погребального обряда (кремации, ингумации с конем, ориентировка и сложные конструкции погребальных ям, биритуальные могильники), так и находки ряда украшений, принесенных их носителями с запада (черняховские фибулы, подвески-лунницы, ведерковидные подвески, сарматские зеркала и коньковидные подвески).

В этой связи достаточно красноречивую картину представляет наш опыт картирования кольцевых подвесок с выпуклинами – амулетов сармато-аланского происхождения (Богачев и др., 2022. С. 231. Илл. 103).

Карта распространения украшений в виде коня V–IX вв. в Волго-Камье³ в значительной степени совпадает с картой распространения кольцевых подвесок с выпуклинами этого периода.

Здесь имеет смысл сказать несколько слов о соотношении идеологической (мистической, сакральной) и эстетической нагрузки украшений и элементов костюма. В свое время мы писали о том, как теряется смысловое (знаковое) восприятие деталей поясных наборов по мере их удаления от центров первоначального производства и потребления: бляха-накладка, которая в «центре» изначально рассматривалась как знак головы поверженного врага, на периферии воспринималась просто как украшение и как следствие крепилась к поясу в перевернутом (как бы вниз головой) виде (Богачев, 2008. С. 345).

Представляется, что сакральный символизм коньковидных подвесок, равно как и кольцевых подвесок с выпуклинами, как неких амулетов-оберегов со временем ослабевал и стирался по мере их попадания в далекие рикамские леса в совершенно иную этнокультурную среду, приобретая в большей степени эстетическую нагрузку.

Однако мы выявили артефакты, картографирование которых позволило понять, что были украшения костюма и амулеты, которые в Волго-Камье не «перешагнули» этнические и культурные границы сармато-аланского мира. Это антропоморфные амулеты (Богачев и др., 2022. С. 238–239. Илл. 105) и полиэдрические серьги (Богачев, 2016).

Наше недавнее исследование выявило на Средней Волге и в Предуралье группу современных топонимов с морфемой *ас*, которые мы связываем с присутствием в регионе сарматов-асов. В Прикамье самые северо-восточные топонимы с этой морфемой выявлены в Бельско-Уфимском междуречье, и они не пересекают линию Нефтекамск – Красноуфимск (Богачев, 2023).

Вместе с тем какие-то группы кочевников эту границу перешли и продвинулись далеко на север, о чем свидетельствуют, прежде всего, материалы курганных могильников харинского типа в Верхнем Прикамье, которое судя по «вещам южного производства, отнюдь не было “медвежьим углом”, где все застаивалось и консервировалось на века. Население Прикамья поддерживало самые оживленные связи с соседними обла-

³ Надо сказать, что в Прикамье традиции литья разного рода зооморфных украшений и амулетов существует с эпохи раннего железного века. Известны здесь изображения коней и всадников (Железный век, 2020. С. 661). А в X в. в Пермском Прикамье появляются украшения типа «всадница на змее» и другие коньковидные подвески, распространившиеся в XI–XIII вв. в Северной Руси (Кузнецова, 2018; Никитина, 2012. Рис. 28, 2; 217, 2; 255, 7). Эти изделия в нашем исследовании мы не рассматриваем, в виду специфики их стилистики, морфологии и хронологии.

стями и регулярно в обмен на меха получало новейшие образцы многих изделий, в том числе поясных принадлежностей, которые служили образцами для местных мастеров» (Генинг, Голдина, 1973. С. 87).

Прикамские мастера освоили, в том числе и литье изделий в форме коньков и всадников, о чем, в частности, свидетельствует находка на Назаровском селище V–VII вв. необработанной (не сбиты литники) отливки. В одной форме отлиты две фигурки коней, на одном из которых находится антропоморфная схематичная фигурка всадника. Всадник объемный, правая рука опущена вниз и держит уздечку коня, левая рука отведена в сторону и вверх (ниже плеча обломана), ноги прямые, ступни направлены вперед. Конь под ним выполнен в технике плоского двустороннего литья, узкими выпуклыми валиками с двух сторон выделена уздечка. Второй конь очень похож на первого, но у него нет уздечки и он на 1/5 меньше (кончик хвоста сколот) (Кулябина, 2013. С. 229).

Находка этой необработанной отливки из д. Назарова (рис. 7, 9) чрезвычайно важна для понимания того факта, что привнесенная извне традиция стала воспроизводиться на новом месте, т.е. культ коня и всадника был передан ее носителями-пришельцами местному аборигенному населению.

Не менее важна и интересна находка цельнолитой двухсторонней фигурки всадника с мечом, найденная в слое конца IV–V вв. селища Пеньки (Мельничук, Соболева, 1986. Рис. 2, 10). Ноги коня очень короткие, хвост немного короче задней ноги (рис. 7, б). «Антропоморфная фигурка выполнена схематично: показаны только голова и туловище. На левом боку висит длинный всаднический меч с длинной рукоятью, отделенной от лезвия прямым перекрестием, конец рукояти утолщен – обозначено навершие» (Кулябина, 2013. С. 229).

На наш взгляд, именно длинная рукоять и навершие меча в сочетании являются важнейшими хронологическими маркерами. В настоящее время известно достаточно небольшое количество такого рода оружия.

В Прикамье мечи с обозначенными признаками были найдены в материалах Тураевского могильника (Генинг, 1976. С. 87; Голдина, Бернц, 2010. С. 137). В.Ф. Генинг отмечал, что длина рукоятей мечей «по сохранившимся фрагментам дерева была довольно значительная, что позволяет относить их к типу двуручных. На одном экземпляре, рукоять имела железный набалдашник» (Генинг, 1976. С. 87). В одном из погребений бескурганной части Тураевского могильника найден подобный меч с «частично сохранившимися деревянными обкладками двуручной рукояти, украшенной навитой на нее бронзовой проволокой. В качестве навершия рукоять имела халцедоновый диск, закрепленный на рукояти с помощью железной крестовидной (?) накладки с длинным железным штырем,

вбитым в рукоять» (Голдина, Бернц, 2010. С. 137). Дата комплексов с мечами согласно Р.Д. Голдиной – третья четверть IV в. (Голдина, 2018. С. 287).

Заметим, что на раннесредневековых могильниках Абхазии мечи с длинными рукоятями найдены в комплексах второй половины IV – первой половины VI в. (Воронов, Шенкао, 1982. С. 130. Рис. 4, 9, 10). Меч из погребения 43 могильника Цибилиум-1 (Воронов, Шенкао, 1982. С. 151. Рис. 18, 3) имел «характерное “восточное” навершие, известное, в частности, уже в III в. по пальмирским изображениям» (Засецкая и др., 2007. С. 139).

В Северной Осетии у с. Брут было исследовано аланское княжеское погребение V в. с подобным мечом с длинной рукоятью, который, «продолжает традицию мечей позднесарматского времени и относится к 3-му типу мечей по классификации А.М. Хазанова» (Габуев, 2011. С. 42).

Все предложенные аналогии мечу с фигурки всадника из Пеньковского селища указывают на мир, связанный с кочевническими культурами юга Восточной Европы. Интересным в этой связи представляется этнокультурная трактовка подкурганых захоронений Тураевского могильника, предложенная автором раскопок: «тураевская группа перед нашествием гуннов на причерноморские степи (370 г.), по-видимому, оторвалась от них и ушла на север в Нижнее Прикамье. Отдельные группы этого населения вступили в контакт с местными племенами... Все эти группы населения IV–VII вв. позднее назывались арабскими авторами одним собирательным именем – буртас» (Генинг, 1976. С. 108).

Таким образом, на современном уровне знаний можно достаточно определенно говорить о конце IV века, как о времени появления на Средней Волге и в Прикамье литых фигурок в виде коней и всадников, морфология которых была совершенно иной, нежели у фигурок коней III–IV вв. из материалов азелинской культуры Волго-Вятского междуречья. Заметим, что география новой волны амулетов в регионе оказалась значительно обширнее азелинских – практически вся Средняя Волга и вся территория бассейна Камы.

Период активного использования амулетов в форме коней и всадников в этом большом регионе – V–VII вв. (во второй половине VII–IX в. в Прикамье были распространены исключительно шумящие биконьковые подвески).

В массе своей это или подвески с петелькой, или пронизки (Средняя и Верхняя Кама) в виде стоящих коней (K3) (рис. 5).

Известно только три находки шагающих коней (K2, B2). Одна (K2) происходит из II Аверинского могильника ломоватовской культуры (рис. 5, 9). Две другие

(В2) – случайные находки из Пермского края (рис. 7, 7–8).

Последние представляют значительный интерес. Они не являются ни подвесками, ни пронизками, ни накладками. Следует отметить тщательность проработки деталей как коней, так и всадников. Опубликовавший эти находки Б.А. Эренбург обращает внимание на длинные вытянутые головы всадников (искусственная деформация) и связывает появление вещей такого рода с переселением в регион сарматов: «На удобных речных мысах пришельцы построили огромные по тем временам крепости, например, Опутятское городище возле Добрянки с пятью рядами валов и рвов, жилыми районами и металлургическими мастерскими. На песчаных дюнах и в поймах уральских рек возле городищ расположились селения. Появились курганные могильники с захоронениями воинов-всадников с вооружением, поясной гарнитурой и конским убранством (Харино, Митино, Бурково и др.) (Эренбург, 2014. С. 10).

Очередная перемена этнополитической доминанты в степях Евразии произошла в третьей четверти I тыс. В VI в. тугю «начали громить и подчинять все окружающие их непрочные и рыхлые кочевые объединения. Вскоре власть тугю-тюрок распространилась по степи на тысячи километров: от берегов Тихого океана (кидани) до Черного и Каспийского морей (хазары, болгары и пр.)» (Плетнева, 1982. С. 68).

Принципиально важными представляются сведения о том, что «впоследствии мусульмане, сталкиваясь с тюрками, отметили их удивительное умение находить общий язык с окружающими народами» (Гумилев, 1993. С. 149).

Вероятно, именно это обстоятельство стало важнейшей предпосылкой и цементирующим фактором формирования монолитной салтово-маяцкой культуры: «богатеиший и чрезвычайно выразительный комплекс наряду с единством, отмеченным при рассмотрении определяющих и вторичных (дополнительных) признаков, еще раз подтверждает значительное единство культуры, раскинувшейся на всей территории лесостепей и степей от Волги до Приазовья и Крыма и от верховий и среднего течения Северского Донца, Оскола и Дона до Кавказских предгорий» (Плетнева, 2000. С. 22–23).

Конь занимал ключевое место в жизни населения Хазарского каганата. В очерке «Сюжеты хазарской графики» В.Е. Флерова отметила, что «основную массу отдельных изображений животных составляют фигурки лошадей» (Флерова, 2005. С. 158).

Амулеты в виде коней и всадников представлены на ряде могильников салтово-маяцкой культуры: «пятый тип “солнечных” амулетов представлен отлитыми из бронзы фигурками коня, которого изображали то стоящим и оседланным, то в беге и без седла. В Салто-

ве обнаружена подвеска в виде всадника, сидящего на оседланном коне» (Плетнева, 1967. С. 176).

С момента выхода книги С.А. Плетневой «От кочевий к городам» прошло более полувека: источниковая база материалов, связанных с салтово-маяцкой культуры и сопредельных территорий значительно увеличилась (рис. 5).

На сегодняшний день наиболее полная сводка амулетов в виде коней и всадников, связанных с болгаро-аланскими памятниками Европы, опубликована З.Х. Албеговой и В.Б. Ковалевской. Помимо всего прочего авторы констатировали, что с середины VIII в. амулеты с Кавказа «попадают на Средний Дон вместе с переселившимися группами алан-асов. Очевидно, они возникли на Кавказе до переселения носителей аланской культуры на Дон» (Албегова, Ковалевская, 2011. С. 281). По мнению авторов, есть «таксоны, появившиеся в результате влияния других культур (основная концентрация фигурок приходится на территорию Северо-Восточной Болгарии) в X–XI вв.» (Албегова, Ковалевская, 2011. С. 281).

Из материалов, представленных в сводке З.Х. Албеговой и В.Б. Ковалевской, следует, что в условном треугольнике Кавказ – Средний Дон – Северо-Восточные Балканы, самые ранние амулеты происходят с Кавказа: «в катакомбе 10 Гоустского могильника фигурка всадника обнаружена со штампованной круглой бляшкой, подражающей брошам со стеклянными вставками и поясными накладками, аналогичными накладкам из катакомбы 107 Мокрой Балки, датирующейся Г.Е. Афанасьевым и В.Ю. Малашевым второй половиной VI – первой четвертью VII в.» (Албегова, Ковалевская, 2011. С. 280). Ранняя дата клада из Урцеки, в состав которого входила фигурка крылатого коня, по мнению В.Г. Котовича – V в.; по мнению М.С. Гаджиева – III–IV в. (Албегова, Ковалевская, 2011. С. 278).

Говоря о ранней дате появления такого рода амулетов на Кавказе, необходимо учитывать находки фибул⁴ в виде коня из комплексов III–IV вв. могильника близ с. Недзихи на северо-востоке современной Грузии (Полевые..., 1987. С. 84. Табл. CXLVI, 2).

Мы солидарны с В.Б. Ковалевской в том, что на территории Кавказа истоки амулетов в виде коней и всадников «уходят по крайней мере в эпоху бронзы и раннего железа, и мы можем проследить единую линию развития указанных амулетов вплоть до эпохи развитого средневековья, а далее, у различных племен Кавказа, почти до наших дней» (Ковалевская, 1995б. С. 149).

Пожалуй, наиболее ранние образчики отлитых в бронзе фигурок коней и всадников мы находим в материалах кобанской культуры (Козенкова, 1989).

⁴ Согласно В.Б. Ковалевской, амулетами являлись как специально изготовленные бронзовые подвески, так и фибулы (Ковалевская, 1995б. С. 149).

Табл. 100, 12, 15, 16, 18; Железный век, 2020. С. 596, 613, 620–621; Бронзовый век, 2013. С. 595, 597, 622). Интересно, что уже в I тыс. до н.э. были сформированы образы стоящих и скачущих коней (K1, K3) и всадников (B1, B3) (рис. 8). Причем, поза всадника, где одна рука на шее у скачущего коня, а другая – на крупе, тоже уже была представлена в кавказских материалах эпохи бронзы и раннего железного века (рис. 8, 5).

Важно отметить, что в материалах I тыс. до н.э. Центральной Европы представлены фибулы в виде коней – 3.28.3 Pferdchenfibel (Heynowski, 2012. P. 117). В монографии «Венеды: индоевропейский контекст» мы на материалах украшений со спиралевидным декором выявили многочисленные связи Кавказа в кобанскую и предкобанскую эпоху с регионами Центральной Европы (Богачев и др., 2022. С. 89–91). Исследователь древностей Северного Кавказа В.И. Козенкова в монографии «У истоков горского менталитета» пишет «о своеобразной «реанимации» стиля спиралевидных украшений Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы под воздействием проникновения сюда в самом конце II тыс. до н.э. элементов стиля, характерного для изделий Пилинского металлообрабатывающего очага Центральной Европы. По наблюдениям исследователей, пережитки этого стиля зафиксированы в памятниках Карпато-Дунайского бассейна вплоть до периода НаА2, т.е. XI–X вв. до н.э. (Козенкова, 2002. С. 106).

Говоря о менталитете, важно подчеркнуть, что в данном случае речь идет об индоевропейцах, в мировоззрении и мистических практиках которых конь занимает значительную роль: «Заклание лошади как наиболее желанной и ценной жертвы было характерно для древней религиозной практики арийских племен; особое предпочтение отдавалось белым лошадям» (Бонгард-Левин, Грантовский, 1974. С. 74).

Интересно, что согласно К.Г. Юнгу, в ряду древнейших архетипических символов «черный конь и черный маг являются полузлыми элементами, на относительность которых по сравнению с добром указывает обмен одеяниями... Это коллективное бессознательное не развивается индивидуально, а наследуется. Оно состоит из предсуществующих форм – архетипов» (Юнг, 2022. С. 69, 87).

Это обстоятельство во многом объясняет произвольное, на первый взгляд, воспроизводство на разных территориях и в разное время артефактов (фигур коней), отражающих архетипы индоевропейского населения Европы: «Красной нитью проходит здесь идея о нерасторжимой связи между конем и ранними индоевропейцами» (Ковалевская, 1977. С. 29).

Нам представляется, что во второй половине I тыс. одной из функций архетипических изображений (коня) является маркирование и закрепление определенных освоенных (завоеванных) территорий, контролируе-

мых «двумя основными этническими группировками европейских степей той эпохи: аланами и хазарами» (Плетнева, 2000. С. 18–19). В этой связи особый интерес представляют мастерски выполненные художественные изображения (стелы, петроглифы, граффити, резьба по камню и кости) коней и всадников, найденных в различных (пограничных) регионах салтово-маяцкой культуры. Все эти знаковые артефакты как бы обрамляют мир, в большей или меньшей степени вовлеченный в сферу влияния хазарского каганата.

Прежде всего, это *Мадарский всадник* – рельефное изображение всадника, высеченное на отвесной скале на высоте 23 м у с. Мадары в северо-восточной части Болгарии. Согласно общепринятой версии, памятник датирован приблизительно 710 годом н.э.

Вытесанное из известняка скульптурное изображение всадника, случайно найденное в 1904 году у с. *Ново-Яковлевка* Бердянского уезда Таврической губернии. Фигура человека непропорционально маленькая в сравнении с конем. Конь (ноги отсутствуют) под седлом в сбруе, поводья наброшены на переднюю луку седла. Исследователи датируют артефакт VII–VIII вв. (Эпоха Меровингов, 2007. С. 315).

Изображения коней (13 находок) и всадников (3 находки) на блоках стен *Маяцкого городища* (Плетнева, 1984. С. 57–94. Рис. 3–8). Важно отметить, что памятник (современная Воронежская область РФ) находится на самой границе хазарского мира: «Маяцкая крепость, царящая над петляющим по широкой пойме Доном, является крайним восточным памятником, который можно относить к лесостепному – аланскому варианту» (Плетнева, 2000. С. 64).

Известняковая стела с вытесанным рельефным изображением скачущего коня, случайно найденная краеведом Г.Д. Смагиным на сельском кладбище с. *Атмис* Пензенской области. Детали фигуры хорошо проработаны, изображение пластично (Полесских, 1970. С. 100). Важно отметить, что на территории области найден амулет в виде фигурки всадника, характерный для материалов салтово-маяцкого круга (рис. 6, 14). Кроме того, в погребении 215 Армиевского могильника найдена пара полиэдрических серег, распространенных исключительно в аланской среде в VI–VII вв. (Полесских, 1979. Рис. 15, 1). В этой связи находка рельефа коня на каменной плите именно на этой территории вполне объяснима и может быть соотнесена с болгаро-аланскими материалами последней трети I тыс.

Комплекс костяных пластин, украшенных мастерски вырезанными историко-эпическими и мифическими сюжетами. Помимо ярких сцен борьбы драконов, медведя, лучников и копейщиков, на них есть изображения стоящих коней и скачущих всадников. Эти уникальные артефакты найдены в захоронении-катакомбе кургана 1 *Шиловского могильника* в Ульянов-

ской области (Багаутдинов и др., 1998). Судя по размерам курганной насыпи, сложности ритуала, обилию, разнообразию и богатству погребального инвентаря, это определенно захоронение вождя. Дата захоронения – VII в. – свидетельствует о том, что Шиловские курганы принадлежат первым болгаро-аланским переселенцам из Приазовья. Не вдаваясь в детали – все они опубликованы нами монографически (Багаутдинов и др., 1998) – отметим, что захоронение-катакомба характерно для алан, а подквадратный в плане подкурганый ровик – для тюрок. Таким образом, у нас есть все основания предполагать, что возвышающиеся над волжскими просторами курганы и хранящиеся в них сакральные атрибуты власти – символы покорения болгаро-аланами новых территорий, своего рода «межевые столбы» (Даль, 1994. Т. 4. С. 543).

Отметим, что захоронения в Шиловском могильнике, а также курганы новинковского тапа на Самарской Луке (Матвеева, 1997; Багаутдинов и др., 1998) маркируют предсалтовский хронологический горизонт. И в этой связи прямые сопоставления с более поздними материалами собственно салтово-маяцкой культуры не вполне корректны. Однако, связь между этими этнокультурными феноменами безусловна, что, в частности, выражается в сакрализации коня: полные скелеты лошадей (а также черепа и конечности коней) найдены в захоронениях Шиловского и Брусаянских могильников на Средней Волге.

Северный Кавказ – регион, где культ коня и значимость всадника зафиксирован в произведениях искусства с эпохи бронзы, о чем свидетельствуют петроглифы (рис. 9). Вероятно, именно тогда были сформированы некоторые принципы (каноны) изображения положения всадника на коне – одна рука на крупе лошади, другая – на шее. Такие петроглифы, нанесенные красной охрой, исследованы в Дагестане в пещере «Чуял» близ села Ругуджа (Дебилов, 1966. Рис. 12), и в этом же селе на плите одной из средневековых башенных построек есть подобные изображения всадников (Марковин, 1988. С. 115. Рис. 7, 3) (рис. 9, 7, 8).

Говоря о материалах Прикаспийской Хазарии, прежде всего следует отметить находку костяных пластин из Верхнечирюртовского могильника VII – начала VIII в., на одной из которых (рис. 9, 6) резцом большого мастера был изображен скачущий всадник (Магомедов, 1975. Рис. 1, 14).

Нельзя не отметить идентичность достаточно сложной формы флажков на копьях у всадников с Шиловских пластин с флажком на копье всадника на изображении V–VI вв. на скале Наратюбе у села Кумторкала в Дагестане (Дебилов, 1966. Рис. 7).

Таким образом, все приведенные выше материалы позволяют говорить о глубоких архетипических корнях

искусства изображения коня и всадника, в полной мере проявившееся у алано-болгарского населения последней трети I тыс. на огромной территории от Дуная до Средней Волги, от Кавказа до Среднего Поднепровья и Подонья.

В нашей выборке амулетов в виде коня и всадника наиболее поздними являются артефакты (рис. 3, 3–8, 16–17, 20–24), найденные в материалах Северной Европы конца I тыс., связываемые исследователями с германоязычными выходцами из Скандинавии. Все они представлены исключительно изображениями с шагающим конем (K2, B2).

Источники позволяют говорить о том, что сами участники описываемых событий I тыс. различали особенности экстерьера их собственных лошадей и коней народов, с которыми они взаимодействовали.

Иордан воспроизводит сюжет о мести росомонов (братья Сар и Амми) Германариху (Ёрмунрек) за жестокую и немотивированную казнь их сестры Сунильды (Сванхильд) (Иордан, 129).

В своей книге «Готский путь» М.Б. Щукин воспроизводит отрывки из «Старшей Эдды» XIII в. («Подстрекательство Гудрун», «Речи Хамдера») в переводе А. Корсуна (Щукин, 2005. С. 226).

Гудрун обращается к сыновьям:

Сванхильд – имя
Вашей сестры,
Что Ёрмунрек бросил
Коням под копыта,
Вороним и белым,
На дороге войны,
Серым объезженным
Готским коням!

Отметим, что в «Гетике» Иордана кони были «дикие» (Иордан, 129). Далее ответ одного из сыновей (Сёрли/ Сара) Гудрун:

Обоих нас тоже
Ты, Гудрун, оплачешь,
Всадников смелых,
К смерти мы близки.
Из дому вышли,
Фыркая в ярости,
Двинулись в путь
Через влажные горы
На гуннских конях,
К мести готовые...

Таким образом, в тексте упомянуты две разновидности коней: «готские кони» – короля готов Германариха, и «гуннские кони» – росомонов. В данном исследовательском контексте мы не будем затрагивать многолетнюю дискуссию о толковании этнонима «росомоны» (возможно, это роксоланы), важно, что они были на «гуннских конях». Важно и то, что автор эпических строк разделяют породы коней. Историки I тыс.

оставили нам характеристики германских и гуннских коней, а также навыки их хозяев.

Германцы.

«Их кони не отличаются ни красотой, ни резвостью. И их не обучают делать повороты в любую сторону, как это принято у нас: их гонят либо прямо вперед, либо с уклоном вправо, образуя настолько замкнутый круг, чтобы ни один всадник не оказался последним. И вообще говоря, их сила больше в пехоте» (Тацит, 6).

«Гизерих <...> хромым из-за падения с лошади» (Иордан, 168).

«Валамир: чтобы ободрить своих, он скакал перед войском верхом на коне; испугавшись, конь упал и сбросил седока, который тут же был пронзен вражескими копьями» (Иордан, 276).

Гунны.

«Вырвались рои гуннов, которые летая туда и сюда на быстрых конях, все наполняли резней и ужасом» (Евсевий Иероним).

«Они словно приросли к своим коням, выносливым, но безобразным на вид, и часто, сидя на них на женский манер, занимаются своими обычными занятиями. День и ночь проводят на коне, занимаются куплей и продажей, едят и пьют и, склонившись на крутую шею коня, засыпают и спят так крепко, что даже видят сны. Когда приходится им совещаться о серьезных делах, то и совещание они ведут, сидя на конях» (Аммиан Марцеллин. Римская история, XXXI, 6, 7).

«Ростом они не велики, но быстры проворством своих движений и чрезвычайно склонны к верховой езде» (Иордан, 128).

Комментируя фрагмент из Аммиана Марцеллина о победе армии Феодосия над Максимом, известный исследователь гуннов Отто Менхен-Хельфен пишет: «Хотя невозможно доказать, что император был обязан своей победой над Максимом безрассудно смелой гуннской кавалерии, они определенно сыграли решающую роль в кампании. Конники Феодосия “неслись по воздуху на Пегасах”; они не скакали, а летели. Никакие другие войска, кроме гуннских, не могли преодолеть 60 миль от Эмоны до Аквилеи за один день» (Менхен-Хельфен, 2014. С. 27).

Таким образом, источники нам говорят о том, что германские кони медлительны, пугливы и неповоротливы, а кони гуннов (росомонов/роксаланов) – легки и стремительны; вожди готов временами падают со своих коней, а проворные гунны срослись с конем в единое целое и буквально живут в седле.

Все эти характеристики, на наш взгляд, обусловлены природно-географическими условиями тех или иных территорий: леса и овраги Северной Европы и горы Скандинавии не способствуют формированию высокоскоростных характеристик коней, каковые органичны и естественны на плоском и обширном про-

странстве степей Евразии. Поэтому кони на севере Европы малоподвижны и массивны, а в степях – легки, быстры и поджары.

Все это естественным образом отразилось (отпечталось) на артефактах I тыс. н.э. – амулетах (фибулах, подвесках) в виде коней и всадников. Находки «шагающих» коней (K2, B2) главным образом связаны с передвижением германоязычных народов (Северная, Центральная и Западная Европа); «скачущие» кони (K1, B1) – с передвижением иранских племен (Кавказ, Европейские степи и лесостепи, Южная Европа).

На некоторых амулетах из нашей выборки хорошо различим притороченный к коню щит.

Тацит обращает внимание, что германский «всадник также довольствуется щитом и фрамеей» (Тацит, 6). А рассуждая о том, к кому отнести венедов (к германцам или сарматам), он пишет: «их скорее можно причислить к германцам, потому, что они сооружают себе дома, носят щиты» (Тацит, 46). Интересно, что единственная подвеска-лунница с изображением всадника со щитом (Табл. 1, № 27) найдена на территории киевской культуры, в зоне венедо-сарматов. Именно там находится район концентрации сарматских амулетов – кольцевых подвесок с выпуклинами (Богачев и др., 2022. Илл. 103).

В рунической надписи на камне из Рёка говорится о Тедрихе:

Ныне сидит он,
держа свой щит,
на готском коне,
вождь мерингов.

Изображения на каменных стелах Северной Европы, практически повторяют неторопливо шагающих коней с европейских металлических амулетов второй половины I тыс. н.э. В то время, как сарматские кони, всегда изображены на каменных стелах скачущими рысью или галопом (рис. 10).

Выше уже говорилось, что в религиозных практиках арийских племен особое место отводилось именно белым лошадям. Германцы – потомки древнейших индоевропейцев сохранили в своих мистических практиках этот обычай. Тацит сообщает: «лишь у германцев в обыкновении обращаться за предсказаниями и знаменениями также к коням. Принадлежит всему племени, они выращиваются в тех же священных дубравах и рощах, ослепительно белые и не понуждаемые к каким-либо работам земного свойства; запряженных в священную колесницу, их сопровождают жрец с царем или вожди племени и наблюдают за их ржанием и фырканием. И никакому предзнаменованию нет больше веры, чем этому, и не только у простого народа, но и между знатными и между жрецами, которые считают себя служителями, а коней – посредниками богов» (Тацит, 10).

Связь между индоевропейцами-сарматами и индоевропейцами-германцами проявляется далеко не только в плоскости отношения к коню, как к некоей сакральной субстанции. Зачастую различные ветви этих двух народов тесно переплетались и даже срастались в одну (Богачев, 2016; Богачев и др., 2019). И такого рода процессы происходили на разных, зачастую очень

далеких друг от друга территориях, что достаточно ярко проявилось в материальной культуре (рис. 11). Но об этом мы расскажем отдельно.

Таким образом, изучение украшений-оберегов в виде коня и всадника дает нам возможность приблизиться к пониманию этнокультурных процессов, происходивших в Европе в I тыс. н.э.

ЛИТЕРАТУРА

- Аланский всадник. Сокровища князей I – XII вв. Каталог выставки / Автор-составитель В.А. Габуев. М., 2005.
- Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003. 608 с.
- Албегова (Царикаева) З.Х., Ковалевская В.Б. Амулеты коней и всадников в памятниках Северного Кавказа и Среднего Дона // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный–М., 2011. С. 277–293.
- Аммиан Марцеллин. Римская империя / Пер. с латинского Ю.А. Кулаковского, А.И. Сонни. М., 2005.
- Архипов Г.А. Марийский край в памятниках археологии. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1976. 168 с.
- Архипов Г.А. Захоронения с конем I тысячелетия н.э. в Марийском Поволжье // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1979. С. 172–180.
- Афанасьев Г.Е. Бронзовые фигурки всадников из аланских погребений Северного Кавказа // Труды ГЭ. Л., 1973. Вып. XXXVI. С. 36–38.
- Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара: Фонд «Полдень. XXII век», 1998. 286 с.
- Бернц В.А., Пастушенко И.Ю. Важгортский II могильник эпохи средневековья в Коми-Пермяцком округе // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в.н.э.): хронологическая атрибуция. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. С. 415–427.
- Богачев А.В. Процедура-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов Среднего Поволжья V–VIII вв.). Самара: Артефакт, 1992. 207 с.
- Богачев А.В. К символике блях-«личин» из раннесредневековых комплексов Восточной Европы // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008. С. 343–347.
- Богачев А.В. Славяне, германцы, гунны, болгары на Средней Волге в середине I тыс. н.э. Саарбрюкен: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. 340 с.
- Богачев А.В. Серьги с многогранником V–VII вв. на Средней Волге и в Предуралье (к вопросу о готто-аланском присутствии в регионе) // Вояджер: мир и человек. № 6. Самара, 2016. С. 7–56.
- Богачев А.В. Асы и буртасы на Средней Волге и в Предуралье // ВАП. № 10. Самара, 2023. С. 241–254.
- Богачев А.В., Кузнецов А.В., Хохлов А.А. Рутены – руги – русь: века, дороги, судьбы. Самара: Вояджер: мир и человек, 2019. 336 с.
- Богачев А.В., Кузнецов А.В., Хохлов А.А. Венеды: индоевропейский контекст. Самара: Вояджер: мир и человек, 2022. 336 с.
- Богачев А.В., Французов Д.А. Костюм праболгар Среднего Поволжья: конец VII – начало X в. Самара: Самар. гос. тех. ун-т, 2012. 350 с.
- Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. М.: Мысль, 1974. 124 с.
- Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетие до н.э. Каталог выставки. СПб.: Издательство «Лань», 2013. 648 с.
- Васюткин С.М. II Ахмеровский курганный могильник позднесарматского времени // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа: ИЯЛИ БФАН, 1977. С. 67–89.
- Васюткин С.М. Салиховский курганный могильник конца IV–V в. в Башкирии // СА. 1986. № 2. С. 180–197.
- Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. М.: Наука, 1982. С. 121–165.
- Габуев Т.А. Меч из аланского княжеского погребения V в. н.э. у села Брут в Северной Осетии // Вестник Новосибирского государственного университета (НГУ). Серия: История. Филология: Т. 10. Вып. 4: Востоковедение. Новосибирск, 2011. С. 42–48.
- Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э. (захоронения военачальников) // Из археологии Волго-Камья. Казань: КФАН СССР, 1976. С. 55–108.
- Генинг В.Ф. Памятники у с. Кушнареново на р. Белой (VI–VII вв. н.э.) // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа: ИЯЛИ БФАН, 1977. С. 90–136.
- Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // ВАУ. Вып. 12. Екатеринбург, 1973. С. 58–121.
- Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Иркут. ун-т, 1985. 280 с.
- Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмуртский универси-

тет, 1999. 464 с.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник на Средней Каме. Т. II. Ижевск: УдГУ, 2003. 721 с.

Голдина Р.Д. О миграциях гото-славян в Волго-Камье в III–IV вв. н.э. // XXI Уральское археологическое совещание. Самара: СГСПУ, 2018. С. 283–288.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть): материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 17. Ижевск: Удмуртский университет, 2010. 496 с.

Голдина Р.Д., Водолого Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990. 174 с.

Голдина Р.Д., Лещинская Н.А., Черных Е.М., Бернц В.А. Наследие народов Прикамья. Древности Прикамья из собраний Удмуртского государственного университета. Ижевск, 2007. 196 с.

Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М. Бартымский комплекс памятников эпохи средневековья в Сылвенском поречье. Ижевск–Пермь, 2011, 340 с.

Голдина Р.Д., Перевозчикова С.В., Голдина Е.В. Могильник VI–IX вв. у д. Верхняя Сая в Кунгурской лесостепи. Ижевск, 2018. 720 с.

Григорий Турский. История франков. М.: Наука, 1987. 462 с.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1993. 526 с.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. М.: Прогресс, Универс, 1994.

Дебилов П.М. Резьба по камню в Дагестане. М.: Наука, 1966. 210 с.

Евсевий Иероним // Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 2. СПб., 1904. С. 368–369.

Железный век. Европа без границ. Первое тысячелетие до н.э. Каталог выставки. СПб.: Чистый лист, 2020. 720 с.

Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2007. 212 с.

Иордан О. происхождении и деяниях гетов (Getica)/ Вступ. статья, пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 2000. 512 с.

Казаков Е.П. Волго-Камье в эпоху тюркских каганатов. Коминтерновский II могильник. Казань: Изд-во АН РТ, 2020, 148 с.

Ковалевская В.Б. Конь и всадник (пути и судьбы). М.: Наука, 1977. 152 с.

Ковалевская В.Б. Изображения коня и всадника на средневековых амулетах Северного Кавказа // Вопросы древней и средневековой археологии Восточ-

ной Европы. М.: Наука, 1979. С. 111–120.

Ковалевская В.Б. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 83–97.

Ковалевская В.Б. Археологическая культура – практика, теория, компьютер. М.: Изд-во Институт археологии РАН, 1995а. 192 с.

Ковалевская В.Б. Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995б. С. 123–183.

Ковалевская В.Б. Послесловие к изданию на русском языке // Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003. 608 с.

Козенкова В.И. Кобанская культура Кавказа // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. С. 252–267.

Козенкова В.И. У истоков горского менталитета. Могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня. М.: Памятники исторической мысли, 2002. 232 с.

Кузнецова В.Н. Изобразительные традиции Севера Руси и Прикамья в зооморфных подвесках XI–XIII веков // Материальная культура, прикладное искусство и дизайн. 2018. № 8. С. 610–621.

Кулябина Н.В. Наследие камской чуди: Пермский звериный стиль: Из собрания Пермского краеведческого музея: Каталог. Пермь, 2013. 268 с.

Кухаренко Ю.В. О Качинской находке V в. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. М.: Наука, 1982. С. 234–244.

Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I – V вв. н.э.). Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27. Ижевск: Институт истории и культуры народов Приуралья, 2014. 472 с.

Магомедов М.Г. Костяные накладки из Верхнечирюртовского могильника // СА. 1975. № 1. С. 275–281.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М., 1968. 162 с.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М., 1981. 164 с.

Марковин В.И. К методике изучения смыслового содержания средневековых петроглифов Северного Кавказа // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 102–123.

Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997. 226 с.

Мельничук А.Ф., Соболева Н.В. Селище Пеньки – памятник харинского времени на р. Чусовой // Приуралье в древности и средние века. Устинов: Удмуртский университет. 1986. С. 99–109.

- Менхен-Хельфен Отто.* История и культура гуннов / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2014. 479 с.
- Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А.* Кочевники Самарского Поволжья в раннем железном веке // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М.: Наука, 2000. С. 9–93.
- Никитина Т.Б.* Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Казань, 2012. 408 с.
- Плетнева С.А.* От кочевий к городам. М.: Наука, 1967. 209 с.
- Плетнева С.А.* Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982. 188 с.
- Плетнева С.А.* Рисунки на стенах Маяцкого городища // Маяцкое городище. Труды советско-болгаро-венгерской экспедиции. М.: Наука, 1984. С. 57–94.
- Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. М.-Иерусалим, 2000. 241 с.
- Подосинов А.В.* Певтингерова карта // Свод древнейших письменных источников о славянах. Том I (I–VI вв.). М.: Наука, 1991. С. 63–80.
- Полевые археологические исследования в 1984–1985 годах (краткие сообщения). Тбилиси: Мецниереба, 1987. 128 с.
- Полесских М.Р.* Археологические памятники Пензенской области. Путеводитель. Пенза: Проволжское кн. изд-во, 1970.
- Полесских М.Р.* Армиевский могильник // Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры. Саранск: Мордов. кн. изд., 1979. С. 5–56.
- Седов В.В.* Славяне в древности. М., 1994. 345 с.
- Семенов В.А.* Варнинский могильник // Новый памятник полоумской культуры. Ижевск, 1980. С. 5–136.
- Соколов Г.И.* Античное Причерноморье. Л.: Аврора, 1973. 192 с.
- Старостин П.Н.* Памятники именьковской культуры // САИ. Вып. Д1 – 32. 1967. 96 с.
- Старостин П.Н.* Исследование памятников середины I тысячелетия н.э. в Татарии // АО-1982. М.: Наука, 1984. С. 178.
- Старостин П.Н., Петренко А.Г.* О погребениях с остатками коня Рождественского V могильника // Новые памятники археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1984. С. 91–112.
- Степанов П.Д.* Андреевский курган. К истории мордовских племен на рубеже нашей эры. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1980. 108 с.
- Стринггольм А.* Походы викингов, М.: АСТ, 2008. 400 с.
- Субботин Л.В., Черняков И.Т.* Бронзовые амулеты салтово-маяцкой культуры из левобережья Нижнего Дуная // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. К.: Наукова думка, 1982. С. 160–168.
- Сулимирский Т.* Сарматы. Древний народ юга России / Пер. с англ. Т.В. Китаиной. М., 2008. 191 с.
- Тацит Корнелий.* О происхождении германцев и местоположении Германии // Корнелий Тацит. Соч. в 2-х т. Т. 1. М.: Ладомир, 1993. С. 353–373.
- Трейстер М.Ю.* Малоизвестный эпизод истории сарматов: сарматы в Британии // Проблемы истории и культуры сарматов: Тез. докл. межд. конф. Волгоград: Изд-во Волгогр. госуниверситета, 1994. С. 52–53.
- Тэрнер В.* Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с.
- Флерова В.Е.* Образы и сюжеты мифологии Хазарии. М.–Иерусалим, 2001. 160 с.
- Флерова В.Е.* Сюжеты хазарской графики // Хазары. Евреи и славяне. Т. 16. М.–Иерусалим, 2005. С. 153–172.
- Хлезов А.А.* Предвестники викингов. СПб.: Евразия, 2016. 336 с.
- Шинаков Е.А., Чубур А.А.* Животный мир в искусстве и реальности: от раннего железного века до раннего средневековья (по материалам Среднего Поддесенья) // Stratum plus. № 5. 2021. С. 129–146.
- Щеглов А.Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.: Наука, 1978. 160 с.
- Щукин М.Б.* К вопросу о сармато-германских контактах // Проблемы истории и культуры сарматов: Тез. докл. межд. конф. Волгоград: Изд-во Волгогр. госуниверситета, 1994. С. 53–54.
- Щукин М.Б.* Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 576 с.
- Эпоха Меровингов – Европа без границ. Археология и история V–VIII вв. Каталог выставки. Берлин; М.; Мюнхен, 2007. 591 с.
- Эренбург Б.А.* Звериный стиль. Пермь: Сенатор, 2014. 212 с.
- Юнг Карл Густав.* Архетипы и коллективное бессознательное. М.: АСТ, 2022. 224 с.
- Heynowski R.* Fibeln: erkennen, bestimmen, beschreiben // Bestimmungsbuch Archäologie, #1. Deutscher kunstverlag. 2012. 168 p.
- Heynowski R.* Gürtel: erkennen, bestimmen, beschreiben // Bestimmungsbuch Archäologie, # 5. Deutscher kunstverlag. 2017. 260 p.
- Jorgensen L.* AD. 568 – F Chronological Analysis of Lombard Graves in Itali // Chronological studies of Anglo-Saxon England, Lombard Italy and Vendel Period Sweden. Copenhagen, 1992. P. 94–122.
- Paroli L., Ricci M.* La necropoli altomedievale di Castel Trosino. Cataligo // Ricerche di Archeologia altomedievale e medieval. № 32–33. 2005.

Таблица 1. Сведения о находках украшений-оберегов в виде коней и всадников.

№	Памятник/культура/дата/источник	Страна / область	Тип	Координаты
1	Павия-1, фибула, VI–VII вв. (Эпоха Меровингов, 2007. С. 558)	Италия / Павия	K1	45°11' с. ш. 9°09' в. д.
2	Норсия, фибула, VI–VII вв. (Эпоха Меровингов, 2007. С. 556)	Италия / Перуджа	K1	43°07'00" с. ш. 12°23'00" в. д.
3	Ширштайн, фибула, вт. пол. V в. (Эпоха Меровингов, 2007. С. 529)	Германия / Гессен	B2	50°36'28" с. ш. 9°01'42" в. д.
4	Монсо, вт. пол. V в. (Эпоха Меровингов, 2007. С. 488)	Франция / деп. Уаза	B2	49°23'00" с. ш. 02°25'00" в. д.
5	Шварц-Райндорф, пара фибул, вт. пол. V в. (Эпоха Меровингов, 2007. С. 536)	Германия / Нордрайн-Вестфален	K2	50°52'32" с. ш. 8°01'00" в. д.
6	Павия-2 (Италия), фибула, VI–VII вв. (Эпоха Меровингов, 2007. С. 557)	Италия/ Павия	K2	45°11' с. ш. 9°09' в. д.
7	Северная Италия, фибула, VI–VII вв. (Эпоха Меровингов, 2007. С. 560)	Италия / Север	K2	45°28'00" с. ш. 09°10'00" в. д.
8	Германия, конек парный, коллекция Музея древней истории и праистории (Эпоха Меровингов, 2007. С. 254)	Германия/ Берлин	K2	52°31' с. ш. 13°23' в. д.
9–15	Северо-Восточная Болгария, амулеты в виде коней и всадников (Албегова, Ковалевская, 2011. Рис. 2, 1, 3–8)	Болгария / северо-восток	K3, B1, B3	43°13'00" с. ш. 27°55'00" в. д.
16	Враца, всадник-амулет (Албегова, Ковалевская, 2011. Рис. 2, 2)	Болгария/ Враца	B3	43°12'00" с. ш. 23°33'00" в. д.
17	Одарцы, всадник-амулет (Албегова, Ковалевская, 2011. Рис. 2, 9)	Болгария / Добричский	B1	43°34' с. ш. 27°50' в. д.
18	Калето урочище близ с. Одарцы, всадник-амулет (Албегова, Ковалевская, 2011. Рис. 2, 10)	Болгария / Добричский	B1	43°34' с. ш. 27°50' в. д.
19	Царь Асен крепость всадник-амулет (Албегова, Ковалевская, 2011. Рис. 2, 11)	Болгария / Силистренский р-н	B1	41°59'12" с. ш. 24°52'24" в. д.
20	Ханска, всадник-амулет (Албегова, Ковалевская, 2011. Рис. 2, 12)	Молдова / Яловенский	B1	46°50'00" с. ш. 28°45'00" в. д.
21	Донья Каменица, всадник-амулет (Албегова, Ковалевская, 2011. Рис. 2, 13)	Сербия / Яблонечский	B3	42°59'49" с. ш. 21°42'28" в. д.
22–26	Британия, Сербия, Франция, кони и всадник, фибулы с эмальями (Шинаков, Чубур, 2021. Рис. 2, 7)	Британия, Сербия, Франция	B1, K1	
27	Башкатово, подвеска-лунница, киевская культура, II–V вв. (Шинаков, Чубур, 2021. Рис. 2, 1)	РФ / Курская	B1	51°15'47" с. ш. 35°58'38" в. д.
28	Дмитриевский мог. (кат. 108, 56), 2 экз. бронза, VIII–IX вв., салтовомаяцкая культура (Плетнева, 2000. Рис. 21, место хранения Госэризмаж);	РФ / Белгородская	K3	50°29'20" с. ш. 37°00'05" в. д.
29	Угрим, подвеска-лунница (Шинаков, Чубур, 2021. Рис. 2, 2)	РФ/ Белгородская	B1	50°32'01" с. ш. 36°22'15" в. д.
30	Полтавская область, фибула, красная эмаль, киевская культура, II–V вв. (Шинаков, Чубур, 2021. Рис. 2, 4)	Украина / Полтавская	K3	49°34'28" с. ш. 34°34'07" в. д.
31	Черниговская область, фибула, красная эмаль, киевская культура, II–V вв., (Шинаков, Чубур, 2021. Рис. 2, 5)	Украина / Черниговская	K1	51°30' с. ш. 31°18' в. д.
32–35	Бьерке остров (Швеция), фигурки всадников, более 5 экз. серебро, викинги, IX–X вв. (Стриннгольм, С. 164; Государственный исторический музей, Стокгольм, Швеция)	Швеция / Стокгольм	B2	59°29'00" с. ш. 16°56'27" в. д.
36	Поствик, лошадь, серебро, 33 мм, IX–X вв. (Испвичский музей, Ипсвич, Великобритания)	Великобритания / Суффолк	K2	52°40'21" с. ш. 0°57'00" в. д.

№	Памятник/культура/дата/источник	Страна / область	Тип	Координаты
37	Копенгаген, лошадь, бронза, V в. (Датский национальный музей, Копенгаген)	Дания / Копенгаген	К2	55°41'13" с. ш. 12°35'00" в. д.
38	Херснап, воин на коне с мечом и круглым щитом, бронза с оловянным покрытием, XI в. (Музей викингов в Ладбю)	Дания / Херснап	В2	55°52'15" с. ш. 10°67'60" в. д.
39	Пенза, всадник-амулет (фонды Пензенского государственного краеведческого музея)	РФ / Пензенская	В3	53°12' с. ш. 45°00' в. д.
40	Уфа-II городище, конь-амулет с петелькой, бронза, V–VI вв. (Интернет-источник, фото Гагауллин У.М. и др.)	РФ / Башкортостан	К3	54°44' с. ш. 55°58' в. д.
41	Уфа-II городище, конь-амулет с петелькой, бронза, V–VI вв. (Интернет-источник, Википедия)	РФ / Башкортостан	К3	54°44' с. ш. 55°58' в. д.
42	Краснокамск, всадник (Эренбург, 2014. 212 с. Рис. 5)	РФ / Пермский край	В2	58°05'00" с. ш. 55°45'00" в. д.
43	Кушнареново мог., 2 экз., конь-амулет с петелькой, бронза, VI в., турбаслинская культура, раскопки В.Ф. Генинга 1959 г. (Фонды МАЭ ЦЭИ УНЦ РАН)	РФ / Башкортостан	К3	55°06'18" с. ш. 55°20'52" в. д.
44	Кушнареново селище, конь-амулет без петельки, бронза, VI в., турбаслинская или кушнареновская культура, раскопки В.Ф. Генинга 1959 г. (Генинг, 1977. Рис. 18, 1)	РФ / Башкортостан	К3	55°06'18" с. ш. 55°20'52" в. д.
45	Бахмутино мог., 3 экз., кони-амулеты с петелькой, бронза, V–VI в., бахмутинская культура (сайт Национального музея Республики Башкортостан)	РФ / Башкортостан	К3	55°02' с. ш. 55°59' в. д.
46	Шареевский могильник, пара подвесок с петелькой, серебро, V–VI в., кушнареновская культура, раскопки Н.А. Мажитова 1963 г. (Фонды МАЭ ЦЭИ УНЦ РАН)	РФ / Башкортостан	К3	54°26'31" с. ш. 56°27'36" в. д.
47	Бирск мог., фигурки лошади, 3 экз., V–VI в., бахмутинская культура (Мажитов, 1968. Табл. 7, 11, 15, 20)	РФ / Башкортостан	К3	55°25' с. ш. 55°32' в. д.
48	Маняк мог., VII в., кушнареновская культура, 2 экз., подвеска-конек, двойной конек (Мажитов, 1981. Рис. 4, 11; 7, 4)	РФ / Башкортостан	К3	55°44'52" с. ш. 54°40'34" в. д.
49	Хусаиново мог., VIII–IX в., кара-якуповская культура, 2 экз., подвески-коньки лежащие (Мажитов, 1981. Рис. 4, 11; 7, 4)	РФ / Башкортостан	К3	53°05'15" с. ш. 58°26'09" в. д.
50	Ильинский район, всадник (Эренбург, 2014. 212 с. Рис. 6)	РФ / Пермский край	В2	58°34'10" с. ш. 55°41'39" в. д.
51	Коминтерновский II мог-к, подвески-коньки, 4 экз., бронза, VI в., турбаслинско-именьковская общность (Казаков, 2020, Рис. XXXVI)	РФ / Татарстан	К3	55°08'45" с. ш. 49°34'50" в. д.
52	Богородицкий мог., погр. 56, бронзовая литая коньковая привеска, VI в., именьевская культура (Старостин, 1984. С. 178)	РФ / Татарстан	К3	55°24' с. ш. 49°33' в. д.
53	Рождествено II мог., именьевская культура, VI в. (Старостин, 1967)	РФ / Татарстан	К3	55°25'48" с. ш. 49°19'59" в. д.
54	Кармалы, бронзовая коньковидная подвеска с петелькой (Сборы)	РФ / Самарская	К3	53°12'13" с. ш. 49°30'46" в. д.
55	Верх-Саинский могильник, бронза, VI в., 11 экз. (+ 2 экз. двойные), коньковые пронизки, неволинская культура, раскопки Н.В. Водолаго (Голдина, Водолаго, 1990, Табл. XL, 17–35; Голдина и др., 2018. Табл. 385, 1–11)	РФ / Пермский	К3	56°27'20" с. ш. 56°56'26" в. д.
56	Броды мог., бронза, VI в., 5 экз., коньковые пронизки, неволинская культура, раскопки Н.В. Водолаго (Голдина, Водолаго, 1990, Табл. XL, 17–35)	РФ / Пермский	К3	57°57'02" с. ш. 56°27'28" в. д.
57	Неволино мог., бронза, VI в., 1 экз., коньковые пронизки, неволинская культура, раскопки Н.В. Водолаго (Голдина, Водолаго, 1990, Табл. XL, 17–35)	РФ / Пермский	К3	57°23'02" с. ш. 56°54'58" в. д.
58	Аверино II могильник, бронза, 2 экз., V–VII вв., ломоватовская культура, раскопки В.А. Кананина (Голдина и др., 2007. Рис. 82)	РФ / Кировская	К2	58°36' с. ш. 49°39' в. д.
59	Агафоново I могильник, бронза, 2 экз., V–VII вв., ломоватовская культура (Голдина, 1985. табл. XXIII, 19–25)	РФ / Пермский	К3	60°18'13" с. ш. 54°20'13" в. д.
60	Митино могильник бронза, 2 экз., V–VII вв., ломоватовская культура (Голдина, 1985, Табл. XXIII, 19–25)	РФ / Пермский	К3	59°52'12" с. ш. 54°22'04" в. д.
61	Пыштайн могильник, бронза, 2 экз., V–VII вв., ломоватовская культура (Голдина, 1985, Табл. XXIII, 19–25)	РФ / Пермский	К3	60°18'13" с. ш. 54°20'13" в. д.

№	Памятник/культура/дата/источник	Страна / область	Тип	Координаты
62	Петраковское селище, бронза, 1 экз., подвеска двойная, V-VII вв., ломоватовская культура (Голдина, 1985, Табл. XLIV, 7)	РФ / Пермский	КЗ	60°18'13" с. ш. 54°20'13" в. д.
63	Плес клады, бронза, 2 экз., V-VII вв., ломоватовская культура (Голдина, 1985, Табл. LII, 6, 11)	РФ / Пермский	КЗ	60°17'49" с. ш. 53°58'26" в. д.
64	Варнинский мог., 2 экз., подвески-коньки, полонская культура, конец V – пер.пол. VII в. (Семенов, 1980. Табл. VI, 3, 4)	РФ / Удмуртия	КЗ	57°39' с. ш. 53°49' в. д.
65	Камунта, 3 экз. (Албегова, Ковалевская, 2011. Рис. 1, 10)	РФ / Осетия	КЗ	42°54'31" с. ш. 43°51'10" в. д.
66	Рутха (Албегова, Ковалевская, 2011. Рис. 3, 1)	РФ / Осетия	КЗ	42°59'22" с. ш. 43°45'18" в. д.
67	Кабардино-Балкария (Албегова, Ковалевская, 2011. Рис. 1, 1)	РФ / Кабардино-Балкария	КЗ	43°35' с. ш. 43°24' в. д.
68	Луначарский, к. 21, 1, 14, 32. VII–VIII вв. (Албегова, Ковалевская, 2011. Рис. 3, 2; 1, 14)	РФ / Ставропольский	КЗ, ВЗ	43°54'12" с. ш. 42°43'28" в. д.
69	Нижнелубянский, к. 62, 42. VIII–IX вв. (Албегова, Ковалевская, 2011. Рис. 1, 3, 7)	РФ / Белгородская	КЗ	50°30' с. ш. 37°48' в. д.
70	Ютановка, к. 20 (Албегова, Ковалевская, 2011. Рис. 1, 2)	РФ / Белгородская	КЗ	50°29'24" с. ш. 37°47'56" в. д.
71	Баксан/Чегем (Албегова, Ковалевская, 2011)	РФ / Кабардино-Балкария	КЗ	43°34'00" с. ш. 43°35'00" в. д.
72	В. Салтово, к.4, к. 21 VIII–IX вв. (Албегова, Ковалевская, 2011. Рис. 1, 8, 9)	Украина / Харьковская	КЗ	50°08'01" с. ш. 36°47'58" в. д.
73	Кавказ (Албегова, Ковалевская, 2011. Рис. 1, 4, 23)	РФ / Кавказ	КЗ, В1	43°34'00" с. ш. 43°35'00" в. д.
74	Кумбулта (Албегова, Ковалевская, 2011. Рис. 3, 3)	РФ / Сев. Осетия	К1	42°59'22" с. ш. 43°45'18" в. д.
75	Аракс, V–VI вв. (по М.С. Гаджиеву), VII–VIII вв. (по О.М. Давудову) (Албегова, Ковалевская, 2011. Рис. 3, 4)	РФ / Дагестан	К1	42°59'00" с. ш. 47°30'00" в. д.
76	Таргу, 2 экз. VII–VIII вв. (Албегова, Ковалевская, 2011. Рис. 1, 12)	РФ / Ингушетия	КЗ	42°50'06" с. ш. 44°56'33" в. д.
77	Урцеки, III–VI вв. (по М.С. Гаджиеву), VII–VIII вв. (по О.М. Давудову) (Албегова, Ковалевская, 2011. Рис. 1, 11)	РФ / Дагестан	КЗ	42°31'06" с. ш. 47°46'01" в. д.
78	Балта (Албегова, Ковалевская, 2011)	РФ / Сев. Осетия	КЗ	42°55'05" с. ш. 44°37'41" в. д.
79	Дуба-Юрт, VIII–IX вв. (Албегова, Ковалевская, 2011. Рис. 1, 15)	РФ / Чеченская	В1	43°02'25" с. ш. 45°43'49" в. д.
80	Зилги (Албегова, Ковалевская, 2011. Рис. 1, 13, 21)	РФ / Сев. Осетия	КЗ,+в кольц	43°14'02" с. ш. 44°31'33" в. д.
81	Кидеро, до VII вв. (Албегова, Ковалевская, 2011)	РФ / Дагестан	КЗ	42°11'35" с. ш. 45°57'30" в. д.
82	Лермонт. Скала 2, VIII в., к. 6 (Албегова, Ковалевская, 2011)	РФ / Ставропольский	КЗ	44°03'00" с. ш. 43°03'36" в. д.
83	МТФ-3, п. 56, VIII–IX вв. (Албегова, Ковалевская, 2011. Рис. 1, 24)	РФ / Краснодарский	В1	45°03'11" с. ш. 39°18'57" в. д.
84	Хасаут, 2 экз. (Албегова, Ковалевская, 2011)	РФ / Карачаево-Черкесия	КЗ	43°41'02" с. ш. 42°42'41" в. д.
85	Первомайское (Албегова, Ковалевская, 2011)	РФ / Сев. Осетия	КЗ	43°09'11" с. ш. 44°38'00" в. д.
86	Рим-Гора 2, к. 1, 2, 2 экз., VIII–IX вв. (Албегова, Ковалевская, 2011. Рис. 8, 2, 8)	РФ / Ставропольский	В1, ВЗ	43°54'12" с. ш. 42°43'28" в. д.
87	Чегем (631–651 гг. дирхем) (Албегова, Ковалевская, 2011)	РФ / Кабардино-Балкария	КЗ	43°34'00" с. ш. 43°35'00" в. д.
88	Чинахой, VIII в. (Албегова, Ковалевская, 2011. Рис. 1, 16)	РФ / Чеченская	В1	42°44'06" с. ш. 45°34'37" в. д.
89	Гоуст, к. 9, 10, VII–VIII вв. (Албегова, Ковалевская, 2011. Рис. 1, 18; 5, 1)	РФ / Ингушетия	В1, К1	43°10' с. ш. 44°49' в. д.

№	Памятник/культура/дата/источник	Страна / область	Тип	Координаты
90	Гришкина Балка (Албегова, Ковалевская, 2011)	РФ / Карачаево-Черкесия	КЗ	43°55' с. ш. 41°47' в. д.
91	Н. Архыз (Албегова, Ковалевская, 2011)	РФ / Карачаево-Черкесия	КЗ	43°33'44" с. ш. 41°16'47" в. д.
92	Песчанка, к. 5, VIII в. (Албегова, Ковалевская, 2011. Рис. 6, 7)	РФ / Краснодарский край	В1	44°59'09" с. ш. 38°35'11" в. д.
93	Таганрог (Албегова, Ковалевская, 2011)	РФ / Ростовская	КЗ	47°14'21" с. ш. 38°53'00" в. д.
94	Нальчик, бронза, всадник-амулет, VIII в. (ГИМ) (Аланский всадник, 2005. С. 48)	РФ / Кабардино-Балкария	В1	43°29'07" с. ш. 43°36'25" в. д.
95	Австрия-1, фибула – конь на выпасе, II–IV вв., тип 3.27.3 (Heunowski, 2012. Р. 114)	Австрия	КЗ	48°13'00" с. ш. 16°22'24" в. д.
96	Австрия-2, фибула – всадник, II–V вв., тип 3.27.4 (Heunowski, 2012. Р. 114)	Австрия	ВЗ	48°13'00" с. ш. 16°22'24" в. д.
97	Германия, фибула – всадник, II–V вв., тип 3.27.4 (Heunowski, 2012. Р. 114)	Германия	ВЗ	51°31' с. ш. 9°55' в. д.
98	Венгрия, фибула – конь на выпасе, II–IV вв., тип 3.27.3 (Heunowski, 2012. Р. 114)	Венгрия	КЗ	47°29'53" с. ш. 19°02'24" в. д.
99	Бартым мог., 1 экз., двуконьковая пронизка, 615–642 гг. (Голдина и др., 2011. Табл. 58, 9; 77, 9)	РФ / Пермский	КЗ	56°27'20" с. ш. 56°56'26" в. д.
100	Бартым селище, фр-т головки коня, VI–IX вв. (Голдина и др., 2011. Табл. 1, 19)	РФ / Пермский	КЗ	56°27'20" с. ш. 56°56'26" в. д.
101	Важгортский II (Чинагортский) мог., ломоватовская культура, VI в., голова лошади (Бернц, Пастушенко, 2012. Рис. 3, 4).	РФ / Пермский	?	58°57'54" с. ш. 54°58'12" в. д.
102	Тарасовский мог., п. 27, 619, 2 экз., III в. (Голдина, 2003. Т. II. Табл. 10, 1; 261, 3)	РФ / Удмуртия	КЗ	56°28'00" с. ш. 53°48'00" в. д.
103	Атамановы кости мог., азелинская культура, III в. (Лещинская, 2014. Табл. 103, 6)	РФ / Кировская	КЗ	56°30'01" с. ш. 50°52'01" в. д.
104	Суворовский мог. (Лещинская, 2014. Табл. 14, 1)	РФ / Кировская	КЗ	57°18'45" с. ш. 49°57'58" в. д.
105	Тюм-Тюм мог. (Лещинская, 2014. Табл. 14, 2, 4, 5; 17, 2, 3, 5, 9)	РФ / Кировская	КЗ	56°57'05" с. ш. 50°25'31" в. д.
106	Первомайский мог. (Лещинская, 2014. Табл. 14, 3; 17, 6)	РФ / Кировская	КЗ	58°40'18" с. ш. 50°08'38" в. д.
107	Ошкинский мог. (Лещинская, 2014. Табл. 17, 1, 5)	РФ / Кировская	КЗ	57°05' с. ш. 50°08' в. д.
108	Nocera Umbra, фибула, 1 экз. (погр. 118) / лангобарды / 650–670 гг. (Jorgensen, 1992. Fig. 5)	Италия / Умбрия	КЗ	43°7'N 12°47'E
109	Castel Trosino, фибула, 5 экз. (погр. 11, 124) / лангобарды / 650–670 гг. (Jorgensen, 1992. Fig. 5)	Италия / Умбрия	КЗ	42°49'20.5"N
110	Рождествено V мог., п. 73, азелинская культура, V в. (Старостин, Петренко, 1984. С. 106)	РФ / Татарстан	КЗ	55°24' с. ш. 49°33' в. д.
111	Пеньки селище, 2 экз., конек, всадник с мечом, харинская стадия ломоватовской культуры, конец IV – V в. (Мельничук, Соболева, 1986. Рис. 2, 10)	РФ / Пермский	ВЗ, КЗ	58°08'47" с. ш. 57°01'53" в. д.
112	Д. Зуева, коллекция М.Н. Зеликмана, фигурка коня, VI–VII вв. (Кулябина, 2013. С. 119)	РФ / Пермский	КЗ	59°46'18" с. ш. 56°31'04" в. д.
113	Назаровское селище, отливка необработанная (Всадник на коне+ конь), пронизка-конек, V–VII вв. (Кулябина, 2013. С. 117, 119)	РФ / Пермский	КЗ, ВЗ	58°33'29" с. ш. 55°54'54" в. д.
114	Кудымкар, коллекция Теплоуховых, 2 экз., пронизка-конек, V–VI вв. (Кулябина, 2013. С. 116–117)	РФ / Пермский	КЗ	59°01'00" с. ш. 54°40'00" в. д.
115	Грудята, пронизка-конек, V–VI вв. (Кулябина, 2013. С. 116)	РФ / Пермский	КЗ	58°34'10" с. ш. 55°41'39" в. д.
116	Аннинские находки, д. Усть-Чикурья, Коллекция Теплоуховых, пронизка-конек, VII–VIII вв. (Кулябина, 2013. С. 116)	РФ / Пермский	КЗ	60°18'13" с. ш. 54°20'13" в. д.
117	Елево, Гаинского р-на, подвеска биконьковая VI–VIII вв. (Кулябина, 2013. С. 118)	РФ / Пермский	КЗ	60°13'07" с. ш. 54°22'29" в. д.

№	Памятник/культура/дата/источник	Страна / область	Тип	Координаты
118	Верхнее Прикамье-1, коллекция Теплоуховых, пронизка биконьковая, VII в. (Кулябина, 2013. С. 118)	РФ / Пермский	К3	60°13'07" с. ш. 54°22'29" в. д.
119	Верхнее Прикамье-2, коллекция Теплоуховых, пронизка-конек, V–VI вв. (Кулябина, 2013. С. 118)	РФ / Пермский	К3	60°13'07" с. ш. 54°22'29" в. д.
120	Верхнее Прикамье-3, коллекция Теплоуховых, пронизка-конек, V–VI вв. (Кулябина, 2013. С. 116)	РФ / Пермский	К3	60°13'07" с. ш. 54°22'29" в. д.
121	Болград, всадник, случайная находка (Флерова, 2001. Рис. 16а, 15)	Украина / Одесская	В1	45°41'04" с. ш. 28°36'46" в. д.
122	Острово, всадник, амулет (Субботин, Черняков, 1982. Рис. 1)	Болгария / Разградская	В3	43°41'02" с. ш. 26°36'26" в. д.
123	Недзихи мог., Арагвское ущелье, фибулы-кони, 2 экз., III–IV вв. н.э. Ранний этап христианизации Грузии (Полевые исследования, 1987. С. 84. Табл. CXLVI, 2)	Грузия / Душетский муниципалитет	К1, К3	42°05'00" с. ш. 44°42'00" в. д.
124	Боргелло, экспозиция (Palazzo e Museo Nazionale del Bargello — Дворец и Национальный музей Барджелло), фибула в виде скачущего коня на платформе	Италия / Тоскана	К1	43°46'13" с. ш. 11°15'28" в. д.
125	Крипта Бальба, Национальный музей Рима, конек с петелькой, VII в. (комплекс с пряжкой типа «Сучидава»)	Италия / Рим	К3	41°54'00" с. ш. 12°30'00" в. д.
126	Кельн, экспозиция Римско-германского музея, 2 фибулы в виде всадника в развевающемся плаще, вт. пол. V в.	Германия / Северная Рейн-Вестфалия	В2	50°56'32" с. ш. 6°57'28" в. д.
127	Шаранта, 2 фибулы в виде коньков на подставке, серебро с алмадинами, экспозиция Римско-германского музея Кельна	Франция / Шаранта	К1	45°50'00" с. ш. 00°20'00" в. д.
128	Страсбург-1, 2 фибулы в виде коней на подставке, экспозиция Археологического музея, VI в.	Франция / Нижний Рейн	К1	48°34'24" с. ш. 7°45'08" в. д.
129	Страсбург-2, фибула в виде коня на подставке, экспозиция Археологического музея	Франция / Нижний Рейн	К1	48°34'24" с. ш. 7°45'08" в. д.
130	Страсбург-3, фибула в виде коня на подставке, экспозиция Археологического музея	Франция / Нижний Рейн	К1	48°34'24" с. ш. 7°45'08" в. д.
131	Сен-Жермен ан Ле	Франция / Ивелин	К1	48°53'49" с. ш. 2°05'29" в. д.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Амиров Ерлан Шарефович

Магистр истории (специализация археология)
Директор ТОО «Археологические исследования»
E-mail: e.amirov82@gmail.com
Адрес: ул. Механическая, 8а, 2, М01У8А7, Караганда,
Республика Казахстан

Amirov Erlan Sharefovich

Master of History (specialization in archaeology)
Director of LLP «Archaeological Research»
E-mail: e.amirov82@gmail.com
Address: st. Mekhanicheskaya, 8a, 2, M01Y8A7, Karaganda,
Republic of Kazakhstan

Баиров Нурсултан Майлибаевич

Директор ТОО «Изыскатель 2030»
Адрес: 12 микрорайон, д. 16И, D00F9T1, Актобе,
Республика Казахстан

Bairov Nursultan Maylibayevich

Director of LLP «Prospector 2030»
Address: 12 microdistrict, 16I, D00F9T1, Aktobe, Republic of
Kazakhstan

Богачев Алексей Владимирович

Доктор исторических наук
E-mail: figaro9@rambler.ru
Адрес: 443125, Проспект Кирова, д. 328, кв.92, Самара,
Россия

Bogachev Aleksey Vladimirovich

Doctor of History
E-mail: figaro9@rambler.ru
Address: 443125, Kirov Avenue, 328, 92, Samara, Russia

Волкова Екатерина Вячеславовна

Заместитель директора по научно-исследовательской
работе
Научно-производственный центр «Бифас»
E-mail: katerinathewolf@gmail.com
Адрес служебный: ул. Гагарина, д. 86, ком. 78, 443045,
Самара, Россия

Volkova Ekaterina Vyacheslavovna

Deputy Director of research work
Research and Production Centre «Bifas»
E-mail: katerinathewolf@gmail.com
Address: Gagarina st., 86, room 78, 443045, Samara, Russia

Галкин Лев Леонидович (1927-2016)

Кандидат исторических наук
Научный сотрудник Отдела бронзового века (1964-
2016 гг.)

Институт археологии Российской академии наук

Galkin Lev Leonidovich (1927-2016)

Candidate of History,
Researcher at the Bronze Age Department (1964-2016)
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences

Горашук Игорь Владиславович

Кандидат исторических наук, ведущий специалист
Научно-производственный центр «Бифас»
E-mail: goraschuk@mail.ru
Адрес служебный: ул. Гагарина, д. 86, ком. 78, 443045,
Самара, Россия

Gorashchuk Igor Vladislavovich

Candidate of History, Leading Specialist
Research and Production Centre «Bifas»
E-mail: goraschuk@mail.ru
Address: Gagarina st., 86, room 78, 443045, Samara, Russia

Григорьева Ирина Михайловна

Лаборант археологической лаборатории
Самарский государственный социально-педагогический
университет
E-mail: irinasosnovtceva1996@yandex.ru

Адрес служебный: ул. Антонова-Овсенко, 26, каб. 234,
443090, Самара, Россия

Grigorieva Irina Michailovna

Laboratory Assistant of Archaeological Laboratory
Samara State University of Social Sciences and Education
E-mail: irinasosnovtceva1996@yandex.ru
Address: Antonova-Ovseenko st., 26, office 234, 443090,
Samara, Russia

Денисов Алексей Владимирович

Директор
Научно-производственный центр «Бифас»
E-mail: sarmat_samara@mail.ru
Адрес служебный: ул. Гагарина, д. 86, ком. 78, 443045,
Самара, Россия

Denisov Aleksey Vladimirovich

Director
Research and Production Centre «Bifas»
E-mail: sarmat_samara@mail.ru
Address: Gagarina st., 86, room 78, 443045, Samara, Russia

Ержанова Альбина Ергешбаевна

PhD
Заведующий отдела раннего металла, ведущий научный
сотрудник
Институт археологии Министерства образования и науки
Республики Казахстан

E-mail: erjanova_a@mail.ru

Адрес домашний: 050027 Наурызбайский микрорайон,
ул. Руханият, 19/3, Алматы, Республика Казахстан

Erzhanova Albina Ergeshbaevna

PhD
Head of the Department of Early Metals, Leading Researcher
Institute of Archeology of the Ministry of Education and
Science of the Republic of Kazakhstan
E-mail: erjanova_a@mail.ru
Address: 050027 Naurzybay microdistrict, st. Ruhaniyat,
19/3, Almaty, Republic of Kazakhstan

Иванова Наталья Владимировна

Научный сотрудник
Научно-производственный центр «Бифас»
E-mail: Npzbifas@gmail.com
Адрес служебный: ул. Гагарина, д. 86, ком. 78, 443045,
Самара, Россия

Ivanova Natalja Vladimirovna

Researcher
Research and Production Centre «Bifas»
E-mail: Npzbifas@gmail.com
Address: Gagarina st., 86, room 78, 443045, Samara, Russia

Мамедов Аслан Маликович

Магистр археологии и этнологии, директор
Западно-Казахстанский филиал Института археологии им.
А.Х. Маргулана
E-mail: mamedovaslan@mail.ru
Адрес: ул. Тургенева, д. 100А, D03В4Н2, Актобе, Респу-
блика Казахстан

Mamedov Aslan Malikovich

Master of Archaeology and Ethnology, Director
West Kazakhstan Branch of the A.Kh. Margulan Institute of
Archaeology
E-mail: mamedovaslan@mail.ru
Address: st. Turgeneva, 100A, D03B4H2, Aktobe, Republic of
Kazakhstan

Михайлова Ольга Викторовна

Консультант аппарата
Самарская Губернская Дума
E-mail: michail.sam-gd@mail.ru
Адрес служебный: 443010, ул. Молодогвардейская, д. 187,
Самара, Россия

Mikhailova Olga Viktorovna
Consultant of the apparatus
Samara Regional Duma
E-mail: michail.sam-gd@mail.ru
Address: 443010, Molodogvardeyskaya st., 187, Samara,
Russia

Мышкин Владимир Николаевич
Кандидат исторических наук, заведующий
Археологическая лаборатория
Самарский государственный социально-педагогический
университет
E-mail: vnm59@bk.ru
Адрес служебный: 443041, ул. Ленинская, д.127, Самара,
Россия

Myshkin Vladimir Nikolaevich
Candidate of History, Head
Archaeological Laboratory
Samara State University of Social Sciences and Education
E-mail: vnm59@bk.ru
Address: 443041, Leninskay st., 127, Samara, Russia

Саттаров Рузиль Раильевич
Кандидат исторических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Адрес служебный: ул. Кремлевская, 18, 420008, Казань,
Россия
Заместитель директора по научной работе.
Институт археологии имени А.Х. Халикова Академии наук
Республики Татарстан
E-mail: sattarov.rr@rambler.ru

Адрес служебный: ул. Бутлерова, 30, 420012, Казань,
Россия

Sattarov Ruzil Railevich
Candidate of History, Associate Professor
Kazan (Volga Region) Federal University
Address: Kremlyovskaya st., 18, 420008, Kazan, Russia
Deputy Director for Research
Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
E-mail: sattarov.rr@rambler.ru
Address: Butlerov st., 30, 420012, Kazan, Russia

Чиркова Алина Харисовна
Кандидат исторических наук, научный сотрудник
НИИ и Музей антропологии им. Д.Н. Анучина, МГУ
им М.В. Ломоносова.
Старший научный сотрудник, Центр палеоэтнологических
исследований
E-mail: melnichuk.alina@mail.ru
Адрес служебный: 125009, ул. Моховая, 11, стр. 1, Москва,
Россия;
109012, Новая площадь, д. 12, корп. 5, Москва, Россия
Chirkova Alina Kharisovna
Candidate of History, Researcher
Lomonosov Moscow State University, Anuchin Research
Institute and Museum of Anthropology
Senior Researcher, Paleoethnology Research Centre
E-mail: melnichuk.alina@mail.ru
Address: 125009, Mokhovaya str., 11/1, Moscow, Russia
109012, Novaya ploshchad', 12/5, Moscow, Russia

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН РТ	– Академия наук Республики Татарстан
АН СССР	– Академия наук СССР
БФАН СССР	– Башкирский филиал Академии наук СССР
ВАП	– Вопросы археологии Поволжья. Самара
ВАУ	– Вопросы археологии Урала. Свердловск
ВДИ	– Вестник древней истории. М.
ВолГУ	– Волгоградский государственный университет
ВорГПУ	– Воронежский государственный педагогический университет
ГИМ	– Государственный Исторический музей
ГЭ	– Государственный Эрмитаж
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИИЯЛ БФ АН СССР	– Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР
ИИЯЛ УНЦ РАН	– Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук
КГУКИ	– Краснодарский государственный институт культуры
КН МОН РК	– Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии. М.
КФАН СССР	– Казанский филиал Академии наук СССР
МАЭ ЦЭИ УНЦ РАН	– Музей археологии и этнографии Центра этнологических исследований Уфимского научно-го центра РАН
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МИАР	– Материалы и исследования по археологии России. М.
НИЦИА	– Научно-исследовательский центр истории и археологии
НМ РБ	– Национальный музей Республики Башкортостан
НПЦ	– Научно-производственный центр
ОГПИ	– Оренбургский государственный педагогический институт
ОГПУ	– Оренбургский государственный педагогический университет
ПИФК	– Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск
ПЦФ	– Программно-целевое финансирование
РА	– Российская археология. М.
РАНХиГС	– Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
РНФ	– Российский научный фонд
СА	– Советская археология. М.
САИ	– Свод археологических источников. М.
СамГУ	– Самарский государственный университет
СамНЦ РАН	– Самарский научный центр Российской академии наук
СГСПУ	– Самарский государственный социально-педагогический университет
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет
СОИМК	– Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет
УрГУ	– Уральский государственный университет
УрО РАН	– Уральское отделение Российской академии наук
ЧелГУ	– Челябинский государственный университет
ЮУрГУ	– Южно-Уральский государственный университет

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А.В. Богачев, В.Н. Мышкин</i> К 90-летию Галины Ивановны Матвеевой	3
<i>А.Х. Чиркова</i> Половозрастные группы ранних кочевников Южного Урала середины I тысячелетия до н.э.	6
<i>В.Н. Мышкин</i> Бляшки конской сбруи простой геометрической формы из кочевнических курганов VI–IV вв. до н.э. на территории Южного Приуралья	18
<i>И.М. Григорьева</i> Археозоологические материалы из погребений кочевников раннего железного века с территории Оренбургской области	31
<i>Н.В. Иванова, В.Н. Мышкин</i> Технологические характеристики керамических сосудов кочевников Самарского Заволжья V–I вв. до н.э.	37
<i>И.В. Горашук, А.Е. Ержанова</i> Орудия металлообработки памятников раннего железного века	49
<i>Е.В. Волкова, И.В. Горашук, А.В. Денисов</i> Каменный «жертвенник» из кургана № 2 курганного могильника Андреевка I.....	59
<u>Л.Л. Галкин</u> Исследование погребений ранних кочевников в курганном могильнике у с. Малиновка в Ульяновском Заволжье.....	66
<i>В.Н. Мышкин, А.В. Денисов</i> Погребения ранних кочевников у с. Малиновка: к вопросу о миграциях скотоводческих племен в Заволжье в середине I тыс. до н.э.	70
<i>О.В. Михайлова</i> Погребение раннего кочевника на правом берегу Самарского Поволжья	84
<i>А.В. Денисов, Р.Р. Саттаров</i> Материалы раннего железного века из раскопок курганного могильника Верхнесъезжее I в Самарской области	89
<i>А.М. Мамедов, Н.М. Баиров, Е.Ш. Амиров</i> Материалы исследования могильника Сазды XI.....	103
<i>А.В. Богачев</i> Украшения-обереги в виде коней и всадников в Европе I тыс.: передвижения ирано- и германоязычных племен	119
Сведения об авторах.....	149
Список сокращений	151

CONTENTS

<i>A.V. Bogachev, V.N. Myshkin</i> TO THE 90TH ANNIVERSARY OF GALINA IVANOVNA MATVEEVA.....	3
<i>A.Kh. Chirkova</i> SEX AND AGE GROUPS OF THE EARLY NOMADS OF THE SOUTHERN URALS IN THE MIDDLE OF THE 1ST MILLENNIUM BC.....	6
<i>V.N. Myshkin</i> HORSE HARNESS PLAQUES OF SIMPLE GEOMETRIC SHAPE FROM NOMADIC BURIAL MOUNDS OF THE 6TH–4TH CENTURIES BC ON THE TERRITORY OF THE SOUTHERN URALS	18
<i>I.M. Grigorieva</i> ARCHAEZOLOGICAL MATERIALS FROM EARLY IRON AGE NOMADIC BURIALS FROM THE TERRITORY OF THE ORENBURG REGION	31
<i>N.V. Ivanova, V.N. Myshkin</i> TECHNOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CERAMIC VESSELS OF NOMADS OF THE SAMARA TRANS-VOLGA REGION OF THE V–I CENTURIES BC	37
<i>I.V. Goraschuk, A.E. Erzhanova</i> METALWORKING TOOLS OF EARLY IRON AGE SITES.....	49
<i>E.V. Volkova, I.V. Gorashchuk, A.V. Denisov</i> STONE «ALTAR» FROM MOUND № 2 OF THE ANDREEVKA I BURIAL MOUND	59
<u>L.L. Galkin</u> INVESTIGATION OF BURIALS OF EARLY NOMADS IN THE BURIAL MOUND NEAR THE VILLAGE MALINOVKA IN THE ULYANOVSK TRANS-VOLGA REGION	66
<i>V.N. Myshkin, A.V. Denisov</i> BURIALS OF EARLY NOMADS NEAR THE VILLAGE MALINOVKA: ON THE ISSUE OF MIGRATIONS OF PASTORAL TRIBES IN THE VOLGA REGION IN THE MIDDLE OF THE 1ST MILLENNIUM BC.....	70
<i>O.V. Mikhailova</i> BURIAL OF THE EARLY NOMAD OF THE RIGHT BANK OF THE SAMARA VOLGA RIVER.....	84
<i>A.V. Denisov, R.R. Sattarov</i> MATERIALS OF THE EARLY IRON AGE FROM EXCAVATIONS OF THE BURIAL MOUND VERKHNESYEZZHEE I IN THE SAMARA REGION	
<i>A.M. Mamedov, N.M. Bairov, E.Sh. Amirov</i> MATERIALS OF RESEARCH OF THE BURIAL GROUND OF THE SAZDY XI.....	103
<i>A.V. Bogachev</i> AMULETS IN THE FORM OF HORSES AND RIDERS IN EUROPE OF THE 1ST MILLENNIUM: MOVEMENTS OF IRANIAN AND GERMAN SPEAKING TRIBES.....	119
Information about the authors	149
List of Abbreviations	151

Научное издание

**АРХЕОЛОГИЯ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ
ВЫПУСК**

Ответственный редактор В.Н. Мышкин

Макет Ю.И. Колев

Главный редактор О.И. Сердюкова

Сдано в набор 15.12.2023. Подписано в печать 29.12.2023

Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Объем 22 п.л. Тираж 120 экз. Заказ №...

Отпечатано в типографии ООО «СЛОВО»

443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1; тел.: (846) 267-36-82